26.166К

Кочеткова

Дом Цветаевых

Г.К. Кочеткова

Дом Цветаевых

2-е издание,
переработанное и дополненное

Под общей редакцией О. К. Переверзева

В краевой фонд Ивановской областной научной библиотеки в день презентации.
11.03.08 О.П.

ИД «Референт»
Иваново
2008

кр. 26.166

ББК 83.3 (2 Рос=Рус) 6 + 63.3
УДК 882.091 + 929 Цветаева

Кочеткова Г. К. Дом Цветаевых / Под общ. ред. О. К. Переверзева; Прим., составление указателей О. К. Переверзева. Изд. 2-е, перераб. и доп. Иваново: ИД «Референт», 2008. – 332 с., ил.

На обложке рисунок В. С. Бяковского

Автор и редактор выражают благодарность за помощь в издании книги А. Э. Зайцеву, М. Б. Аксененко, Л. Н. Матениной, а также сотрудникам отдела краеведения Ивановской областной научной библиотеки.

© Г. К. Кочеткова, 2008
© О. К. Переверзев, 2008
© ИД «РЕФЕРЕНТ», 2008

Д-2010

ISBN 978-5-902022-27-5

Талицкий погост.
Вид на Николаевскую церковь, колокольню и дом священника. 1920-е годы.
Фото К.П. Смирнова

Посвящается памяти
моих родителей

ОТ АВТОРА

Недалеко от Иванова, в пригородном селе Ново-Талицы, полтора столетия стоял большой деревянный дом с мезонином. В 1929 году мой отец купил этот дом, опустевший после смерти хозяев, вместе с обстановкой. Нашей семье дом принадлежал до 1988 года, потом он был приобретён государством. В нём жили и умерли мои родители, Константин Павлович и Александра Васильевна Смирновы. Они сохранили дом в первозданном виде, сберегли старые вещи, книги, иконы. По настоянию родителей я занялась историей дома и его обитателей. Результатом пятнадцатилетних поисков и стала эта книга.

Дом, с которым оказалась связанной жизнь моей семьи, в середине XIX века был построен (или значительно перестроен) священником Владимиром Васильевичем Цветаевым. Его сын, Иван Владимирович Цветаев, стал известным филологом и искусствоведом, профессором Московского университета, основателем Государственного музея изобразительных искусств в Москве. Имя поэта Марины Цветаевой, дочери Ивана Владимировича, не нуждается в комментариях. Однако и многие другие Цветаевы, представители разных поколений этой большой и славной семьи, имеют право на наше внимание и память. По крупицам собирала я сведения о них – из книг, архивных документов, из писем и рассказов их потомков, со многими из которых у меня завязались дружеские отношения.

На мою долю выпал труд воскрешения имени Цветаевых на Ивановской земле. В 1982 году улица в Талицах, на которой стоит исторический дом, стала называться улицей И.В. Цветаева. В 1988 году удалось добиться для дома Цветаевых статуса мемориального дома-музея. Сохранённые моими родителями и мной мебель, вещи, книги, принадлежавшие семье Цветаевых, а также собранные мной материалы и документы вошли в фонд «Музея семьи Цветаевых».

Я назвала эту книгу «Дом Цветаевых», хотя пишу в ней не только о Талицах. Дом Цветаевых для меня – понятие более широкое. Это замечательный русский род, обладающий своими добрыми традициями, неувядающими духовными ценностями,

передаваемыми из поколения в поколение. Хотелось написать хоть немного обо всех Цветаевых, о которых удалось узнать.

Конечно, при такой задаче не могла я обойти и тех представителей этого рода, о которых и без меня достаточно известно. Я стремилась увидеть и показать в них именно семейные, цветаевские, корни и заветы. В этой части книги я опиралась на труды других исследователей, которым приношу свою глубокую благодарность. Раздел об Иване Владимировиче Цветаеве невозможен был бы без книги Ю.М. Каган о нём. В тексте о Марине Цветаевой использованы документы, собранные М. Белкиной, А. Саакянц, другими исследователями, автобиографическая проза самой Марины Ивановны, письма и, конечно, прекрасные воспоминания её сестры Анастасии. От А.И. Цветаевой, с которой мне довелось неоднократно встречаться, получены сведения и о многих других потомках Цветаевых.

Особо хочу поблагодарить А.А. Демскую, заведующую архивным отделом ГМИИ имени А.С. Пушкина, за моральную поддержку в течение многих лет, всестороннюю помощь в моём поиске и создании мемориального музея семьи Цветаевых.

Приношу свою глубокую признательность А.И. Цветаевой, Ю.М. Каган, Н.И. Катаевой-Лыткиной, сотрудникам ГМИИ имени А.С. Пушкина, профессорам и преподавателям Ивановского университета, членам Цветаевского клуба при Ивановском отделении Российского фонда культуры, заместителю председателя Ивановского отделения РФК Л.В. Назаровой за помощь в моей работе.

В приложениях к книге я предлагаю вниманию читателей документы, дополняющие основной текст.

Из фотографий, помещённых в книге, многие публикуются впервые: часть из них сделана в 1910–1920-е годы моим отцом, некоторые переданы старожилами села Талицы, ряд снимков прислан потомками Цветаевых.

Три поколения Цветаевых жили в талицком доме 75 лет. Три поколения Смирновых – 60 лет. Я считала себя вправе написать и о них, сохранивших не только «тело» дома, но и, во многом, его дух.

<1993>

Второе дополненное и исправленное издание выходит в год 94-летия автора под редакцией О.К. Переверзева.

Глава первая

СТАРЫЕ ТАЛИЦЫ

Я родилась в 1914 году на окраине Иваново-Вознесенска, в местечке Хуторово. Моя мама[1], выйдя замуж за отца[2], пришла в большую семью, главой которой был дед, Павел Александрович Смирнов[3], учитель и директор Хуторовской земской школы. В здании этой школы мы все и жили.

Со смертью деда связано одно из моих первых детских воспоминаний.

Это случилось в 1917 году. Дед с радостью встретил Февральскую революцию, связывая с ней светлые надежды на обновление жизни. А в марте умер. Я помню, как меня подняли на руки проститься с лежавшим на столе дедушкой. Это было непонятно, и хотелось крикнуть, чтобы он встал. Затем с зажжённой свечкой я присела у стенки, задремала и, как говорили, подожгла подол одной старушке. Мне было тогда три года.

Квартиру при школе мы должны были освободить, и осенью вся большая семья деда переехала в село Талицы, где мой дядя, Сергей Павлович Смирнов[4], работал учителем. Нас, малышей, у мамы было уже трое (пятилетняя Нина[5], я и братик Коля[6] двух лет), а отец в 1914 году был мобилизован, служил в Шуе, затем участвовал в гражданской войне. Год мы жили в семье дяди, при талицкой школе. Бегали с сестрёнкой Ниной

Семья Смирновых: Александра Васильевна, неизвестный школьный учитель, Александра Ефимовна, Аркадий, Павел Александрович, Юлия Павловна. Иваново-Вознесенск, м. Хуторово. 1911. Фото К.П. Смирнова

по классам, рассматривали картинки на стенках, на переменах с нами играли школьники. Помню, как однажды вечером мы сидели с бабушкой[7] на школьной кухне с белой изразцовой печью, длинными лавками, большими окнами без занавесок. При тусклом свете керосиновой лампы казалось, что окон нет – только огромное чёрное небо, усыпанное яркими звёздами. Бабушка показывала: «Вот это звёздочка Ниночки (её дочери, умершей в возрасте восьми лет; моя сестра Нина была названа в её память), а на этой, большой – душа дедушки, он видит нас, машет нам, потому звёздочка и мерцает». Мы смотрели и слушали, как заворожённые...

Преподаватели и ученики Талицкой земской школы. Сидят: А.И. Охотина, С.П. Смирнов, Ф.Н. Зубков (попечитель), С.И. Назимов (псаломщик), П.В. Ястребов (священник). Справа стоит К.М. Зуйков (?). 1913–1914. Фото К.П. Смирнова

В 1918 году родилась у нас ещё сестричка, Валя. В семье дяди мы были лишние. На Талицком погосте[8] мама купила дом умершего священника, и мы зажили своей семьёй. Время было тяжёлое, голодное, в достатке – только картошка. Чай пили морковный, вместо сахара – свёкла. Помню, однажды мама пекла хлеб, а мы, дети, сидели на кухне и ждали. Вот, наконец, хлеб выложили на стол. Мы смотрели, не отрываясь, и удивлялись, почему корочка такая чёрная и нет хлебного запаха. Наконец, хлеб разрезали, а из него вдруг потекла чёрная жижа (хлеб был замешен на картошке, свёкле, мякине и горсти муки). Корки мы всё же ели с удовольствием.

В другой раз мы подрались с сестрой из-за корочки хлеба, найденной в горке (удивительно, что до неё не добра-

«День белой ромашки», благотворительный праздник сбора пожертвований для борьбы с туберкулёзом. 1913—1914. Фото К.П. Смирнова*

лись мыши). Корку съела я, и до сих пор при этом воспоминании щемит сердце – может быть, потому, что сестры давно нет на свете.

Мама из сил выбивалась, чтобы прокормить нас. Она хорошо шила и зимой весь световой день сидела за машинкой. За работой она пела – «Молодую пряху», «Хас-Булата», «Ямщика», колыбельную А. Майкова про «ветер, солнце и орла»[9]. Длинными зимними вечерами было страшно. В комнате темно, мерцает только лампадка перед иконой, взрослые говорят о войне, грабежах, разбойниках... Мама была нашей единственной защитой. Иногда без неё, от страха, мы даже плакали.

Покупных игрушек у нас не было. Помню, что куклу, сделанную мамой из тряпок, я назвала «Военка» – под впечатлением взрослых разговоров. Слово было непонятное, но звучное.

Зато летом было приволье. Бегали, играли, ели щавель, столбики «матрёшки»[10] (сейчас почему-то их не встречаю), «заячью губку», собирали на кладбище землянику. Маме дали надел земли, две полоски – под рожь и картошку. Большим событием для нас была молотьба. На току, принадлежавшем одному крестьянину, на так

---

* Группа преподавателей и учеников Талицкой школы после молебна на паперти Николаевской церкви. На первом плане стоят: слева – К.М. Зуйков (?), справа – С.П. Смирнов, на фартуке с кружкой для сборов надпись: «На борьбу с чахоткой». Дамы в шляпах (шантеклер) на первом плане: слева – А.И. Охотина, средний ряд: М.П. Беневоленская, М.В. Смирнова, А.В. Смирнова. Верхний ряд: Ю.П. Смирнова, неизвестная.

называемой «ладони» раскидывали снопы и начинали их бить цепами. Мы, дети, лезли вперёд, к «ладони», взрослые нас отгоняли, боясь ударить. Чтобы быстрее управиться с молотьбой, крестьяне друг другу помогали, помогли и моей маме, так как она была солдаткой.

Однажды ночью колокола забили набат: загорелся овин, где сушились снопы. Большой огненный факел ярко полыхал на фоне чёрного неба. Все бежали к месту пожара, старушки выносили иконы, молились, плакали – огонь мог перекинуться на село. По счастью, всё обошлось.

Копать картошку мама отправилась со всем «выводком», как подсмеивались соседи. Мы были малы и помочь ей не могли. Мама оставила нас на опушке леса, где мы собирали сучки для костра. Потом пекли картошку. Не помню, когда ещё в жизни я испытывала подобное удовольствие – такая вкусная она была.

Осенью 1918 года вернулся с войны отец, которого я совсем забыла. Маме стало полегче. Отец поступил на одну из ивановских фабрик, на работу ездил на велосипеде. Под горой у речки, сзади нашего дома, он организовал артельный огород. На довольно большой площади вскопали гряды, посадили овощи, сделали шалаш для ночного сторожа. Этот-то шалаш и был для нас, детей, самым притягательным местом. Днём мы залезали в него, затевали всякие игры, а затем начали строить свои шалаши – в палисадниках у домов, у деревьев и даже на деревьях. В шалаши мы играли несколько лет – не иначе как пробудился в нас инстинкт наших далёких предков.

Сходка у дома дьячка. Агитация в Красную Армию ("На Деникина"). 1919. Фото К.П. Смирнова

В 1920 году началось восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Отца, как специалиста текстильного дела, направили в Тейково.

Река Вергуза. Весенний разлив. 1920-е гг. Фото К.П. Смирнова

Мы уехали с ним, но каждое лето проводили по-прежнему в Талицах, у бабушки. Теперь, став постарше, я могла лучше оценить красоту старого села и его окрестностей.

Погост Талицы стоял на широком холме. С одной стороны холм обрывался заросшей деревьями кручей, а с другой – полого переходил в большой заливной луг. Луг назывался Красным, он был весь в цветах. Вокруг холма бежала речка Вергуза[11], заросшая тальником (от него, я думаю, и название села), неглубокая, с кристально чистой водой. На дне её повсюду били ключики, образуя горки песка, которые мы старались схватить рукой, а они тут же рассыпались. Возле Красного луга речка расширялась, образуя бочажок, где так хорошо было купаться.

За речкой на косогорах живописно раскинулись две небольшие (по десять-пятнадцать домов) слободки – Яковлевская и Шимановская[12]. Перед Яковлевской слободой на покатом холме был большой зелёный луг, на краю которого стояла единственная небольшая красивая берёзка. Как мы её любили! Вместе со слободскими детьми мы устраивали вокруг неё хороводы, а в июне, в семик[13] (был такой праздник), берёзку наряжали, привязывая к веткам тряпочки, больше красные, которые мы собирали по всем домам. Тут уж нашей радости и пляскам не было конца. Семик мы справляли всё лето – так нравилась нам нарядная берёзка.

(Эта берёзка ещё долго жила, уже окружённая колхозными постройками. Я всегда, бывая в Талицах, искала её взглядом – не спилили ли? Несколько лет назад вершину её срезало в грозу молнией).

Вокруг села и слобод были луга, за ними поля, разделённые межами на полоски. За полями до самого Иванова – лес, полный грибов и ягод, туда мы часто ходили. От Иванова к Талицам и дальше через лес шла немощёная дорога.

Центром села была церковь, казавшаяся среди небольших сельских домов величественной. Храм, освящённый в честь Николая Угодника[14], был построен, «по устному преданию», в 1775 году, на месте сгоревшей деревянной церкви, на средства местного помещика Никифора Ивановича Молчанова[15], отставного контр-адмирала. Окружённый зеленью старых лип, искусно окрашенный в светло-жёлтый и белый цвета, с зелёными крышами, храм радовал не только глаз, но и душу, притягивал к себе. Высокая сквозная колокольня Николаевской церкви[16] видна была даже из Иванова, с Авдотьинской горы. На неё в 1940—1950-е годы ориентировались самолёты, заходя на посадку на расположенный в районе Ново-Талиц аэродром.

Колокольня Николаевской церкви в любую погоду казалась освещённой солнцем. А каким мелодичным, торжественным был звон её колоколов[17]! Несмотря на все запреты, мы тайком забирались на колокольню по расшатанным лестницам. Ветер продувал насквозь, и дух захватывало при виде необъятных просторов вокруг нас. Мы чувствовали себя совсем маленькими на этой высоте, страшно становилось.

Николаевская церковь с колокольней. Вид со стороны Красного луга. Справа – Варваринская церковь. 1916 (1917). Фото К.П. Смирнова

В ягодную пору, если случалось заблудиться в лесу, мой братишка Коля залезал на высокое дерево, с которого сразу видел нашу любимую колокольню, и мы

прямиком шли по направлению к ней.

Храм состоял из двух зданий, соединённых в одно целое, – зимней церкви поменьше и большой летней, с высоким куполом. Не забыть этот обширный зал с массивными четырёхугольными колоннами, продолговатыми окнами, забранными узорными чугунными решётками, большой иконостас с золочёною резьбой, иконы в посеребрённых и позолоченных окладах, лампадки, огромное паникадило[18]. Всё это казалось необыкновенным, сказочным. Но самое сильное впечатление производила роспись купола, где огромный старец в синих свободных одеждах парил на облаках. Священник объяснил нам, что это самый главный бог – Саваоф[19].

В церковь мы ходили часто, нам очень нравилось причащаться – обижались, если в рот с ложечки ничего не попадало. По воскресеньям и праздникам в церкви шла служба. Из деревень на подводах приезжало много крестьян, привязывали лошадей у ограды, надевали им на морды торбы с овсом и направлялись в церковь. В церкви крестили, венчали, отпевали. Мы, дети, всегда были участниками этих церемоний, других развлечений у нас не было. Особенно мы любили венчания. К церкви подъезжали тарантасы, гривы лошадей и вся сбруя были украшены цветами, лентами, разными красивыми тряпочками. Мы шли за нарядными женихом и невестой в церковь, но нас частенько оттуда выпроваживали. На свадьбах и поминках нас оделяли пирогами, пряниками, иногда конфетами – это было большой радостью в те голодные годы.

Позади церкви, рядом с колокольней, стояла большая часовня, её называли Варваринской церковью[20]. Поставлена она была в 1855 году на средства тайного советника Петра Кирилловича Меркулова «над гробами <...> предков», а также жены и сына. В часовне был склеп, в котором покоилось тело штабс-ротмистра Я.П. Меркулова[21]. В конце 20-х годов при большом стечении народа склеп вскрыли. В металлическом гробу лежал полураспавшийся

скелет с остатками парадной военной формы. Особенно выделялись лаковые сапоги. Один местный бродяга и пьяница – по фамилии Охапкин – бросился к гробу с криком: «Чур, мои сапоги!». Но как только он дотронулся до них, сапоги рассыпались. Все захохотали. Долго ещё по округе ходили весёлые разговоры по этому поводу. Говорили и о том, что в церквушке было много ценных вещей, но их при вскрытии не обнаружили: возможно, это была легенда, а может быть, побывали грабители. При церкви было большое кладбище, огороженное красивой белокаменной оградой с глубокими нишами-окнами[22]. Там росли не только старые липы и берёзы, но и кедры, с которых падали шишки, – мы лакомились кедровыми орешками. На кладбище были интересные памятники. Помню красивую композицию из трёх белых мраморных плит и колонны над могилой помещицы – княгини Натальи Петровны Куракиной-Нарышкиной[23]. Здесь же до революции располагалась женская церковно-приходская школа[24]. А мальчики учились тогда в Талицкой школе[25], отстоявшей от погоста на полкилометра, в которой директором и учителем был мой дядя.

На погосте было всего семь домов, жили в них, в основном, служители церкви. Перед церковной сторожкой, в которой хранился хозяйственный инвентарь, стояли одна против другой две длинные скамейки. Летними вечерами после трудового дня здесь собирались жители села – была потребность пообщаться, узнать новости. Шутили, плакали по погибшим, дьякон[26] обычно приносил и читал

Дом Н.И. Молчанова (XVIII в.), П.К. Меркулова (XIX в.), А.Г. Бегена (XIX–XX вв.). Фото О.К. Переверзева. 2006

вслух газету. Дети крутились тут же.

За Красным лугом, на противоположном высоком берегу речки, стоял большой двухэтажный каменный особняк с колоннами – вторая после церкви достопримечательность села. Это был дом контр-адмирала Н.И. Молчанова, построенный ещё в XVIII веке. Называли его «бегенским» – по имени последнего хозяина, купца Александра Густавовича Бегена[27], известной в Иванове фамилии[28]. Говорили, что хозяином он был рачительным, технику выписывал из Англии, с крестьянами делился семенами высокоурожайных культур из своего хозяйства. Люди его очень уважали.

Перед бегенским домом был старинный парк с вековыми деревьями, красивыми каменными беседками, скамейками. Парк спускался к реке, переходя на берегу в открытую полянку, на которой квадратиками были насажены ёлочки. Переплетённые металлическими сетками, они образовывали лабиринт, который мы называли «мышеловками». Это была чудесная площадка для детских игр.

Позади особняка тоже был парк. От дома к лесу шла сосновая аллея длиной около полутора километров, заканчивалась она круглой полянкой с крутым насыпным холмиком, на котором стоял металлический гриб с красной шляпкой, в рост человека. (Мы любили вскарабкиваться на холм, чтобы постоять под этим грибом). От полянки радиально расходились ещё одиннадцать сосновых и еловых аллей. Это были солнечные часы: полянка с аллеями – «циферблат», тень от ножки гриба – «стрелка». Треугольные лужайки

Сосновая аллея бегенского парка. Фото О.К. Переверзева. 2006

между аллеями были усыпаны летом ягодами, особенно земляникой. По обе стороны главной аллеи были большие красивые пруды, плакучие ивы склонялись к самой воде. В прудах, как говорили, ещё водились золотистые карпы! Мы часто приходили сюда с удочками, хотя не помню, чтобы хоть раз что-нибудь поймали, – может быть, не та была наживка.

Полянка без грибка. Две аллеи из 12-и. Фото О.К. Переверзева. 2006

Бегенский парк был местом отдыха не только для жителей Талиц, но и для горожан. В религиозные праздники здесь проводились весёлые гулянки – с гармошкой, танцами. Однако ни пьянок, ни драк на них я не припомню.

Усадьба была обнесена живой изгородью из акаций и боярышника, кругом – чистота и порядок, которые держались и несколько лет после национализации усадьбы и организации коммуны[29]. Затем постепенно дом и парк стали приходить в запустение. В 1925 году в верхнем этаже дома поселились коммунары и жили там пять лет, до создания колхоза[30]. За это время помещение превратилось в грязный сарай. В нижнем этаже с 1918-го и до конца 1920-х годов был молодёжный самодеятельный театр. В годы войны в старинной усадьбе находился госпиталь для раненных на фронте, затем пионерский лагерь. В настоящее время здесь располагается центр помощи семье и детям.

Сейчас село изменилось до неузнаваемости. Изменилось даже название села: из Николо-Талиц оно стало Ново-Талицами.

В Ново-Талицах 10 тысяч жителей. Здесь находятся

Свято-Никольский храм и Варваринская церковь. Вид со стороны Красного луга. Фото О.К. Переверзева. 2006

дирекции двух совхозов – «Тепличный» и «Новоталицкий», пяти- и даже девятиэтажные дома, огромная школа на 1000 учащихся с бассейном.

Бывшие луга исчезли под новостройками, речка, в пределах села, захламлена, летом зарастает водорослями, осокой, камышом, мест для купания детям нет. Лес сведён, город подошёл к самым Талицам.

В 1939 году[31] церковь была закрыта. В помещении тёплой церкви открыли клуб. Ворчливые старики называли его «чудильником», но молодёжь любила его и даже гордилась: часто ли встретишь сельский клуб с балконом в зале? В 1957 году был разобран купол, взорвана колокольня, пережившая и революцию, и войну, и Сталина. В здании церкви и на бывшей её территории долгие годы размещался леспромхоз.

Кладбище при церкви разорено, по сравнявшимся с землёй могилам проложена трасса водопровода. Я сама видела, как мальчишки играли в футбол человеческими черепами. В 1989 году снесена бульдозером и бывшая церковно-приходская школа.

Цело пока перестроенное здание старой школы, возведённое свыше 100 лет назад фабрикантом Н.Ф. Зубковым, – в стенах этой школы началась моя талицкая жизнь. Сейчас здесь разместился Дом культуры.

И всё-таки старые Талицы ещё живы – они живут в моей памяти, в памяти других пожилых людей, на печатных страницах.

Примечания.

[1] Смирнова (ур. Кириллова) Александра Васильевна (1890–1977), жена К.П. Смирнова.

[2] Смирнов Константин Павлович (1887–1979), текстильщик, фотограф-любитель.

[3] Смирнов Павел Александрович (1863*–1917), педагог. Род. в с. Помогалово, ныне Палехского р-на. Окончил Владимирскую учительскую семинарию. Преподавал в школах сёл Кибергино, Крапивново, ныне Тейковского р-на Ивановской области, в Иваново-Вознесенске.

[4] Смирнов Сергей Павлович (1891–1941), педагог неполной средней школы. Род. в с. Крапивново. В 1910 г. окончил Иваново-Вознесенское реальное училище. Учитель, директор Талицкой земской, после 1918 г. – сельской школы. В 1936 г., спасаясь от негласного надзора, уехал на родину жены в д. Липовицы Павловского р-на Горьковской обл., где 5 июля того же года был арестован. 27 ноября осуждён ОС по ст. 58-10 ч. 2 (см. с. 160), приговорён к 5 годам ИТЛ (Сообщ. М.В. Солоповой). Срок отбывал в Магадане. По официальной версии, погиб после освобождения, при возвращении на родину.

[5] Смирнова Нина Константиновна (1912–1935).

[6] Смирнов Николай Константинович (1915–1995).

[7] Смирнова (ур. Соколинская) Александра Ефимовна (1867–1940).

[8] Погост – «отдельно стоящая на церковной земле церковь, с домами попа и причта, с кладбищем» (*Даль 1956*: 3: 156. – Список условных сокращений см.: с. 322). Погосты назывались в народе «поповскими сёлами», о них говорилось: «Стоит деревенька на горке, а хлеба в ней ни корки, то есть почти нет хлебопашества» (*Даль 1956*: 4: 172). В приход Талицкого погоста входило 15 деревень: Анкудиново, Балино, Белянницы, Булатово, Говядово, Голчаново, Захарово, Кадниково, Марьицыно, Мильцево, Михалёво, Новая, Песочново (Песошново) и др. В 1909 г. – 318 дворов, 780 мужских и 902 женские души (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 53. Л. 85 об.). Название погост получил от смежного с ним сельца Талицы (в 1909 г. – 17 дворов, 44 мужских и 45 женских душ), с которым они слились в одно селение, называвшееся в быту селом. «Причта при церкви ...: священник, дьякон и псаломщик. <...> Дома причт имеет собственные...» (*Березин 1898:* 134). Почтовый адрес (1908 г.): г. Иваново-Вознесенск, погост Талицы (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 53. Л. 85 об.).

[9] Русская народная песня «Пряха» («В низенькой светёлке...»), песни на слова А. Аммосова «Элегия» («Хас-Булат удалой...»), Л. Трефолева «Ямщик» («Когда я на почте служил ямщиком...»), А. Майкова «Колыбельная песня».

[10] «Матрёшка» – хвощ (?).

[11] Другие названия: Вергаза, Вергоза (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 53. Л. 1, 80 об.), Верьгаза (*Березин 1898:* 134).

Ивановская обл. БИБЛИОТЕКА Архивный отдел

Кр. 26.166

[12] Названы по фамилиям помещиков Яковлевых (до 1908 г. – д. Яковлево) и Шимановских.

[13] Семик – седьмой четверг от Пасхи, Троицын или Духов день. «Семицкая неделя... русальная, зелёная, клечальная (клечанье – берёзки, ветки, цветы, которыми в эти дни украшали дома и церкви), зелёные святки, завивание венков, кукушки» (*Даль 1956:* 4: 170).

[14] «Церковь Николаевская каменная, крытая железом, имеет вид корабля с тремя дверьми, с 23-мя окнами и с полукруглым выступом для алтарей, наружных украшений не имеет, длина <...> церкви 13 сажень и ширина 8 сажень, выкрашена вохрой». (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 54. Л. 4 об.). Четыре престола: Ильинский, Николаевский, митрополита ростовского Димитрия – в холодной церкви – и великомученицы Параскевы Пятницы – в тёплой.

[15] Молчанов Никифор Иванович. Начал службу гардемарином в 1720 г. В 1727 г. произведён в мичманы, до 1738 г. служил в Астрахани. В 1741 г. произведён в лейтенанты и назначен командиром яхты «Елизабет». Набирал рекрутов в Ярославской провинции. В 1745 г. произведён в звание капитана 1-го ранга, командовал кораблём «Иоанн Златоуст». В 1752 г. произведён в звание контр-адмирала. В 1754 г. вышел в отставку. Поселился в своём имении – сельце Талицы. У сына его, Якова Никифоровича Молчанова, были две дочери: Мария – вышла замуж за Виктора Васильевича Шимановского – и Варвара (Музей Ново-Талицкой средней школы).

[16] Колокольня была пристроена в 1820 г.: «<...> каменная, трёхъярусная, крыта железом <...>. В первом ярусе на южной стороне шесть колонн по три на каждом угле, на северной стороне – три такие же колонны снаружи и три внутри тёплой церкви. На южной стороне дверь железная для входа в Николаевскую холодную церковь и тёплую Пятницкую. Кроме железных дверей, имеется дверь стеклянная, а за ней тамбур о двух дверях со стёклами. Высота сей колокольни по плану имеет 16 саженей» (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 54. Л. 25).

[17] На колокольне было 8 медных колоколов: «1-й главный – весом в 178 пудов, 2-й – 80, 3-й – 25, 4-й – 8, 5-й – 3, 6-й – 2, 7-й – 1, 8-й – 20 фунтов» (То же. Л. 25). 21 апреля 1913 г. от главного колокола отломился кусок в 3,5 пуда. Колокол был перелит с добавлением меди и 12 фунтов серебра, новый – весом в 262 пуда – 8 сентября 1914 г. был поднят на колокольню (То же. Л. 25).

[18] Паникадила в холодной и тёплой церкви были медные, посеребрённые, весом более 3-х пудов (То же. Л. 22).

[19] «Над св. Престолом картина Господа Саваофа с распростёртыми руками и окружённого сонмом херувимов и серафимов» (То же. Л. 69).

[20] Кладбищенская церковь однопрестольная во имя великомученицы Варвары «каменная без украшений с одной дверью и шестью окнами. Длина церкви 14 аршин, ширина 11 аршин, окрашена известью»

(То же. Л. 4. об.).

[21] Меркулов Пётр Кириллович (1774—1857), тайный советник, происходил из дворян Курской губернии. Службу начал в 1791 г. в Гатчинском Павловском морском батальоне подпрапорщиком. После воцарения Павла I в 1796 г. переведён в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1799 г. получил звание генерал-майора. При Александре I попал в опалу, 14 декабря 1801 г. вышел в отставку. В 1812 г. – полковой командир Владимирского ополчения. В 1818—1923 и 1827—1929 гг. предводитель дворянства Владимирской губ., сенатор (1829). Был женат на дочери коллежского советника Якова Никифоровича Молчанова (1739—1810), Варваре Яковлевне, имевшей крепостных (344 души) в деревнях прихода Николаевской церкви. В 1826 г. у П.К. Меркулова во Владимирской и Костромской губерниях было 137 душ крепостных. Дети П.К. и В.Я. Меркуловых – Наталья, Яков, Екатерина, Татьяна.

Меркулов Яков Петрович (1814—1849) окончил Пажеский корпус. В 1832 г. произведён в прапорщики гренадерского полка. Уволен штаб-ротмистром гусарского герцога Лехтенбергского полка 6 апреля 1842 г.

П.К., В.Я. и Я.П. Меркуловы похоронены в Варваринской церкви. См.: *Фролов 1995:* 25—27.

[22] «Ограда каменная, окрашена известью, вышины $2\,^{1}/_{4}$ аршина, в окружности 780 квад. саженей с тремя железными воротами. На южной стороне <...> ворота ширины имеют 4 аршина и две двери – одна на правой стороне и другая на левой стороне, решётчатые. На западной стороне и на северной стороне ворота шириной по 2 аршина, железно-решётчатые» (То же. Л. 26).

[23] Наталья Петровна Куракина-Нарышкина, помещица.

[24] Женская церковно-приходская школа была открыта в 1895 г. в здании бывшей богадельни.

[25] О Талицкой земской школе (училище) см. в очерке И.В. Цветаева «Прежде и теперь», с. 216—240.

[26] Беневоленский Василий Дмитриевич (1897—1982), дьякон, в 1920-е годы расстригся, работал на Ивановском мебельном комбинате.

[27] Беген Александр Густавович (1854—?), иваново-вознесенский купец, на его средства в 1897 г. была отремонтирована Варваринская церковь (награждён грамотой Синода), староста Николаевской церкви с декабря 1906 по июль 1907 гг. В 1906 г. сделал пожертвования в ризницу в память скончавшейся в этом году дочери, «отроковицы Ираиды».

[28] Беген Пётр Густавович (1863—1917), владимирский губернский архитектор. По его проектам построены Владимирский краеведческий музей, Введенская церковь в Иваново-Вознесенске, театр в Шуе. Беген Николай Густавович в 1905—1909 гг. избирался городским главой Иваново-Вознесенска. Купеческий сын Александр Беген-младший –

ровесник Сергея Смирнова – учился в реальном училище классом старше его. Но в 5-м остался на второй год, и Сергей догнал его. В выпускном 6-м Александр опять не был допущен к экзаменам и подлежал отчислению, т.к. по уставу второгодничество допускалось единожды. Александр Густавович подал училищному начальству прошение – походатайствовать перед попечителем Московского учебного округа «об оставлении» наследника «в шестом классе на второй год», ибо «в продолжении учебного времени сын <...> перенёс плеврит, скарлатину в острой форме, корь в весьма тяжёлой форме и в последнее время малярию и экзему» (ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 783. Л. 51). Из сострадания ли к родителю, или уважив фамильную честь, Бегепу-младшему предоставили возможность продолжить образование. В 1911 г. он получил аттестат об окончании полного курса при «отличном» поведении, с семью «тройками» и семью «четвёрками», а в 1912-м – свидетельство об окончании седьмого дополнительного класса, дающее право на поступление в университет, при «отличном» же поведении, с семью «тройками» и шестью «четвёрками».

[29] На 1 ноября 1920 г. в усадьбе Бегена уже существовала коммуна им. Ленина (*Губ. календарь 1921:* 131). Основная цель создания и принципы организации коммун: «Сельскохозяйственные коммуны есть братский трудовой союз свободных работников, основанный на самодеятельности и самоуправлении его членов, часть общенародной организации товарищеского земледелия, организованного с целью ведения хозяйства на коммунистических началах в области производства и распределения. <...> Коммунар должен отречься от личной собственности, в пользу коммуны, на денежные средства, орудия производства, постройки, живой и мёртвый инвентарь. <...> Только личные вещи: одежда, бельё, обувь, мелкие предметы обихода и пр. остаются на руках коммунаров. Этот параграф особенно важен для коммунаров и многих должен заставить задуматься перед вступлением в члены коммуны. Никто не имеет права говорить, что Советская власть насильно втягивает в коммуны» (То же. С. 126).

[30] О председателе коммуны и колхоза В.М. Лабазове см.: *Кочеткова Г.* Солдатская семья // Красное знамя. Иваново. 26 июня 1980 г.

[31] Постановление Ивановского облисполкома от 9 мая 1939 г. (*Иереи 2003:* 157).

---

* – дата установлена косвенно.

Глава вторая

ДОМ ЦВЕТАЕВЫХ. ОТЕЦ

Описывая старые Талицы, я не упомянула один замечательный дом. Слишком много связано с ним в моей жизни и жизни родителей. Он является одним из главных героев этой книги и потому заслуживает отдельного рассказа.

Этот старинный дом стоял поодаль от других – на краю кручи, у самой церковной ограды. Называли его тогда «поповским домом»[1]. Большой, в восемь окон, с красивым мезонином, он выделялся среди изб села и сразу привлекал к себе внимание. Обитые тёсом стены его и железная крыша были окрашены в тёмно-красный цвет, наличники окон и двери – в жёлтый. Сбоку – открытая веранда с резными перильцами и карнизами. Вокруг – лёгкая изгородь в три жёрдочки, только чтобы скотина не подходила. У веранды – три вековые липы и берёза, вдоль изгороди – ещё десять кудрявых подстриженных лип.

В детстве дом этот казался нам таинственным. Мы забирались на веранду и прилипали к стеклянной двери, надеясь увидеть что-нибудь необыкновенное. Иногда нас шугали, тогда мы ползали по круче за домом и обследовали его сзади. (Ходили слухи, что от дома к церкви есть тайный подземный ход).

"Поповский дом". Конец 1920-х гг. Фото К.П. Смирнова

В доме жила старая вдова священника, Мария Александровна, которую все звали «матушкой»[2]. Жила она с дочерью и внуком Колей, нашим сверстником. «Матушка» была отзывчива, добро-

«Поповский дом». Вид со стороны Яковлевской слободы. Конец 1920-х гг. Фото К.П. Смирнова

желательна, разрешала соседям пользоваться её погребом, баней и большим сенным сараем. Они не были огорожены, на стене погреба на гвозде висел большой ключ (он сохранился)[3]. Наша мама тоже летом хранила там молоко. Селяне приходили к «матушке» за советом. Мы, дети, немного её побаивались: она всегда одевалась в чёрное и казалась нам строгой (это она отгоняла нас от окон).

Её дочь, Антонина Петровна Цветаева, врач Балахонской больницы, в 15 километрах от Ново-Талиц, лечила бесплатно всех, кто к ней обращался, детей и взрослых. Приглашала её и мама, когда у меня была тяжёлая ангина. Летом ребятня с криком провожала тарантас, на котором Антонина Петровна ездила в Балахонки. А на Рождество она устраивала в своём доме для детей ёлку.

С ними жила пожилая крестьянка из д. Говядово Рипсимия Степановна Курбатова. Добрая душой, вечная труженица и заботница, она была из тех обделённых красотой женщин, которым на роду написано быть «христовыми невестами», и поэтому смолоду нанялась прислугой в поповский дом.

А.П. Цветаева. Начало 1920-х гг.

Фамилия Цветаевых встречалась и на кладбище. Возле алтарной стены церкви, был участок, обнесённый деревянной оградкой, где на чёр-

ных постаментах лежали пять тёмно-серых гранитных плит с отшлифованными на плоскости четырёхконечными крестами и надписями на торцах. На одной было написано: «Протоиерей Владимир Васильевич **Цветаев**. Сконч. 19 марта 1884 г. на 64 г. жизни[4]». На второй: «Педагог Фёдор Владимирович **Цветаев**. Сконч. 11 февраля 1901 г. 51 года». Под другими плитами покоился прах жены о. Владимира, Екатерины Васильевны, сына Петра и внука – отрока Ивана (плита меньшего размера). Надписи на плитах нам тогда ни о чём не говорили.

Надгробие В.В. Цветаева. 1980-е гг. Фото А.В. Ханакова

У церковной стены перед памятниками на высоком постаменте стояла беломраморная статуя ангела с раскрытой книгой в руках.

Были на участке и могилы с крестами.

В 1928 году появились два новых креста – над могилами восьмидесятилетней Марии Александровны Цветаевой и её дочери Антонины Петровны, которая немного не дожила до 38 лет. В апреле она умерла от хронической болезни почек, оставив двухлетнюю дочь Тамару и двенадцатилетнего сына Колю. «Матушка», говорили, скончалась буквально через три дня после смерти младшей, любимой, дочери.

Мы жили в Лежневе, на казённой квартире при фабрике, на которой работал отец, когда пришла весть из Ново-Талиц о том, что продаётся «поповский» дом. Как я уже писала, нас многое связывало с Талицами, там осела наша родня, и мама срочно поехала туда.

Разумеется, нас, детей, взрослые не посвящали в

подробности приобретения дома – они стали известны мне лишь впоследствии. После смерти Цветаевых дом перешёл в собственность Н.А. Киселёва, мужа А.П. Цветаевой. Но Николай Андреевич имел свой дом в Иванове, и второй был не только не нужен, но и не желателен, т.к. владелец двух домов попадал в категорию кулаков. Поэтому Н.А. Киселёв спешил продать талицкий дом. По той же причине и купчая была оформлена не на маму, а на посредника. В первой главе я упоминала, что у нашей семьи уже имелся дом в Талицах, в котором жила бабушка. Председатель сельсовета посоветовал предварительно разобрать его. Однако продавец торопил, и сделка была заключена с братом отца – дядей Аркадием.

Формально дом перешёл в нашу собственность в августе 1931 г.[5] Но жить в нём мы стали с 1929 г. К этому времени отец перевёлся на работу в Иваново. Тогда же начали разбирать и бабушкин дом. Потом ей выстроили небольшой домик возле школы.

И вот в 15 лет я вхожу в дом, который в детстве казался столь загадочным.

Шкаф-бюро (секретер). Фото Н.В. Иванова

Первое впечатление было угнетающим. Старый дом, снаружи ухоженный, внутри казался запущенным. Низкие потолки, полумрак – глубоко сидящие в нишах окна пропускали мало света, двери с низкими косяками (беда для моего высокого отца). Перекосившиеся полы, выцветшие обои – долгие годы в нём не было мужских рук.

Освоившись, мы принялись изучать дом, проданный вместе со старой мебелью.

В прихожей три двери: в чуланчик, туалет и на кухню. В

кухне – большая русская печь с печурками, рядом – полати. Под окнами и у бревенчатых стен – широкие лавки, небольшой стол со шкафчиком, в углу у печки – рукомойник с медным тазом на круглой трёхножной железной подставке, подвешенный к потолку безмен. На стене – широкая посудная полка, на другой – часы-ходики. Большой шкаф-бюро с горкой, откидной столешницей, выдвижными ящичками, шкафчиками[6] и тремя большими комодными ящиками внизу. В красном углу – три иконы с лампадами.

Трюмо. 1980-е гг.
Фото А.В. Ханакова

Дверь из кухни вела в большую комнату с тремя окнами, очевидно, столовую. Жёсткий диван, вдоль стен – тоже лавки, длинный дощатый стол. Слева, в углу – большая изразцовая печь-лежанка. Далее гостиная: три окна по фасаду, одно – на веранду. Выход на веранду – через застеклённую дверь. Здесь – красивая мебель красного дерева в стиле «рококо»: мягкие, с резными спинками, стулья, удобный диван с изогнутой спинкой, два мягких кресла, столик на фигурной точёной ножке. Трюмо с поблекшим зеркалом, на туалетном столике с ящичками ещё одно зеркало – овальное, поворачивающееся. Меня долгое время смущал этот столик в небогатом поповском доме. Впоследствии я узнала, во-первых, что цветаевскую мебель по тем временам нельзя было считать слишком дорогой (она кажется таковой нам, привыкшим к ширпотребовскому стандарту). А во-вторых, мебель эту мог прислать в родной дом И.В. Цветаев, когда его вторая жена пожелала, как вспоминала В.И. Цветаева, сменить обстановку. Обогревалась гостиная белой кафельной стенкой печи-лежанки в столовой.

Туалетный столик. 1980-е гг. Фото А.В. Ханакова

Из гостиной двустворчатая, филёнчатая дверь с медными дутыми ручками вела в кабинет (с окном на другую сторону). Здесь стоял письменный стол под зелёным сукном, на гранёных ножках. Небольшая изразцовая лежанка. Изразец: на белом фоне синим прорисован контур античной вазы. В красном углу каждой комнаты было по нескольку икон с лампадками; в кабинете же – киот с шестью иконами в рамках с позолоченными лепными украшениями и несколькими маленькими иконками. Перед киотом – красивая лампада в бронзовом подлампаднике на цепочке. Из окна кабинета – вид на речку, на луга, на Яковлевскую слободу.

Во всех комнатах оштукатурены стены (судя по нескольким слоям обоев у косяков дверей – давно) и потолки. На потолках – лепной бордюр. Полы покрашены охрой, окаймлены широкой тёмно-красною полосой с вензелями по углам.

Печь-лежанка. 1980-е гг. Фото А.В. Ханакова

Из кабинета – выход в холодный коридор с чуланом и двухмаршевой лесенкой с поворотом, ведущей в мезонин. Перила с точёными балясинками. В мезонине – две комнатки, с выходом на балкончики, по обе стороны дома. Комнатка по фасаду оштукатурена, оклеена обоями.

К дому примыкала большая дворовая пристройка, в ней – коровник, конюшня, баня, курятник и помещение для транспорт-

ных средств и сельхозинвентаря.

Отец отремонтировал дом, и наша семья окончательно поселилась в Талицах. Мы, старшие, учились в городе и зимой жили в городской фабричной квартире. Младшие (к тому времени нас у родителей было шестеро) учились в талицкой начальной школе. Ну, а летом, по-прежнему, все собирались в Талицах. Родители завели хозяйство: огород, корову, кур, гусей.

Шли годы. Дом стали называть «домом Смирновых». Конечно, мы не думали тогда, что в этом доме будет когда-нибудь музей, но родители берегли память о первых хозяевах. Сохранялась внутренняя планировка дома, мебель, иконы.

Мама не раз говорила мне, чтобы я занялась историей нашего дома. От стариков она слышала, что здесь жили хорошие люди, что из их семьи вышли учёные. В доме осталось много старинных книг – учебники, евангелия, религиозные журналы и пр. Мама была верующей, всё это её очень интересовало, но сама она не знала, как этим распорядиться. А у меня – учёба, замужество, дети, работа, трудные военные годы... Долгое время было не до поисков.

Новосёлы на диване. Павлик, Юрий, Нина, Валентина, Александра Васильевна Смирновы, Клавдия Чернова, Екатерина Абрамова и Николай Смирнов. 1929

Родители вырастили, выучили нас, и все мы разлетелись по новым гнёздам. Они же доживали век в своём доме, всей душой привязанные к нему, к родным могилам на кладбище.

Незаметно пролетели годы. Я вышла на пенсию, переехала к родителям, в

Журнал «Русский паломник» (1900, №). «Слова о священстве святого отца нашего Иоанна Златоустого, Архиепископа Константинопольского» (М., 18...1)

Талицы. Маме было уже 85 лет, её парализовало. Отцу шёл 90-й. Они нуждались в помощи. Теперь у меня появилось и время заняться историей нашего дома.

В 1978 году учительница талицкой школы Л.С. Жерякова познакомила меня с книгой А.И. Цветаевой «Воспоминания»[7]. Раскрыв её, я не могла оторваться. А прочитав, даже упрекнула Людмилу Семёновну, что она не дала её раньше. Книга открыла мне глаза. Из неё я узнала, что в нашем доме жили удивительные люди. Одним из них был Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета по кафедрам римской словесности и истории изящных искусств, основатель Музея изящных искусств (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина), отец поэта Марины Цветаевой. Захотелось узнать о Цветаевых больше. С этого времени начались мои поиски, которые длились много лет. Как жаль, что мама не дожила до дней, когда я смогла бы рассказать о том, что её интересовало...

Вот что мне – с помощью многих людей, книг, документов – удалось узнать.

Талицкие (так же, как и александровские) Цветаевы происходили из села Стебачёво Владимирской губернии, Суздальского уезда (ныне – Тейковского района Ивановской области, в 3 км от п. Нерль). Там, в храме Иоанна Богослова, в начале XIX века служил первый носитель фамилии – священник Василий Цветаев[8].

Приход отца Василия был бедным, в семье – пятеро детей и «некоторые из бесприютных родных»[9], поэтому священник и его супруга Евдокия «по необходимости искали средства к содержанию своей семьи в неустанном труде и занятии сельскохозяйственными работами, так что, в полном смысле слова, в поте лица снискивали себе хлеб и всё необходимое для жизни»[10]. Старший сын, Владимир, начал образование в Суздальском духовном училище. С 13-летнего возраста он «в каникулярное время всецело разделял труды своих родителей», – писал младший брат, – и этим «воспринял и воспитал в себе дух трудолюбия и неустанной деятельности»[11], который стал фамильной чертой Цветаевых.

Окончив в 1840 году по первому разряду Владимирскую семинарию, он с осени следующего года стал священником Воскресенской церкви в селе Дроздово под Шуей (как населённый пункт существовало до 1974 г.), прослужив там 12 лет. Приход, доставшийся молодому иерею, был из небогатых, жена Екатерина, дьяконовская дочь, – бесприданница. «С детства знакомый с трудом и хозяйственным делом о. Владимир, со всем рвением своих цветущих сил», вёл «домашнее и полевое хозяйство. <...> Заручившись работником», шёл «рука об руку с ним во всех сельских работах». Во время молотьбы призывал на помощь пономаря Александра Иванова с сыном Петром. Затем,

Церковь Иоанна Богослова (1786). Село Стебачёво. 2007

Воскресенская церковь. Село Дроздово. 1950—1960-е гг. Фото Б.А. Сидорова

вместе с работником, отмолачивал у пономаря «то же самое число овинов»[12], что и те. По преданию, такая традиция была заложена Сергием Радонежским. Некогда игумен Троицкого монастыря за несколько корок хлеба работал у инока, пристраивая сени к его келье.

Благоустроил о. Владимир и обе дроздовские церкви. Воскресенскую покрыл железом, «обновил иконостасы, перестлал полы, значительно улучшил церковную утварь и ризницу, усилил церковный звон»[13]. Отремонтировал деревянную кладбищенскую церковь.

Проповеди он читал «простым, большею частью импровизированным словом»[14]. Марина Цветаева писала, что по «учебнику Священной истории» её деда «учился Бальмонт»[15]. В действительности, Владимир Цветаев не писал учебников, но имя его Константин Бальмонт знал с детских лет. До 1860 года Бальмонты именовались «дворянами села Дроздова»[16]

Дом священника. Село Дроздово. 1950—1960-е гг. Фото Б.А. Сидорова

и были прихожанами Воскресенской церкви. 30 ноября 1843 года восприемником сына Владимира Цветаева – Николая – был дед ещё не родившегося поэта, отставной штабс-капитан Константин Иванович Бальмонт[17]. А через год дед Марины Цветаевой исповедовал, причащал и погребал Константина Ивановича[18].

В Дроздове появились на свет шестеро детей о. Владимира. Двое из них[19] остались на дроздовском кладбище.

Энергичная деятельность дроздовского пастыря не прошла мимо внимания епархиального начальства. И когда открылась вакансия настоятеля в большом, но запущенном Талицком приходе, то, из трёх кандидатов, жребий пал на него. В январе 1853 года Владимир Цветаев был перемещён в Николаевскую церковь погоста Талицы, где ему предстояло прослужить 31 год.

Николаевская церковь (1775), колокольня (1820). 1920-е гг. Фото К.П. Смирнова

«Величественный по размерам и архитектуре Талицкий храм о. Владимир застал в полной запущенности: всё в нём ветшало, зачернело и утратило благолепие, достойное святилища». На обновление четырёхпрестольного храма, «начиная с обветшалых иконостасов, кончая стенами и полом, <...> требовалось несколько тысяч рублей»[20]. Поиски благотворителя затянулись. Иваново-вознесенский фабрикант А.Н. Шодчин, финансировавший благоустройство дроздовских церквей, когда к нему вновь обратился священник, поставил условие: переписывать весь иконостас, в том числе – иконы

«византийского письма». От такого благодетельства пришлось отказаться. Настоятель понимал ценность древней иконописи и знал, что многие из прихожан, среди которых было немало «придерживавшихся раскола», «несочувственно отозвались <бы> к перемене икон». Единомышленника о. Владимир нашёл в лице другого иваново-вознесенского купца – А.Ф. Зубкова. В храме были обновлены (и перезолочены) три иконостаса, настенная живопись, перелит большой колокол, «приведена в нужное благолепие церковная утварь и ризница»[21].

В 1858 году в дом о. Владимира пришло горе – умерла тридцатичетырёхлетняя Екатерина Васильевна. Вероятно, потому, что остался без матери, следом за нею умер и младенец Александр[22]. Кроме службы и большого хозяйства, на плечи сорокалетнего священника легли заботы по воспитанию четверых сыновей: старшие (11 и 16 лет) учились в Шуйском духовном училище, младшие (6 и 9 лет) находились при отце. Для ухода за детьми и помощи в хозяйственных делах он обзавёлся крепостной работницей, которая жила в доме до отмены крепостного права[23]. В каникулы, почти всегда сам, привозил детей из училища: «усадит их на просторную повозку, своеручно укладёт и увяжет все их узелки, сам сядет, где пришлось, и бережно везёт своих любимцев»[24].

Отец Владимир был счастлив в детях – все они оправдали его надежды. Иван подарил отцу золотую медаль, полученную по окончании университета. Сей знак «преуспевшему в науках», заключённый в специальный футляр, сохранялся родителем на видном месте.

Душевность, внимательность, отзывчивость, наряду с твёрдостью духа, энергией и трудолюбием, были у Цветаевых фамильными чертами. «Трогательнее того, как Ф.Вл. Цветаев относился к своему родителю, – вспоминал сослуживец о встрече сына с приехавшим навестить его отцом, – я в жизни не видал ничего и никогда не забуду этого. <...> Столько внимания, столько почтения, столько забот, чтобы старцу было хорошо и приятно, и столь-

ко тихой, не бьющей в глаза нежности было в обращении Ф.Вл. Цветаева с дорогим гостем <...>»[25].

По воспоминаниям современников, о. Владимир был человеком замечательно кротким и добрым, тихим, скромным, немногословным, обладавшим, однако, внутренней серьёзностью, достоинством, которым никогда и ни перед кем не поступался, прямотой, честностью и волей. В нём ощущалась «какая-то особая нравственная мощь» – вероятно, поэтому к нему «за советом и нравственной помощью» шли люди самых разных положений: и простой народ, любивший его, и люди духовного звания (он был избран общим духовником), и помещики, и чиновники из Шуи и Иваново-Вознесенска, «относившиеся к нему всегда с замечательным почтением»[26]. Его высокий нравственный авторитет не позволял распускаться при нём даже самым необузданным языкам. И.В. Цветаев в автобиографии писал об отце как о человеке, пользовавшемся «особым уважением целой округи»[27]. В 1875 году он стал благочинным, в 1884-м – протоиереем.

Владимир Васильевич Цветаев интересовался не только богословием, но и литературой, поэзией. В РГАДА хранятся небольшие самодельные тетрадочки, в которых его рукою переписаны стихи Державина, Грибоедова, Пушкина и других известных и малоизвестных поэтов. Есть и безымянные стихи – возможно, написанные им самим. Сохранились и тексты некоторых его проповедей[28], позволяющие как бы услышать голос пастыря (материалы собраны сыном Дмитрием).

При содействии В.В. Цветаева в 1868 г. было открыто Талицкое земское начальное народное училище с двумя преподавателями: законоучителем и учительницей. О. Владимир преподавал в нём до 1879 г. В статье об истории Талицкой школы И.В. Цветаев, деликатно, не называя имени отца, писал об одном случае, когда способный, но хрупкий для физического труда мальчик, сын ослепшего крестьянина, благодаря хлопотам законоучителя, был

бесплатно помещён в Иваново-Вознесенское реальное училище, а выучившись, стал инженером и опорой своей семьи[29]. Просветительская жилка в ещё большей степени проявилась в сыновьях.

19 марта 1884 года на 66-м году жизни о. Владимир Цветаев умер. Панихиды над его останками совершались трое суток. 22 марта в прощальной литургии участвовали 2 протоиерея и 16 священников. Во время литургии церковь посетили уездный предводитель дворянства В.Н. Куроедов и председатель Шуйской земской управы Д.К. Бальмонт, отец поэта[30].

К сожалению, мы ничего не знаем о жизни в Талицах верной помощницы о. Владимира – Екатерины Васильевны. Слишком рано оборвалась её жизнь. От тех далёких времён в доме сохранилась только одна вещь, напоминающая о ней – прялка. Остались ещё строчки талантливой внучки Марины:

У первой бабки – четыре сына,
Четыре сына – одна лучина,

Кожух овчинный, мешок пеньки –
Четыре сына – да две руки!

Как ни навалишь им чашку – чисто.
Чай, не барчата! – семинаристы...[31]

Почти ничего не известно и о сёстрах Владимира Васильевича – Прасковье, Марье, Пелагее. Брат его, Александр Васильевич, родившийся в 1834 г. в Стебачёве, после окончания ВДС служил священником Покровской церкви села Зиновьево Александровского уезда Владимирской губернии (1856–1897), благочинный 1-го Александровского округа (с 1877 г.), с 1884 г. – протоиерей. Жена, Марья Ивановна, – дочь священника с. Новосёлка Александровского уезда И.К. Елпатьевского, тётка писателя С.Я. Елпатьевского. После выхода за штат А.В. Цветаев уехал в Тарусу к дочери, Елене Александро-

вне Добротворской, где и умер 30 мая 1898 года. Похоронен в селе Зиновьево.

Он был проповедником, первым биографом В.В. Цветаева, автором некролога[32], в котором сохранены не только факты жизни старшего брата, но и проявилась горячая любовь и глубокое уважение к нему.

Протоиерей А.В. Цветаев

Примечания.

[1] Крестьяне пастырей своих обычно знали лишь по именам. В 1970-е гг. старожил д. Поповское Ивановского района на вопрос краеведа В.М. Воробьёва, помнит ли он священника с. Юрьевское Н.Н. Семёновского, подумав, ответил: «Нет, Семёновского не помню. Отца Николая помню».

[2] Цветаева Мария Александровна (1848*—1928), дочь священника села Першино, Шуйского уезда, Александра Матвеевича Богословского. Жена Талицкого иерея Петра Владимировича Цветаева. Овдовев, получала ежегодное пособие от Синода – 90 руб. Имела недвижимость: «Дом с двором, кормовой хлебный амбар, сарай, погреб, баню, 16 десятин земли» (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 53. Л. 78).

[3] Ключ и безмен хранятся в музее Ново-Талицкой средней школы.

[4] Возраст указан по записи в метрической книге Николаевской церкви (Ф. 394. Оп. 3. Д. 40 Л. 69 об.). В указе от 6 октября 1841 г. о назначении священником села Дроздово Владимира Цветаева о нём сказано: «<...> от роду ему 24-й год, в брак вступил с владимирской округи села Карачарово умершего диакона Василия Сакулинского дочерью девицей Екатериною, имеющею от роду 17-й год. Во священника произведён в Рождественской церкви при Владимирском Архиерейском доме 31 августа 1841 года его высокопреосвященством Парфением Архиепископом Владимирским и Суздальским и кавалером» (ГАИО. Ф. 653. Оп. 2. Д. 2. Л. 19). Сообщ. О.А. Контевой. Т.е. умер он не 64-х, а по крайней мере 66-и лет.

[5] См. сделку-условие между А.П. Смирновым и А.В. Смирновой от 20 августа 1931 г. – С. 251—253.

[6] В одной из ячеек был устроен тайник. Сохранилась дощечка от ящичка с записью чёрными чернилами рукой владельца:

«Расписка Влад[имирского] Госуд. Банка.

Вклады на хранение священ. Петром Цветаевым:

Билеты на 3900 р. Октября 26 ч. 1879 г. № 3828-й

300 р. того же числа № 3829-й
250 р. № 3830-й
Билеты на 1150 р. того ж 29 января 1880 г. № 3984
Две облигации на 200 рублей того же числа № 3995».

Даты вкладов относятся ко времени, когда о. Пётр был смотрителем Тейковского епархиального свечного склада (по 30 марта 1884 г.). См.: ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 53. Л. 16 об. Текст расписки мог быть перенесён на стенку ящичка после перевода о. Петра в Талицы, но мог быть и сам секретер перевезён им из Першина в Талицы. Дощечка с текстом размером 130×175 мм хранится в собрании Г.К. Кочетковой.

[7] *Цветаева А.И.* Воспоминания. Изд. 2-е, доп. М., 1974.

[8] Цветаев Василий Петрович (1790– ок. 1853), сын бесфамильного пономаря села Матрёнино, Покровского уезда, Петра Осипова. Учился в ВДС, курса не окончил. Служил пономарём села Матрёнино (1815), дьяконом Спасской церкви в Шуе (1816–1820), с 1820 г. – священником села Стебачёво (*Ставровский 2001:* 5–8). (Библиографию см.: стр. 287–291).

[9] *А. Ц-в 1884*: 309.

[10] То же.

[11] То же.

[12] *А. Ц-в 1884*: 310. «У сельских попов полевые работы всё больше "толокой" <то есть артельно, с последующим угощением. – *О.П.*> справляются» (*Печёрский А.* В лесах // *Мельников П.И.* (*Андрей Печёрский*). Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Правда, 1963. С. 61).

[13] *А. Ц-в 1884*: 311.

[14] То же.

[15] *Цветаева М. 1995*: 5: 46.

[16] ГАИО. Ф. 389. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

[17] См. с. 247. Впервые: *Ставровский 2001:* 12.

[18] *Баделин В.* Земля Иванов: Историко-краеведческие очерки. Иваново, 2001. С. 350–351.

[19] Николай (28.11.1843–18.06.1847), Александра (29.10.1845–10.06.1846) (*Иереи 2003:* 159).

[20] *А. Ц-в 1884:* 312.

[21] *А.Ц-в 1884*: 313.

[22] Александр (1857–1858) (*Иереи 2003:* 160).

[23] Сообщ. родственницей работницы, таличанкой А.В. Городовой.

[24] *А.Ц-в 1884:* 314.

[25] *Ферхов В.Ф.* <Воспоминания> // *Цветаев 1902:* 24.

[26] *Цветаев 1902:* 2–3.

[27] См. с. 241.

[28] См. с. 212–215.

[29] См. с. 216–240.

[30] *А. Ц-в 1884*: 317.

[31] *Цветаева М. 1995*: 1: 507. В стихотворении допущена поэтическая вольность – ни одного из сыновей бабка не увидела семинаристом.

[32] *Цветаев А.В.* Слово пастыря: Статьи / Сост. Н.А. Коптева. Иваново: Ивановская газета, 1999. – 142 с.

Глава третья

ДЕТИ

Все четыре сына Владимира Васильевича Цветаева по сословной привилегии учились сначала в Шуйском и Владимирском духовных училищах, затем во Владимирской семинарии.

Учение было не лёгким. Вот как описывает современник «великую бедность жизни» бурсаков: «По восемь-десять человек они ютились в задних избах или на кухнях мещан и причетников уездных городов, окружённые невероятной нищетой; не зная кроватей, они спали на полу вповалку, по лавкам или на полатях, на простых войлоках, без малейшего признака постельного белья и ходили в жёстких пестрядных рубашках. Посещали они школу до пятнадцати лет в летнюю пору *босиком*, а зимой оставались всё время классов в овчинных домашнего приготовления тулупах и валенках, так как двойного платья, верхнего и нижнего, тогда духовным школьникам не полагалось, да и раздевальных в школах и в помине не было»[1]. Питание скудное, из общей миски. Писатель и врач С.Я. Елпатьевский, дальний родственник Цветаевых, вспоминая о своей учёбе в духовном училище, писал: «...четыре года – ощущение непрерывного голода...»[2]. За малейшую провинность учеников секли[3]. Трудна была и сама учёба. Духовная школа давала направленное гуманитарное образование. Ученики изучали всеобщую, русскую и библейскую историю, русскую словесность и литературу, психологию, логику, древние и новые языки, математику, катехизис, церковный устав, церковное пение и др. Занятия шли весь день.

Немаловажным было и то, что бурса, в сочетании с усвоенными с малых лет навыками сельского труда, позволила младшим Цветаевым получить трудовую закалку, самостоятельность, устойчивость в жизни[4].

Старший сын Владимира Васильевича, Пётр Цветаев,

Священник П.В. Цветаев с сыном Сергеем. 12 апреля 1882 г., Шуя

пошёл по стопам отца. Учение давалось ему труднее, чем следовавшим за ним братьям. В 1866 г., проведя в духовной школе 15 лет, он окончил семинарию по II разряду. Но для получения места священника нужен был аттестат I разряда. Пётр вернулся к отцу и через два года, после переэкзаменовки, получил нужный документ. В том же году открылась Талицкая земская школа, и Пётр стал учительствовать в ней. В начале 1869 г. умер священник с. Першино под Тейковом, Александр Матвеевич Богословский. Пётр женился на его осиротевшей дочери Марии и получил Першинский приход. С 1869 по 1878 гг. он был учителем Першинской земской школы, с 1880-го – смотрителем тейковского свечного склада. Находясь невдалеке от отца, сын по его вызову приехал в Талицы в первый же день смертельной болезни о. Владимира – 1 марта 1884 г. – и стал исполнять обязанности священника, а похоронив отца, принял Талицкий приход. Кроме церковной службы, вновь преподавал закон Божий в Талицкой земской школе, где обучалось 60 мальчиков. В 1895 г. его стараниями в отремонтированном купцом П.А. Соколовым здании старой кельи-богадельни была открыта трёхлетняя женская церковно-приходская школа на 30 учениц.

В 1980-е годы бывшая ученица ЦПШ Серафима Максимовна Рубцова, родом из д. Кадниково, рассказывала о том, как в школу на выпускной экзамен приезжал попечи-

тель Дмитрий Владимирович Цветаев[5]. Оценив знания Симы на «пять с плюсом», он предложил ей продолжить образование в Иваново-Вознесенской гимназии на его стипендию. Но родители не отпустили дочь. В семье было шестеро детей, трое – младше Симы.

За устройство ЦПШ о. Пётр получил благодарность и грамоту, а за 25-летнюю службу законоучителем был награждён орденом Святой Анны III степени. За проповедь слова Божьего представлен к церковным наградам[6].

Умер о. Пётр 4 февраля 1902 года, похоронен на талицком кладбище.

Остальные сыновья о. Владимира избрали просветительскую стезю: Иван работал в высшей школе, Фёдор – в средней, Дмитрий – и в средней, и в высшей. Все трое были гуманитариями. Немалую роль в этом выборе сыграл смотритель Шуйского духовного училища Иван Петрович Чуриловский[7], один из последних педагогов – знатоков латыни и греческого (со второй половины XIX в. уровень преподавания древних языков в духовной школе неуклонно падал). Этот беззаветный энтузиаст латыни не только в учебные дни, но и по воскресеньям, и в праздники собирал у себя на дому лучших учеников и занимался с ними сверх программы.

Иван Владимирович Цветаев. 1870-е гг.

Второй сын о. Влади-

мира, Иван Владимирович Цветаев, помнил своего учителя до конца жизни. В автобиографии он особо отмечал Чуриловского, как «... замечательно-доброго и разумного старца-педагога, в жизни не знавшего других интересов, кроме пользы своих учеников», и утверждал, что именно ему он «... обязан любовью к латинской литературе и научным знаниям вообще»[8].

Любовь к науке и античности привела Ивана Цветаева в 1865 году на классическое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета (вначале он поступил в медико-хирургическую академию, но 6 октября перешёл в университет). Студенческая жизнь началась с прошений (отец не мог платить за его обучение), и в числе других бедных студентов он был освобождён от платы.

30 мая 1870 г. Иван Цветаев окончил университетский курс со степенью кандидата и золотой медалью за сочинение на тему «Критическое обозрение текста Тацитовой Германии» и был оставлен при университете стипендиатом для усовершенствования в классических языках, «чтобы по выдержании магистерского экзамена и после защиты магистерской диссертации, быть готову для занятия преподавательской должности в одном из отечественных университетов»[9].

С 1 сентября 1871 г. по 1 сентября 1872 г. он преподавал греческий язык в 3-й гимназии, затем (после сдачи магистерского экзамена) был утверждён исполняющим должность доцента Варшавского университета, по кафедре римской словесности. В августе 1873 г., по представлении диссертации на степень магистра латинской словесности (посвящённой И.П. Чуриловскому)[10], утверждён в звании магистра и доцентом Варшавского университета. В Варшаве он пережил несчастную любовь к какой-то «гордой деве», отклонившей его предложение руки и сердца, оттуда в 1874 году впервые поехал в заграничную научную командировку – через Германию в Италию.

Изучая древнеиталийские наречия[11], молодой учёный не ограничивался кабинетными знаниями. Он объездил и обошёл пол-Италии, снимая бумажные слепки[12] с древних эпиграмм – надписей, высеченных на камне. Это была тяжёлая, кропотливая работа, но сын сельского иерея не чурался трудностей[13].

Находясь за границей, он подал прошение в Варшавский университет об отставке и в том же году был избран доцентом римской словесности Киевского университета.

Результатом первой поездки в Италию стала книга «Сборник осских надписей, с очерком фонетики, морфологии и глоссарием» (Киев, 1877). (Предварительно материалы печатались в журналах на итальянском языке). В 1877 году И.В. Цветаев защитил докторскую диссертацию в Петербургском университете и, по приглашению известного филолога Ф.Е. Корша, перешёл в Московский университет. В 1879 году вышло первое издание книги «Италийские диалектические надписи», и он получил звание экстраординарного профессора Московского университета по кафедре римской словесности (в 1885 году утверждён ординарным). В 1888 году, в составе депутации[14] от Московского университета, участвовал в торжествах по случаю 800-летия Болонского университета. «<...> Ректорат университета присвоил звание почётного доктора 24-м европейским учёным по филологическому факультету, в ряду других факультетов. В их числе из русских были академик А.Н. Веселовский и профессор И.В. Цветаев»[15].

Второе расширенное издание «Италийских надписей»[16] на родине автора осталось незамеченным. «Такова уж доля поганая филолога в нашем отечестве, – писал он коллеге в декабре 1888 года. – Я просидел около 13 лет над своими италиками и последней книги разошёлся... *один* экземпляр на всю Великую и Малую и Белую Россию! Да и тот зачем-то понадобился в Моск<овскую> Дух<овную> академию»[17].

16 мая 1882 года 35-летний учёный-лингвист подал про-

Варвара Дмитриевна Цветаева

шение об определении его «на должность хранителя Дашковского этнографического музея[18]»[19]. Музей этот был частью Московского Публичного и Румянцевского музеев. Прошение было удовлетворено, и И.В. Цветаев в течение 28 лет сочетал преподавательскую деятельность со службою в музеях: заведовал гравюрным отделом, отделением изящных искусств и классических древностей, десять лет директорствовал (1900—1910 гг.). Музеи размещались в знаменитом доме Пашкова, построенном в конце XVIII в. по проекту В.И. Баженова. На основе библиотеки Румянцевского музея в 1924 году создана Публичная Всероссийская, в дальнейшем – Государственная библиотека им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека).

В 1880 году профессор И.В. Цветаев женился на дочери известного историка Д.И. Иловайского. Варвара Дмитриевна была красавицей, женщиной тонкого художественного вкуса и изящества, с хорошими вокальными данными. Она обучалась пению в Италии, дебютировала в опере Мейербера «Гугеноты», однако протест родных помешал ей стать оперной певицей. В доме Цветаевых в Трёхпрудном переулке всегда было много музыки. Этот счастливый брак длился десять лет. В 1890 году Варвара Дмитриевна умерла,

Андрей и Лёра Цветаевы. Начало 1890-х гг.

оставив мужа с новорожденным сыном Андреем и семилетней Лёрой, которой долго не говорили о смерти матери.

Мария Александровна Цветаева

Через год он женился на 23-летней М.А. Мейн, дочери крупного чиновника, банкира, сотрудника «Московских губернских новостей» А.Д. Мейна. Мария Александровна получила хорошее образование, знала несколько языков, писала стихи, переводила, рисовала и вдохновенно играла на рояле. Выйдя замуж за немолодого вдовца с двумя детьми, она со всей энергией молодости вошла в его заботы и мечты, стала верной помощницей и соратницей. У них родились две дочери – Марина и Анастасия.

В 1889 году Иван Владимирович перешёл от лингвистики к искусствоведению – возглавил кафедру истории и теории искусств. Объяснял это он не сменой интересов, а их развитием. «Из-за <...> италиков, – писал он, – <...> я должен был работать по всем музеям Италии; так я сроднился со скульптурою и "римскими" вещественными древностями. И меня после окончания издания книг... потянуло сначала читать курсы по сакральным и бытовым "римским древностям", а потом заняться классической скульптурой»[20].

Он с детства был чуток к красоте. И не удивительно – ведь красивы были и окрестности родного села, и стройный храм. Отец его, отстоявший старинные иконы, тоже понимал красоту... Ивана Владимировича удивляло, как могут преподавать свой предмет эллинисты, ни разу в жизни не побывавшие в Афинах. В 1909 году он писал из Греции: «<...> здесь всё нам близко, всё дорого, всё родное, всё

вызывающее радость и сознание счастья, что судьба привела ещё раз увидеть эти места, эти памятники, близкие сердцу искусства <...> Мне жить уже недолго, а и я тут бегаю, как старый шакал, с одного исторического места на другое»[21].

Иван Владимирович стал читать в университете курс истории искусств. В его лекциях, по словам ученика, были «отчётливость мысли, изящная форма и дух любви к науке, который согревал изложение и делал близким <...> даже самое далёкое»[22]. Отношение к античности (и особенно к скульптуре) тогда было непростым. Языческое античное искусство считалось чуждым христианской культуре. Статуи противопоставлялись иконам. Но сын сельского священника Иван Цветаев смог стать выше догм и понять мировое гуманистическое значение дохристианских памятников. Зевса «Фидий за 4 1/2 века до нашей эры скомпоновал <...> таким же всеблагим, как наша церковь изображает Спасителя, – писал он о знаменитой статуе древнегреческого скульптора. – Как случилось такое сходство поражающего свойства, сказать трудно. Несомненно только, что Фидий был человеком глубоко религиозным»[23].

Княгиня З.А. Волконская. Художник Ж.-Б. Изабе. 1815

Для практических занятий студентов при кафедре существовал Кабинет изящных искусств. К приходу Ивана Владимировича в нём числилось 58 гипсовых слепков с античных статуй и несколько книг. Кабинет располагался в двух комнатах старого больничного корпуса университета. Заколоченные в ящики слепки стояли где попало, даже в уборных.

Как внештатный хранитель кабинета, Цветаев, прежде всего, взялся за составление

Учебного атласа античного ваяния. Изданный им атлас[24] в учёном мире признали образцовым. Следующим шагом было создание при университете музея античного искусства, музея, который не только бы расширял кругозор студентов, но и являлся общедоступным просветительным центром, местом приобщения москвичей к вершинам мировой культуры. С конца 1880-х годов в лекциях и статьях Цветаев стал ратовать о необходимости создания такого музея, а 24 апреля 1894 года сказал об этом в речи на I Съезде русских художников и любителей художеств.

Архитектор Р.И. Клейн. Художник Джеймс Линье. 1910

Первый проект Эстетического музея при Московском университете был опубликован ещё в 1831 году и принадлежал воспетой Пушкиным княгине Зинаиде Волконской[25]. Портрет её висел на стене в доме И.В. Цветаева в Трёхпрудном переулке. Но правительство тогда не нашло денег. Много хороших проектов осталось на бумаге. Для воплощения мечты необходим человек, который взвалил бы на плечи всю тяжесть работы по реализации идеи.

Таким человеком стал Иван Цветаев. Среди известных создателей музеев он занимает совершенно исключительное место. Он не был коллекционером, был небогат. Начал музей абсолютно на пустом месте: ни земли, ни экспонатов, ни денег. Только мысль о необходимости просвещения юношества, любовь к искусству, добросовестность, трудолюбие, упорство – цветаевские родовые черты.

Стараниями Ивана Владимировича был объявлен конкурс проектов музея (в нём участвовала – после знакомства с лучшими музеями Европы – и Мария Александров-

на). Победил проект архитектора Романа Ивановича Клейна. «Отбил» Цветаев у соперников и последний незанятый кусок земли в центре Москвы – бывший Колымажный двор (ещё недавно там стояли бараки пересыльной тюрьмы). Когда «хозяином» подходил к этому месту – выступили слёзы[26].

17 августа 1898 года состоялась торжественная закладка первого камня. Однако впереди ещё было 14 трудных лет.

Музей строился на пожертвования. Из трёх миллионов рублей, вложенных в строительство, казённых было лишь двести тысяч. Получил их Иван Владимирович после трёхлетних переговоров с министром финансов С.Ю. Витте, начатых весной 1895 года с грубого и надменного отказа министра: «народу нужны хлеб, да лапти, а не Ваш музей»[27]. Остальное было собрано. Приходилось убеждать, зажигать, выпрашивать, переживая множество унизительных отказов. «<...> проедают и пропивают чудовищные деньги, – писал Иван Владимирович, – а на цель просветительную жаль и пятиалтынного <...> Оделись в бархат, настроили палат, засели в них – а внутри грубы, как носороги. И не проймёшь их никакими возвышенными целями и никакими речами»[28]. Среди «носорогов» оказались и небезызвестный Савва Морозов с «многомиллионной» родительницей М.Ф. Морозовой. «Савва Великолепный» не только сам не становился жертвователем, но и открыто издевался над двоюродным братом М.А. Морозовым, на средства которого в музее сооружался зал Афродиты Милосской и Лаокоона, дескать: «вот какой выискался меценат»[29].

Сколько сил, упорства, дипломатии, целеустремлённости, душевной стойкости потребовалось Цветаеву! («Созрев», внёс свою лепту в строительство и Савва Тимофеевич). Так, в своё время, собирал на храм о. Владимир, но ему хватило нескольких тысяч, здесь же счёт шёл на миллионы. Несоизмеримы были и цели. «<...> Путь создания новых общественных учреждений, – размышлял в горькую минуту Иван Владимирович, – <...> – не три-

умфальный путь, раз материальная сторона их основывается на подачках, на пожертвованиях частных лиц». Поддерживала цель – необходимость «внесения чистых образов и идей в среду современного и грядущего юношества»[30].

Голова его болела от «рыболовных дум»[31], как называл он мысли о способах выуживания денег из карманов богачей. Заметно двинуло дело присваивание имён жертвователей музейным залам. Ректор Московского университета М.К. Любавский шутил, что Цветаев мог бы быть министром финансов, ибо «жертвователи его благодарили за то, что он деньги от них получал – это никакому графу Витте никогда не удастся»[32].

Основным жертвователем был Юрий Степанович Нечаев-Мальцев, миллионер, владелец стекольных заводов в Гусь-Хрустальном, товарищ председателя Комитета по устройству музея[33]. Он внёс в строительство музея более двух миллионов. После привлечения к проекту «Мальцевских симпатий»[34], между секретарём Комитета по устройству музея И.В. Цветаевым и товарищем председателя, жившим в столице, установилась интенсивная переписка, продолжавшаяся свыше 10 лет. Из Москвы в Петербург отправлялись подробные отчёты о ходе строительства; из Берлина, Дрездена, Лондона, Парижа, Рима, Флоренции, Неаполя и других городов посылались счета на оплату отобранных там или заказанных экспонатов. Нечаев-Мальцев отвечал телеграммами, торговался, нередко сердился, но счета оплачивал. Человек незаурядного ума и большого жизненного опыта, он, за время сотрудничества с Цветаевым, стал хорошо известен в крупнейших европейских музеях, бывал в Египте, производил самостоятельно закупки экспонатов, строительных материалов. Постигая тонкости непростой натуры главного мецената, Иван Владимирович писал Клейну: «<...> беда, мой друг, в необыкновенной сложности этого характера. Скажи ему, попроси, посоветуй, – этого-то он и *не* сделает, потому что *не* он это придумал, *не* он это решил»[35]. Мучительными для сына сельского священника были

«завтраки» с миллионером: «<...> сердце разрывается от жалости, – откровенничал он в семейном кругу, – ведь на эту сторублёвку – что можно для музея сделать! <...> Хоть бы мне мою долю на руки выдал! Ведь самое обидное, что я *сам* музей объедаю...»[36]. «<...> Нечаев-Мальцев, – писала Марина Цветаева, – стал главным, широко говоря – единственным жертвователем музея, таким же физическим создателем, как отец – духовным. (Даже такая шутка по Москве ходила: "Цветаев-Мальцев")»[37].

Созданию музея было отдано 14 лет бескорыстного труда «без всякого вознаграждения». На поездки по музейным делам почти полностью уходило и отпускное время. Иван Владимирович ездил на Урал за мрамором, 11 раз – за границу, отбирал в европейских музеях экспонаты, заказывал с них слепки лучшим мастерам. «<...> каждый существенный нумер этого Музея приобретён для него только после *старательного* осмотра мною подлинников»[38], – писал он. Свидетельствовала дочь Валерия: «Организация Музея не даёт средств к существованию, наоборот, службой заработанные деньги (Университет, Румянцевский музей) покрывают расходы на неизбежные поездки, да ещё с расчётом на собственную нетребовательность, выносливость»[39]. Без семьи он ездить предпочитал «любимым» третьим классом.

Недоброжелатели есть и у энтузиастов. Деятельность последних ущемляет чьё-то самолюбие, другие видят в ней препону собственным карьеристским устремлениям, третьих она просто раздражает, лишает спокойной жизни. Энтузиаст же заносил в дневник: «... идея этого Музея <...> дать Университету и нашему юношеству новое, идеально изящное учреждение. В этом всё честолюбие, вся награда, наивысшее удовлетворение <...> всё остальное – исключается из души совсем, как тлен, как вздор, как суета. В самом деле, не для чина же тайного советника или какой-нибудь звезды предпринята вся эта совершенно добровольная большая работа. Тайными советниками<...> делают людей, просидевших спокойно несколько стульев в канцеляриях. У профессоров иные цели – альтруистичес-

кого добра, высшего просвещения.

Чего стоит наше "я", наше самолюбие – в виду того добра, которое будет приносить дело в течение неизмеримого отсюда ряда лет? Чего стоят перед этим наши силы, покой, наше самолюбие?.. Христос со всем этим, лишь бы задуманное дорогое дело двигалось вперёд»[40].

Музей изящных искусств. Парадная лестница без облицовки мрамором. 1904

Цветаев вникал во все мелочи строительства здания, которое само должно было стать экспонатом, вводить в дух и стиль античного зодчества. Весь музей и снаружи, и внутри мыслился как большая хрестоматия по истории искусств. Архитектор порой злился, Цветаев упорствовал («Будьте добры *исключить* из рисунка потолка зала Парфенона *маски совсем*, как не могущие принадлежать второй половине V в. до Р. Хр. Так, как передал их чертёжник, эти рожицы принадлежат декадансу греческого искусства, м. б. римским временам»[41]. «<...> не лучше ли будет *для ступеней* избрать *красный* гранит? По ступеням будут двигаться постоянно толпы; это будет самое бойкое место всего Музея»[42]). Если он чем-нибудь занимался, этот дотошный человек, то изучал предмет досконально. В одном из писем Клейн читал: «Это дело <...> стало для нас двоих жизнью»[43]. Беспокоился, что у архитектора много других заказов: Торговые ряды, трибуна скакового общества, частные дома. Улещал его: «Музей будет Вашим памятником более прочным, чем Ряды, которые, как кирпичные и по свойству эксплуатации, проживут свой век скорее, чем наше сооружение с каменным фасадом и при тихом, спокойном образе его жизни умерших Олим-

пийцев. Храм Спасителя и Клейновский Музей будут постоянно ассоциироваться в представлении и москвичей, и приезжих. А какую-то Скаковую беседку кто ещё увидит и оценит»[44]. Клейн, задетый за живое, ответил: «У меня две любви, из женщин только к жене, из работ моих только к музею...»[45].

В ходе строительства концепция музея, задуманного как музей античной культуры, была расширена: в собрание музея вошли и памятники Древнего Востока, и Средних веков, и Возрождения. В 1909 году музею была передана уникальная коллекция египтолога В.С. Голенищева, который собирал её 30 лет и из-за финансовых затруднений продал государству. С приобретением этой коллекции подлинных египетских древностей музей встал в ряду крупнейших музеев Европы.

За это время было пережито и много горького. В ночь с 19 на 20 декабря 1904 года в музее случился пожар. И.В. Цветаев с семьёй находился тогда во Фрейбурге, где лечилась жена. В первый день Нового года он писал Р.И. Клейну: «Ваши с Дмитриевым письма, полученные на рассвете, были прочитаны с перерывами от слёз, наконец совсем лишивших меня возможности видеть строки; доканчивала чтение уже М<ария> А<лександров>на. Но настоящее чувство утраты пришло после, когда холод, дрожь и слабость в ногах не дают мне покоя. Пошёл я с телеграммами <...> на почтамт, – дорогой должен был останавливаться: не хватало воздуха для дыхания. <...> Но с завтрашнего дня надо взять себя и своё горе в руки»[46]. Погибло 175 ящиков с гипсовыми и бронзовыми слепками, пострадало здание. С началом русско-японской войны прекратились пожертвования («шкатулка оскудела», – говорил Цветаев). Строительство приостановилось.

Тяжким горем стала многолетняя болезнь жены. 5 июля 1906 года Мария Александровна скончалась. Ему советовали забыться в работе. «Но в этом-то Музее мне почти *всё* и говорит о М<арии> А<лександровне>, – писал он товарищу, – о её колоссальной роли в этом деле заката мо-

ей жизни. Если её очень умный и широко образованный отец внушал мне смелость и решимость об устройстве *большого*, для всех доступного впоследствии Музея скульптуры <...>, то Мария Александровна до последнего, рокового года была моим первым советником во всех вопросах, группировавшихся вокруг этого предприятия <...> Мы говорили и думали о нём каждый день, мы вместе сделали путешествия специально для Музея по Италии в 892 г., по Германии, Франции и Англии в 895, жили в Париже и ездили по Северной и Средней Франции весной 904 г. Мои дорожные книжки заполнялись её быстро писавшей рукой, она помнила многое лучше меня <...> везде чуется её энергия, ум, образованность и способность к благородным увлечениям»[47]. Умирая, Мария Александровна пожелала счастливого завершения дела жизни и завещала часть своего состояния в вечный капитал Музея изящных искусств. Во второй раз Иван Владимирович стал вдовцом, подобно отцу – с четырьмя детьми. Подкатывала «старость с её очарованиями»[48]. Через два месяца в тихой Тарусе – «лучшего санатория для натянутых нервов и соединённых с этим бессониц, – по убеждению Ивана Владимировича, – <не могло быть> в мире: хоть изъезди всю Ривьеру, всю Италию, Крым и другие благодатные места»[49], – у него случился «обморок, с повреждением речи и формы рта»[50]. 19 сентября, в доме И.З. Добротворского, он написал завещание.

Врачи университетской клиники, где Цветаев лечился всю осень, запретили писать письма, «находя связь между глазным переутомлением и головными болями»[51], и Р.И. Клейн стал получать написанные под диктовку, рукою Ивана Владимировича Дмитриева, советы по устройству книжных шкафов музейной библиотеки, указания о порядке проведения штукатурных работ, сетования, что полы настилаются не метлахской плиткой. «Волей злой судьбы мы настилаем их мозаикой. Это – наша Ахиллесова пята в вековечно-прочном здании. Эти полы одновременно с нашими костями, если не раньше, обратятся в

пыль и станут грязнить гипсы»[52].

В 1909 году на голову почтенного профессора обрушилась хула. В январе из Румянцевского музея были украдены несколько гравюр. Иван Владимирович выявил вора, и большинство гравюр были возвращены. Однако в музей зачастили ревизоры. Министр просвещения А.Н. Шварц подал в Сенат рапорт о возбуждении «уголовного преследования против директора» музея, обвинив его в «преступлениях по должности». 17 декабря 1909 года Сенат признал обвинения неосновательными и постановил вернуть жалобу подателю. Однако тот не усмирился и на следующий год подал доклад об увольнении И.В. Цветаева на имя царя. Всеподданнейший навет был доставлен на борт императорской яхты, крейсировавшей по Балтийскому морю. Никто из сановной челяди не посмел донести до сведения Государя о постановлении Сената, и 13 июня 1910 года, с Высочайшего согласия, И.В. Цветаев был отстранён от должности директора Румянцевского музея «*без всякого вознаграждения* за 28 лет его тамошней службы»[53] (из них 10 лет – директорства).

Сенат предоставил ему право составить объяснительный документ на обвинение, и на свет появилась книга «Московский Публичный и Румянцевский Музеи. Спорные вопросы. Опыт самозащиты И. Цветаева, бывшего директора сих музеев, заслуженного профессора Московского университета. Москва-Дрезден. 1910» с эпиграфом из Лермонтова:

Чего он хочет? Небо ясно,
Под небом места много всем;
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он ... *зачем*?[54]

В книге сообщалось, что министр, к тому времени тоже уже ставший бывшим, возбудил уголовное преследование против автора, «не видевши Музея свыше 28 лет и не имея точных сведений ни о зданиях, ни об особых условиях службы сего учреждения», что он «умолчал о 15-летней *строительной* деятельности обвиняемого, которая спасла

здания <...> от разрушения», и приписал ему факты деятельности не только предшественника, но и директора, умершего 15 лет назад (В.А. Дашкова. – *О.П.*), что в ход была пущена сплетня об его «абсентеизме» (неявках на службу), под которым подразумевались его служебные командировки по делам Музея изящных искусств, хотя он впервые в истории Румянцевского Музея ввёл практику *«ежедневного* присутствия директора <...> *на службе* <...>»[55]. Каждый пункт опыта самозащиты подтверждался фактами, документами. Книга стала сенсацией, прояснила «Дело Цветаева-Шварца», на её основе I департамент Сената принял решение о прекращении дела. Но никаких изменений в положение оклеветанного профессора она не внесла. «Обида, причинённая мне А.Н. Шварцем, меня разорила и подвергла публичному бесчестью»[56], – признавался он новому министру. Вскоре выяснилось, что новый министр, Л.А.Кассо, оказался того же разбора, что и предшественник[57]. В начале 1919 г. он издал циркуляр, запрещавший студенческие сходки в стенах университетов и обязывавший ректоров вызывать полицию для разгона их.

«<...> Мечта о музее, – писала Марина Цветаева, – началась <...> в те времена, когда мой отец, сын бедного сельского священника <...>, двадцатишестилетним филологом впервые вступил ногой на римский камень. Но я ошибаюсь: <...> мечта о музее началась, конечно, до Рима – <...> может быть, ещё и в глухих Талицах, Шуйского уезда, где он за лучиной изучал латынь и греческий. "Вот бы глазами взглянуть!" Позже же, узрев: "Вот бы другие (такие же, как он, босоногие и "лучинные") могли глазами взглянуть!"»[58].

И вот праздничный день – 31 мая 1912 года. Начался он утренним звонком давней приятельницы дома[58а], представшей на пороге с венком, собственноручно сплетённым из римского лавра... Торжественное освящение Музея изящных искусств. Заполненная народом Волхонка. У ворот предмузейного сквера две арки, украшенные национальными флагами, государственными гербами и

Ю.С. Нечаев-Мальцев в придворном мундире. Москва. 1912

императорскими вензелями. В три часа пополудни восторженное народное «ура» возвестило о приближении к Музею императора Николая II и матери-императрицы Марии Фёдоровны[58б]. Хор учащихся средних учебных заведений численностью около 800 голосов под управлением М.М. Ипполитова-Иванова исполняет гимн «Боже, царя храни!». У парадного подъезда августейших особ встречают Ю.С. Нечаев-Мальцев, И.В. Цветаев, Р.И. Клейн. Вместе с гостями[58в] поднимаются в центральный колонный зал музея. Синодальный хор возглашает «Царское многолетие» и «Память» в Бозе почивающему императору Александру III. Осмотр музея начинается с зала Олимпии – V в. до н.э. (императрицы Марии Фёдоровны). На Иване Владимировиче – расшитый золотом мундир Почётного опекуна («Семьсот рублей потратить на себя! Стыд и позор!» Еле успокоили: «Так это же не на себя, а для музея, папа!»[59]). Чуть склонив седую голову набок, он сопровождает по залам ясноглазого полковника в форме лейб-гвардейского Екатеринославского императора Александра II полка – императора Николая II. За ними, «как по волшебной дудке Крысолова, галуны, медали, ордена»[59а]... После осмотра экспозиции Их Величествам были поднесены по три памятные

И.В. Цветаев в мундире Почётного опекуна Московского присутствия Опекунского совета. Москва. 1912

Музей изящных искусств. 1912

медали (золотая, серебряная и бронзовая). Император отметил «необыкновенную полноту коллекций Музея, которая даёт возможность теперь основательно изучать в России историю искусств. Монументальное здание также получило высочайшее одобрение»[596]. В 4 часа 45 минут высочайшие особы со свитой под звуки гимна «Славься» М. Глинки в исполнении хора учащихся и военных оркестров и неумолкавшее «ура» отбыли из Музея.

Утренняя гостья тянет профессора за рукав из толпы, заклиная, что он должен: «Выйти и встать, выйти и встать, выйти и встать!». Иван Владимирович, как во сне, «вышел и встал. <...> явно не видя всех на него глядящих, стоял он у главного входа, один среди белых колонн, под самым фронтоном музея, в зените своей жизни, на вершине своего дела»[60]. Иван Владимирович мог оглянуться на пройденный путь: «20 лет труда, вдохновения, мечты, надежды – вот они: воплощены. Довелось дожить! Часто ли выпадает человеку такое счастье?!»[61]. Декламируя стихотворение Баратынского «На смерть Гёте» и дойдя до строк:

Музей изящных искусств. Римский зал. 1912

Музей изящных искусств. Фриз "Олимпийские игры". Скульптор Г.Р. Залеман

Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном всё земное! –

он сказал: «А знаете, я сейчас переживаю это про самого себя. Я совершил всё, что мог»[62]. «Семья мне не удалась, – говорил он старшей дочери, – но служба государству, родине <...> удалась»[63].

После открытия музея жизнь Ивана Владимировича заметно пошла под уклон. Дети разлетелись, опустел дом в Трёхпрудном. Цветаев собирал материал для последней, как считал, книги – «О храмах Востока, мира Классического, Этрурии и первых веков христианства». Просил у судьбы три года для неё.

28 августа 1913 года на чужой даче под Подольском (имение Поливаново-Кларк), где Иван Владимирович жил на пансионе, его свалил припадок грудной жабы. «По вокзалу, – вспоминала вернувшаяся к этому времени из-за границы Валерия, – несли его на железнодорожных носилках (а ему требовался полный покой. – *Г.К.*); он был очень этим смущён, ему казалось, <...> что все на него смотрят с осуждением. <...> все мы, кто откуда собрались в Трёхпрудном: Марина, Ася, Андрей, и я, <...> Дмитрий Владимирович с сыном Володей, двоюродная сестра наша медичка Саша Цветаева. Она дежурила у постели больного <...>»[64]. «Консилиум московских врачей признал положение больного очень трудным, но не безнадёжным»[65].

30 августа Иван Владимирович Цветаев умер. Умер, переживая за музейные колонны, показавшиеся критикам слишком тонкими, относительно высоты, беспокоясь за нескладывавшуюся семейную жизнь Аси. «<...> не желая смущать близких, а главное, делать из своей смерти "события", умер (сын, внук и правнук[66] священника!) – *без*

священника, хотя знал, что умирает»[67]. В гробу он лежал в расшитом золотом мундире Почётного опекуна. «Сложены на груди такие знакомые милые руки. Слёзы застилают глаза... Что это? – вдруг заметила старшая дочь, – Нет никогда не снимавшихся двух старомодных обручальных колец <...>»[68]. Похоронили его на Ваганьковском кладбище рядом с Марией Александровной.

6 октября 1913 г. в Петербурге умер Ю.С. Нечаев-Мальцев. Вряд ли случайно так быстро ушли они оба после открытия музея. Дело, дававшее силы и смысл существованию, было исполнено. Вспоминаются прекрасные пушкинские строки:

Миг вожделенный настал: окончен мой труд
многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как подёнщик
ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?.. [69]

Вот портрет отца, написанный дочерьми.

Хотя он был человеком обеспеченным, его трудно было уговорить купить себе новую одежду – скупость «сына бедных родителей, стеснявшегося тратить на себя то, чего не могли на себя тратить они, трудившиеся до последнего вздоха <...> Скупость каждого живущего духовной жизнью и которому просто *ничего не нужно*»[70] (Марина).

«Уступчивый и нетребовательный в жизни...»[71]. «Занятость и усталость нисколько и никогда не делали его раздражительным. Простой, добродушный и жизнерадостный, он в домашнем быту был с нами шутлив и ласков»[72] (Анастасия).

«Спокойный, благожелательный и доступный не любил <...> людей вялых, безразличных. “Чего не сделает сильная воля”, – говорил он. И сам был примером кипучей энергии, вдохновенного, самоотверженного труда и любви к знанию»[73] (Валерия).

Труд был главным в его жизни. Старшей дочери он на-

писал: «Труд – conditio sine qua non* разумного существования»[74]. Младших учил: «И вы тоже, дети, будьте всегда всесторонне внимательны ко всякой работе, которой вы будете заняты, и не пренебрегайте простыми людьми – никогда...»[75]. Вставал в 6 часов утра. Забывая о годах, не следил за своим здоровьем, но неизменно заботился о других.

Трогательная рассеянность в быту (двум жёнам и трём дочерям дарил в течение многих лет «вишнёвые материи на платья»[76], не замечая, что никому из них не нравился этот цвет). Дети понимали: папа думает о своём Музее. Называли музей – «колоссальный младший брат»[77].

Повторял лермонтовское: «Под небом места много всем»[78].

«...А сколько бедных студентов, бедных учёных, бедных родственников поддерживал он!»[79] – вспоминала Марина. Однажды в зимний день при нём посыльный передал молоденькой дочери Асе нарциссы. Узнав, что это подарок знакомого студента, отец возмутился: «А думала ли ты, *что* такое зимой – цветы для кармана студента? Сколько он должен был лишить *себя* <...>? В нашей семье себе не позволяли таких вещей <...> Запрети»[80].

Оставшиеся от первой жены вещи, её театральные костюмы из хорошего материала были переданы в Талицы, семье брата Петра. На даче в Тарусе гостила талицкая племянница Женя. «Тоне-поповне» Иван Владимирович давал копировать деловую переписку, предоставляя возможность честного заработка. Часто бывали в доме братья: Дмитрий (он дружил с первым тестем Ивана Владимировича – Д.И. Иловайским) и Фёдор (после его смерти М.А. Цветаева говорила дочерям: «Он был очень добрый. Очень хороший ушёл человек»[81]); приезжал и Пётр: «Внизу, в парадных комнатах, – вспоминала А.И. Цветаева, – мы увидели маленького священника в тёмной рясе, с длинными белыми волосами и седой бородой. Он ласково посмотрел на нас папиными глазами»[82].

---

* Условие, без которого нет... (лат.)

Любил природу, дальние прогулки. «Отец мой, – писала Марина Цветаева, – страстный, вернее – отчаянный, ещё вернее *естественный* ходок, ибо шагает – как дышит, не осознавая самого *действия*»[83]. Приезжая в Тарусу на отдых, брал лопату и с увлечением работал в огороде. Рождение детей в семье отмечалось посадкой новых деревьев.

В 1909 году он пожертвовал 2000 рублей (в виде билетов 4 % ренты) на четыре стипендии имени Владимира Васильевича и Екатерины Васильевны Цветаевых для бедных воспитанников Шуйского духовного училища[84]. Делал вклады в ризницу Николаевской церкви[85].

Размышляя в письме другу о будущем своих детей, Иван Владимирович писал, что на профессорские капиталы составить им пожизненное обеспечение он, конечно, не мог, «но они достаточно обеспечены, и если будут благоразумны и скромны в требованиях от жизни, знать бедности не должны. Они обнищают разве только с государством, в бумагах которого заключается их обеспечение; но тогда и нищета не должна быть горька, как всякая жертва отечеству. Я так смотрю и верую в данном вопросе, и потому ни за что на свете не перевёл бы и одного целкового, из опасения государственного краха, в иноземную валюту. В отечестве средства дедами моих детей были нажиты, в нём же они, если так суждено, пусть и погибнут. Оттого я в детях воспитываю привычки возможной простоты и нетребовательности. Когда не грязно и не опасно от соседства, они у меня ездят и в 3-м классе железных дорог. Учу младших девиц шить: когда улучу свободу, повезу их в Германию пройти Haushaltung* под руководством надёжной Hausfrau**. Будущее несёт нам, может быть, такие сюрпризы, что "благородные" наши дамы и девицы сами должны будут и обед готовить, и комнаты убирать, и бельё гладить. Пусть же молодёжь учится простоте жизни и готовится к ударам будущего»[86].

---

* Домоводство (нем.)

** Домохозяйка (нем.)

На могиле М.А. Цветаевой была положена чёрная гранитная плита. Анастасия Ивановна вспоминала слова отца: «Вот и мне, дети, такую поставьте, когда я умру; стоячие памятники – падают, а лежачие... <...> Вот соберусь с силами, поеду на родину, в Талицы, поставлю такие же лежачие чёрные плиты – отцу, матери, брату»[87].

Обет свой Иван Владимирович выполнил. Поставил в Талицах гранитные плиты близким и перед ними – мраморного ангела с раскрытой книгой. Думаю, что это символ божественной доброты и знаний, отданных людям[88].

15 декабря 1913 г. состоялось соединённое заседание Комитета по устройству Музея изящных искусств и Совета Московского университета, посвящённое памяти И.В. Цветаева и Ю.С. Нечаева-Мальцева. На нём выступили ректор университета М.К. Любавский с речью «Памяти Ю.С. Нечаева-Мальцова», декан историко-филологического факультета А.А. Грушка с докладом «Профессор И.В. Цветаев как италийский диалектолог» и директор Музея В.К. Мальмберг с докладом «Профессор И.В. Цветаев и Ю.С. Нечаев-Мальцов – создатели Музея изящных искусств имени императора Александра III».

Иван Владимирович Цветаев был истинным русским интеллигентом, одним из тех подвижников, которыми творилось лучшее в русской культуре. «Героем труда»[89] назвала его дочь Марина. «Ваша деятельность по организации Университетского музея выше всякой похвалы»[90], – писал ему коллега. «За учёные Ваши заслуги, как они ни велики, статуи у нас не поставят, а создание музея, да ещё нового для него здания и в нашей полудикой стране ведёт к бессмертию»[90а]. После смерти Ивана Владимировича собирались было поставить его бюст в фойе музея. Но, пока собирались, наступили военно-революционные времена. В 1923 году музей был отделён от университета; после передачи его в ведение Наркомпроса, в нём открылись новые отделы: гравюрный кабинет (под руководством А.А. Сидорова) и картинная гале-

рея западной живописи, в которой были представлены работы крупнейших мастеров кисти Италии, Франции, Голландии, Испании, Германии и других стран, переданные из собраний Румянцевского музея, Третьяковской галереи, Эрмитажа, из национализированных частных коллекций. Галерею создавал директор Музея Н.И. Романов, один из учеников И.В. Цветаева. С реорганизацией музея значительная часть слепков переводилась в запасной фонд. 10 ноября 1924 года на открытии новой экспозиции выступил нарком просвещения А.В. Луначарский.

В 1932 году музей был переименован в Музей изобразительных искусств, в год 100-летия гибели А.С. Пушкина ему было присвоено имя поэта. В 1959 году на фасаде при входе появились памятные доски с профилями И.В. Цветаева и Р.И. Клейна. В 1992 г. к ним добавилась третья – с профилем «мецената, обер-гофмейстера Двора его Величества Ю.С. Нечаева-Мальцова».

В 1997 году на стене Российского государственного гуманитарного университета, в который была передана часть экспонатов ГМИИ им. А.С. Пушкина, тоже появился профиль И.В. Цветаева – при университете открылся учебный музей слепков его имени.

Младшие братья И.В. Цветаева не столь известны, но и они достойно прожили жизнь. Когда третий сын Владимира Васильевича, Фёдор, в 1901 году скоропостижно скончался, не дожив до 52-х лет, похороны его, «редкие по многолюдству и по искренности выражаемой скорби»[91], напоминали знавшим семью Цветаевых похороны о. Владимира. Фёдор всю жизнь был учителем гимназии и на этой скромной и малозаметной ниве заслужил такое уважение коллег и такую любовь учеников и учениц, что гроб с его телом несли по Москве на руках от Петропавловской церкви на Новой Басманной до Ярославского вокзала (он завещал, чтобы его похоронили в родных Талицах). К годовщине смерти брата Иван Владимирович издал книгу «Фёдор Владимирович

Цветаев в воспоминаниях его товарищей и учеников»[92].

Зная о существовании этой книги, я нигде не могла её найти. И вот однажды, когда разбирала на чердаке бумаги, предназначенные для растопки котла, в руках оказалась небольшая книжка без обложки. Эта была та самая книга воспоминаний о Фёдоре Владимировиче Цветаеве. Я так увлеклась интереснейшим чтением, что забыла обо всём...

Люди, знавшие Фёдора Владимировича в разные периоды его жизни, единодушно отмечают его крайнюю скромность и простоту, деликатность и доброжелательство в сочетании с прямотой и открытостью характера, неизменным чувством чести и достоинства, нравственной силой. Всё в этом портрете напоминает и о. Владимира, и старшего брата Ивана.

ѲЕДОРЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ

Цвѣтаевъ

М. Аничкова

Сборник воспоминаний о Ф.В. Цветаеве, выпущенный к годовщине его смерти

Годы бурсы (духовное училище и семинария – по три двухлетних отделения: низшее, среднее и высшее в каждом заведении) дали Фёдору Цветаеву «твёрдое понимание горечи чужой нужды»[93]. Поэтому в дальнейшем, когда к нему обращались за помощью, он, если мог помочь, не отказывал. Помогал молча, и только после смерти его обнаружились кипы черновиков прошений по различным делам. Из тех же лет извлёк он и важный урок для будущей педагогической деятельности. Окончив в Шуйском духовном училище среднее отде-

Фёдор Владимирович Цветаев

ление, Фёдор в 1862 году пошёл на высшее отделение Владимирского духовного училища (в этом году Иван поступил в семинарию и младшие братья тоже перевелись во Владимир). В отделениях училища было по 60—70 учеников, и не все, при таком многолюдстве, могли раскрыть свои способности. В числе неуспевающих оказался и Фёдор – в высшем отделении он просидел четыре года. Но в семинарии стал одним из лучших учеников и в 1870 году, после окончания среднего отделения, получил право на поступление в университет.

В 1874 году, окончив курс Петербургского университета со степенью кандидата (тема кандидатского сочинения – «О языке "Поучения" Владимира Мономаха»), он год преподавал русский язык и словесность в Шуйской прогимназии, а с 1875 года – в реальном училище и в военной гимназии Орла.

Фёдор Цветаев был настоящим учителем, преданным своему делу, имевшим «высокое воззрение на задачи школы». Помня свои юношеские годы, он никогда не спешил с оценкой способностей учеников, особенно слабых. Был вообще против крутых мер в воспитании. Однажды, когда, вопреки его мнению, из училища исключили второклассника, не набравшего нужного балла, он в знак протеста отказался от должности секретаря педагогического совета. Подобно Ивану и Дмитрию, Фёдор, в силу природной добросовестности и аккуратно-

сти, был хорошим администратором и не мог писать протоколы, идущие «вразрез с <...> совестью и убеждениями»[94].

Свои предметы – русский и славянский языки, логику, теорию словесности, литературу – он знал и преподавал образцово. Его ученики твёрдо усваивали даже церковнославянскую грамматику, обычно представлявшую наибольшую трудность. Один из них вспоминал: «Объяснения Фёдора Владимировича отличались особою плавностью речи, с трогавшими сердце переходами его низкого, мягкого баритона; при этом каждое слово отчеканивалось им по-владимирски, особенно отчётливо и определённо». Все его разборы до сих пор «в голове словно гвоздями прибиты»[95]. Как в своё время Чуриловский, он много занимался с учениками на дому, в неурочное время, руководил их чтением, «беседовал с ними, как отец с детьми»[96]. Ученические работы он читал очень внимательно, отчего раньше времени стали слабеть его большие красивые глаза. Ученики вспоминают, что «как в характере, так и во всём складе его ума чувствовалось что-то необычайно уравновешенное, ровное, спокойное»[97]. Никогда он не повышал голоса, не сердился и действовал на класс одним своим авторитетом и доверием к ученикам, обращаясь с ними ласково и приветливо – как друг, отец, старший брат. В любую минуту готов был защищать своих учеников, и случалось – выступал один против всех на педагогическом совете, спасая провинившихся от увольнения. «Для многих это был настоящий ангел-хранитель...»[98]. Фёдор Владимирович был внимателен и доступен, и ученики шли к нему с вопросами. Если случалось ему критиковать ученическую работу, делал это деликатно, не уязвляя самолюбия учащегося.

Упоминавшийся выше мемуарист, орловский педагог И.Ф. Рында, называл Ф.В. Цветаева «истинным крёстным отцом нашего духовного развития»[99]. Он был из бедной семьи, рос без отца. Цветаев приглашал мальчика на выходные к себе домой, давал книги, нашёл ему, худенькому третьекласснику, частные уроки, позволявшие под-

держивать семью. Во время каникул писал ему из Талиц. Когда Ваня зимой тяжело заболел, Цветаев перевёз его, завернув в свою шубу, к себе (дома у мальчика было холодно и сыро), сидел около него ночами. Когда Иван отправился для продолжения образования в Петербург, любимый учитель проводил его и, напутствуя, благословил своей иконой[100].

Он любил учеников, и они платили ему такой же искренней любовью; «пилигримства» на квартиру Ф.В. Цветаева после окончания гимназии и поступления в высшие учебные заведения стали традиционным явлением. Впоследствии ученики переписывались с ним, просили совета в трудных обстоятельствах. Они знали, что их успехи и радости являются счастьем для учителя, их беды и заботы – его заботами. Корреспонденты Фёдора Владимировича вспоминали, что в каждом его дружеском письме неизменно присутствовали рассказы об учениках и ученицах («мальчуганах и девицах»[101]).

Он вообще любил людей и думал о других больше, чем о себе. Поэтому к нему всегда тянулись. В студенческие годы именно у него собирались сокурсники, в Орле – коллеги и не только ровесники, но и учителя старшего поколения. «Он был образцовым товарищем. Он протягивал руку помощи, где видел нужду, ободрял, когда замечал упадок духа, прощал, как только мог»[102].

Очень любил Пушкина, относился к нему с благоговением, много знал наизусть и часто читал ученикам. Ученики его «...научились понимать и ценить Пушкина, а с ним и всю русскую литературу»[103].

Хорошо знал село, сельскую работу и природу. Когда в Орле они жили вместе с младшим братом Дмитрием, преподававшим в военной гимназии, Фёдор завёл целое хозяйство (домашнюю птицу, лошадь, сад) и вёл его так, что братья ни в чём не нуждались, но менее практичного Дмитрия не касался ни один хозяйственный вопрос. Свою чрезвычайную заботу о брате он вначале объяснял тем, что тот недавно перенёс болезнь. Однако не оставил опеку и после, когда Дмитрий стал вполне здоров.

В Орле Ф.В. Цветаев обзавёлся семьёй, взяв в жёны дочь «почтенного московского протоиерея»[104].

Весной 1883 года на достоинства сочинений учеников Фёдора Владимировича обратил внимание депутат от учебного округа, московский профессор В.Ф. Миллер, приехавший в Орёл на выпускные экзамены. Осенью Цветаев был переведён в Москву – преподавателем 6-й мужской гимназии и Усачёвско-Чернявского женского училища.

Совмещать две службы было трудно и физически, и морально – Фёдор Владимирович мечтал всей душой отдаться одной из школ, – однако интересы семьи, дороговизна столичной жизни не позволяли этого (так жило большинство учителей).

В 1887 году Ф.В. Цветаев стал инспектором 2-й женской гимназии (оставаясь и преподавателем 6-й мужской). Его любили и в этом качестве – за «высокое уважение прав *человеческих* во всяком»[105], будь это преподаватель, родитель, ученик или гимназическая прислуга, за доброту и заботу обо всех, нуждавшихся в его помощи. Часто он предлагал её сам, не дожидаясь просьбы.

В 1900 году исполнилось 25 лет педагогической деятельности Ф.В. Цветаева. Выслужив пенсию, он расстался с 6-й мужской гимназией, где преподавал 16 лет. Сослуживцы «почли его... задушевной прощальной трапезой»[106]. Однако когда и педагоги 2-й женской гимназии решили отметить дату, Ф.В. Цветаев, смущённый таким подъёмом, попробовал доступными ему мерами «остановить... этот порыв. Его глубоко беспокоила мысль, не чествуют ли его... только как *начальника* заведения, и не введёт ли это в тягостные расходы особенно бедных учительниц и воспитательниц...». Но чествование состоялось, и «этого момента он не мог потом вспомнить <...> без глубокого волнения и какой-то особенной конфузливости»[107].

В юбилейном адресе говорилось, что чествованием Ф.В. Цветаева утверждается принцип педагогики будущего – «принцип товарищеского единения и товарищес-

кого доверия»[108].

Получив возможность полностью отдаться одной гимназии (где училась и его дочь), Фёдор Владимирович почувствовал себя счастливым и спокойным. Однако 11 февраля 1901 года он, неожиданно для всех, скончался от воспаления лёгких, проболев всего три дня. Умер, беспокоясь об ученицах, которым предстоял трудный выпускной экзамен. Духовник в надгробном слове назвал его «человеком поистине прекрасным»[109]. Похожее описание последних часов жизни отца оставила и Марина: «<...> всё время был ласков и кроток <...> задыхающимся голосом продиктовал письмо к одному его любимому молодому сослуживцу <...> Его кончина для меня совершенно поразительна: тихий героизм, – такой скромный!»[110].

Сколько учеников и учениц выпустил в самостоятельную жизнь за 26 лет этот скромнейший человек! Частичка его доброго сердца осталась во многих из них.

Младший из братьев Цветаевых, Дмитрий, окончив в 1872 году по I разряду Владимирскую семинарию, стал студентом Петербургской Духовной Академии. В 1876 году вышел из неё со степенью магистра и поступил на педагогические курсы при 2-ой военной гимназии. В 1878 году Д.В. Цветаев начал преподавать историю, русский язык, словесность, педагогику и методику в орловской военной гимназии (это место передал ему брат Фёдор), а затем и в женской гимназии. Написал в Орле книгу о балладах Шиллера[111], рекомендованную как учебное пособие для средних учебных заведений.

В 1882 году поступил воспитателем в Императорское Московское техническое училище; в 1883 году стал преподавателем кадетского корпуса, а с 1884 года одновременно и инспектором 2-й женской гимназии.

Осенью 1886 года был зачислен приват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета.

Весною 1887 года переведён в Варшавский универси-

Братья Цветаевы, Дмитрий и Иван Владимировичи. Москва. 1900-е гг.

тет – исполняющим должность профессора кафедры русской истории. В 1890 году, после защиты докторской диссертации («Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований»), утверждён в звании ординарного профессора. В царстве Польском он прожил 19 лет. Связь с братьями в эти годы поддерживалась в основном перепиской. В ГМИИ хранится свыше ста писем его к брату Ивану. В них он сообщал, что знакомит с письмами брата о Музее студентов и коллег, печатает в «Варшавском дневнике» корреспонденции о строительстве, выступил с докладом о Музее. В отклике на известие о пожаре он писал: «Твоё горе понятно мне. Гибель и порча музейного культурного сокровища, с такой любовью и такими трудами и затруднениями приобретённого тобою для развития и подъёма эстетики и образования в родном народе, способны потрясти до глубины души <...> Люди идеи и творчества познаются не столько в счастливых, сколько в трудных обстоятельствах. Поэтому я смотрю на Твоё музейное создание с надеждою на соответствующее завершение его. Главное – не падай духом, не слабей здоровьем»[112].

А.И. Цветаева вспоминала, как «папин младший брат» с семьёй встречал их на Варшавском вокзале в 1902 году, когда они ехали с больной Марией Александровной в Италию: «Маленький, полный, подвижный дядя Митя, окладистая борода, быстрые карие глаза, – он похож на папу и совсем другой! Нет, его мы не хотели бы иметь отцом:

быстрый, горячий, шутит нам непонятно, он *не наш*!»[113]. Помнила она и жену Дмитрия Владимировича – Елизавету Евграфовну, её добрый взгляд и ласковую улыбку.

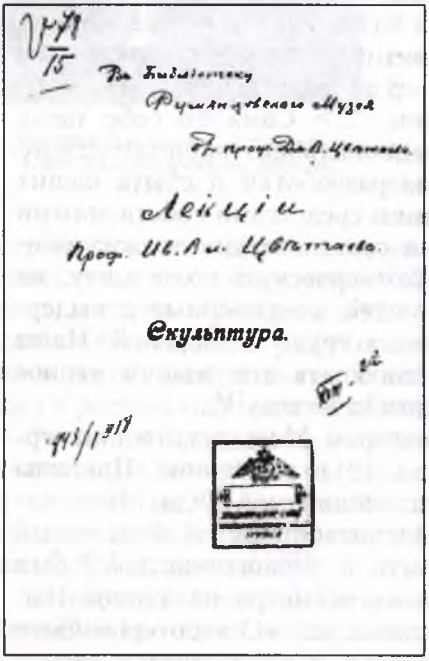
В январе 1905 г., из-за «волнений», по всей России закрылись университеты, а в Варшаве – не только университет, но и все другие казённые школы. Осенью 1905 г. «временные правила», установившие университетскую автономию, открыли двери российских университетов, в Варшавском же занятия возобновились только в 1908 году. Весной 1906 г. Д.В. Цветаев был назначен директором Московского коммерческого училища на Остоженке. Вступая в должность, он обратился к преподавателям с речью, не утратившей актуальности по сей день: «Приходится признать ныне всем и каждому, что не всё же русскому коммерческому и промышленному миру надеяться только на внешнюю покровительственную систему, то есть на тарифы, таможни <...> Сама по себе такая система необходима для национального экономического преуспеяния и особенно для разработки и сбыта наших естественных богатств силами и средствами собственными русскими. Но эта система, в свою очередь, должна опираться на техническую и коммерческую подготовку, на знания и умение русских людей, соединённые с выдержкой характера, с упорством в труде и энергией. Наша школа должна стремиться сообщать эти знания нашим питомцам и развивать в них эти качества»[114].

Д.В. Цветаев служил директором Московского коммерческого училища с 1906 по 1911 гг. Марина Цветаева вспоминала: «<...> добродушнейший мой дядя Митя, заслуженный профессор <...> воспитанниками <...> за малый рост, огромную бороду, прыть и черносотенство[115] был прозван Черномор»[116]. Однако, несмотря на черносотенство, среди его работ были такие, как «О веротерпимости по русским законам. Опыт историко-юридического очерка русских узаконений о веротерпимости в связи с историей фактического отношения русских к иностранцам».

В 1911 году Дмитрий Цветаев был назначен управляю-

щим Московским архивом Министерства юстиции. В 1918–1920 гг. при создании Главархива – управляющим 1-м Московским отделением 2-й секции ЕГАФ. Был основателем Российского государственного архива древних актов. Добросовестный и дотошный, как все Цветаевы, он стал видным архивистом, много писал о состоянии архивов, о мерах по улучшению архивного дела.

Дмитрий Владимирович был человеком большой эрудиции и широкой культуры: занимаясь, в основном, исследованиями в области русской истории и истории вероисповеданий в России, он интересовался также и философией, археологией, литературой, искусством, переводил с греческого, латинского, французского, польского, итальянского, немецкого. Среди его исторических исследований – книги «Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII вв.» (СПб., 1888), «Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований» (М., 1890), «Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. 1610–1910 гг.» (Т. 1–2. Варшава, 1901–1910), «К истории Смутного времени» (Собр. документов. Вып. 1. М.; Варшава, 1910). В его личном фонде в РГАДА хранятся рукописи:



Курс лекций И.В. Цветаева, подаренный Д.В. Цветаевым в библиотеку Румянцевского музея в 1918 г. Воспроизводится впервые

– о Карамзине, о первом русском докторе и

медицине XVIII века, об экспедиции Беринга, об основании национального театра;

– о просвещении при Петре I, о женском образовании в России, об истории брачных дел в царской семье, о роли и значении России в мировой истории;

– о расколе и отношении к нему Петра Великого, о положении иноверцев в России;

– обширные материалы о революционном движении в Польше (списки жертв, молитвы, стихи, воззвания);

– об архивах и архивном деле...[117]

В 1899 году Д.В. Цветаев избран членом Владимирской губернской учёной комиссии.

Много личных средств расходовал он, как и брат Иван, на попечительскую деятельность: был попечителем Николаевского женского профессионального (сиротского) училища в Москве, с сентября 1913 года – Талицкой женской церковно-приходской школы, действительным членом Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Шуйского духовного училища.

Как у Ивана и Фёдора, в бумагах его оказалось много прошений и ходатайств (о стипендиях студентам, пособиях работникам Министерства юстиции, об отсрочке воинской повинности).

От братьев Дмитрий отличался, возможно, большим честолюбием. Служил он в основном на руководящих должностях, был председателем различных комиссий и обществ (Московского отделения Военного Исторического общества, Комиссии исторических надписей – при нём, кстати, были открыты в Москве памятные доски на месте домов Суворова и князя Пожарского). Заслуги его неоднократно отмечались: магистерская диссертация («Из истории иностранных исповеданий в России в XVI–XVII вв.») удостоена премии Академии наук; он имел благодарности не только от Министерства народного просвещения, но и лично от императора и императрицы (за поднесённые учёные труды). Был награждён орденами Св. Анны и Св. Станислава I степени. Кроме то-

Эскиз дворянского герба Цветаевых

го, императрица Мария Фёдоровна за труды в опекаемых ею благотворительных заведениях пожаловала ему украшенный драгоценными камнями перстень.

Дмитрий Владимирович Цветаев имел чин тайного советника (3 класс табели о рангах), дававший право на потомственное дворянство. Тайным советником был и Иван Владимирович, но о своём дворянстве говорил иронически – «дворянин от колокольни». Право на личное дворянство было у статского советника Фёдора Владимировича Цветаева[118]. Дмитрий Владимирович относился к сословным вопросам серьёзно. В его бумагах сохранился эскиз родового дворянского герба Цветаевых. В нижней части его – лента с девизом: «Родине – научным трудом»[119].

В главе об этом поколении семьи Цветаевых уместно сказать и о семье брата о. Владимира, священника Александра Васильевича Цветаева. Его дочь Елена Александровна была замужем за Иваном Зиновьевичем Добротворским (сыном священника с. Андреевское Александровского уезда), с 1882 г. служившим земским, а с середины 1890-х гг. – городским врачом в городе Тарусе Калужской губернии. Семья Цветаевых была связана тёплыми отношениями с Добротворскими. Иван Владимирович называл Ивана Зиновьевича двоюродным братом. В 1891 г. Добротворский снял под дачу Цветаевым флигель дома графов Бутурлиных в Игнатовском-Знаменском, в окрестностях Тарусы. В 1893 по 1911 г. Цветаевы арендовали тарусскую городскую дачу в Песочном. Она стала для

детей Цветаевых вторым домом, любимым уголком русской природы. Елена Александровна, полная, круглолицая, добрейшая, едва ли не заменила осиротевшей Лёре мать. В «Записках» Валерия Цветаева вспоминала, как в детстве, в гостеприимном доме Добротворских славно было «<...> вечером в тёмной зале завести музыкальный ящик, и в одних чулках танцевать какой-то "танец", что на ум придёт... Никто не смотрит, не мешает и так это хорошо, и с такой счастливой душой бежишь поцеловать тётю Лену. – "Ты что?" – "Да ничего, просто так!"»[120].

Земский врач в те годы – одно из первых лиц в городе и в уезде. Много сил прилагал Иван Добротворский и для поднятия общей культуры в округе. Был инициатором коллективной подписки на лучшие российские журналы. Журналы приходили на его имя. Добротворский прошнуровывал каждый номер, вложив лист со списком подписчиков и сроками возврата. Прочитанный комплект поступал в фонд местной библиотеки.

По словам И.В. Цветаева, в 1880—1890-е годы не было человека «выше по нравственному авторитету ... на большую округу в уездах Тарусско-Алексинском, чем Добротворский»[121].

Дом Добротворских был уютен, приветлив, а его хозяева для Валерии Цветаевой «<...> были, быть может, самой сильной моральной опорой <...> в детстве и юности, да во многом мерилом остались и навсегда»[122]. Дом был с мезонином, с кафельными печами, лежанками (по описанию похож на талицкий). Славился ржаными сдобными лепёшками на сметане – тоже как в Талицах, у «матушки», вдовы о. Петра.

Семья Цветаевых на даче "Песочное" в Тарусе

Дети – «горделивая старшая Надя, добродушная, с лукавинкой, младшая Люда, молчаливый, застенчиво улыбавшийся Саня»[123] – бывали (и живали) у Цветаевых в Москве. Цветаевы – Лёра и Ася – у Добротворских в Тарусе. Асю оставляли там на осень после смерти матери – на домашних хлебах, для укрепления здоровья. Елена Александровна заботилась о ней.

Как плакала она на похоронах Ивана Владимировича, причитала: «Все заботы отошли...»[124]. Она была ему близким человеком.

Александр Добротворский стал педагогом, сёстры – врачами. Людмила 20 лет работала в Тарусе, в 1937 году была репрессирована. Последние годы жила с мужем-геологом, Ф. Глаголевым, в г. Орске Чкаловской (Оренбургской) области. Надежда работала в Ленинграде, погибла в блокаду.

10 октября 1992 г. в Тарусе, в бывшем доме А.Д. и С.Д. Мейнов, открыт «Музей семьи Цветаевых».

Примечания.

[1] *Цветаев 1902:* 5

[2] *Каган 1987:* 13.

[3] Секли, изощряясь в жестокости. Перед экзекуцией давали целовать розгу, разнообразили приёмы: «на воздусях» – поддерживая истязуемого на весу; «под колокольчик» – перед строем воспитанников, под звон колокола. «Секли иногда до тех пор, пока мальчик, часто 13–14 лет, терял сознание» (Записки сельского священника // Русская старина. СПб., 1882. № 2. С. 377).

[4] «Очень хорошо, что Вы семинарист, это – народ упрямый; все семинаристы, каких я знал, умели и любили думать». (Письмо М. Горького Дм. Семёновскому от 10 (23) июня 1913 г. // *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. М., 1955. С. 308).

[5] Речь идёт, видимо, о выпуске 1914 г., т.к. рассказчица поступила в школу восьми лет, в 1911 г. Сообщила Н.И. Котова.

[6] *Иереи 2003:* 161.

[7] Чуриловский Иван Петрович (1803–1883), преподаватель латыни. В 1824 г. окончил ВДС. В 1831–1851 гг. – инспектор Переславского духовного училища, до 1876 г. – смотритель ШДУ. Последний год жизни провёл в Боголюбовском монастыре на Нерли. Ученики его – «чуриловцы» на приёмных экзаменах в семинарию «восхищали экзаменаторов... знаниями латинского языка». Был человеком своего времени: «... стоял за розги в умеренной мере и, после отмены телесных наказаний, ... вспоминал о них, как о действенном средстве к исправле-

нию испорченных учеников» (*Ставровский 2001:* 31–32).

[8] См.: *Цветаев И.В.* Автобиография. С. 243.

[9] *Ковалёва Т.В.* Биография И.В. Цветаева, составленная профессором Варшавского университета П.Н. Черняевым // *ПКНО: 2001*: 10.

[10] *Цветаев И.В.* Cornelii Taciti. Germania. Опыт критического обозрения текста. Варшава, 1873. LII, 104, 71 с.

[11] «<...> занятия латинской филологией привели меня к сознанию включить в круг своего изучения и языки народов, издревле населявших Италию <...> Народы эти – родные братья латинов, и потому, чтобы яснее понять природу языка последних, необходимо брать в расчет и лингвистические особенности первых» (*Каган 1987:* 28).

[12] Для бумажных слепков используется неклееная бумага. Надпись, вырезанная в камне или рельефная, очищается от лишайников, земли и пр. Затем смоченная в воде бумага набивается губкой в углубления или наносится на рельеф, после чего копировальщик ещё раз проходится по всей надписи большим пальцем. После просыхания бумажный слепок снимается. Он точно воспроизводит надпись. Метод применяется в Италии с XVI века.

[13] «Мытьё камней и ползанье около них на коленях, неоднократные переходы пешком из одного селения Кампании в другое привело мою тужурку и мои панталоны в <...> неказистый вид <...>, сапоги от восхождения на Везувий были в непозволительных дырах. Вся моя фигура оттого походила на факира, да и то такого, которому не всякий поверил бы свой чемодан» (Письмо И.В. Цветаева И.В. Помяловскому от 1 июля 1889 из Рима // *Соснина 2005*: 163–164.

[14] Вторым членом депутации был профессор-хирург Н.В. Склифосовский.

[15] *Соснина 2001:* 84.

[16] Италийские диалектические надписи. Собрал и глоссарием снабдил И. Цветаев, ординарный проф. Моск. ун-та. В 2-х кн. М., 1886.

[17] Письмо И.В. Цветаева В.И. Модестову от 5 дек. 1888 г. // *Аксененко 1998:* 113.

[18] Дашковский этнографический музей был создан в 1867 г. при Московском Публичном музее. Коллекция его состояла из 288 художественно исполненных манекенов племён России и славянских земель, около 450 типов костюмов, свыше 1000 предметов домашнего быта и около 2-х тысяч рисунков и фотографий.

[19] *Коваль Л.М.* Иван Владимирович Цветаев и Московский Публичный и Румянцевский музеи // *Всё в груди слилось и спелось 1998*: 91.

[20] Письмо И.В. Цветаева В.В. Розанову от 3 июня 1911 г. // *Цветаев И.В.* С. 346–348.

[21] Письмо И.В. Цветаева Н.И. Романову от 24 апр. 1909 г. // *Каган 1987:* 92.

[22] *Каган 1987:* 91.

[23] *Каган 1987:* 82.

[24] Учебный атлас античного ваяния. Сост. И. Цветаев. Для студентов Имп. Моск. ун-та. Вып. 1–3. М., 1890–1894.

[25] Волконская (ур. Белосельская) Зинаида Александровна (1792–1862),

княгиня, писательница, музыкантша, хозяйка литературно-музыкальных салонов в Риме и Москве. И.В. Цветаев посвятил ей статью «Памяти Зинаиды Волконской» (Московские ведомости. 1898. № 82, 84). Проект Эстетического музея З. Волконской был опубликован в ж. «Телескоп». 1831.Ч. 3. С. 385–399.

[26] Члены Московской городской Думы «все жилы напрягали к тому, чтобы не дать площади Колымажного двора под Музей», – писал И.В. Цветаев (*Переписка 1977: 2:* 10); «Когда всё стало предо мною, лишь я вышел к Вагаиьковскому переулку, слёзы застлали мне эту незабвенную картину». См.: *Цветаев И.В.* Дневник. 15 июля 1898 г. // *Каган 1987:* 96–97.

[27] *Цветаев И.В.* Дневник // *Переписка 1977: 2:* 35.

[28] Письмо И.В. Цветаева к Н.А. Клейн от 21 марта 1898 г. // *Переписка 1977: 2:* 40.

[29] *Цветаев И.В.* Дневник. // *Переписка 1977: 2:* 41. Сам же граф, забыв о том, сколько лаптей для народа можно сплести на миллион рублей – в такую сумму обошёлся казне памятник П. Трубецкого Александру III в Санкт-Петербурге (1909), ставил себе в заслугу, что монумент сей «весьма реакционному» царю «открыт благодаря <его> содействию, энергии» (*Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары: В 3 т. Т. 3. М.: АСТ, 2002. С. 598). Народ окрестил монумент «Пугалом».

[30] *Переписка 1977: 2:* 13–14.

[31] «Голова болит от этих рыболовных дум и вожделений, заслоняющих в последние годы для меня и книжные и научные интересы». См.: *Цветаев И.В.* Дневник. 30 июля 1898 г. (*Каган 1987:* 102).

[32] *Каган 1987:*103. Любавский Матвей Кузьмич – историк, архивист, сослуживец и товарищ братьев Цветаевых. Сын дьячка с. Большие Можары Сапожковского уезда Рязанской губ. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета. Сокурсник Р.Ю. Виппера, П.Н. Милюкова, В.В. Розанова. Ученик В.О. Ключевского. С 1887 г. преподавал географию во 2-й женской гимназии, инспектором которой тогда же стал Фёдор Цветаев. Декан исторического факультета Московского университета (1908–1911). По заданию Любавского был разработан проект Положения о Музее изящных искусств (1910). В ноябре 1910 г. в составе университетской делегации участвовал в похоронах Л.Н. Толстого, проигнорированных государством и церковью. В 1911 г. был избран ректором Московского университета. После революции – профессор 1-го МГУ, в 1920–1929 гг. служил в ЕГАФ. Действительный член АН СССР (1929). 9 августа 1930 г. арестован по делу историков и выслан на 5 лет в Башкирию, где работал в Башкирском НИИ национальной культуры. Скончался в Уфе. В 1967 г. реабилитирован. См.: *Иванов Ю.Ф.* М.К. Любавский – выдающийся учёный и педагог // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 150–161.

[33] В 1880 г. 46-летний петербургский дворянин, выпускник юридического факультета Московского ун-та Ю.С. Нечаев получил, после смерти дяди, промышленника И.С. Мальцова, по завещанию, богатое наследство – стекольные заводы в Гусь-Хрустальном и вошёл в круг богатейших людей России. В память о дяде, он присоединил его фами-

лию к своей. Со временем, в обиходном употреблении, она стала более удобопроизносимой – Мальцев. См.: Труды и жертвы Юрия Степановича Нечаева-Мальцева по Музею изящных искусств имени Александра III в Москве. Сост. засл. проф. И.В. Цветаевым. СПб., 1902.

[34] Письмо И.В. Цветаева Р.И. Клейну от янв. 1897 г. // *Переписка 1977: 1:* 22.

[35] То же от 7 янв. 1906 г. // *Переписка 1977: 1:* 201.

[36] *Цветаева М.* Музей Александра III // *Цветаева М. 1995*: 5: 158.

[37] *Цветаева М. 1995*: 5: 157.

[38] *Цветаев И.В.* Спорные вопросы. С. XXVII.

[39] *Цветаева В. 1963*: 46.

[40] *Демская 1983*: 42.

[41] Письмо И.В. Цветаева Р.И. Клейну от 1 марта 1905 г. // *Переписка 1977: 1:* 176.

[42] То же от 14 сент. 1902 г. // *Переписка 1977: 1:* 114.

[43] То же от 4 янв. 1906 г. // *Переписка 1977: 1:* 199.

[44] То же от 25 июля 1897 г. // *Переписка 1977: 1:* 38–39. Оба здания находятся вблизи одно от другого, по разные стороны Волхонки.

[45] *Цветаев И.В.* Дневник // *Переписка 1977: 2:* 26.

Речь в письме идёт о первой жене Р. Клейна, Наталье Андреевне, урождённой Бек (1864–1911). После её смерти, в 1913 г. Клейн женился на Надежде Николаевне Папуш, учительнице, библиографе. В 1932–1959 гг. она работала научным сотрудником и зав. архивом ГМИИ. В 1948–1949 гг. Н.Н. Клейн передала в архив письма И.В. Цветаева Р.Л. Клейну.

[46] Письмо И.В. Цветаева Р.И. Клейну от 1 янв. 1905 г. // *Переписка 1977: 1:* 169.

[47] Письмо И.В. Цветаева В.И.Модестову от 24 июля 1906 г. // *Аксененко 1998*: 117–118.

[48] Письмо И.В. Цветаева Р.И. Клейну от 4 сент. 1906 г. // *Переписка 1977: 1:* 214.

[49] Письмо И.В. Цветаева Ю.С. Нечаеву-Мальцеву // *Переписка 1977: 2:* 141.

[50] Письмо И.В. Цветаева Р.И. Клейну от 18 сент. 1906 г. // *Переписка 1977: 1:* 218.

[51] То же от 8 нояб. 1906 г. // *Переписка 1977: 1:* 221.

[52] То же от 15 февр. 1907 г. // *Переписка 1977: 1:* 225.

[53] Спорные вопросы. Ответные тезисы. (Без пагинации)

[54] *Лермонтов М.* Валерик (с пунктуационными неточностями).

[55] Спорные вопросы. Ответные тезисы. (Без пагинации)

[56] Письмо И.В. Цветаева Л.А. Кассо от 5 дек. 1911 г. // *Каган 1987:* 139.

[57] При министре Л.А. Кассо в 1911 г. подали в отставку около 130 преподавателей (в их числе 21 профессор) Московского университета.

[58] *Цветаева М.* Музей Александра III // *Цветаева М. 1995*: 5: 155.

[58а] Тамбурер Л.А.

[58б] Императорская семья приехала в Москву для участия в двух торжественных акциях. 30 мая в сквере храма Христа Спасителя состоялось открытие памятника Александру III архитектора А.М. Опекуши-

на. По всероссийской подписке на сооружение памятника царю-миротворцу было собрано 2 338 586 рублей. К постаменту памятника было возложено свыше 80 венков, которым определено было храниться в Музее изящных искусств. См.: Московские ведомости. 31 мая 1912 г. Сбор на памятник Пушкину А.М. Опекушина составил 83 345 руб. Спутник москвича. М., 1894. С. 82.

[55б] В этот день Музей посетили премьер В.Н. Коковцев, председатель Думы М.В. Родзянко, член Госсовета граф С.Ю. Витте, Московский губернатор В.Ф. Джунковский, градоначальник А.А. Адрианов, городской голова Н.И. Гучков, обер-егермейстер, граф С.Д. Шереметев; директор МАМЮ, профессор Д.В. Цветаев, профессор живописи В.М. Васнецов, академик скульптуры А.М. Опекушин, профессора университета во главе с ректором М.К. Любавским, предводители дворянства, сербская и болгарская депутации и мн. др. Считаем уместным отметить, что на открытии Музея изящных искусств присутствовал сын А.С. Пушкина – А.А. Пушкин, председательствующий в Московском присутствии Опекунского совета. См.: Московские ведомости. 1 июня 1912 г.

[59] *Цветаева М.* Отец и его музей // *Цветаева М. 1995:* 5: 176. Почётный опекун – член Опекунского совета учреждений императрицы Марии: воспитательных домов, приютов (детских, по призрению слепых, глухонемых); учреждений по женскому воспитанию и образованию; по призрению и воспитанию мальчиков, юношества; богадельни, больницы и пр. Опекунский совет имел присутствия в обеих столицах. «Должности почётного опекуна <по "Табели о рангах". – *О.П.*> присвоен, наравне с должностью сенатора, III класс». *Брокгауз-Ефрон: 30 (60):* 688.

[59а] *Цветаева М.* Открытие музея // *Цветаева М. 1995:* 5: 16.

[59б] Московские ведомости. 1 июня 1912 г.

[60] *Цветаева М.* Открытие музея // *Цветаева М. 1995:* 5: 169.

[61] *Безо всякого вознаграждения 2005:* 170.

[62] Восп. А.А. Сидорова // *Каган 1987:* 133.

[63] *Безо всякого вознаграждения 2005:* 66.

[64] *Безо всякого вознаграждения 2005:* 207.

[65] *Н. Бор-ский.* Памятник жизни И.В. Цветаева. Московские ведомости. 11 сент. 1913 г.

[66] Прадедом И.В. Цветаева был бесфамильный пономарь Пётр Иосифович (1759*–1811), служивший в Воскресенской церкви с. Матрёнино, Покровск. у., Владим. губ. (*Ставровский 2001:* 29).

[67] *Цветаева М.* Дом у старого Пимена // *Цветаева М. 1995:* 5: 121.

[68] *Безо всякого вознаграждения 2005:* 208.

[69] Стихотворение А.С. Пушкина «Труд».

[70] *Цветаева М.* Отец и его музей // *Цветаева М. 1995:* 5: 174–475.

[71] *Цветаева А. 2005:* 25.

[72] *Цветаева А. 2005:* 25–26.

[73] *Цветаева В. 1963:* 134.

[74] *Цветаева В. 1963:* 51.

[75] *Цветаева А. 2005:* 192.

[76] *Цветаева А. 2005:* 256.

[77] *Цветаева А. 2005:* 497.

[78] См. п. 54.
[79] *Цветаева М.* Отец и его музей // *Цветаева М. 1995:* 5: 175.
[80] *Цветаева А. 2005*: 391.
[81] *Цветаева А. 2005*: 35.
[82] То же.
[83] *Цветаева М.* Отец и его музей // *Цветаева М. 1995:* 5: 170.
[84] *Ставровский 2001:* 71.
[85] См. с. 248.
[86] Письмо И.В. Цветаева В.И. Модестову от 24 июля 1906 г. См.: *Аксененко 1998*: 118.
[87] *Цветаева А. 2005:* 256–257.
[88] Документов о том, кто и когда установил плиты, не найдено, нет свидетельства, подтверждающего и версию, что фигура ангела не являлась надмогильным памятником. Ангел с раскрытою книгой жизни в руках – один из сюжетов кладбищенской скульптуры XIX–XX вв. По свидетельству таличанина послевоенного поколения В.А. Никишина, уроженца Шимановки, памятник в виде ангела с книгой стоял на кладбище ещё в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Помнит он, как притягивал мальчишек жутковатой тайной и лаз в склеп.
[89] *Цветаева М.* Анкета. <1926 г.> // *Цветаева М. 1995:* 5: 621.
[90] Письмо В.И. Модестова И.В. Цветаеву от 30 дек. 1893 г. // *Аксененко 1998*: 115.
[90а] Письмо В.И. Модестова И.В. Цветаеву от 8/20 июня 1895 г. // *Аксененко 1998*: 115.
[91] <Б.п.> Юность Ф.Вл. Цветаева... // *Цветаев 1902:* 4. Анонимным автором этой главы (с. 1–13), судя по содержанию и стилю, вероятно, мог быть И.В. Цветаев.
[92] Сообщено М.Б. Аксененко. Нами обнаружены инскрипты И.В. Цветаева на экземплярах книги (книга в продажу не поступала): на обложке «*В Библиотеку Румянцевского Музея от издателя*» (РГБ. L 10 ^{a}/76); «*Глубокоуважаемому Ивану Ивановичу Шаховскому от издателя*» (РГБ); «*Глубокочтимому Петру Ивановичу Бартеневу от издателя*» (ГПИБ. К 45 ^{7}/129); «*Глубокочтимому Любителю и собирателю книг на пользу отечественную Алексею Петровичу Бахрушину от издателя*» (ГПИБ. Б 15 ^{1}/56); «*В Библиотеку Исторического Музея в Москве от издателя*» (ГПИБ. 61 ^{3}/344). На стр. 49, 52 рукой И.В. Цветаева исправлены опечатки. См.: *Цветаев 1902.* В РГБ имеется также оттиск анонимной рецензии «Человек-педагог: Из жизни и деятельности бывшего учителя и инспектора гимназий» из воронежского журнала «Филологические записки» за 1904 г. на книгу воспоминаний с автографом Д.В. Цветаева: «*В Библиотеку Московского Румянцевского Музея*» (РГБ. U ^{102}/20).
[93] *Цветаев 1902:* 6.
[94] *Ферхов В.Ф.* Воспоминания // *Цветаев 1902:* 26.
[95] *Рында И.Ф.* Друг – учитель // *Цветаев 1902:* 69.
[96] *Ферхов В.Ф.* Воспоминания // *Цветаев 1902:* 25.
[97] *Щетинин Б.А.* Памяти Ф.В. Цветаева // *Цветаев 1902:* 62.
[98] *Цветаев 1902:* 62–63.

[99] *Рында И.Ф.* Друг-учитель // *Цветаев 1902:* 81.
[100] В книге И.Ф. Рынды «Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева: С портретами и рисунками» (СПб., 1903) глава «Забытая усадьба» (о Спасском-Лутовинове) посвящена Ф.В. Цветаеву.
[101] *Ферхов В.Ф.* Воспоминания // *Цветаев 1902:* 27.
[102] *Фриче В.М.* Речь у гроба на вокзале Яросл. ж. д. // *Цветаев 1902:* 58.
[103] *Щетинин Б.А.* Памяти Ф.В. Цветаева // *Цветаев 1902:* 61.
[104] *Ферхов В.Ф.* Воспоминания // *Цветаев 1902:* 25.
[105] <Б.п.> Биографические страницы // *Цветаев 1902:* 5.
[106] *Писаревский Г.Г.* Деятельность Ф.Вл. Цветаева в Москве // *Цветаев 1902:* 37.
[107] То же // *Цветаев 1902:* 37—38.
[108] То же // *Цветаев 1902:* 39.
[109] *Полотебнов А.Г.* Надгробное слово // *Цветаев 1902:* 49.
[110] Письмо М.И. Цветаевой В.В. Розанову от 8 апр. 1914 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 125.
[111] *Цветаев Д.В.* Баллады Шиллера. Воронеж, 1882.
[112] Письмо Д.В. Цветаева И.В. Цветаеву от янв. 1905 г. // *Переписка 1977: 2:* 119а.
[113] *Цветаева А. 2005:* 102—103.
[114] В школе. Речи профессора Д.В. Цветаева, директора Императорского Московского коммерческого училища. Вып. 1. М., 1907. С. 6. Книга имеет инскрипт: «*В Библиотеку Имп. Москов. Исторического Музея. Автор*» (публикуется впервые). Книга находится в фондах Государственной публичной исторической библиотеки.
[115] Черносотенство Д.В. Цветаева было реакцией на антирусские настроения, с которыми ему довелось столкнуться в Польше. «<...> мой дядя после Варшавы был один из самых видных черносотенцев Москвы <...>. У него я, девочкой, встречала весь цвет чёрной сотни» // Письмо М.И. Цветаевой А.С. Штейгеру от 14 сент. 1936 г. (*Цветаева М. 1995:* 7: 614).
[116] *Цветаева М.* Пленный дух // *Цветаева М. 1995:* 4: 222.
[117] Материалы о Д.В. Цветаеве любезно предоставлены М.С. Лебедевой.
[118] В вопросе о дворянстве Ф.В. Цветаева имеется неразрешённая пока загадка. Авторитетным исследователем он включён в некрополь Тульского дворянства (Дворянское сословие Тульской губ. Т. VII. Некрополь. Сост. В.И. Чернопятов. М., 1912. С. 173). Со ссылкой на сей источник, другой уважаемый историк, внёс справку об инспекторе 2-й гимназии Ф.В. Цветаеве в свою известную книгу: Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. С. 923.
[119] РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 288. Л. 2.
[120] *Цветаева В. 1963:* 25—26.
[121] *Анискович 2004:* 29.
[122] *Цветаева В. 1963:* 64.
[123] *Цветаева А. 2005:* 76—77.
[124] *Цветаева А. 2005:* 538.

Глава четвёртая

ВНУКИ

Пётр Владимирович Цветаев, прослужил в Талицком приходе 18 лет. Преставился 4 (17) февраля 1902 года пятидесяти девяти лет, от рака желудка, оставив вдову Марию Александровну и пятерых детей (шестой – сын Иван – умер шести лет от простуды, две дочери – Софья и Александра – в младенчестве)[1].

Дети учились в Талицкой школе, затем в гимназиях Иваново-Вознесенска и Шуи. Старший сын, Сергей, выпускник Шуйской гимназии, окончил медицинский факультет Московского университета. Работал под Москвой, в Мещерской психиатрической больнице (в съездах земских врачей, проводившихся в 1890-х годах в Мещёрском участвовал А.П. Чехов). Дочь его, Оксана, была замужем за работником Наркомтяжпрома И.М. Краснопольским, репрессированным в 1937 г. Жена тоже была арестована и приговорена, как член семьи репрессированного, к заключению в ИТЛ. Освободилась в 1945 г.

Старшую из дочерей о. Петра, Евгению, Иван Владимирович приглашал на дачу в Тарусу в компанию оставшейся без матери дочке Валерии; двоюродные сёстры подружились, несмотря на то, что Женя была на восемь лет старше. Она окончила Владимирское епархиальное училище, затем Иваново-Вознесенскую женскую гимназию, стала учительницей. Вышла замуж за врача А.И. Орлова. Потомки живут в Калуге.

Сын Владимир учился в Шуйской гимназии, затем на юридическом факультете Московского университета. Служил чиновником контрольной палаты в Петербурге, Москве. По семейным преданиям, в 1928 году в Уфе он добровольно ушёл из жизни[2]. Мне довелось заочно познакомиться с его сыном Юрием. Узнав, что в юности он гостил у бабушки, я пригласила его вновь побывать в

Семья П.В. Цветаева (слева направо): Сергей, Владимир Цветаевы, неизвестный, Варвара Васильевна, Мария Александровна, Александра, неизвестная, Антонина, о. Пётр Цветаевы. Талицы. Июнь 1901 г.

Талицах. В журнале отзывов посетителей музея осталась запись:

«19-7-82 г. Давно собирался я навестить родовое гнездо моих предков, где родился мой отец и жили дед и прадед. И вот через 58 лет я здесь. Тот же тёмно-красный, скорее бурый, деревянный дом с мезонином, только вместо красивой церкви с белой оградой – руины, обломки сельскохозяйственных машин, брёвна, грязь, мусор и высокая "тюремная" стена. В памяти начинают всплывать воспоминания – добрая старенькая бабушка, её "необыкновенные" ржаные лепёшки на сметане, лежанка, старинный диван, зеркало, стол, стулья, лесенка на чердак... Тогда в 1924-м году после средней школы я только начинал жизнь. И как только владелице дома Галине Константиновне Кочетковой удалось сохранить этот дух, этот мир и обстановку старого цветаевского дома! И даже... огромный безмен, который я помню, и уникальный термометр Реомюра?! Спасибо ей большое! Тем более, если будет создан музей моего двоюродного деда и крёстного отца, создателя Музея изящных искусств Ивана Владимировича

В.П. Цветаев с сыном Юрием. 1910-е гг.

Цветаева. Экспонаты уже на месте. Ведь и он родился, рос и воспитывался здесь. Это гнездо дало много хороших людей с фамилией Цветаевы, посвятивших жизнь своей Родине.

Ветеран Великой Отечественной войны капитан I ранга в отставке Цветаев Юрий Владимирович. Ленинград»[3].

Юрий Владимирович был невысокий, плотный (как дед), с довольно крупной «цветаевской» головой. Ему было 78 лет, но моложавое лицо, подвижность, быстрая, ясная речь не позволяли считать его стариком. С печалью увидел он разрушенный погост, уничтоженные могилы предков. Но дому порадовался.

Пробыл Юрий Владимирович три дня, по утрам делал зарядку, пробежку, побывал в старом парке, купался в пруду. Ходил по дому, вспоминал, рассказывал, расспрашивал. Своим родом он всегда интересовался; помог мне составить родословное древо Цветаевых. Уезжал с грустью, как бы предчувствуя, что это первая и последняя наша встреча. В следующем году у него случился сердечный приступ...

Уже после смерти Юрия Владимировича я узнала, что он увлекался автотуризмом, печатал путевые заметки и написал интересный путеводитель «На автомобиле по Кавказу» (М., 1962).

Юрий Владимирович Цветаев

Дочь о. Петра, Александра, стала врачом, её муж Сергей Никифорович Ручковский был микробиологом, членом-корреспондентом АМН СССР. Жили они в Киеве, сын их, Борис, стал известным профессором- онкологом.

Младшую дочь о. Петра, Антонину, я знала лично. Родилась она 1 июня 1890 года, была единственной из талицких Цветаевых крестницей варшавской тётки Елизаве-

А.П. Цветаева с мужем, Н.С. Воронским. Москва. 1915

ты Евграфовны[4]. Когда умер отец, она была подростком. Училась в Талицкой церковно-приходской женской школе, затем в Иваново-Вознесенской гимназии, которую окончила в 1907 году с золотой медалью, и на фельдшерских[5] и Высших женских курсах в Москве. Одно время жила в семье у Ивана Владимировича, который помогал младшим детям брата Петра «выйти в люди». Марина Цветаева с улыбкой вспоминала: «Где те пуды цветаевско-мальцевской переписки, которую отец, чтобы дать заработать, дал одной из своих племянниц, круглолицей поповне и курсистке Тоне, переписывать от руки в огромный фолиант, который бедная Тоня, сопя и корпя и ничего не понимая (была медичка!), тоскливо называла “моя плешь”? <...> “И тридцать рублей заработает, и, по крайней мере, знать будет, что такое музей и как он строится. Лучше – чем с подружками чаи распивать!”»[6]. Безделья Цветаевы не выносили органически.

В 1915 году Антонина получила диплом врача и 12 июля вышла замуж за выпускника пажеского корпуса Николая Воронского[7]. В следующем году родился их сын Николай. Антонина работала участковым врачом в Брянской губернии. Муж, видимо, находился на военной службе. Судьба его неизвестна.

В 1921 году Антонина Петровна с сыном вернулась на родину и до 1924 года работала в Балахонской больнице. Затем – школьно-санитарным врачом в Иваново-

Н.Н. Киселёв. 1931

Вознесенске. Коллеги вспоминали, что она «отличалась работоспособностью», была «на редкость здоровой, крепкой, жизнерадостной, общительной»[8]. 5 мая 1925 года вышла замуж за служащего Николая Андреевича Киселёва[9], который усыновил пасынка. В 1926 году у них родилась дочь Тамара. В 1927 году Антонина Петровна внезапно заболела и 30 апреля следующего года скончалась[10].

Коля окончил школу ФЗУ при железнодорожной станции Иваново и был направлен на работу помощником машиниста на станцию Шарья Костромской области. 28 апреля 1936 года он погиб там, попав под поезд[11].

Тамара после окончания фармацевтического училища получила направление во Владивосток, где и прожила жизнь. Вышла замуж за вдовца, воспитала пасынка и двух внучат. В 1950-е годы она приезжала в Талицы. Кладбище было разорено. Найдя по памятной берёзке место могилы матери, она положила на землю цветы. Посетила дом, где появилась на свет, и познакомилась с моей мамой. В 1980-е годы у нас с ней завязалась переписка. Несколько лет я получала из Владивостока тёплые, душевные письма. А в 1992 году пришло известие, что Тамара погибла, той

Т.Н. Киселёва

же смертью, как и брат – сбила электричка (или трамвай).

У Ивана Владимировича Цветаева было четверо детей. От первого брака с Варварой Дмитриевной – дочь Валерия и сын Андрей, от брака с Марией Александровной – дочери Марина и Анастасия.

Валерия Цветаева осталась без матери семи лет. Когда ей было восемь, отец женился второй раз. В 1892 г. Лёра поступила в гимназию. Но через три года гостившая в Трёхпрудном тётка Е.А. Добротворская, уловив неослабевавшую отчуждённость в отношениях девочки и мачехи, посоветовала отцу перевести её в институт[12]. С 1895 г. Лёра стала воспитанницей Екатерининского института и появлялась в семье лишь на Рождественские, Пасхальные и летние, трёхмесячные, каникулы.

Екатерининки получали хорошее образование. Среди преподавателей института были профессора университета, другие известные педагоги: словесник В.В. Каллаш, математик и физик С.А. Чаплыгин, историки Р.Ю. Виппер и М.Н. Покровский, композитор-пианист А.Н. Скрябин, художник Н.С. Касаткин. Танцы преподавал известный танцовщик, артист Большого театра Н.Ф. Манохин[13]. Хормейстер Большого театра У.И. Авранек разучил и поставил с воспитанницами начало оперы Чайковского «Евгений Онегин».

В 1900 году Валерия окончила институт с золотой медалью, сдав все экзамены на высший бал – «круглые 12». В том же году, пока «не заленилась», поступила на историко-филологическое отделение Высших женских курсов В.И. Герье. Жить ушла в стоявший во дворе родительского дома флигель. К ней на огонёк часто забегали младшие. Во флигеле было 7 комнат, и предназначался он, видимо, для прислуги.

Курсы стали в жизни Валерии порой Sturm und Drang* – быстрого «накопления сил, жажды реализовать себя, вмешаться в окружающую жизнь, действовать»[14].

Общественная атмосфера накалялась. Бесславная вой-

---

* Бурного стремления (нем.).

на с Японией, террористические акты, аресты, расправы – на всё отзывались молодые сердца. Профессора не в состоянии были помочь им разобраться в происходившем, так как сами плохо ориентировались в нём. Шутка, которой попытался ответить на вопрос курсистки В.И. Герье, обернулась для почтенного профессора публичной пощёчиной. Занятия на курсах были приостановлены. Курсисток поддержали студенты университета... С санитарной сумкой через плечо Валерия участвовала в похоронах Баумана.

Валерия Цветаева

Однако горячего влечения к политике она не испытывала. Призвание своё видела на просветительской стезе, полностью ступить на которую не позволяли домашние обстоятельства. Отец в последнее время, особенно после смерти Марии Александровны, стал часто и подолгу лечиться в университетской клинике. Домашнее хозяйство лежало на плечах старшей дочери. Оно было немалое, за стол ежедневно садились семь человек: отец, брат, сёстры, тарусский кузен – студент Александр Добротворский, репетитор и сама Лёра. Дом в 12 комнат обслуживали горничная, кухарка, дворник. Иван Владимирович, видя, что у Валерии не остаётся времени для учения, нанял немку-экономку, и хозяйство перешло в опытные руки.

То, что дочь воспитывалась в демократических традициях, приобретала навыки трудовой деятельности, привычки простой жизни, не могло не удовлетворять отца. Он сам преподавал на Высших женских курсах и осведомлён был обо всём происходившем там. Огорчало лишь то, что стремление Валерии к самостоятельности

неизбежно должно было завершиться расколом семьи, тем, что младшие дочери останутся без опеки старшей. Однако Иван Владимирович был уверен: дочь никогда не совершит ничего такого, что заставило бы его, по его же словам, «перевернуться в гробу»[15].

Валерия также мучительно осознавала эту перспективу, но понимала, что пора, когда она могла влиять на воспитание сестёр, миновала. Слишком много времени они провели вне дома, в заграничных пансионах, там выросли, оттуда вынесли навыки своеволия и беспорядочного быта. Если её взгляды отражали настроения кануна 1905 года и символизм был для неё лишь литературным течением, то для сестёр он стал захватившим их мировоззрением, со всею своей мистификацией, фрондизмом. У них появились свои кумиры, окружение, и изменить что-либо во всём этом она бы уже не смогла. Они жили в разных мирах.

Лёра вела бесплатные уроки в воскресной школе для малограмотных, занималась французским языком с сынишкой сторожа этой школы, работала на общеобразовательных курсах для рабочих, организовывала различные экскурсии, создавала детские ясли в деревне. Летом путешествовала – Крым, Кавказское побережье, Финляндия.

В 1907 году Иван Владимирович писал в одном из писем: «Моя дочь Лёра, также жертва переживаний эпохи, взяла место учительницы гимназии в Козлове. Что же? Путь сам по себе хороший. Теперь делаем форменное для учительницы платье. Всё просит попроще и подешевле»[16].

В Козлове (нынешнем Мичуринске, Тамбовской области), где когда-то начинал свою педагогическую деятельность её дед, Д.И. Иловайский, Валерия прослужила – учительницей истории – год. Встретилась там с будущим мужем – С.И. Шевлягиным. Кроме преподавания в гимназии, она вела культурно-просветительский кружок молодых рабочих: рассказывала об астрономии, истории земли, о первобытном обществе. Программа была

чисто культуртрегерской, однако кружок попал под око властей. Начавшиеся весной 1908 года, в связи с загородной маёвкой, аресты задели и кружковцев.

Лёра вернулась в Москву. С сентября 1908 г. стала преподавать историю и французский язык в частной женской прогимназии (с 1914 г. – гимназии) Е.Б. Гронковской на Старо-Басманной улице[17]. На Трёхпрудный она не вернулась – сняла комнату вблизи прогимназии.

Однажды, придя домой, увидела её преображённой: «новые обои, всё побелено!»[18]. Это Иван Владимирович, не говоря ни слова, в её отсутствие, прислал маляра. В другой раз он приехал к ней с иконой, молотком и двумя гвоздями. На её решительный отказ повесить икону сказал: «Делай как хочешь. Только помни, что те, кто ни во что не верят, в тяжёлую минуту часто кончают самоубийством»[19]. «Отец не был набожным, – писала Валерия, вспоминая этот эпизод. – Не знаю, был ли он верующим, но детям хотел он всяческой защиты, опоры в сквозняках и буреломах жизни»[20].

Она была единственным историком и вела уроки во всех классах. Материал преподносила по возможности наглядно, используя для иллюстрации лекций хронологические таблицы, схемы, репродукции, диапозитивы, подлинные старинные предметы. Привлекала воспитанниц к участию в постановке исторических картин в декорациях – в костюмах, с песнями, танцами. Лекции такие были в новинку, и Валерию приглашали для выступлений в другие учебные заведения и аудитории народных домов.

Бытового исторического материала в помощь хронологии и схем накопилось так много, что гимназия отдала для хранения его подвал, в котором постепенно образовался историко-этнографический музей. С.И. Шевлягин увеличил из атласа древнеегипетского искусства Присса Давенна изображение гигантской статуи фараона, с маленькой фигуркой жены возле ноги; изготовил из глины и расписал краской муляжи египетских божков, аму-

летов. Египтолог Б.А. Тураев подарил кусок настоящего папируса, художник В.Д. Поленов – целый ящик орудий каменного века. Валерия Ивановна приобретала экспонаты для него на Сухаревском рынке, в подмосковных деревнях. Попали в музей и наряды тарусянок. В 1913 году, вернувшись из путешествия по Алтаю, она устроила в гимназии не только выставку алтайских приобретений (шаманский бубен, берестяная посуда, вырезанные из дерева фигурки божков), но и – всего собрания школьного музея. Выставка привлекла внимание историков, художников, посетил её даже «<...> дед Иловайский, чем очень <...> удивил и тронул»[21] внучку. Лето 1914 года она просидела в Британском музее и вновь «школьный музей пополнился щедрым вкладом»[22]. В пору послереволюционной разрухи, когда «<...> в Москве замер даже уличный транспорт» и возникли трудности, которые школьный музей не в силах был выдержать, она передала ценности общемузейного характера «<...> в национальный музейный фонд, помещавшийся в бывшем Строгановском музее[23]» и, после окончания учебного года, перешла сама туда работать, «<...> навсегда расставшись со средней школой»[24].

Замуж она вышла последней из сестёр. Муж, Сергей Иасонович Шевлягин, окончил филологический факультет Московского университета. Преподавал латынь и греческий язык, в предреволюционные годы – в известной мужской Поливановской гимназии[25].

С.И. Шевлягин

В воспоминаниях Анастасии Цветаевой юная Лёра – праздничная, шутливая, любящая всё красивое, изящное, ненавидевшая нотации и сцены. Всё смягчала, всех выручала, за всех заступа-

лась. В её собственных «Записках» она – девочка, живущая в мире фантазии (пустая зала становилась вдруг то катком, на льду которого Лёра кружилась с подружками-«звёздочками», то роскошным садом, а гостиная превращалась в «подводное царство»[26]). Ей никогда не было скучно. В институте полюбила игру «в свадьбу» (в час отдыха классной дамы). Наряженная женихом, отплясывала в присядку перед «невестой» («Пляшу, пляшу, чешу, чешу») до тех пор, пока не запоют: «Федя пляшет, ума нет, перестанет али нет». После этого все срывались с мест и пускались в безудержную, до пота лица, пляску[27].

Пела, как и покойная мать, – высоким, чистым голосом, иногда дуэтом с мачехой. Любила рисовать яркие цветы – на шёлке, клеёнке. Повзрослев, полюбила простоту, строгость и бедность жизни (в комнате её было только необходимое, летом ей нравилось жить в крестьянской избе). Долго не знала, что делать с драгоценностями, доставшимися от матери (носить не могла). Затем по частям снесла почти все в скупку, а деньги раздала нуждавшимся.

Кроме трудолюбия, тяги к знаниям, всегда проявлялась в ней и природная склонность к искусству. Чувствуя это, она втайне жалела, что пошла на Высшие женские курсы, а не в Строгановское художественное училище. Уже взрослой Валерия увлеклась искусством вольного танца и пантомимы: обучалась хореографии в классе Н.Ф. Манохина, занималась в мастерской гимнастики Л.Н. Алексеевой, в студии танца Айседоры Дункан[28]. В 1920-е годы В. Цветаева стала инициатором создания и руководителем хореографических Курсов искусства движения при Моспрофобре[29]. С 1924 по 1932 год летом вывозила учеников в Тарусу. Там, в здании закрытой церкви, они упражнялись, давали концерты. В 1932 году курсы ликвидировали. Валерия Ивановна мечтала о создании школы искусства движения в Тарусе. Но наступили тяжёлые времена: репрессии, война – и задуманное не

осуществилось.

Сергей Иасонович преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И.В. Сталина и в политехникуме[30] новые языки и составлял дома латинский словарь.

В середине 1930-х годов Валерия с мужем построили с помощью учеников в Тарусе на Воскресенской горе дачу и пополнили отряд полутарусян-полумосквичей. Сюда же в 50-е годы приехала, после сибирской ссылки, А.С. Эфрон. Гостила у старшей сестры и вернувшаяся из ссылки Анастасия Ивановна.

Цветаевы все любили Тарусу. Марина, за семь лет до смерти, во Франции, писала: «Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растёт самая красная и крупная в наших местах земляника.

Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов <...> поставили, с тарусской каменоломни, камень:

Здесь хотела бы лежать
МАРИНА ЦВЕТАЕВА»[31].

На родине воля поэта была обнародована в 1961 г. – в альманахе «Тарусские страницы» (Калуга) со стихами и эссе «Кирилловны» («Хлыстовки») М. Цветаевой, который через «Книгу – почтой» распространился по стране.

Завет этот следующим же летом решил исполнить студент Киевского университета Семён Островский, по словам Ариадны Эфрон, «<...> чудесный мальчик, вполне, весь, с головы до ног входящий в цветаевскую формулу "любовь есть *действие*"...»[32]. На попутных машинах он добрался до невиданной ранее Тарусы. Познакомился с Валерией Ивановной и Анастасией Ивановной Цветаевыми, одобрившими инициативу. Валерия Ивановна предоставила ему кров. С разрешением Тарусского райисполкома на установку памятного знака Семён отправился на тарусскую каменоломню и там выбрал камень,

напоминающий по форме книгу. Директор дал подъёмный кран и самосвал. Камень был доставлен в Тарусу. На листе бумаги Семён сделал эскиз, по которому резчики выполнили надпись. 19 июля 1962 года камень был установлен на выбранное место, и к нему потянулись почитатели. Семён провёл в Тарусе шесть дней[32а].

На этом сказка кончилась. Пришло осознание, что к установке камня не причастен никто из членов Цветаевской комиссии, и началась отработка «обратного хода». Через три дня камень был увезён. Неожиданно активное противодействие его установке оказала Ариадна Эфрон: «... *мне, дочери*, пришлось бороться... и *побороть*, – каялась она. – ...Всё это ужасно. Трудно *рассудку* перебарывать *душу*, в этом всегда есть какая-то *кривда*. В данном случае – кривда вполне определённая. Что делать! Что поделаешь!»[33].

«Весь нелепый переполох, – считала Валерия Ивановна, – вызван был жалобой тарусского дачевладельца, скульптора Бондаренко: он приезжего студента принял за неизвестного ему скульптора (конкурента?), а дикий камень – за без конкурса установленный "памятник"...

Местные власти разобраться не сумели»[34].

Новый, «законный», камень был установлен 9 октября 1988 года, – завещание поэта исполнено.

Валерия Ивановна Цветаева умерла 17 августа 1966 года, через семь месяцев после мужа, в Тарусе. Похоронены они на тарусском кладбище. Детей у них не осталось[35].

Ученики её стали артистами эстрады, цирка, московских театров. С одним из них, народным художником России Александром Ивановичем Морозовым, мне посчастливилось познакомиться[36].

Единственный сын Ивана Владимировича – Андрей – потерял мать сразу после своего рождения. «Мамой» он звал мачеху, Марию Александровну, принявшую его на руки годовалым. Говорили, что он даже похож на неё – цветом волос, глаз. Но больше он был похож на

И.В. Цветаев с сыном Андреем. 1909

свою покойную мать, красавицу Варвару Дмитриевну. От неё унаследовал музыкальность. Его, в отличие от сестёр, музыке не учили – выучился сам, по самоучителю, игре на мандолине, балалайке, гитаре. Когда вернувшаяся из-за границы Мария Александровна услышала, как он играет (Андрюша оставался в Москве, жил у деда, Д.И. Иловайского), она, зная, что не проживёт долго, сказала: «Я тебе оставлю мою гитару...»[37]. Научил он играть на балалайке и младшую сестру Асю. А вот в гимназии учился без увлечения, ненавидел латынь, часто получал плохие отметки. Отец сам занимался ею с сыном, но, видимо, без успеха; Ася вспоминала, как он, «покраснев, пылая негодованием», выходил из комнаты Андрея и обиженно басил: «Ду-би-на...»[37а].

По характеру он был «угрюмо-насмешливый, а в сущности добрый и застенчивый»[38]. Анастасия вспоминала: «Странная была юношеская жизнь нашего брата! Он мог – одним штрихом – очертить человека, но никогда не лез ни с кем в дружбу, как бы сторонясь встречного. В нём было неожиданное остроумие, указывавшее на большую наблюдательность <...> Узкое его лицо, большие карие, застенчиво отводящие несколько мрачный взгляд глаза, грация материнских тонких черт всего его уклончивого существа напоминали – оленя <...> Он почти всегда молчал»[39]. Похожий портрет рисует Валерия: «Брат <...> был характера замкнутого. Наблюдательный, с собственным мнением, трезвой оценкой окружающего, в общении был он скуп на проявление чувств. Природу любил чутко, с детства привык её понимать. <...> любил охоту»[40].

Окончив гимназию, равнодушный к юриспруденции

Андрей стал, к огорчению отца, студентом юридического факультета Московского университета («надо же было куда-то поступать»[41], – писала А. Цветаева).

Дальнейшие сведения о нём обрывочны. Был шафером на свадьбе у Анастасии. В 1914 году сдал дом в Трёхпрудном переулке под лазарет. В 1921-м – помогал Асе, вернувшейся из Крыма, изредка деньгами и ежедневно – обедами для её сына Андрея («и на двоих хватало!»[42], – вспоминала она). Очевидно, Андрей Иванович был неплохо обеспечен. Однако в конце 1920-х годов жил уже в коммунальной квартире – с женой Евгенией Михайловной, агрономом, энергичной и весёлой женщиной, и падчерицей Ириной (Ирина Александровна Лилеева стала доктором филологических наук, специалистом по французской литературе, известна как редактор и составитель книги «Бальзак в воспоминаниях современников»). В 1931 году родилась дочь Инна.

Оставив нелюбимую юриспруденцию, Андрей Иванович работал в Госторге экспертом по атрибуции неподписанных картин. Хотя искусствоведческого образования у него не было, его считали первоклассным специалистом, вызывали в самых трудных случаях. В маленькой комнате ставили картину и по просьбе Андрея Ивановича оставляли его с ней наедине. Он долго смотрел, не двигаясь, подходил вплотную, опять садился поодаль. Затем говорил, кто автор. Если не соглашались («Это же не тот век... Фактура не та!»), никогда не возражал, не спорил. Говорил: «Потом узнаете...»[43]. Не было случая, чтоб ошибся.

В юности писал стихи (в 1911 году опубликовал подборку в альманахе «Хмель»[44]), но сёстры об этом даже не знали.

О здоровье своём не заботился (как и отец). Когда же пришлось-таки обратиться к врачу, то оказалось, что у него – туберкулёз, в последней стадии. Инночке шёл только третий год... Похоронили его в могиле отца, на Ваганьковском, гроб на гроб. Жена вскоре была репрессирована. 16-летняя Ира отказалась идти в детдом и отдать сестру.

Инна Андреевна Цветаева

Растила её до возвращения матери сама. Инна Андреевна Цветаева, как и мать, окончила сельскохозяйственный институт, стала биологом[45].

В 80-е годы мы с ней списались, затем я навестила их в Москве. Жили они вдвоём с матерью. 90-летняя Евгения Михайловна, седая, но довольно бодрая и приветливая, сразу стала собирать стол. Инне Андреевне было около 50-ти. Среднего роста, красивая, круглолицая, с тёмными пышными волосами, уложенными в прическу, она показалась сдержанной, грустной, не очень разговорчивой (похожей на отца, по воспоминаниям). Инна угощала меня яблоками из Тарусы, из сада тётки, Валерии Ивановны. Показывала альбомы с семейными фотографиями. В квартире были две небольшие комнаты, заставленные старинной мебелью, на стенах – картины, портреты. Среди них – два портрета Варвары Дмитриевны Иловайской, бабушки Инны. На одном – молодая женщина в красивом лёгком платье с кружевами. На другом – она же в роли пажа в опере Мейербера «Гугеноты». Инна была похожа на бабушку.

Пробыла я у них около полутора часов, затем Инна пошла провожать меня к Киевскому вокзалу. И здесь, по дороге, она как-то душевно раскрылась. Поведала, что жизнь не баловала. Мать долгие годы была в сталинских лагерях, свою семью Инне создать не удалось, сейчас страдает тяжким недугом. Обещала прислать копии понравившихся мне фотографий и портретов её бабушки. Потом, в письмах, извинялась, что из-за болезни не может выполнить обещания. Приехав снова в Москву, я

узнала, что Инна в больнице, и ей предстоит операция. Рак! Мне вспомнилось грустное выражение её лица. Евгения Михайловна пригласила навестить Инну вместе с нею, но я отказалась: тяжело утешать таких больных. А теперь жалею, что больше не свиделись. Вскоре умерла, пережив обеих дочерей, и Евгения Михайловна.

Ещё одна веточка цветаевского родословного древа засохла...

К. Паустовский в ярком портрете Ивана Владимировича Цветаева назвал «драгоценным подарком»[46] отца родине его вторую дочь Марину. Судьба её сложилась трагически – как и у большинства лучших русских поэтов.

Родилась Марина в Москве 26 сентября (по старому стилю) 1892 года, в день Иоанна Богослова. Внешне похожа была на отца – круглолицая, русая, с глазами «цвета крыжовника»[47], крепкая «духом, телом и нравом»[48]. Внутренне – в мать: огромная одарённость и – нелёгкий характер, романтизм, мечтательность и – своеволие, порыв, страсть во всём.

По крови она была наполовину русская (по отцу), на четверть – полька, аристократка, на восьмую – немка, ещё на восьмую – сербка (по матери, в которой смешались три крови). Вдобавок – кормилица её была цыганкой, возможно, поэтому Марина всю жизнь любила цыган и цыганское.

Ум и раннее развитие её отмечали все. Из дневника матери: «Четырёхлетняя моя Маруся ходит вокруг меня и всё складывает слова в рифмы, – может быть, будет поэт?»[49]. Из воспоминаний сестры Валерии: «Сестра Марина, едва овладев подобием грамотности, детскими каракулями на всех случайных клочках писала стихи <...> Заметен был в ней ум и, с детства, собственный внутренний мир»[50]. Из письма отца об одиннадцатилетней Марине: «За Марусю даже страшно: говорит, как взрослый француз, изящным, прямо литературным

Ася Цветаева, Володя Миллер, во втором ряду – Марина Цветаева. Нерви. 1903

языком <...> пишет по-русски правильнее и литературнее пяти- и шестиклассников в гимназиях <...> Экие дарования Господь ей дал. И на что они ей! После они могут принести ей больше вреда, чем пользы»[51]. Читать стала в четыре года. Тогда же мать начала учить её музыке (четыре часа занятий в день!), мечтая о карьере профессиональной пианистки для дочери. Успехи были значительными (как и прилежание), но мать говорила: «Нет, ты не любишь музыку!»[52] – желая большего: повторения собственной одержимости.

В течение трёх лет, с осени 1902 по лето 1905 года, Марина с Асей и больной матерью находились за границей (Италия, Швейцария, Германия). Мать лечилась, дочери учились в частных пансионах. Здесь ярко проявились лингвистические способности Муси. «Родными» ей становились «все иностранные языки, которых она касалась. Итальянский <...> читала не учась»[53]. В городке Нерви, на берегу Генуэзского залива, где Цветаевы прожили зиму 1902–1903 годов, жильцы «Русского пансиона» часто собирались в их квартире, чтобы попеть хором, под аккомпанемент Марии Александровны, студенческие и революционные песни. Марина с Асей «сразу, жарко полюбив новые песни»[54], подпевали взрослым. Тогда они впервые услышали разговоры, в которых «отвергалось всё, среди чего» жили прежде – «даже Бог»[55]. И девочки легко отошли и от Бога, и от молитв. Засыпали они теперь под отголоски споров «об обществе, его неправдах, о новых веяниях жизни, – вспоминала младшая, – <...> как в Москве – под классическую музыку»[56]. Но они были детьми 8 и 10 лет, к тому же – «мальчиками в юбках», и глав-

ным в их жизни были забавы своего возраста, под водительством «синеглазого и рыжего», «лукавого и ласкового» сына хозяина пансиона, Маринииного погодка, Володи:

За скалы цепляются юбки
От камешков рвётся карман.
Мы курим – как взрослые трубки,
Мы – воры, а он атаман[57].

Через полгода мать стала получать из Лозанны, где во французском католическом пансионе сестёр Лаказ начали учиться дочери, письма, встревожившие её. «Это просто невероятно, – сообщала она Ивану Владимировичу, – какие воспитатели эти католики! Это какие-то монахини становятся, а не девочки!»[58]. В Шварцвальде, во Фрейбурге, их настигла весть о смерти от туберкулёза старшей кузины, Нади Иловайской, и её брата Серёжи. Ася запомнила, как Марина, «закусив губы от боли, которую она не хотела делить» ни с кем, «оплакивала нежную красавицу Надю, которую так полюбила в Нерви...»[59].

Зиму 1905—1906 годов они провели в Ялте. Сёстры учились в гимназии. Здоровье Марии Александровны ухудшалось. В Ялте она написала завещание. В июне, после экзаменов, всей семьёй поехали в Тарусу. Там 5 июля 1906 года Мария Александровна скончалась.

Марина сама попросилась у отца в пансионат гимназии имени В.П. фон Дервиз. Однако, несмотря на способности, проучилась там недолго. Её подруги вспоминали: «Марина ни в чём не знала меры, всегда шла напролом, не считаясь ни с какими обстоятельствами»[60], им казалось, что «она просто

Анастасия и Марина Цветаевы. Ялта. 1905

дышала революцией»[61]. Из гимназии её исключили, боясь бунтарского влияния на учениц. Нетрудно представить переживания отца, тяжело болевшего в это время. Марина же не расстраивалась: «Пойду в другую гимназию – ничего не потеряю. Уж привыкла кочевать»[62]. В 1907 году она поступила в гимназию А.С. Алфёровой. Её занятия музыкой, после смерти матери, постепенно сошли на нет. Другая, родственная музыке, стихия заполнила её жизнь – поэзия («<...> вся моя "немузыкальность" была – всего лишь *другая* музыка!»[63] – писала она впоследствии). Училась легко, гимназические уроки часто прогуливала ради чтения книг, прячась на чердаке до ухода отца на службу. Кумиром её (как и матери) стал Наполеон и его сын, герцог Рейхштадтский. Зиму 1908–1909 годов она переводила с французского стихотворную драму о нём – «Орлёнка» Ростана. Работа показала, «<...> сколько в этой девочке-подростке способности к упорному труду, самозабвенного увлечения и силы прирождённого таланта»[64]. Закончив труд, она узнала от А. Виноградова, что русский перевод (Т. Щепкиной-Куперник) уже существует, и о своём больше не говорила (он не опубликован и, видимо, утерян).

Наполеону уже не хватало места на стенах её маленькой комнаты на антресолях, оклеенных обоями с золотыми звёздами по красному полю («<...> хотелось с наполеоновскими пчёлами, но так как в Москве таковых не оказалось, примирилась на звёздах»[65]), и она вставила очередной портрет кумира, созерцающего с кремлёвской стены пожар московский... в оклад иконы. Обнаружив святотатство, Иван Владимирович вспылил. Но дочь схватила со стола тяжёлый шандал – и отец отступился.

«Она *ненавидела* день с его бытом, людьми, обязанностями <...> жила только в портретах и книгах»[66], – пишет о молодой Марине младшая сестра. Потом жизнь внесёт коррективы: бытовые повседневные обязанности ни на кого не переложишь. А пока она «барышня», из состоятельной и уважаемой профессорской семьи, и она вольна жить, как хочет.

Летом 1909 года – в шестнадцать лет – одна поехала в Париж. Слушала в Сорбонне курс старофранцузской литературы. Видела гробницу Наполеона, на которой высечены его слова: «Я бы хотел, чтобы прах мой покоился на берегах Сены, посреди народа французского, который я так любил!»[67]. (Не отсюда ли и её запись о камне в Тарусе).

С семнадцати лет стала курить (сначала тайком от отца). Курила, видимо, для того же, для чего по несколько раз брила голову и голодала: Марине не нравилась её внешность, не соответствовавшая в юности её духу – не хотела она быть здоровой, плотной, румяной, круглолицей. И она действительно пересоздала себя: волосы завились, фигура сделалась лёгкой и стройной, появилась гордая осанка, чёткими, будто высеченными, стали черты лица. Возрастная округлость, расплывчатость исчезла бы и без её усилий, – но Марина, по характеру своему, ждать не могла!

Она рано стала задумываться о смерти. В день 17-летия, в Тарусе, написала стихотворение «Молитва», полное осознания безмерности собственной души и её неизбежного конфликта с реальностью:

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
«Терпи, ещё не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звёздам в чёрной башне,
Вести детей вперёд, сквозь тень...
Чтоб стал легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шёлк, и ласки,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки,
Так дай мне смерть – в семнадцать лет![68]

Закончив седьмой класс последней в жизни гимназии М.Г. Брюхоненко, в восьмой, педагогический, не пошла. Осенью 1910 года издала первый сборник стихов «Вечерний альбом»[69], посвятив его «блестящей памяти Марии Башкирцевой». Эпиграфами к двум частям («Детство». «Любовь») она взяла цитаты из Э. Ростана, к третьей («Только тени») – слова Наполеонов: "L'imagination gouverne le monde!" Napoléon I. "... et j'ignore absolument ce gue je saurais eˆtre dans l'action". Napoléon II*.

В книге отразились жизненные впечатления юной поэтессы: семейные, гимназические, заграничные, книжные. Были среди них и первые поминальные стихи – Кати Пешковой, которую они с Асей полюбили в Ялте. Книгу она дерзнула послать В. Брюсову, М. Волошину, в издательство московских символистов «Мусагет». Первым в печати в конце года отозвался на «Альбом» М. Волошин. Они познакомились. 5 мая Марина приехала к нему в Коктебель и встретила там Сергея Эфрона, юношу из семьи давних друзей[70] Волошина. На пляже, собирая камешки, «загадала: если он найдёт и подарит мне сердолик – я выйду за него замуж! Конечно, сердолик этот он нашёл тот час же <...> и вложил ей в ладонь <...>»[71]. Камень этот она, а потом дочь Ариадна, хранили всю жизнь.

В начале 1912 года Сергей и Марина обвенчались в Рождественской церкви в Палашах. Жених был на год моложе невесты (родился 29 сентября 1893 года, день рож-

* «Воображение правит миром». Наполеон I. «... и я совершенно не знаю, чем бы я смог быть – в действии». Наполеон II.

дения они стали отмечать вместе – 26 сентября) и ещё не окончил гимназию. 29 февраля молодые отправились в путешествие по Европе. Распланировала его Марина в соответствии со свадебным путешествием Андрея Белого и Аси Тургеневой в 1909 году. Иван Владимирович мужественно перенёс и этот, и последующий подарки судьбы. В мае, в ресторане «Прага», на свадебном обеде младшей дочери, обвенчавшейся в 17 лет с таким же недоучившимся гимназистом, Борисом Трухачёвым, он произнёс тост «за дальнейшее успешное учение присутствующей молодёжи»[72]. 31 мая состоялось торжественное открытие его детища – Музея. «Как мало радости принесли ему – мы... – вспоминала на закате жизни Анастасия. – И как много – этот его *сын*, в мрамор заключивший все сокровища истории»[73]. В августе того же 1912 года Иван Владимирович крестил внука Андрея, в сентябре – внучку Ариадну.

С. Эфрон и М. Цветаева. Декабрь 1912 г.

В мае-июне 1914 года в феодосийской гимназии Сергей Эфрон сдал экстерном экзамены за гимназический курс (единственный из 12-ти экзаменовавшихся). Этим же летом Россия вступила в мировую войну. Осенью С. Эфрон поступил на историко-филологический факультет Московского университета и, как студент, получил отсрочку от призыва в армию. Весной 1915 года несколько месяцев ездил братом милосердия в санитарном поез-

де № 187. В мае 1916 года поступил на военную службу. Летом 1917-го, окончив Петергофское училище прапорщиков, был направлен в 56 запасной пехотный полк в Москву. Участвовал в октябрьских событиях 1917 года.

В январе 1918 г. прапорщик С. Эфрон оказался на Дону, куда стягивались контрреволюционные силы – из них генералом М.А. Алексеевым формировалась Добровольческая армия. Командующим ею был объявлен генерал Л.Г. Корнилов. Первой боевой операцией армии стал бесславный, в никуда, «Ледяной поход». 8 февраля, когда к Ростову подошли красные, Добровольческая армия оставила город и по ранней весенней распутице тронулась на Кубань. Продвигались с боями, с отчаянием обречённых, выполняя приказ командующего: «В плен не брать, чем больше террора, тем больше победы»[74]. В бою за станицу Лежанка потеряли убитыми троих и 17 – ранеными. Убили и расстреляли 507 станичников[75].

На Кубани их ожидало то же, от чего ушли, – советская власть в Екатеринодаре. После нескольких ожесточённых, безуспешных попыток взять город армия откатилась в степь, увозя в обозе на телеге труп командующего, и через 3 месяца возвратилась на Дон. «Не осталось и одной десятой тех, с которыми я вышел из Ростова»[76], – свидетельствовал помилованный судьбой С. Эфрон. Ростов и Новочеркасск были оккупированы немцами. Добровольцы осели в станицах. Сергей Эфрон, переболев возвратным тифом, взял отпуск и провёл пять месяцев в Коктебеле. Осенью он участвовал во 2-м Кубанском походе, летом 1919-го, подпоручиком 3-го Офицерского генерала Маркова полка, – в предпринятом деникинскими войсками «походе на Москву», выдохшемся на орловской земле. После разгрома Врангеля оказался в Галлиполийском лагере[77]. В Галлиполи его сверстники остро почувствовали крушение романтических идеалов. Вчерашние студенты, кадеты и гимназисты, они стали добровольцами, чтобы воевать за свободную

демократическую Россию. В походной песне корниловцев пелось:

Мы былого не жалеем.
Царь нам не кумир.
Лишь одну мечту лелеем
Дать России мир[78].

На территории, подвластной Добровольческой армии, был действителен лишь герб Временного правительства – без короны. «В эпоху... взятия Харькова (1919 год. – *О.П.*) далеко не всякий добровольческий офицер позволил бы назвать себя белогвардейцем»[79]. К окончанию войны идеалы эти начали выветриваться. В Галлиполи стало ясно, что аполитичность была лишь «софизмом во врангелевской диалектике»: вновь появилась знакомая корона, изменились слова куплета песни:

Русь могучую жалеем.
Нам она кумир[80].

Молодые галлиполийцы остро чувствовали, что 3 года выпали из жизни: нужно было устраивать судьбу, искать работу, продолжать учёбу. Начался массовый исход из лагеря. За 9 месяцев его существования «ушло в беженцы 5446 человек»[81] – 20 %. Лагерь был ликвидирован.

Сочувственно отнеслись к судьбе молодых русских братья-славяне. Пражский (Карлов) университет открыл приёмную комиссию прямо в Константинополе. С. Эфрон покинул Галлиполи на 8-м месяце и ещё в Константинополе стал студентом старейшего в Европе славянского университета.

Аля пошла в $11\,^{1}/_{2}$ месяцев. В год и 3 месяца ходила ещё «плохо: стремительно и нетвёрдо», очень боялась упасть и слишком широко расставляла ножки. Но мать провидела: «К двум годам она будет красавицей», – и ни капли не сомневалась ни в её «уме», ни в «блестящести»[82]. Однако жизнь внесла коррективы в радужные прогнозы: наступили времена, когда стало не до «блестящестей».

Из пяти комнат квартиры в Борисоглебском переулке у Марины осталась одна – с разбитым окном в потолке. На столе красного дерева она и готовила, и писала. Пилила на дрова мебель. Распродала всё, что было можно, рояль – за пуд муки.

13 апреля 1917 года родилась Ирочка, вторая дочь (как и Аля, вся в Эфронов).

Под рокот гражданских бурь
В лихую годину,
Даю тебе имя – мир,
В наследье – лазурь.

Отыйди, отыйди, Враг!
Храни, Триединый,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину![83]

Не сохранил. В 1919 году Марину уговорили отдать детей на время в «образцовый приют» в Кунцеве. Аля вскоре там тяжело заболела, и её пришлось взять домой. Спасти Ирину мать не смогла. 15 января 1920 года Ирина умерла в интернате от голода[84].

Аля и Ирина Эфрон. Москва. 1919

25 февраля Цветаева писала поэтессе Вере Звягинцевой:

«<...> я совсем потеряна, я *страшно* живу. Вся как автомат: топка, в Борисоглебский за дровами – выстирать Але рубашку – купить морковь – не забыть закрыть трубу – и вот уже вечер, Аля рано засыпает, остаюсь одна со своими мыслями, ночью мне снится во сне Ирина, что – оказывается – она жива – и я так радуюсь, – и мне так естественно радоваться – и так естественно, что она жива. Я до сих пор не понимаю, что её нет, я не верю, я

понимаю слова, но я не чувствую, мне всё кажется – до такой степени я не принимаю *безысходности* – что всё обойдется, что это мне – во сне – урок, что – вот – проснусь. <...>

С людьми мне сейчас плохо, никто меня не любит, никто – просто – в упор – не жалеет, чувствую всё, что обо мне думают, это тяжело. Да ни с кем и не вижусь.

Мне сейчас нужно, чтобы кто-нибудь в меня поверил, сказал: "А всё-таки Вы хорошая – не плачьте – С<ерёжа> жив – Вы с ним увидитесь – у Вас будет сын, всё ещё будет хорошо".

<...> всё во мне сейчас изгрызано, изъедено тоской.

<...> Люди заходят и приносят Але еду – я благодарна, но мне хочется плакать, потому что – никто - никто - никто за всё это время не погладил меня по голове.

<...> И потом, Верочка, самое страшное: мне начинает казаться, что Серёже я – без Ирины – вовсе не нужна, что лучше было бы, чтобы *я* умерла, – достойнее! – Мне стыдно, что я жива. – Как я ему скажу?

И с каким презрением я думаю о своих стихах! <...>»[85].

Поработав в Народном комиссариате по делам национальностей, она пришла к выводу: *«не* понимаю, *не* могу, *не* выходит. <...> великая клятва: не буду служить. Никогда. Хоть бы умерла»[86]. После смерти Ирины ей выхлопотали академический паёк. Алю кормила изо всех сил (бывало – пять раз в день одним пшеном), говорила: «Пойми, что я спасла из двух – тебя, двух не смогла»[87].

«В ребёнке, которым я была, – вспоминала Ариадна, – Марина стремилась развивать <...>: способность преодолевать трудное и – самостоятельность мыслей и действий <...>»[88]. Эта красивая девочка с огромными «венецианскими»[89] глазами с ранних лет стала для матери и подругой, и подмогой. Она посвящала ей циклы стихотворений, а в сборник «Психея» включила и – сочинённые дочерью.

Але

Не знаю, где ты и где я:
Те ж песни и те же заботы.

Такие с тобою друзья!
Такие с тобою сироты!

И так хорошо нам вдвоём:
Бездонным, бессонным и сирым...
Две птицы: чуть встали – поём.
Две странницы: кормимся миром.
24 августа 1918[90]

Стихотвореньице Али из «Психеи»:

Корни сплелись
Ветви сплелись...
Лес Любви.

– по мнению К. Бальмонта, «могло бы быть отмечено среди лучших японских троестрочий»[91].

Кроме стихов, она писала письма родным и знакомым матери, сочиняла по её наказам молитвы. Была средь них и такая: «Пошли, Господи, царствия небесного Андерсену и Пушкину, – и царствия земного – Анне Ахматовой»[92]. Вела дневники, в которых, казалось, с недетской наблюдательностью и разумностью описывала события их жизни. Впоследствии, когда опубликовала детские записи и слышала, как восхищались ими, говорила: «Я была всего лишь воском в маминых руках»[93]. Пыталась мама «слепить» из неё и Наполеона. После праздничного зрелища ледохода на Москва-реке, она подарила дочери трёх с половиной лет стихотворение:

Четвёртый год.
Глаза, как лёд,
Брови уже роковые.
Сегодня впервые
С кремлёвских высот
Наблюдаешь ты ледоход.
.....
Руки скрещены,
Рот нем.

Брови сдвинув – Наполеон!
Ты созерцаешь – Кремль[94].

В марте 1921 года направлявшийся за границу Илья Эренбург обещал Цветаевой разыскать мужа и передать её письмо. 13 июля 1921 года пришла весть из Константинополя: «Мой милый друг – Мариночка, – Сегодня я получил письмо от Ильи Г<ригорьевича>, что Вы живы и здоровы <...>»[95]. Осенью Сергей стал учиться на философском факультете Карлова университета в Праге (русские студенты получали стипендию от Чешского правительства). 11 мая 1922 года Марина с дочерью выехала через Ригу в Берлин. Уезжала она с советским паспортом. В Берлине остановились у Эренбургов. 7 июня ненадолго приехал С.Я. Эфрон. Цветаева задержалась в Германии из-за работы над книгой стихов «Ремесло». Сдав книгу в печать, она 31 июля с Алей выехала в Прагу.

В Чехии они жили в деревнях под Прагой – Горние Мокропсы, Вшеноры. Наконец-то у Али появилась возможность поступить в учебное заведение (мать считала, что «образование девочкам <...> ни к чему и – боялась разлуки»[96] с дочерью). В 1923 году, в Чехии, выдержав вступительные экзамены, она начала учиться в русской гимназии (и на образовании, и на разлуке – гимназия находилась в г. Моравская Тшебова, на границе с Германией – настоял отец). Но во втором полугодии заболела и вновь оказалась в домашнем классе: французский, рисование – её увлечение, чтение, рукоделия – с единственным педагогом – Мариной (дочь называла родителей так же, как они называли друг друга). И вновь Аля стала вертеться, «<...> как белка в колесе – между французским, метлой, собственным и чужим беспорядком»[97]. Глядя на неё, мать сокрушалась: «Сплошные вёдра и тряпки, – как тут развиваться? Единственное развлечение – собирание хвороста. Я вовсе не за театр и выставки – успеет! – я за детство, т.е. *и* за радость: досуг! Так она ничего не успевает: уборка, лавка, угли, вёдра, еда, учение, хворост, сон. Мне её жаль, п.ч. она исключительно

М. Цветаева, С. Эфрон и Аля. Чехия. Горние Мокропсы. 1922

благородна, никогда не ропщет, всегда старается облегчить и радуется малейшему пустяку. Изумительная лёгкость *отказа*. Но это не для одиннадцати лет <ей шёл уже тринадцатый. – *О.П.*>, ибо к двадцати озлобится люто. Детство (умение радоваться) невозвратно»[98].

Зимою 1925 года М. Цветаева известила парижскую подругу: «Вчера, 1 февраля, в воскресенье, в полдень, родился мой сын <...> – нежданно и негаданно во Вшенорах. *Ничего* не было готово <...>. Меня прямо спасли»[99]. О появлении на свет Георгия она сообщила и Пастернаку: «В самую секунду его рождения – на полу, возле кровати загорелся спирт, и он предстал во взрыве синего пламени. А на улице бушевала мятель <...>. Единственная мятель за зиму и именно в *его* час! <...> Мой сын – Sonntagskind*, будет понимать речь зверей и птиц и открывать клады. Я себе его заказала»[100]. Впрочем, этот романтический ореол она сама и заземлила: «Мальчик родился в глубоком обмороке – 20 минут откачивали. Если бы не воскресенье, не С<ерёжа> дома <...>, не знакомый студент-медик <...> – мальчик бы наверное погиб, а может быть и я»[101]. Деревенский дом – не больничная палата, и добросовестный студент Григорий Альтшуллер, сын известного ялтинского врача И.Н. Альтшуллера, лечившего А.П. Чехова и Л.Н. Толстого, для дезинфекции протёр вымытый пол спиртом, вспыхнувшим по чьей-то небрежности. Застигнутый врасплох безопытный отец обежал с просьбою о помощи дома русской колонии, и около роженицы, по словам Али, в день появления на свет

* Воскресное дитя (нем.).

брата хлопотали восемь «фей»[102]. О буйстве же стихийных сил в эту пору говорится: вьюги да метели в феврале полетели!

Ещё до рождения сына Марина поклялась: «Буду любить его – каким бы он ни был: не за красоту, не за дарование, не за сходство, за то, что он есть»[103].

Быт эмигрантский был не сладок. Печатали её мало. Стипендии, а впоследствии редких и невеликих заработков Сергея на жизнь не хватало. Вот июльский день Марины 1925 года: «День: готовлю, стираю, таскаю воду, нянчу Георгия <...>, занимаюсь с Алей по-франц<узски> <...>. Целый день киплю в котле. ... не имею времени *подумать*, думает перо. Утром 5 мин<ут> (время присесть), среди дня – 10 мин<ут>, ночь моя, но ночью не могу, не умею, другое внимание, жизнь не в себя, а из себя <...>.

Друзей у меня нет, – здесь не любят стихи, а вне – не стихов, а того, *из чего* они – что́ я? Негостеприимная хозяйка, молодая женщина в старых платьях»[104].

Тем бо́льшей отрадой был Мур (домашнее имя мальчик получил по имени гофмановского кота): «<...> (*абсолютно* люблю), – признавалась она, – в нём моя жизнь, но важно возможно лучше обставить – *его* жизнь. <...> И не хочу на его устах чешского, пусть будет русским – вполне. Чтобы доказать всем этим хныкальщикам, что дело не *где* родился, а *кем*»[105]. В четыре месяца о. Сергей Булгаков, приезжавший в ближнюю деревню на молебен, окрестил мальчика.

Ариадна и Марина Ивановна. Париж

В 1925 году С. Эфрон окончил университет, и они переехали во Францию. Но и здесь их не очень-то ждали. «С горечью думаю о том, что у самого посредственного фельетониста, <...> есть письменный стол и два часа тишины. У меня этого нет – ни минуты <...>. Почти

с радостью вспоминаю свою службу в советской Москве, – на ней написаны три моих пьесы: "Приключение", "Фортуна", "Феникс" <...>»[106].

К исходу первого года жизни в Париже, мать решила, что дочь должна обучаться художеству: «*Лучше чем гимназия*, – и призвание и будущий заработок»[107]. Аля стала посещать мастерские русских художников (В.И. Шухаева, Н.С. Гончаровой), а зимой 1930–1931 года поступила во французскую художественную школу, на графическое отделение, где стала первой ученицей и училась бесплатно.

Сын, как и дочь, уродился в отцовскую породу. В четыре с половиной года «маленький великан» был ростом с восьмилетнего, «... вес 33 кило (я – 52), вещи покупаю на 12-летнего (NB! француза), – представляла мать Мура новой знакомой, – серьёзность в беседе, необычайная живость в движениях, любовь 1) к зверям <...> 2) к машинам <...> 3) к домашним»[108]. С трёх месяцев она разглядела в нём черты наполеонида, а в 9 лет он стал «<...> более похож на Наполеоновского сына, чем сам Наполеоновский сын. <...> С 11 лет я люблю Наполеона, – в бессчётный раз признавалась она, – в нём (и его сыне) всё моё детство и отрочество и юность – и так шло и жило́ во мне не ослабевая, и с этим – умру. Не могу равнодушно видеть его имени. И вот – *его лицо* в Мурином. Странно? Или не странно, как всякое органическое чудо»[109].

Мур. Начало 1930-х годов. Рисунок Ариадны Эфрон

В 1933 году Георгий поступил в школу. «<...> значит и я поступила»[110], – решила мать. «*Он* не должен страдать

от того, что я пишу стихи, – пусть лучше стихи страдают!»[111]. Ежедневно она теперь делала обязательных 8 концов: утром отводила сына в школу, шла за ним в обед, снова отводила, забирала. Вечером – занималась: «<...> учу с ним *наизусть*, от чего оба тупеем, ибо оба не дураки, Священную Историю и географию <...>их "résumé"»[112]. Французская школа не нравилась ей из-за зубрёжки и «общих мест»: «Растят кретинов <...>. Всё – готовое: глотай. Или – плюй»[113]. «С тоской и благодарностью» вспоминала русские гимназии «со "своими словами" ("Расскажите своими словами"). И, вообще, человечные – для человека. У нас могли быть плохие учителя, у нас не было плохих методов»[114].

М. Цветаева. Прага. 1924

Во Франции она выбирала для сына «хорошие школы»: «<...> мой отец на свой счёт посылал студентов за границу, и за стольких гимназистов платил и, умирая, оставил из своих кровных денег 20.000 руб<лей> на школу в его родном селе Талицах Шуйского уезда[115] – и я *вправе* учить Мура в *хорошей* (хотя бы тем, что в классе не 40 человек, а 15!) школе. Т.е. – вправе за него платить из своего кармана, а, когда пуст – просить»[116]. Просить приходилось слишком часто.

Портрет 10-летнего сына в письмах матери: «В меня: квадратом плеч, крупной головой, упорством, *мыслью*, словесной, верней – филологической одарённостью и математическим ничтожеством (первый во всём, кро-

ме) – и *более всего в меня – тем, что – в себя*»[117]. «Очень серьёзен. Ум – острый, но трезвый – *римский*. <...> По типу – деятель, а не созерцатель <...>. Менее всего развит – душевно: не знает *тоски*, совсем не понимает»[118].

Трудно складывались отношения Цветаевой с эмиграцией. С. Эфрон, пожив на Западе, «вскоре *открыто* отказался от своих прежних политических позиций и стал горячим сторонником Советского Союза»[119]. Он примкнул к движению евразийцев, многие из которых придерживались просоветских взглядов. Участие Цветаевой в евразийских изданиях порождало слухи о том, что она находится «... на содержании у большевиков»[120]. Подлило масло в огонь её открытое письмо В. Маяковскому, после выступления поэта 7 ноября 1928 года в парижском кафе «Вольтер», «незамеченного» антисоветской печатью. В письме она писала, что выступление Маяковского показало, «что сила – там»[121], в Советской России. Эмиграция, не приняв её «в своё лоно, права, – считала поэтесса. – Она, как слабое издыхающее животное, почуяла во мне врага»[122].

Она не раз говорила, что с французами ей бывает легче, чем с соотечественниками. Но не потому, что она забыла родину. «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет её лишь вместе с жизнью»[123].

Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно –
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошёлкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма...
. . . . . .

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встаёт, особенно – рябина...[124]

Сколько горечи в этой оборванной фразе! «Конечно она была более русской, чем все мы, не только по крови, но по ритмам, жившим в её душе, по своему огромному и единственному по силе языку...»[125], – говорил Борис Пастернак.

Из мёдонских писем: «<...> на почве *крайнего* истощения у С<ергея> Я<ковлевича> возобновился старый лёгочный процесс <...>. Евразия кончилась, а с ней и редакторское скромное жалование, живём в долг, – куда там санатория! <...> Ради Бога, чтобы только не прекратилось в 1930 г. чешское иждивение! Тогда мы совсем пропали. Вот я полгода писала Перекоп (поэму гражданской войны) – никто не берёт, правым – лева по форме, левым – права по содержанию»[126]; «Жизнь трудная: С<ергей> Я<ковлевич> без работы <...>. Сейчас поступил на курсы кинематографической техники, по окончании которых сможет быть оператором. <...> Живём в долг в лавочке, и часто нет 1 ф<ранка> 15 с<антимов>, чтобы ехать в Париж»[127]; «Перекоп (6 месяцев работы) – лежит. <...> Такова же судьба вещи, которую сейчас (уже около года) пишу. Всё это – на потом, когда меня не будет, когда меня "откроют" (не отроют!)»[128]; «У меня нет человека, к которому бы я могла придти вечером, *сбыв* с плеч день, который, раскрыв дверь, мне непременно обрадовался бы <...>. *Я здесь никому не нужна.* <...> Всё меня выталкивает в Россию, в которую *ехать не могу.* Здесь я *ненужна.* Там я *невозможна.* <...> у меня на почве общего истощения (ходила в клинику, смотрел при 20-ти студентах профессор) вылезла половина брови, – прописал массаж и мышьяк: ничего не растёт, так и хожу с полутора бровями»[129]; «Живу из последних (душевных) жил, без всяких внешних и внутренних впечатлений, без хотя бы малейшего повода к последним.

<...> Стихи всё-таки писала: ряд стихов к Пушкину, теперь – Оду пешему ходу. Но – такая *редкая* роскошь (в России, даже Советской, я из стихов *не выходила*) – тропинка зарастает от раза к разу»[130].

Приближалось десятилетие жизни вне России. В новогоднем письме она делилась юбилейными раздумьями: «А странно: Чехия – как период времени в моей памяти гораздо больше чем Франция, я бы сказала: в Чехии пробыла семь <лет – *Г.К.*>, в Париже три. <...> Париж мне душевно ничего не дал. <...> Французу дело до себя. Это у них называется искусством общения. <...> А от русских я отделена – своими стихами, которых никто не понимает, своим своемыслием, которое одними принимается за большевизм, другими – за монархизм иль анархизм <...>.

Ехать в Россию? Там <...> Мура у меня окончательно отобьют, а во благо ли ему – не знаю. И там мне не только заткнут рот непечатаньем моих вещей – там мне их и писать не дадут.

Словом, *точное* чувство: мне в современности *места нет*»[131].

Однако сына она направляла, в стихах, в его страну:

Стихи к сыну

I

Ни к городу и ни к селу –
Езжай, мой сын, в свою страну,
В край – всем краям наоборот! –
Куда *назад* идти – *вперёд*
Идти, – особенно – тебе,
Руси не видывавшее
Дитя моё... Моё? *Её* –
Дитя! То самое быльё,
Которым порастает быль.
Землицу, стёршуюся в пыль,
– Ужель ребёнку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:

«Русь – этот прах, чти – этот прах».

От неиспытанных утрат –
Иди – куда глаза глядят!
Всех стран – глаза, со всей земли –
Глаза, и синие твои
Глаза, в которые гляжусь:
В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!
Русь – прадедам, Россия – нам,
Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР, –
Не менее во тьме небес
Призывное, чем SOS.

Нас родина не позовёт!
Езжай, мой сын, домой – вперёд –
В *свой* край, в *свой* век, в *свой* час, – от нас –
В Россию – вас, в Россию – масс,

В *наш*-час – страну! в *сей*-час – страну!
В на-Марс – страну! в без-нас – страну!

Январь 1932 г.

II

. . . . . .
Кем будешь – Бог один ...
Не будешь кем – порукой –

Я, что в тебя – всю Русь
Вкачала как насосом!
Бог видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом

Страны своей.

22 января 1932 г.[132]

Проучившись три года, Аля, неожиданно, ушла из художественной школы и поступила на службу. На замечания матери, что надо окончить школу, получить аттестат, отвечала рассеянно: «Да, да, отлично, непременно <...>»[133]. Но воском ... уже не была. Жила неподотчётно: завела новые знакомства, вечерами уходила – «<...> то в гости, то в кинемат<ограф>, то – гадать, то на какой-то диспут, <...> и возвращалась в час». Мать видела, что дочь отошла «без оборота»[134]. «*Я* в её жизнь больше *не* вмешиваюсь, – делилась она горем с подругой. – Раз – без оборота, то и я без оборота»[135]. Горше всего было то, что случай их необычной любви («<...> любила меня лет до четырнадцати – до ужаса. Я *боялась* этой любви, ВИДЯ, что умру – умрёт. Она жила только мною»[136].) был – «<...> из ряду вон, а кончается как все»[137].

Доверительными оставались отношения между отцом и дочерью. Они запирались на кухне и беседовали «пригашенными голосами»[138]. Уловив однажды, что речь за дверью шла о налаживании отношений с матерью, она вклинилась в разговор... Как все.

Конфликт достиг кульминации в начале 1935 года: услышав очередную дерзость дочери, мать не удержала воспитательной длани – «Не в порядке взрослой дочери, а в порядке всякого, кто бы мне это сказал – вплоть до Президента Республики»[139]. Сергей Яковлевич встал на сторону дочери, дал денег на расходы, и Аля ушла. «Ушла “на волю”, играть в какой-то “студии”, живёт попеременно то у одних, то у других, – кому повяжет, кому подметёт <...> – всех очарует ... Ибо совершенно кругла, – ни угла»[140], – комментировала этот шаг дочери мать. В будущих мемуарах Ариадна назовёт не только талант, но и характер матери «неподъёмными»[141].

Она не заметила, что Аля уже твёрдо стоит на ногах, что у неё появились свои «песни» и свои «заботы», и с изумлением открывала для себя этого нового человека: «<...> Аля на́ море, учит по-франц<узски> целое семей-

ство (бабушку включая), нем<ецко>-еврейских эмигрантов. 150 фр<анков> в месяц, но – море! И хороший корм (семья ест весь день), и добродушное отношение <...>»[142]; «У Али ряд приглашений на лето: и в Монте-Карло, и в Бретань, и на озеро, и в деревню. С грустью отмечаю, что меня за 11 лет Франции не пригласил <отдохнуть. – *Г.К.*> *никто*»[143].

Что отъезд неизбежен, Марина понимала. В 1933 году муж подал заявление с просьбой выдать ему советский паспорт. «С<ергея> Я<ковлевича> держать здесь дольше не могу, – сообщала подруге, – да и не держу – без меня не едет, чего-то выжидает (моего "прозрения") не понимая, что *я – такой умру*.

Я бы на его месте: либо-либо. Летом еду. Едете?

И я бы, конечно, сказала – да, ибо – не расставаться же. Кроме того, одна я здесь с Муром пропаду.

Но он этого на себя не берёт, ждёт чтобы я *добровольно* – сожгла корабли <...>»[144].

Выбирали город для жительства. Сергей Яковлевич предложил Тифлис. «А я – где скажут: я давно перед страной в долгу, – считала она. – <...> в Москву *не хочу: жить*!»[145] . Со слов Аси знала, что Москва стала «американской».

Первой, 15 марта 1937 года, покинула Францию Аля. Отъезд её на родину стал событием. «Ей помогли – все: начиная от С<ергея> Я<ковлевича>, который на неё истратился до нитки, и кончая моими приятельницами <...>, – описывала мать через полтора месяца памятный день. – У неё вдруг стало всё: и шуба, и бельё, и постельное бельё, и часы, и чемоданы <...> – и всё это лучшего качества, и некоторые вещи – в огромном количестве. <...> принесли ей на вокзал новый чемодан, полный всякого шёлкового белья и т.п. Я в жизни не видала столько новых вещей сразу. Это было настоящее приданое. Видя, что мне не угнаться, я скромно подарила ей её давнюю мечту – собственный граммофон, для чего накануне <...>, весь рынок обойдя и все граммофоны переиспытав,

Проводы А. Эфрон в СССР на вокзале в Париже. 15 марта 1937 г. М.Н. Лебедева, М.И. Цветаева, Ирина Лебедева, А. Эфрон и Мур

наконец, нашла – лучшей, англошвейцарской марки, на манер чемодана, с чудесным звуком. В вагоне подарила ей последний подарок – серебряный браслет и брошку-камею и ещё – крестик – на всякий случай. Отъезд был весёлый – так только едут в свадебное путешествие, да и то не все. Она была вся в новом, очень элегантная <...>, перебегала от одного к другому, болтала, шутила <...>»[146].

В письмах из Москвы Аля сообщала, что «очень довольна» жизнью. Работа пока «эпизодическая», но «хорошо оплаченная». Осенью обещали постоянную – в журнале «Revue de Moscou»[147], одном из изданий Жургазобъединения. Поселилась у тётки, в крохотной, но отдельной комнатке.

10 октября спешно отбыл из Парижа Сергей Яковлевич. Вскоре поползли слухи о причастности его к нашумевшей операции НКВД в Лозанне – 4 сентября там был застрелен бывший резидент советской разведки И. Рейсс. 22 октября у Цветаевой произвели обыск и увезли её с Муром на допрос в Парижскую префектуру. Следователя интересовало участие С. Эфрона в «Союзе возвращения на Родину». Она сказала всё, что знала: «что это самый благородный и бескорыстный человек на свете, что он страстно любит свою родину <...>»[148]; что во время подготовки убийства Рейсса они безотлучно жили на берегу океана, а через пять недель после него муж

«уехал воевать в Испанию»[149]. 27 ноября, на втором допросе, ей предъявили на опознание копии телеграмм, в которых она «не узнала его почерка»[150]. Больше не трогали.

В том же 1937 году Цветаева возобновила советское гражданство и стала приводить в порядок литературное хозяйство: разбирать рукописи, пристраивать их в архивы.

Сергей Яковлевич из Москвы напоминал сыну: «Кончаю письмо моей обычной просьбой: береги и оберегай маму. Не давай ей утомляться, заставляй её ложиться вовремя и не давай ей много курить»[151].

12 июня 1939 года они с Муром выехали из Парижа в Гавр. Письмо, начатое в стоящем поезде, она закончила в дороге словами: «Сейчас уже не тяжело, сейчас уже – судьба»[152].

18 июня на пароходе «Мария Ульянова», вместе с испанскими эмигрантами, они прибыли в Ленинград. Первой московской новостью было известие об аресте Аси, скрываемом от неё два года.

Сергей Яковлевич с Алей жили в Болшеве, под Москвой, в дачном посёлке «Новый быт», в бывшей даче застрелившегося в 1936 году М.П. Томского. Две комнаты (19 и 7 м^2) стали квартирой воссоединившейся семьи. На второй половине дачи жила семья Львовых. Увидев мужа, Марина Ивановна с первого взгляда определила, что он нездоров. Через полгода после возвращения у него диагностировали невроз сердца. Приезд жены с сыном взбодрил Сергея Яковлевича, и он стал мечтать о работе, без которой изныл, начал сговариваться с начальством.

Аля служила переводчицей в журнале «Revue de Moscou». В редакции её любили, «крепкая "окопная" дружба» связывала её с журналистом С.Д. Гуревичем.

Закравшуюся в душу с первых болшевских дней тревогу Цветаева назвала «постепенным щемлением сердца»[153]. Предчувствие не обмануло: 27 августа арестовали дочь. Мать вспоминала: «Аля – весёлая, держится браво. Отшучивается. <...> Уходит, не прощаясь. Я: – Что же ты, Аля, так ни с кем не простившись? Она в слезах, через плечо – отмахивается»[154]. 10 октября взяли мужа.

Начались поездки по тюрьмам, ночи в бесконечных очередях к окошкам приёма передач. В декабре она написала большое письмо Берии, закончив его «призывом о справедливости»: «Человек душой и телом, словом и делом служил своей родине и идее коммунизма. Это – тяжёлый больной, не знаю, сколько ему осталось жизни <...>. Ужасно будет, если он умрёт *не* оправданный. Если это донос <...> – проверьте доносчика. Если же это ошибка – *умоляю*, исправьте пока не поздно»[155].

И это, и второе письмо остались без ответа.

В начале ноября арестовали соседей по даче (также реэмигрантов, настоящая фамилия их была Клепинины). Цветаева с сыном, закрыв квартиру, уехали из «Нового быта». Зиму 1939—1940 гг. они провели в Голицыне, по Белорусской дороге. Снимали комнату в частном доме, столовались в Доме творчества писателей.

Весной выяснилось, что плата за стол зависела от срока курсовки и возросла настолько, что пришлось брать порцию на двоих. Жизнь в Голицыне и без того была «<...> тяжёлая и мрачная, с керосиновыми негорящими лампами, тасканьем воды с колодца и пробиванье в нём льда, бесконечными чёрными ночами, вечными болезнями сына и вечными ночными страхами»[156]. Поэтому, как только Мура перевели в восьмой класс, они уехали в Москву. Лето 1940 года мыкались по чужим углам. «<...> мой отец поставил Музей Изящных Искусств – один на всю страну <...>, – горько размышляла Марина Ивановна. – <...> в бывшем Румянцевском Музее *три* наши библиотеки: деда: Александра Даниловича Мейна, матери: Марии Александровны Цветаевой, и отца: Ивана Владимировича Цветаева. *Мы* Москву – задарили. А она меня вышвыривает: извергает»[157]. «Я ведь не на одноимённую мне станцию метро и не на памятную доску (на доме, к<отор>ый снесён) претендую – на письменный стол белого дерева, под к<оторы>м пол, над к<отор>ым потолок и вокруг к<оторо>го 4 стены. <...> Я дала Москве то, что я в ней родилась. Родись я в селе Талицы <...>,

никто бы моего права на Талицы <...> не оспаривал. <...> А какая разница – Талицы и Москва?»[158]. «Никто не видит – не знает, – записала она в тетради, – что я год уже (приблизительно) ищу глазами крюк <...>. Я *год* примеряю – смерть»[159].

Осенью, с помощью Литфонда, нашли комнату на Покровском бульваре в доме № 14 (12,5 м², 7-й этаж, лифт, газ) «<...> безумно-дорогую, но, пока, выручили писатели: <...> <ей такая. – *Г.К.*> сумма и во сне не снилась»[160]. Сын стал учиться уже в четвёртой школе в 8 классе.

М. Цветаева. Москва. 1940

За это время Цветаева вошла в литературную жизнь столицы. Перевела две баллады о Робин Гуде, три поэмы Важи Пшавелы, «Плаванье» Бодлера (считала его лучшей работой), перевела на французский 12 стихотворений Лермонтова и др. Её приняли в Группком Гослитиздата и в профсоюз. В начале 1940 года предложили издать сборник стихов. 12 лет не выходили её книги, и она взялась за составление. Ровно в срок (1 ноября) сдала рукопись, за неделю пред тем записав в тетрадь: «<...> почти уверена, что *не* возьмут, диву далась бы – если бы взяли»[161]. Рецензент издательства К. Зелинский оправдал ожидания автора, зарезав книгу «словом <...> формализм»[162]. «Человек, смогший аттестовать такие стихи как формализм, просто бессовестный. Я это говорю из будущего»[163], – «поставила» резолюцию на рукописи Цветаева.

Весной 1941 года наладилась связь с Алей, которая получила 8 лет по ст. 58[164] и находилась в лагере на станции Ракпас (почтовый адрес – Княж-Погост), вблизи Сык-

тывкара, на строящейся магистрали на Воркуту. Отправили ей посылку и начали собирать продовольственно-вещевой «воз», доставить который намеревался С.Д. Гуревич (Муля). «Перетерпи, – писала мать, – всё тебе будет + Муля – и когда-нибудь – я. Если бы не Мур (*очень* слабый), поехала бы сейчас»[165]. «Мне очень надоело жить, – признавалась она дочери, – но хочется дожить до конца мировой войны, чтобы понять: что́ – к чему»[166].

В мае разрешили передать целый мешок вещей Сергею Яковлевичу, среди них и «почти новый костюм»[167] сына – он уже догнал рослого отца[168]. Цветаева подала прошение на продовольственную передачу.

Грянувшая война вновь разорвала семейные связи. Началась массовая эвакуация москвичей. 8 августа Цветаева с сыном на пароходе «Александр Пирогов» в составе группы Литфонда выехали из Москвы. На речном вокзале их провожали Б. Пастернак с В. Боковым. В Горьком пересели на «Советскую Чувашию» и 18 августа прибыли в Елабугу[168а]. Эвакуированных временно поселили в общежитии библиотечного техникума. В Чистополе (в 120 км ниже Елабуги по Каме) к ним подсели две писательские жены, ехавшие до ближайшей пристани – Берсута, к детям, находившимся в лагере. Одна из них, Флора Лейтес, пообещала Цветаевой помочь подыскать работу в Чистополе (втором по размеру городе Татарии с большой колонией эвакуированных писателей, – в Елабуге было 13 семей, – с пятью школами). Елабуга сразу не понравилась Цветаевой, и она телеграфировала об этом Лейтес. Та не отвечала. «Причины <...>? – рассуждал Мур в дневнике, – или этой Mme Лейтес нет, и она всё ещё в Берсуте <...> или ничего не вышло <...>»[169]. В горсовете Цветаевой предложили работу переводчицы с немецкого в НКВД. Отказалась. 21-го переехала с Муром в выделенную горсоветом комнатушку с ободранными обоями «<...> в домике на окраине города»[170]. Не дождавшись телеграммы, Цветаева 24-го поехала в Чистополь. Вернулась 28-го. «Вести из Чистополя, – записал 29-го

Мур, – <...> прописать обещают. Комнату нужно искать. Работы – для матери – предполагается в колхозе вместе с женой и сёстрами Асеева, а потом, если выйдет, – судомойкой в открываемой писателями столовой. Для меня – ученик токаря»[171]. Обойдя Елабугу, он не нашёл работы. «Быть кассиром на заводе – к чёрту. Там хоть буду токарем. Туда должны приехать три <эвакуированных> завода. <...> там откроют столовую и какую-нибудь работу уж выдумают для матери. Итак, мы решили ехать завтра <...>. Celue qui n'a risque rien na rien*»[172]. Однако, елабужские советчицы уговорили мать не рисковать: работа-де появится и здесь. Отъезд был отложен. «Мать как вертушка, – свидетельствовал домашний хроникёр, – совершенно не знает, оставаться ей здесь или переезжать в Чистополь»[173]. Она нуждалась в совете, твёрдом слове, но 16-летний юноша не был готов к решению таких вопросов: «<...> я отказываюсь это "решающее слово" произнести, – признавался он, – потому что не хочу, чтобы ответственность за грубые ошибки матери падала на меня»[174].

Он, как мог, противился отъезду из Москвы, но мать настояла, и сын «<...> махнул рукой на всё и предоставил полностью матери право veto** и т.д. Пусть разбирается сама <...>»[175]. Ему же больше всего хотелось учиться в школе – «<...> какая бы не была <...>»[176]. И он мечтал: «Всё-таки неплохо было бы иметь 9 классов за плечами»[177]. Но «учебников <...> нет, тетрадей – тоже. Мать совершенно не знает, чего хотеть <...>. Главное – всё время меняющиеся решения <...>, это ужасно»[178].

31 августа, в воскресный день, проводились общественные работы по расчистке аэродромного поля. Георгий на них представлял свою семью. Вернувшись домой, он узнал, что мать повесилась[178а]. Оставила три записки на почтовых карточках. Ему:

«Мурлыга! Прости меня но дальше было бы хуже. *Я*

---

* Кто ничем не рискует, тот ничего не добивается (фр.).

** отказа (лат.).

тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь – что любила их до последней минуты и объясни, что *попала в тупик*»[179].

Эвакуированным литераторам: «Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто может, отвезти его в Чистополь к Н.Н. Асееву. <...> Я хочу чтобы Мур жил и учился. *Со мною он пропадёт*. <...> Не похороните живой! Хорошенько проверьте»[180].

Н.Н. Асееву и его семье: «<...> Умоляю Вас взять Мура к себе в Чистополь – *просто взять его в сыновья* – и чтобы он *учился*. Я для него больше ничего не могу и только его погублю. <...> Любите как сына – *заслуживает*. А меня простите – *не вынесла*. Не оставляйте его *никогда*. <...> *Не* бросайте»[181].

Георгий выполнил все формальности, связанные с похоронами. Но на кладбище, 2 сентября, не пошёл – видеть мать в гробу было выше его сил.

На следующий день он покинул Елабугу. 4-го прибыл в Чистополь и явился с письмом к Н.Н. Асееву.

Портрет М.И. Цветаевой глазами дочери:

«...Была действительно добра и щедра: спешила помочь, выручить, спасти – хотя бы подставить плечо; делилась последним, наинасущнейшим, ибо лишним не обладала.

Умея давать, умела и брать, не чинясь; долго верила в "круговую поруку добра", в великую, неистребимую человеческую взаимопомощь.

Беспомощна не была никогда, но всегда – беззащитна.

Снисходительная к чужим, с близких – друзей, детей – требовала, как с самой себя: непомерно.

Умела слушать; никогда не подавляла собеседника, но в споре была опасна <...>.

В вещах превыше всего ценила прочность, испытанную временем <...>. (Мода "всегда выходит из моды!").

Поздно ложилась, пред сном читала. Вставала рано.

Была спартански скромна в привычках, умеренна в еде

(“<...> я всё люблю – самое простое <...>”[182]).

С природой была связана воистину кровными узами, любила её – горы, скалы, лес – языческой, обожествляющей и вместе с тем преодолевающей любовью, без примеси созерцательности <...>.

Навсегда родными в памяти её остались Таруса её детства и Коктебель – юности, их она искала постоянно и изредка находила <...>.

Легко переносила жару, трудно – холод.

<...> цветам, растущим в садах, предпочитала, за их мускулистость и долговечность, – плющ, вереск, дикий виноград, кустарники.

С неизменной нежностью, верностью и пониманием (даже почтением!) относилась к собакам и кошкам, они ей платили взаимностью.

Боялась высоты, многоэтажности, толпы (давки), автомобилей, эскалаторов, лифтов. (“Последнее, что я приняла из техники, – это *поезд*. Он мне *вошёл* в пейзаж. С детства. Всё следующее <...> – мне чуждо. Я должна была жить – сто лет назад. *Самое* позднее! Я *поздно* родилась. Может быть, я *тогда* – могла бы быть счастливою...”[183]).

Ненавидела быт – за неизбывность его, за бесполезную повторяемость ежедневных забот, за то, что пожирает время, необходимое для основного. Терпеливо и отчуждённо превозмогала его – всю жизнь.

К людям труда относилась – неизменно – с глубоким уважением собрата; праздность, паразитизм, потребительство были органически противны ей, равно как расхлябанность, лень и пустозвонство.

Была человеком слова, человеком действия, человеком долга.

При всей своей скромности знала себе цену.

Писала очень своеобразным, круглым, мелким, чётким почерком <...>.

<...> небрежность в почерке считала проявлением оскорбительного невнимания пишущего к тому, кто будет читать <...>.

На письма отвечала, не мешкая. К письмам своим относилась так же творчески и почти так же взыскательно, как к рукописям.

Работе умела подчинять любые обстоятельства, настаиваю: *любые*»[184].

Цветаева считала, что «главенствующим» в её развитии было «влияние матери (музыка, природа, стихи, Германия. Страсть к еврейству. Один против всех. Heróica*)»[185]. Дочь с матерью сближала «<...> общая одарённость, <...> романтизм, мучительная тяга к чему-то <...>, потребность любовного увлечения <...>, субъективность восприятий (окраска звука и т.п.), и эгоцентризм <...>»[186]. Младшая сестра отмечала «<...> особую стать Мусиного чувства <...> – властную жадность встречать и любить всё – одной: её зоркое знание, что это всё принадлежит одной ей, ей, ей – больше, чем всем <...>. Тень враждебности падала от её обладания – книгами, музыкой, природой – на тех (на меня), кто похоже чувствует. Движение оттолкнуть, заслонить, завладеть безраздельно, ни с кем не делить..., быть единственной и первой – во всём!»[187].

«Более скрытое, но не менее сильное, – считала Марина, – влияние отца (Страсть к труду, отсутствие карьеризма, простота, отрешённость)»[188]. От него – любовь к ходьбе («Папа, как ты скоро идёшь! – укоряла младшая дочь. – Ведь доктора не велели тебе ходить быстро...» – «Привычка, голубка ...»[189]), чёткий почерк, потребность в эпистолярном общении.

Слитное влияние отца и матери давало спартанское воспитание. «Два лейтмотива в одном доме: Музыка и Музей. Воздух дома не буржуазный, не интеллигентский – рыцарский. Жизнь на высокий лад»[190].

В 1927 году в разговоре с Асей Марина сказала: «Талантом гордиться нечего! Он – от провидения и от родителей. Нам остаётся только трудолюбие. Талант плюс труд, только!».

---

* Героика (нем.).

Так и было. «Талант трудоспособности и внутренней организованности был у неё равен поэтическому дару»[191]. Воплощением поэтического дара Марины Цветаевой стала её поэзия, «монументальная, мужественная и трагичная»[192].

Общение с ней было не лёгким. «За всю жизнь – писала Ариадна, – по росту ей были два человека: мой отец и Пастернак»[193]. Цветаева – Пастернаку: «Ты – мой вершинный брат, всё остальное в моей жизни – аршинное»[194]. «<...> единственное моё представление о бесконечности – Вы, Борис»[195].

Марина Цветаева о себе:

«<...> *всё* дело в том, чтобы *мы* любили, чтобы у *нас* билось сердце – хотя бы разбивалось вдребезги! Я *всегда* разбивалась вдребезги, и все мои стихи – те самые серебряные сердечные дребезги»[196].

«Я отродясь – как вся наша семья – была избавлена от этих двух <понятий>: *слава и деньги*. <...> для чего же я так стараюсь?.. Первое: невозможность. Невозможность – иначе. Привычка – всей жизни. Не только моей: отца и матери. В крови. Второе: моё доброе имя. Ведь *я* же буду подписывать. Моё доброе имя, то есть: моя добрая слава. <...> невозможность обмануть – доверия...

Деньги? – Да плевать мне на них. Я их чувствую только, когда их – нет. <...> Нужно быть мёртвым, чтоб предпочесть деньги»[197].

«<...> никакая *нужда* не заставит меня сдать рукопись до последней поставленной точки, а срок этой точки – известен только Богу»[198].

«Душу свою я сделала своим домом (maison son lande*), но никогда дом – душой. Я в жизни своей отсутствую, меня *нет* дома»[199].

«Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес – только преображённая, т.е. – в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в

---

* Непереводимое выражение; построено не по правилам французской грамматики.

рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая. Мне вещь *сама по себе* не нужна»[200].

«Скажу по правде, что я в *каждом* кругу – чужая, всю жизнь. Среди политиков так же, как среди поэтов. Мой круг – круг вселенной (души: то же) и круг человека, его человеческого одиночества, отъединения»[201].

Она ненавидела «<...> каждую торжествующую, казённую церковь» и знала, что не смогла бы «<...> подписать приветственный адрес великому Сталину, ибо не я его назвала великим и – если даже велик – это не моё величие <...>»[202].

«Может быть, я долгой любви не заслуживаю, есть что-то, – нужно думать – во мне – что все мои отношения рвёт. Ничто не уцелевает. Или – век не тот: не дружб»[203]. А она бы «<...> хотела друга на всю жизнь и на каждый час (возможность каждого часа)»[204].

Огорчалась, что живёт в веке, «... который десять Пушкиных бы отдал за ещё одну машину»[205].

Корней своих не забывала никогда: «<...> дед и бабка, отец и мать, – я. <...> *То*, что я, *всё*, что я – от них <...>. Без <...> обязанности отцу, без гордости им, без ответственности за него, без связанности с ним, человек – СКОТ. <...> Я ничем не посрамила линию своего отца»[206].

«<...> из села Талицы, близ города Шуи, наш цветаевский род. Священнический. Оттуда – Музей Александра III на Волхонке (деньги Мальцева, замысел и четырнадцатилетний безвозмездный труд отца), оттуда мои поэмы по две тысячи строк и черновики к ним – в двадцать тысяч, оттуда у моего сына голова, не вмещающаяся ни в один головной убор. Большеголовые все. *Наша* примета.

Оттуда – лучшее, больше чем стихи <...> – *воля* к ним и ко всему другому – от четверостишия до четырёхпудового мешка, который нужно поднять – что! – донесть.

Оттуда – <...> сердце, несущее меня вскачь в гору две версты подряд <...>. Пешее сердце всех моих лесных предков от деда о. Владимира до прапращура Ильи <...>[207].

Оттуда (село Талицы, Владимирской губернии, где я никогда не была), оттуда – всё»[208].

Г.С. Эфрон. Чистополь. 11 сентября 1941 г.

4 сентября 1941 года Асеев, не откладывая, пошёл с Георгием в райком партии и получил разрешение на прописку сына Цветаевой у себя. Но его срочно вызвали в Москву. Георгий решил ехать следом и стал распродавать вещи. 11-го послал письмо тётке: «Причина самоубийства – очень тяжёлое нервное состояние, безвыходность положения – невозможность работать по специальности; кроме того, М<арина> И<вановна> очень тяжело переносила условия жизни в Елабуге – грязь, уродство, глупость. <...> Она многократно мне говорила о своём намерении покончить с собой, как о лучшем решении <...>. Я её вполне понимаю и оправдываю. <...> Дальше для неё был бы суррогат жизни, "влачение своего существования"»[209].

В конце сентября ему удалось вырваться из Чистополя в Москву, а оттуда – эвакуироваться в писательском эшелоне в Ташкент. С помощью поэта А.С. Кочеткова он получил разрешение на прописку и снял угол: койка, стол, стул – за ширмой. Последние дни года ушли на «"познание" ташкентских возможностей, на выяснение, кто здесь живёт и чем занимается, на отыскание источников питания и добывание <...> продуктов...»[210].

В начале января 1942 года Георгий поступил в 9-й класс. В марте его прикрепили, по ходатайству писателей А. Ахматовой, Н. Погодина, А. Толстого, А. Эфроса и др., к писательской столовой и к наркомпросовской комиссии помощи эвакуированным детям, которую возглавляла Е.П. Пешкова. В школе он навёрстывал упущенное, много читал, ходил на музыкальные концерты. Летом мог

отчитаться: «Приезжая в Ташкент, я ставил себе целью: окончить 9-й класс во что бы то ни стало. И я окончил его. <...> в Москве я вряд ли бы смог это сделать»[211].

В течение всего июня, не получая помощи, он находился «<...> в почти-абсолютно голодном состоянии» и под конец «воля не выдержала <...>» – тайком от хозяйки продал несколько её вещей – на 800 р. Пропажа обнаружилась быстро, последствия: «Заявление в милицию, повестка, арест, 28 часов под стражей с уголовниками, допрос, признание»[212]. Признание спасло его: приговор был вынесен условный. Он должен был выплатить хозяйке 3000 р. «До Ташкента я, фактически, не жил – в смысле опыта жизни, – а лишь *переживал*, – размышлял Георгий, – <...> *непосредственно* я с жизнью не сталкивался, *не принимал в ней участия*. Теперь же я "учусь азбуке", потому что самое простое для меня – самое трудное, самое сложное»[213]. В спасении Георгия приняли участие Е.Я. Эфрон, А.А. Ахматова, А.М. Эфрос и др. «<...> самое главное, – сформулировал задачу С.Д. Гуревич, – физически сберечь Мурзила. <...> если мы обеспечим его материально, то и морально ему будет гораздо менее трудно»[214].

В Ташкенте открылись Георгию и другие горькие истины. Ровесников его, призывников с 8-классным образованием, военкомат направлял в военные училища, его же, сына и брата репрессированных, по суровым законам военного времени ждала трудармия – «<...> злая, чуждая, оскаленная "низовка" – низовка тяжёлого труда, дикости, грубости, низовка страшной отдалённости от всего того, что <...> любил и чем жил»[215]. Вспоминая предсмертные дни жизни матери, он осознал, что тогда не понимал её и оттого «... злился на неё за такое внезапное превращение». Теперь же мог «<...> легко проследить возникновение и развитие внутренней мотивировки каждого её слова, каждого поступка, включая самоубийство». «<...> она понимала, что прошлое затоптано и его не вернуть, а веры в будущее, которая облегчила бы ей жизнь и оправдала испытания и несчастья, у неё не было»[216]. Сестре он пообещал в письме, что когда-нибудь они вдвоём напишут

«книгу о маме»[217] – он уже думал об этом.

Очень хотелось верить, что, несмотря ни на что, ему «<...> удастся сохранить человеческий облик, что не всё окончательно потеряно»[218]. Он не оставлял мечты «... написать историю французской литературы конца XIX^го^ и первой половины XX^го^ века; <...> стать самым первым специалистом по этой части <...>»[219].

Школу Георгий перерос, ему стало скучно в ней. Хотелось «<...> переменить воздух, уехать в Москву, в город настоящей жизни, прочь от <...> ежеминутных разговоров о сахарной свёкле, пайках и прочей дряни!»[220]. Он продолжал аккуратно вести дневник, начал писать роман из современной жизни.

Аттестат Георгий так и не получил: из-за призывной кампании, длившейся месяц, и закончившейся отсрочкой до осени, он смог сдать лишь три экзамена. Однако 27 сентября 1943 года всё же уехал в Москву и в тот же год по рекомендации А.Н. Толстого был зачислен на 1-й курс Литературного института. Учился с интересом. 26 февраля 1944 года был призван в армию и оказался в запасном полку на ст. Алабино, Киевской ж.д. «99 % "товарищей" по армии, – писал Георгий тётке, – выпущенные уголовники. Мат, воровство страшное, люди абсолютно опустились, голодают все, всё ношу с собой, иначе – украдут. <...> Разговоры только о еде, тюрьмах и лагерях <...>; Вы бы содрогнулись, если бы слышали, как меня обзывают. <...> я какое-то чужеродное тело. Чучело гороховое. Я *не жалуюсь*; это глупо и бесполезно. Я уверен в том, что в дальнейшем я вновь буду на своём месте, буду писать и жить достойно <...>»[221]. Больше всего он боялся лишиться единственной книжки – томика Малларме.

В мае Георгий был направлен на фронт. «Пока что работаю по писарской части, – извещал он сестру, – но завтра пойду в бой автоматчиком или пулемётчиком. Я абсолютно уверен в том, что моя звезда меня вынесет невредимым из этой войны, и успех придёт обязательно <...>»[222]. После боя сообщал тётке: «<...> постепенно вхо-

жу в боевые будни: кстати, мёртвых я видел в первый раз в жизни: до сих пор я отказывался смотреть на покойников, включая и М<арину> И<вановну>. А теперь столкнулся со смертью вплотную. Она страшна и безобразна; опасность – повсюду, но каждый надеется, что его не убьёт. <...> полагаю, что смерть меня минует, а что ранят, так это очень возможно»[223]. Последнее письмо его датировано 4-м июля 1944 года: «<...> в последнее время мы только и делаем, что движемся, движемся, движемся, почти безостановочно идём на запад: за два дня мы прошли свыше 130 км (пешком!). <...> я веду жизнь простого солдата, разделяя все её тяготы и трудности. История повторяется: и Ж. Ромэн, и Дюамель и Селин тоже были простыми солдатами, и это меня подбодряет!»[224].

7 июля в бою за белорусскую деревню Друйка, в Витебской области, на берегу Западной Двины, красноармеец Георгий Эфрон был ранен и направлен в медсанбат. Военный журналист С.В. Грибанов отыскал в той местности безымянную братскую могилу, на которой ныне установлен обелиск с именем рядового Георгия Эфрона[225]. Имена других воинов и их число – не известны.

Лишь в июле 1942 года дочери сообщили о смерти матери. «Как жестока иногда бывает жалость!» – осудила она долгую «глупую игру в молчанки»[226]. «Не могу сказать, как мне больно и обидно, что всё это время я была не с мамой, не с вами, – писала она в Москву, – что была не в состоянии вам помочь. Если бы я была с мамой, она бы не умерла. Как всю нашу жизнь, я несла бы часть её креста, и он не раздавил бы её. Но всё, что касается её литературного наследия, я сделаю»[227]. «Мне важно сейчас продолжить её дело, собрать её рукописи, письма, вещи, вспомнить и записать *всё о ней*, что помню, – а помню бесконечно много. Скоро-скоро займёт она в советской, русской литературе своё большое место, и я должна помочь ей в этом. Потому что нет на свете человека, который лучше знал бы её, чем я. Я не верю, что нет больше её зелё-

А.С. Эфрон. Лагерная фотография. Пос. Потьма (Мордовская АССР). 1946—1947

ных глаз, звонкого, молодого голоса, рабочих, загорелых рук с перстнями. Не верю, что нет больше единственного в мире человека, которого зовёшь мамой»[228].

В лагере на ст. Ракпас, недалеко от Княж-Погоста, она работала на комбинате, находившемся в зоне. «<...> встаю в 5 ч. утра, в 6 выхожу на работу, перерыв от 12 до 1 ч., кончаем в 7»[229]. «Некоторое – приятное – изменение в нашей судьбе, – сообщила вскоре, – принесло введение 10-ти часового – вместо 12-ти часового – рабочего дня. Остаётся побольше времени для сна, для своих мелких делишек, штопки, стирки»[230].

Не откладывая на будущее, она стала наводить справки о цветаевском архиве. Выяснив, что мать оставила его на хранение парализованному писателю Б.А. Садовскому, проживавшему с супругой в одном из помещений упразднённого после революции Новодевичьего монастыря, в башнях, кельях и подвалах которого нашли приют и графские отпрыски, и профессиональные нищие, она «направила» туда С.Д. Гуревича. 11 марта 1943 года он сообщил: «<...> Аленька, сегодня я наконец вырвал мамин архив из лап этих двух безумцев. <...> Похоже, что архив весь в сохранности. В том числе рукописи, письма, книги, рисунки, фото, гравюры»[231]. Она поддерживала письмами младшего брата, проходившего университеты жизни в Ташкенте, и ухитрилась даже послать ему скромный денежный перевод.

В первый день Нового 1945 года Аля писала: «<...> рвусь домой безумно, безумно хочется к маминым рукописям,

ко всему тому, что от неё осталось. Память о ней не слабеет, и со временем горе и боль не утихают. Думаю о ней постоянно, то вспоминаю, что было при мне, то каким-то, я уверена, не обманывающим чутьём воссоздаю всё, что было без меня. <...> Под Новый год видела во сне Серёжу, живого[232]. И сердце мне твердит, что мы увидимся. Неужели и Мур погиб[233]?»[234].

Срок кончился 27 августа 1947 года. Она находилась тогда уже в Мордовии, в Дубровлаге. Москва была в числе закрытых городов для таких, как она, – «не полноценных» граждан с пятном в биографии. Поселилась в Рязани. Преподавала графику в художественном училище. Работе, как всегда, отдавала душу. Учащиеся её любили.

В начале 1949 года А. Эфрон, как ранее судимую, по ст. 58, вновь арестовали и приговорили к пожизненной ссылке в Туруханский край. Опять живое общение заменила почта. В одном из писем она вспомнила последние вольные дни: 17 февраля ей приснилась мать, предсказавшая, что 22 февраля начнётся её новая дорога, которая «<...> будет вначале трудной и грязной, <...> "потом <...> наладится и будет хорошей". И в самом деле, 22-го я начала свой очередной новый путь, не из лёгких, но убеждена, что дорога скоро наладится и что всё будет хорошо»[235], – успокаивала она близких. В Туруханске работала уборщицей в школе, оформителем в районном доме культуры. Ставила спектакли, выпускала стенгазету, устраивала поэтические вечера и ёлки для детей и взрослых. Вместе с подругой Адой Шкодиной ей удалось купить хибарку, прилепленную одним боком к скале. («Это крохотный домик на самом берегу Енисея <...>, – описывала она жильё Пастернаку. – Таким образом я, в лучших условиях никогда не имевшая недвижимого имущества, вдруг здесь, на Севере, стала если не вполне домовладелицей, то хоть совладелицей. Впрочем, в недвижимости этого жилища я не вполне уверена, так как оно довольно близко от реки и при большом разливе, пожалуй, может превратиться в движимое имуще-

ство...»[236]. Лишь 1000-рублёвый перевод адресата[236а] позволил им приобрести недвижимость, а после освобождения – слетать на разведку в Москву.

В Туруханске Ариадна прожила шесть лет. В феврале 1953 года она узнала из «Правды», что «некоторое время назад органами Государственной безопастности был арестован матёрый троцкист и агент иностранной разведки Гуревич С.Д.»[237]. В том, что «матёрого троцкиста и агента» нет в живых, она теперь не сомневалась, но что арестован он был ещё в 1950-м году, ведать не могла и с горечью думала: «Ах, ещё бы немножечко дотянуть <до разоблачения Берии. – *О.П.*>, и остался бы жив человек»[238]. Четвёртая смерть. Из письма Пастернаку: «Живу, как будто четвертованная, теперь осталось только голову снести, тогда всё!»[239].

Одним из уроков, полученных Ариадной в неволе, стал урок *круговой поруки добра*[240]. Однажды на трёхмесячном этапе с Севера в Мордовию, она ночью мыла полы в лагерной столовой: «<...> стояла зима, на чёрном полу вода замерзала, сил не было». Помощи она не ждала и не заметила, как рядом оказался незнакомый «высокий, худощавый с живыми весёлыми глазами» заключённый. Узнав, что у выбившейся из сил женщины нет ни продуктов, ни денег на предстоящий «долгий страшный путь», он принёс ей «подушечку-думку, мешочек сахару и 300 р. денег», сказав: «Когда у Вас будет возможность, "вернёте" тому, кто будет так же, нуждаться, как Вы сейчас. А тот в свою очередь "вернёт" совсем другому, а тот – третьему <...>»[241]. Сахар и деньги спасли ей тогда жизнь. Подушечку она сохранила, долг тот отдавала до последних дней.

Освободилась Ариадна в 1955 году.

В Москве долго не имела своего угла, хотя жильё ей, как реабилитированной, полагалось. «Моссовет отказал мне в комнате, мотивируя это тем, что у меня её и не было – совсем как по писанию! – горько иронизировала она. – Кстати, мой прадед был генерал-губернатором, и резиденция его была как раз в теперешнем здании Моссовета![242]

М. б., попробовать у них оттягать этот домишко на этом основании?»[243].

В.И. Цветаева поселила племянницу у себя на даче. Таруса очаровала её: «Чудесные виды – холмы и долины, поля и пойменные луга <...>, – писала она тёткам. – Постепенно входит в меня вся эта красота, постепенно и тихо проникаюсь сознанием, что она, красота эта, вырастила, вскормила и вспоила маму и что крепче, чем все Италии и Франции, вошла в её творчество именно эта, русская, тарусская, сила и прелесть. Вот она, её бузина, и вот они, её деревья и облака, и её глаза, зелёные и ясные, как отражение ив в серебряной Оке.

Жила маленькая мама совсем неподалёку от теперешнего домика В<алерии> И<вановны> <...> В самом дедушкином имении <...> теперь дом отдыха <...>»[244].

В 1956 году Валерия Ивановна отдала Ариадне пять соток земли на своём участке, и та вместе с Адой Шкодиной, освоившей в лагерях профессию строителя, построила на нём небольшую дачу.

Летом 1905 г., когда Цветаевы жили в Ялте, дачу «Песочное» арендовал художник В.Э. Борисов-Мусатов, который там и умер и был похоронен на берегу Оки. Тарусская общественность пыталась сохранить мемориальный дом. О его ремонте Ариадна Сергеевна два года хлопотала перед Союзом писателей. Была составлена смета (на общественных началах). «<...> требовалось десять тысяч на всё про всё, – писала она весной 1967 года, – столько приблизительно, во сколько Союзу обходится один – ну два – высокопоставленных банкета! <...>; два года Союз писателей водил меня (и тарусский горисполком, и многих и многих ещё людей) за нос, не говоря ни да, ни нет <...>; в результате нынче в феврале дом попросту *снесли*; он совсем уже начал разваливаться <...>»[245].

В 1964 году А.С. Эфрон получила однокомнатную квартиру в писательском кооперативном доме возле метро «Аэропорт» и в Тарусу стала ездить только летом.

Последние двадцать лет жизни Ариадны Эфрон были отданы литературе. Она стала известным переводчиком, членом Союза писателей СССР. Переводила поэзию Ф. Петрарки, Ш. Бодлера, П. Верлена, Р. Тагора, пьесы Лопе де Вега, Тирсо де Молина и др. Неоценим её вклад в возвращение наследия Марины Цветаевой. Она сохранила цветаевский архив, была в числе инициаторов создания Комиссии по литературному наследию М. Цветаевой. Событием литературной жизни 1965 года стал изданный в Большой серии «Библиотеки поэта» сорокатысячным тиражом фундаментальный том «Избранных произведений» Марины Цветаевой, составленный, подготовленный и прокомментированный А. Эфрон и А. Саакянц[246]. Следом вышли подготовленные ими же первая книга прозы М. Цветаевой «Мой Пушкин» (1967) и сборник её переводов «Просто сердце» (1967). Третья книга задержалась на двадцать лет – «Театр» (1988). Книги эти впервые представили советским читателям разные стороны литературного дара возвращавшегося после многолетней эмиграции на родину гения и проложили дорогу потоку публикаций последующих лет.

В 1965 году Ариадна Эфрон с Адой Шкодиной решили отметить десятилетие вольной жизни поездкой в Туруханский край. Втроём, с молодой подругой Анной Саакянц, они совершили плавание по Енисею на теплоходе «Александр Матросов» – от Красноярска[247] до Диксона. Подводя итоги увиденному и обдуманному в пути, Ариадна Сергеевна писала бывшей соузнице: «<...> по прошествии времени, видишь, какой *элитой* человеческой мы были окружены в нашей эвакуации. Не говоря уж о том, что в лихую годину людям (не всем, конечно!) свойственно становиться *элитой*; сами обстоятельства требуют от человека выбора между высотой и низостью, а третьего не дано. "Третье" наступает потом!»[248]. Впоследствии, не заботясь о том, что суждения её могут показаться парадоксальными, она говорила, что если бы жизнь сложилась гладко, беззатейно, она бы могла так и не узнать *«истинного, глав-*

ного», а прожить век «пустой "литературной" (или "окололитературной") дамой, втянутой в литературные и окололитературные сплетни»[249].

Летом 1975 года она известила: «Пишу Вам, для разнообразия, из местной, сиречь тарусской больнички, в которую угодила волей судеб, равно как волей различных болезнетворных процессов, во мне происходящих. <...> Утешаюсь тем, что больничка данная была воздвигнута в своё время также не без участия Цветаевых старших в роде и лечили в ней не чужие нам земские врачи»[250]. Через две недели, выбравшись из больнички, сообщала: «Дома лёгкие приступы преодолеваю сама, при тяжёлых приходится вызывать "скорую". Трудна астма с её предсмертными задыханиями, особенно ночными... Оказывается – просто дыхание – настоящее счастье! <...> Говорят, вышла моя "Звезда" с кусочками воспоминаний[251] о родителях...»[252]. Это было её последнее письмо. Через несколько дней Ариадна Сергеевна на «скорой» вновь вернулась в тарусскую больницу, где утром 26 июля скончалась от инфаркта.

Последним приютом для неё стало тарусское кладбище.

Биография младшей дочери И.В. Цветаева – Анастасии – вначале почти совпадает с биографией Марины, потом – с пережитым Ариадной. Эта маленькая, худенькая, слабая женщина столько вынесла в жизни на своих плечах, что впору разве только Илье Муромцу – пращуру Цветаевых.

Родилась она через два года после Марины, 14 сентября (по старому стилю) 1894 года, в Москве, в том же доме, в Трёхпрудном. Всё в детстве – как у Марины: музыка, Таруса, заграница. Им и нравились одни и те же вещи, книги, уголки природы. Их они «делили»: Мусе «<...> этот, синий, с месяцем конец Оки, мне – тот, золотой, с закатом»[253]. У них были одинаковые голоса, и Маринины стихи они впоследствии читали на вечерах вдвоём, в унисон – и все интонации, все нюансы совпадали. В ранней юности они и влюблялись в одного, и даже

сны снились им одинаковые!

Ася прожила долгую жизнь. (Когда готовилось первое издание этой книги, из Москвы пришло печальное известие: 5 сентября 1993 года скончалась Анастасия Ивановна, за три недели до 99-летия). Судьбою ей было отпущено прожить век за всех недоживших Цветаевых, чтобы в своих «Воспоминаниях» донести их образы до потомков. Сделала это она блестяще – без её мемуаров не могла бы появиться и моя книжка.

Валерия Цветаева и сёстры Ася и Марина с коньками-"снегурками"

Анастасия Цветаева – человек, умевший видеть и умевший любить. Хорошо написала она о своих родителях: «Какая радость быть рождёнными от такого сильного и чистого человека, бескорыстно прожившего жизнь, как наш отец, от такой трагически, доблестно прожившей её женщины, как наша мать! <...> Благодарность обоим, мир их праху!»[254]. Как искренне, глубоко – о любимой сестре Марине. О Валерии. Об Андрее. О многих людях, с которыми её столкнула жизнь, простых и именитых – о Горьком, Волошине, Мандельштаме, о похоронах Толстого... Как хорошо она описала Тарусу! «Полноценнее, счастливее детства, чем наше в Тарусе, я не знаю и не могу вообразить»[255]. Прав Антуан де Сент-Экзюпери: «Все мы – родом из детства». Тем, какими они стали, Марина и Анастасия во многом обязаны Тарусе. (Тарусские привольные лета их были – как наши талицкие. Даже увлечение то же – шалаш! Только наше детство было омрачено войной, голодом).

В воспоминаниях Анастасии Цветаевой, пожалуй, меньше всего страниц о ней самой. Вот её образ пером сес-

тры Валерии: «Ася обладала блестящей памятью, быстротой мысли и впоследствии обращавшим на себя внимание – даром слова. Характера она была открытого, живого, довольно дерзкого, в детстве надоедавшая всем назойливым, требовательным, ноющим плачем по всякому поводу...»[256]. Она и сама с улыбкой вспоминала этот свой плач.

Музыка не давалась ей – во всяком случае, материнская фортепианная школа (впоследствии брат Андрей выучил её игре на балалайке, и они музицировали дуэтом). В ней с первых лет жизни была другая страсть – к рукоделию, к прикладным ремёслам. Звали её мастерицей, «кропотуньей»; отец выписывал для неё журнал «Труд и забава». Выпиливала лобзиком, изучила переплётное дело (в Тарусе отец специально приглашал к ней старого переплётчика, и тот даже испугался – не вырастит ли себе конкурента). Золотые руки выручали её потом всю жизнь. В разруху гражданской войны она научилась даже шить обувь – прочную и красивую – из холста и верёвки.

Анастасия Цветаева. Коктебель. Фото М.А. Волошина. 1912

Трудолюбие было цветаевское. Училась легко, отлично. С 12 лет «самым верным другом»[257] её стал дневник. С дневника начался литературный труд. В 20 лет она издала первую книгу – «Королевские размышления»[258], в 22 – вторую («Дым, дым и дым»)[259].

Очень любила Лермонтова. Отец подарил ей полное собрание его сочинений.

Была смелой – из тех, редких тогда, девушек, что предпочитали «снегуркам» беговые, норвежские», коньки. И каталась без отдыха весь вечер, до закрытия кат-

ка[260]. Там, в этом безостановочном беге-полёте, она и познакомилась с будущим мужем, Борисом Трухачёвым, в 15 лет исключённым из гимназии – за дерзость преподавателю и отказ извиниться. Полудетский брак их так и не стал вполне «взрослым». Двухмесячного сына Андрея, по совету доктора, обеспокоенного расстройством нервной системы юной матери, отлучили от неё, взяв кормилицу. И Ася «снова, как девушка, тонкая и освобождённая от нежного труда матери», бродила по комнатам их с Борисом квартиры: «от книги к дневнику», заглядывала в детскую, любуясь, стояла «... над Андрюшей на руках третьей кормилицы <...> и, вздохнув, лишняя здесь»[261], возвращалась к столу. Иван Владимирович накануне смерти говорил ей: «<...> я слышал, что у тебя не ладится <...> семейная жизнь. Что же, можно и исправлять ошибки. <...> Пока я жив, всегда будет у тебя с сыном кров над головой, и всё, что вам надо для жизни»[262].

Осенью 1915 года она вышла замуж за приятеля Бориса – инженера Маврикия Александровича Минца – и уехала в Александров, где тот проходил службу. Борис, скрыв «белый билет», с помощью друзей попал на фронт. В начале 1917 года полупарализованным он был доставлен в московский госпиталь. По словам однополчан, вольноопределяющийся Борис Трухачёв, добровольцем, 37 раз ходил в разведку, и нервы не выдержали. Ко времени свидания с навестившей его Асей, у него ожили мышцы лица, он мог поднимать одной рукой другую и «желчно излагал случаи, когда <...> бывшие товарищи в чине офицерском давали ему понять, что он – нижний чин»[263].

15 мая 1917 года М.А. Минц проводил жену с сыновьями Андреем и Алексеем в Крым. 24 мая в Феодосии она получила телеграмму от Марины о болезни мужа. Вернувшись в Москву, Анастасия на перроне узнала, что Маврикий Александрович умер от гнойного аппендицита. 18 июня в Коктебеле за отцом последовал её младший сын Алёша. В 1919 году в Старом Крыму от тифа скончался Борис Трухачёв. Марина тогда писала ей: «Ася, ты идёшь сейчас через пустыню. Её надо пройти, ты пройдёшь. <...>

Ты *должна* жить»[264].

И она жила. Перебилась гражданскую войну в Крыму. В мае 1921 года, получив через Марину официальный вызов на работу, приехала с сыном в Москву. В вызвавшем её военном учреждении[265] ей поручили устройство школы грамоты для уборщиц, гардеробщиц и пр. обслуживающего персонала. Прожив лето у Марины в Борисоглебском, она переселилась в Трубниковский переулок, в бывшую квартиру подруги по гимназии Потоцкой – Гали Дьяконовой[266], ещё до революции ставшей женою Поля Элюара. Квартира адвоката Д.И. Гомберга, отчима подруги, стала коммунальной, и мать Гали временно разрешила ей пожить в одной из оставленных семье комнат. Из военного учреждения Анастасия перешла в калькуляционное бюро Москустпрома (управление кустарной промышленности). Платой за работу там были пайки: забытая нержавая селёдка, хлеб, крупы, сахар. Действительность была столь похожа на сон, что Ася стала сочинять сказку «Сон», представляя себя сказочной девочкой. Но её перевели в другое учреждение. Пайки кончились. На новый 1922 год она купила на рынке фунт чёрного хлеба, разрезала на кусочки и разложила их на тарелке. Соседи дали блюдце сахарного песка. Андрюша, блаженствуя, «медленно, чтобы растянуть наподольше», поглощал «... кусочки тёмного, как шоколад, хлеба, обвалянные в серебристом сладком лакомстве»[267].

Марина готовилась к отъезду. У Аси заболел сын, и брат отправил их на поправку в Звенигородский уезд. Проводить Марину она не смогла.

В 1924 году поступила библиотекарем в отцовский Музей изящных искусств. В 1927-м у неё завязалась переписка с Горьким. Он пригласил её с Б.М. Зубакиным погостить летом в Сорренто. Во время отпуска она поехала в Италию. Из Сорренто заглянула к Марине в Мёдон, где попала в домашний карантин: скарлатина поразила всех, кроме Сергея. «Ты прислана мне в помощь, – радовался он, – *что* бы я делал сейчас без тебя! Работу бро-

сить – нельзя, сестру милосердия нанять – не на что»[268]. Успела она побывать и в Лувре. Сердце вновь «дрогнуло» от взгляда Джоконды, «... как дрожало и от *первого* взгляда»[269] её в далёком 1912 году.

В начале 1928-го, спустя четыре месяца после возвращения на родину, её арестовали, но через четыре дня выпустили. Окончив курсы английского языка, она стала преподавать его в вузе.

В 1933 году скончался брат. В том же году её вновь арестовали. Выпустили по ходатайству Горького.

В сентябре 1937 г. в Тарусе, где она гостила вместе с сыном и его женой у своей подруги З.М. Цветковой[270], её арестовали в третий раз. Сноху ей удалось спасти, убедив сотрудников НКВД, что это случайная женщина[271]. Анастасия же Ивановна с сыном были приговорены по статье 58 к заключению в ИТЛ. Срок она отбывала на Дальнем Востоке. За 10 лет ей суждено было узнать два десятка лагерей и пересыльных тюрем. Сын оказался в Казахстане.

После десятичасового рабочего дня Анастасия, во время отдыха, сочиняла на английском поэму «Близнецы» – о Джозефе Конраде и Александре Грине. В 1939 году начала роман «Amor»*. Героиня романа, заключённая дальневосточного лагеря, оказалась на строительстве гидроэлектростанции, пройдя по следам автора два десятилетия.

Маленькие листки подвернувшейся под руку бумаги, исписанные «<...> чернильным карандашом, так мелко, что прочесть <...> не смог бы никто, кроме автора, – и то по его близорукости»[272], небольшими пачками, через вольнонаёмного, пересылались по почте в Москву. Скопившиеся за два года листки уникальной рукописи ждали автора пять лет.

В 1943 году к ней дошла весть о гибели Марины.

Справку об освобождении Анастасия Ивановна получила в 1947 году. Но до Москвы не доехала. Остановилась у сына, работавшего прорабом на стройке под Вологдой. После

---

* Любовь (греч.).

получения из столицы рукописи романа обнаружилось, что в ней не хватает одной части. Часть эта написана была на папиросной бумаге, высоко ценимой курильщиками, и преодолеть искуса они не смогли. Восстановить рукопись Анастасия Ивановна не успела. Через год и четыре месяца, подобно племяннице Але, она была арестована и приговорена к «вечной ссылке» в село Пихтовка на севере Новосибирской области.

Поселилась с подругой Тоней, приобретённой в пути, в крестьянской избе, в пятиметровом чуланчике с двумя топчанами. Тоня стала работать на кирпичном заводе. Ей же работы не находилось: «<...> возраст и болезнь глаз, ни жары, ни наклона, ни тяжестей»[273]. Помогала хозяйскому сыну готовить уроки, за что ей наливали молока. Стала переводить с английского на русский поэму «Близнецы».

«Удивительная была сущность жизни, – вспоминала Анастасия Ивановна, – в тяжкие годы, в трудных условиях никогда она не лишала людей якоря надежды. Бросала им его – так нежданно! Да, *существо* жизни была – Надежда. И должно быть, так было во все исторические времена! И ежедневный подарок: путь на почту. Если даже тебе там ничего нет – ни письма, ни книги, ни бланка, извещающего о посылке, – сам путь туда уже был костром, сушащим болотную землю»[274]. Помогал сын, пока не был сам арестован, и тогда сноха с детьми приехала к ней. Пастернак прислал деньги на сапоги, без которых в Пихтовке шагу нельзя было ступить. Отрывая от небольшой пенсии, помогала Лёра.

В цветаевской литературе встречаются несправедливо обидные упрёки в адрес Валерии Ивановны: дескать, не подошла к телефону, когда ей позвонила возвратившаяся в СССР Марина, обижала Алю... Але она выделила на своём участке в Тарусе 5 соток под дом, и уж, наверное, не из-за страха, что могут отнять излишки земли; поселила на своей даче семью брата. Анастасия вспоминала уютный мирок Лёриной скромной квартиры в Милютинском переулке в послереволюционные годы «с картинами,

скатертью, мелочами прошедшего – бисер, дагерротип, альбом <...>», бывший для неё «хоть и редким, несколько раз в год, отдохновением», как при расставании Лёра совала ей в руки «пакетики и свёртки – Андрюше <...>»[275] и просила не забывать их дом. В Сибири младшая сестра регулярно получала от старшей посылки. «<...> Лёрина любовь к красоте создавала из ничего – нечто. И была страсть к фантастике в каких-то излишествах и отделках нужных в избе предметов, и кусочки лакомств, всегда где-то спрятанных, и что-то для души в уголке посылки – так она, верно любившая "Розу и крест" Блока, прислала <...> маленькую картинку на этот мотив, нежный блёклый цветной рисунок, эмблему, давшую <...> столько счастья <...>. <В другой раз> – талисман – последний хрусталик люстры дома <...> в Трёхпрудном. Сама архитектура посылок Лёриных была так же сложна и обдумана в их разностильности и сюрпризности, как сложны и до мелочей внимательны и продуманы <...> были её письма, полные полезнейших советов, участия во всех трудностях <...> дня». Присылала Лёра и самодельные вышивки, и посуду, и семена, и даже корешки роз!.. «Думаю, – заключала Анастасия Ивановна, – у неё было меньше грехов, чем у каждого»[276].

Картошку, заготовленную на зиму, прихватило морозом, и они с Тоней, очищая от кожуры мягкие, осклизлые, приторно-сладкие клубни, мечтали о собственном огороде. Однажды, в зимний буран, дверь распахнулась, и появившийся в пролёте хозяин торжественно объявил: «Антонина! Анастасия! Придётся вам куда-нито перебраться! Надумал я дом продавать!»[277]. Спасло их то, что хозяйка не дала согласия на продажу. Но чуланницы поняли, что надо обзаводиться своим жильём.

Тоня решила строиться. Анастасия Ивановна – не отважилась.

Она приглядела пустующую конюшенку с узким окошком и негодной дверью и поверила обещаниям плотника перенести её, поставить и достроить на новом месте, за тысячу рублей (над ней «... потом смеялись – более пятисот-

семисот никто бы не дал»[278]). Деньги были скоплены из присылок сына и Пастернака. Конюшенка встала на нужном месте. Но потребовалась закупка «оконных переплётов и стёкол, дверной коробки и двери, плах на пол <...>»[279]. Выплачивала она плотнику по частям, «урезав себя во всём – хлебе и молоке: хлеба затем не ела девять месяцев, молока не видела полтора года»[280]. «Сажать себя во всём (лишь бы кипяток и картошка) – не вопрос, – решила она. – Но вопрос безответный – что делать, если хозяин откажет: выбираться? Куда? Свой угол стал <...> неизбежным»[281]. На участке при конюшенке она развела огород – на зависть соседям.

Б.Л. Пастернак. 1950-е гг. Фото с дарственной надписью: "Дорогой Асе Цветаевой на память о невероятном: о нашей встрече 29 июня 1959 года, после бесконечной разлуки. Б.П."

Из ссылки Анастасия Ивановна Цветаева вернулась в 1956 году. Сначала жила в семье сына в Павлодаре. В 1959-м она приехала в Москву и подала на реабилитацию. На седьмом десятке жизнь началась снова... Трижды, с каждым изданием увеличиваясь в объёме, вышли её «Воспоминания»[282], напечатаны повести «Московский звонарь», «Моя Сибирь», «Старость и молодость»[283], восстановлен был и роман «Amor»... «Анастасия» – значит «воскресшая»...

Уместно будет здесь рассказать о нашей первой встрече с Анастасией Ивановной Цветаевой. В июне 1979 года я написала ей (адрес узнала в ГМИИ) о

Талицах, послала фотографии дома Цветаевых, Никольской церкви. Она ответила из Эстонии[284], где отдыхала каждое лето:

«Дорогая Галина Константиновна! Спасибо большое за письмо и фотографии. Я приложу все усилия, если Бог даст здоровья (мне в IX <сентябре. – *Г.К.*> пойдет 86-й год, я младшая, достигшая одна такого возраста, после 10 лет стал<инских> лагерей и 7 лет сибирской ссылки) <чтобы. – *Г.К.*> приехать, м. б. с А.А. Демской, в Талицы. Тогда увидимся и поговорим обо всём.

Мне давно хочется увидеть отцовские и дедовские места, но жизнь сложна, и я ещё работаю много (и литературно, и в быту, т.к. живу одна с 1962 г. в Москве, ул. Горького, д. 26/1 кв. 9). В конце 1979 года, а может быть в начале 80-го, в журнале «Москва» выйдут извлечения из моего 2-го тома воспоминаний (искалечат) о нашей совместной жизни с Мариной, сестрой моей, летом 1921—22 гг., год отъезда её за границу к мужу.

Оттуда она через 17 лет вернулась в Москву: муж и дочь в 1937 г., а Марина в 1939 г. (я уже 2 года была в заключении).

Через 2 месяца взяли её дочку-комсомолку, ещё через 2 месяца – мужа.

Марина с сыном 14—16 лет билась за жизнь, но война и возраст сына издёргали её силы, и она покончила с собой в 1941 году 48-и лет в эвакуации.

Всё это прочтёте в моей публикации (кроме моего заключения – об этом писать не буду). Фотографии папы и дяди Мити пересниму и пришлю, д<яди> Феди у меня нет. Всё, что было, пропало при аресте.

У меня сын 66 лет, 2 внучки, правнук и правнучка[285]. Скоро буду отправляться со старшей внучкой (32 года). До 30 сентября я тут. Сыро, болею. Очень люблю Эстонию. Я тут 13-е лето.

Обе фотографии я поместила под иконами. О папе все даты спросите у Александры Андр. Демской, она прекрасный человек. Храни Вас Бог. Ещё раз спасибо. Пишите, отвечу.

А.И. Цветаева. 19 июня 1980 г. Ново-Талицы. Фото М.Б. Аксененко

А. Цветаева»[286].

В конце 1979 года умер мой отец. Нас осталось четверо наследников. Трое предлагали продать дом. Я хотела сохранить его для будущего музея Цветаевых. Для совета я пригласила в Талицы Анастасию Ивановну и сотрудников музея. Они сердечно откликнулись.

Анастасию Ивановну встречали мы вместе с Л.С. Жеряковой и талицкими школьниками. 18 июня 1980 года на специальном автобусе, с цветами прибыли на вокзал. Поскольку номера вагона мы не знали, пришлось заказать через радиоузел объявление, чтобы гости подошли к справочному бюро. Но ещё до того, как оно прозвучало, я, пробиваясь сквозь толпу встречающих, увидела выходящих из вагона знакомых мне сотрудниц ГМИИ А.А. Демскую и М.Б. Аксененко. Затем в тамбуре показалась невысокая худенькая старушка с ласковым выражением лица. Несмотря на тёплую погоду, она была в сером шерстяном берете, поверх него вязаный платок, на плечах скромное драповое пальто. Увидев, что ей желают помочь, она отмахнулась: «Не надо» и без труда спустилась по ступенькам. Мы поздоровались, поцеловались, пошли по перрону. Навстречу бежали школьники с цветами, из рупора раздавались слова о прибытии в Иваново Анастасии Ивановны Цветаевой...

В Талицах, легко соскочив с подножки автобуса, она с каким-то благоговением вошла в усадьбу предков, огляде-

ла дом, перекрестилась, быстрыми шажками подбежала к большому нелюдимому коту Тишке, взяла его на руки, приговаривая что-то ласковое. И потом наш неласковый Тишка не отходил от неё и всюду следовал за гостьей. Какая-то сила притягивать к себе всё живое была у этой сухонькой женщины!

Осмотрев усадьбу, Анастасия Ивановна вошла в дом, поискала икону (её в кухне не было), перекрестилась, пошла по комнатам. В крайней, маленькой комнате увидела в углу три иконы, прочла молитву, перекрестилась и, довольная, присела отдохнуть, рассматривая вещи, принадлежавшие когда-то Цветаевым.

После небольшого отдыха, я пригласила гостей к столу. Я не знала, что Анастасия Ивановна – вегетарианка, но обед у меня был почти вегетарианским, только суп куриный, – она и от него не отказалась. Перед обедом она встала из-за стола и прочла молитву, затем достала из своей сумочки в разных коробочках гомеопатические горошинки, приняла несколько, пояснив, что у неё много болезней и лечится она только у гомеопатов, и это ей помогает.

За столом не столько ела, сколько рассказывала. Нас интересовала её жизнь в лагерях, о чём в книге она не написала. Анастасия Ивановна рассказала, что её поездку в Италию к М. Горькому и в Париж к сестре Марине истолковали как связь с иностранной разведкой, арестовали и допрашивали как шпионку. Следователь заставлял подписать протокол, а она упорно отказывалась и сочувствовала следователю, видя, что он измучился с нею больше, чем она. Протокол допроса она так и не подписала, но в лагерь всё равно попала. Рассказывала, что первое время было страшно – среди заключённых встречались всякие. Она повязывалась платком, как старушка, и к ней не приставали, считали старой, а ей было 43 года. В последние четыре года судьба улыбнулась: она знала несколько иностранных языков, и лагерное начальство доверило ей обучение своих детей. Это облегчило жизнь. Моя дочь

Римма спросила, что помогло ей выжить. Анастасия Ивановна ответила: «Только вера. Я верила в Бога, в судьбу, в справедливость. Это спасло меня. Тех, кто меня сажал и допрашивал, давно уже нет, все примерли, а я, слава Богу, живу». Говорила она легко, логично, звучно – мы слушали её с затаённым волнением. Сколько в ней было жизни, обаяния! Тишка сидел у её ног и тоже слушал.

После обеда на встречу с Анастасией Ивановной пришли школьники. Она их расспрашивала о новой школе, о школьном музее, обещала прислать им свои книги. Школьники пригласили её в школу, но она не могла задерживаться в Талицах в связи с поездкой в Эстонию, да и у Александры Андреевны было много неотложных дел в музее. На встречу с А.И. Цветаевой пришёл журналист из районной газеты М. Лисин[287]. М.Б. Аксененко сфотографировала её на садовой скамеечке с котом на руках, в дверях «дедушкина» дома, на крылечке у веранды под липами.

Вечером пошли на разорённый погост. Я повела Анастасию Ивановну вокруг разрушенного храма, показала, где были захоронения Цветаевых, рассказала, какие на могилах были надгробия. Анастасия Ивановна помолилась и поклонилась этой земле. Тишка всё время следовал за нами.

Потом я показала ей альбом фотографий с видами старых Талиц, работы моего отца. Она сказала добрые слова о нём за то, что дал нам возможность увидеть, как здесь было 60 лет назад.

Утром я подарила Анастасии Ивановне три маленьких цветаевских иконки и старинную фотографию Никольской церкви, принадлежавшую Цветаевым, оставленную ими на стене в кухне.

Тепло попрощавшись со всеми, гости уехали. В дальнейшем я не раз встречалась с Анастасией Ивановной в Москве, в её квартире на Большой Спасской улице. Она всегда радушно принимала меня, дарила книги с автографами мне и будущему музею. Присылала приветственные письма на Цветаевские чтения.

Как хорошо, что Анастасия Ивановна дожила до того времени, когда справедливость восторжествовала и имя

Цветаевых заняло по праву почётное место в истории русской культуры.

О потомках Фёдора Владимировича Цветаева известно совсем мало. Жена его, Евгения Николаевна, также происходила из священнического сословия, детей было трое: дочь Екатерина (она хромала, Анастасия Ивановна помнила, как в детстве с отцом навещали её в больнице) и два сына – Александр и Николай. Александра Анастасия Ивановна помнила: красивый, кудрявый мальчик. Мать, демонстрируя способности сына, ставила его на стол, и он декламировал стихи. И Валерия, и Анастасия Ивановна Цветаевы вспоминали, что после смерти Фёдора Владимировича связь с его семьёй как-то прервалась. Если такое и случилось, то можно с уверенностью говорить, что причиной разрыва не могла быть чёрствость братьев.

У Дмитрия Владимировича и Елизаветы Евграфовны Цветаевых было трое детей: сын Владимир и две дочери. Брата Володю Марина и Ася впервые увидели на Варшавском вокзале, по пути в Италию с больной матерью: «<...> живой, энергичный, он деловито бегал по перрону, стремясь к паровозу – рассмотреть работу его поршней и колёс. "Инженер будет!" – сказал кто-то из старших»[288]. Через три года Марина и Ася встретили его в Ялте. В нём был «задор, бьющий через край <...>», учился он на отлично, и весь был «<...> такой удачный, способный, энергичный, живой...». К сёстрам отнёсся всерьёз, уважительно. «Он был дружелюбен, открыт, прям, и жаль нам было расставаться»[289], – вспоминала Анастасия.

Когда Дмитрий Владимирович перебрался из Варшавы в Москву и стал директором Коммерческого училища, Иван Владимирович с детьми бывал у него (директорская квартира находилась в здании училища, на Остоженке). Анастасия Ивановна запомнила: «Обстановка была новой и богаче нашей <...> Хлебосольство было старинное»[290].

Владимир Цветаев в 1909 году окончил 1-ю московскую гимназию и поступил в Институт инженеров путей сообщения. Работал на Московско-Казанской железной

дороге, руководил сектором промышленных сооружений треста Моспроект. Был профессором МИСИ им. В.В.Куйбышева, заведовал кафедрой промышленных сооружений. Является автором нескольких книг[291]. Умер осенью 1937 года, от болезни, на 47-м году. «Только его исключительная энергия и сила воли позволили ему довести свою работу до конца ... – сообщалось в некрологе. – Смерть его – тяжёлая утрата для советского строительства»[292].

С женой Ларисой Митрофановной они вырастили одну дочь. У неё детей не было.

Екатерина Дмитриевна Цветаева была врачом[293], её сестра Александра – педагогом.

Прах В.Д. и Л.М. Цветаевых захоронен на Новодевичьем кладбище[294].

Каждое новое поколение Цветаевых, конечно, всё дальше отходило от основателей рода – скромных сельских священников. Жёны сыновей отца Владимира, мужья внучек вносили в семью свои черты и традиции, да и времена быстро и резко менялись. Но что-то цветаевское оставалось в каждом.

Мне довелось встречаться и переписываться с внучкой отца Владимира, Анастасией Ивановной Цветаевой, с его правнуками Инной Андреевной, Юрием Владимировичем Цветаевыми и Тамарой Николаевной Киселёвой. Все они были людьми интересными, запоминающимися, душевными.

Примечания.

[1] *Иереи 2003:* 161.

[2] Коллектив рабочих и служащих Башторга извещает знакомых о трагической смерти сотрудника Цветаева Владимира Петровича // Красная Башкирия. Уфа. 12 авг. Воскр. 1928 г.

[3] Собр. Г.К. Кочетковой.

[4] Восприемники: «Сын священника Петра Цветаева воспитанник 8-го класса Шуйской гимназии Сергей Петров Цветаев и жена профессора Варшавского университета Елизавета Евграфовна Цветаева» // ГАИО. Ф. 394. Оп. 3. Д. 40. Л. 251.об.–252.

[5] *Иереи 2003:* 161.

[6] *Цветаева М.* Музей Александра III // *Цветаева М. 1995:* 5: 159.

[7] См. с. 280, 286.

Пажеский корпус – привилегированное среднее учебное заведение в Санкт-Петербурге (1759–1918) для сыновей сановников и генералов. С 1802 г. реорганизован по типу кадетских корпусов. Выпускники получали чин подпоручика.

[8] *Грабильцев.* Врач А.П. Цветаева. <Некролог> // Раб. край. 8 мая 1928 г.

[9] См. с. 281, 286.

[10] См. и. 8.

[11] См. с. 281. На обороте приведённого фото Н. Киселёва автограф:

«11/VIII-31 г.

На память дорогой Ниночке от любящего братишки Коли.

Ив[аново]-Возн[есенск]. Типографская, № 2 б».

[12] Екатерининский институт благородных девиц (другое название – Училище ордена св. Екатерины) – закрытое учебное заведение для обучения детей потомственных дворян. Основан в 1802 г., воспитанницы находились в нём с 8 до 18 лет. Программа приравнивалась к программе петербургских женских гимназий. Располагался на Екатерининской пл., в здании, построенном по проекту архитектора И.Д. Жилярди. С 1928 г. в здании располагается Центральный Дом Советской (Российской) Армии.

[13] Отношения с Н.Ф. Манохиным они поддерживали и в дальнейшем. В 1910 г. В.И. Цветаева стала преподавать географию в Екатерининском институте.

[14] *Цветаева В. 1963:* 56.

[15] *Цветаева В. 1963:* 126.

[16] *Цветаев И.В.* Письмо В.Ф. Миллеру от 10 авг. 1907 г. // *Каган 1987:* 149.

[17] Со временем в этой же гимназии стал преподавать естествознание А.И. Добротворский. См.: *Вся Москва 1912*: 421.

[18] *Цветаева В. 1963:* 126.

[19] *Цветаева В. 1963:* 128.

[20] То же.

[21] *Безо всякого вознаграждения 2005:* 196.

[22] *Безо всякого вознаграждения 2005:* 204.

[23] Музей, открытый в 1861 году при Строгановском художественно-промышленном училище.

[24] *Безо всякого вознаграждения 2005:* 207.

[25] *Вся Москва 1917*: 429.

[26] *Цветаева В. 1963:* 18.

[27] *Цветаева В. 1963:* 43.

[28] *Соснина 2005:* 283.

[29] *Вся Москва 1925*: III: 506; *Вся Москва 1930*: III:195.

[30] *Вся Москва 1930*: VII: 633.

[31] *Цветаева М.* Хлыстовки // *Цветаева М. 1995:* 5: 97.

[32] Письмо А.С. Эфрон В.Н. Орлову от 15 августа 1962 г. // *Эфрон А. 1996:* 208.

[32а] *Лейбова К.* Две поездки к Марине Цветаевой // Грани. 2004. № 210. С. 125–132.

[33] *Эфрон А. 1996:* 208.

[34] *Цветаева В. 1963:* 139.

[35] В «Записках» Валерия мысленно укоряла Марину: «Знала ли ты, что в те годы (1917–1921. – *Е.С.*) были и у меня и умерли дети? Что в самое трудное время долго, месяц за месяцем, между жизнью и смертью, лежала я в больнице?» (*Соснина 2005:* 52). Сестра знала: «У неё было много детей, – сообщала она подруге юности Валерии, – все умирали малолетними» (Письмо М.И. Цветаевой к В.И. Буниной от 19 авг. 1933 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 242).

[36] См. с. 269.

[37] *Цветаева А. 2005:* 229.

[37] *Цветаева А. 2005:* 277.

[38] *Цветаева А. 2005:* 294.

[39] *Цветаева А. 2005:* 249.

[40] *Цветаева В. 1963:* 56.

[41] *Цветаева А.* 1987: 113.

[42] *Цветаева А.* 1987: 115.

[43] *Цветаева А.* 1987: 117.

[44] *Цветаев А.* 1. Мечты («Далёкие мечты, вы – те же облака...»); 2. Маятник времён («День приносит, день уносит...»); 3. Вальс («Вальс рыдает однозвучный...») // Хмель: Альман. молод. писат. Кн. 1. М., 1911.

[45] *Цветаева И.А.* Разведение насекомых для использования в биологической борьбе с вредителями растений. М., 1969.

[46] «<...> кроме музея, <...> он подарил стране ещё один живой и драгоценный подарок – свою талантливую дочь поэтессу Марину» (*Паустовский К.* Лавровый венок // *Паустовский К.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1970. С. 151).

[47] *Цветаева А. 2005:* 10.

[48] *Цветаева А. 2005:* 9.

[49] *Цветаева А. 2005:* 10.

[50] *Цветаева В. 1963:* 56–57.

[51] Письмо И.В. Цветаева к А.А. Иловайской от 26 июня 1903 г. // *Каган 1987:* 144.

[52] *Цветаева М.* Мать и музыка // *Цветаева М. 1995:* 5: 19.

[53] *Цветаева А. 2005:* 170.

[54] *Цветаева А. 2005:* 119.

[55] *Цветаева А. 2005:* 126.

[56] То же.

[57] *Цветаева М.* На скалах («Он был синеглазый и рыжий...») // *Цветаева М. 1995:* 1: 39.

[58] *Цветаева А. 2005:* 153–154.

[59] *Цветаева А. 2005:* 183.
[60] Восп. С.И. Липеровской. См.: *Цветаева А. 2005:* 252.
[61] Восп. И. Ляховой. См.: *Цветаева А. 2005:* 252.
[62] Восп. С.И. Липеровской. См.: *Цветаева А. 2005:* 253.
[63] *Цветаева М.* Мать и музыка // *Цветаева М. 1995:* 5: 28.
[64] *Цветаева В. 1963*: 110.
[65] *Цветаева М.* Живое о живом // *Цветаева М. 1995:* 4: 163. Пчёлы были изображены на гербе Наполеона.
[66] *Цветаева А. 2005:* 286.
[67] *Цветаева А. 2005:* 292. Слова Наполеона записаны адъютантом онального императора графом Э. Ласказом, прожившим с ним год на острове Св. Елены.
[68] *Цветаева М.* Молитва // *Цветаева М. 1995:* 1: 32.
[69] *Цветаева М.* Вечерний альбом. М., 1910. – 226 с.
[70] Семья Эфронов. Яков Константинович Эфрон (1854—1909), сын подольского купца, и Елизавета Петровна Дурново-Эфрон (1855—1910), дочь лейб-гвардии ротмистра П.А. Дурново, были народовольцами. Сидели в тюрьмах, жили в ссылке, в эмиграции. Похоронены в Париже на Монмартрском кладбище. Могила не сохранилась. В семье было шестеро детей.
[71] *Эфрон А. 1989:* 50.
[72] *Цветаева А. 2005:* 491.
[73] *Цветаева А. 2005:* 497.
[74] *Пауль С.М.* С Корниловым // *Белое дело*: 67.
[75] *Гуль Р.* Ледяной поход (С Корниловым) // Белая армия, чёрные генералы. Мемуары белогвардейцев / Сост., вступ. ст. и примеч. В.П. Федюка. Ярославль, 1991. С. 64.
[76] Письмо С.Я. Эфрона к Е.О. Кириенко-Волошиной и М.А. Волошину от 12 мая 1918 г. // *Цветаева М. 1999:* 271.
[77] Галлиполи – Галлиполийский полуостров в Турции между проливом Дарданеллы и Саросским заливом в Эгейском море, на 90 км выдающийся в море. На этом клочке суши, наибольшая ширина которого 19 км, по решению французского оккупационного командования, расположились лагерем остатки армии Врангеля, сведённые в первый армейский корпус генерала А.П. Кутепова.
[78] *К.* Русские в Галлиполи. Последние новости. Париж. 1923.
[79] Там же.
[80] Там же.
[81] Там же.
[82] *Цветаева М. 2000:* 22—23.
[83] *Цветаева М.* «Под рокот гражданских бурь...» // *Цветаева М. 1995:* 1: 425.
[84] О гибели Ирины см.: письмо (черновик) Е.Я. Эфрон С.Я. Эфрону. Осень 1923 г. // *Цветаева М. 1999:* 510—513.
[85] Письмо М.И. Цветаевой к В.К. Звягинцевой от 12 (25) февр. 1920 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 149—150.

[86] *Цветаева М.* Мои службы // *Цветаева М. 1995:* 4: 473.
[87] *Цветаева А. 2005:* 636.
[88] *Эфрон А. 1989:* 54—55.
[89] «Аля породнила меня с Казановой: венецианские её глаза» // *Цветаева М. 2000:* 449.
[90] *Цветаева М.* Але («Не знаю, где ты и где я ...») // *Цветаева М. 1995:* 1: 421.
[91] *Бальмонт К.* Где мой дом? // *Бальмонт К.* Автобиографическая проза. М., 2001. С. 376. «Где мой дом?» – начальная строчка чешского национального гимна.
[92] Приписка М.И. Цветаевой в письме А.С. Эфрон к А.А. Ахматовой от 17/30 марта 1921 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 205.
[93] Литературное обозрение. 1981. № 12. С. 90.
[94] *Цветаева М. 1995:* 1: 264.
[95] Письмо С.Я. Эфрона к М.И. Цветаевой от 28 июня 1921 г. // *Цветаева М. 1999:* 286.
[96] *Эфрон А. 1989:* 184.
[97] Письмо М.И. Цветаевой к О.Е. Колбасиной-Черновой от 2 нояб. 1924 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 686.
[98] То же от 26 янв. 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 717.
[99] То же от 2 февр. 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 717.
[100] Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку от 14 февр. 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 243. Ещё до рождения сына она высчитала, что в армию он будет призван в 1946 году, см.: Письмо М.И. Цветаевой к О.Е. Колбасиной-Черновой от 2 янв. 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 704.
[101] То же // *Цветаева М. 1995:* 6: 242—243.
[102] *Саакянц 1998:* 579.
[103] *Эфрон А. 1989:* 223.
[104] Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку от 14 <19?> июля 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 248.
[105] Письмо М.И. Цветаевой к О.Е. Колбасиной-Черновой от 27 апр. 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 739.
[106] Письмо М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой от 30 дек. 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 344.
[107] То же от 24 сент. 1926 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 351.
[108] Письмо М.И. Цветаевой к Р.Н. Ломоносовой от 12 сент. 1929 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 315.
[109] Письмо М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой от 2 февр. 1934 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 411—412.
[110] Письмо М.И. Цветаевой к В.Н. Буниной от 5 окт. 1933 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 256.
[111] Письмо М.И. Цветаевой к Р.Н. Ломоносовой от 12 сент. 1929 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 315.
[112] Письмо М.И. Цветаевой к В.Н. Буниной от 5 окт. 1933 г. //

Цветаева М. 1995: 7: 256.

[113] *Цветаева М. 1995:* 7: 257.

[114] *Цветаева М. 1995:* 7: 256–257.

[115] Известно о материальной (книгами, журналами) и денежной помощи И.В. Цветаева своей alma mater – ШДУ. Но сумма 20 000 руб. – маловероятна при «профессорских капиталах» жертвователя. Утверждённый на 1909 г. бюджет Музея изящных искусств составлял 50 000 руб. Речь идёт, возможно, о пожертвовании в 1909 г. 2 000 руб. в виде двух банковских 4 %-х билетов на 4 стипендии (по 20 руб). (см. с. 59)

[116] Письмо М.И. Цветаевой к В.Н. Буниной от 7 мая 1935 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 287.

[117] Письмо М.И. Цветаевой Ю.П. Иваску от 26 февр. 1935 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 395.

[118] Письмо М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой от 28 дек. 1935 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 430.

[119] Письмо К.Б. Родзевича к А.А. Саакянц от 2 марта 1979 г. // *Саакянц 1998:* 512.

[120] Письмо М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой от Третьего дня Пасхи 1927 г. // *Цветаева М. 1995*: 6: 356.

[121] *Цветаева М.* Маяковскому // Евразия. Париж. 24 нояб. 1927. № 1 (*Цветаева М. 1995:* 7: 351).

[122] Письмо М.И. Цветаевой (черновик). Б. д. и адр. // *Цветаева М. 1995:* 7: 350.

[123] *Цветаева М.* Анкета журнала «Своими путями» <1925> // *Цветаева М. 1995:* 4: 418.

[124] *Цветаева М.* «Тоска по родине! Давно ...» // *Цветаева М. 1995:* 2: 315–316.

[125] *Гладков А.* Встречи с Пастернаком // *Пастернак 2005*: 11: 353.

[126] Письмо М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой <1929> // *Цветаева М. 1995:* 6: 385. Чешское иждивение – пособие чешского правительства Масарика известным русским учёным и писателям-эмигрантам.

[127] То же от 17 окт. 1930 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 388.

[128] То же от 22 янв. 1931 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 389.

[129] То же от 25 февр. 1931 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 390, 392.

[130] То же от 31 авг. 1931 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 395–396.

[131] То же от 1 янв. 1932 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 398–399.

[132] *Цветаева М.* Стихи к сыну // *Цветаева М. 1995:* 2: 299, 301.

[133] Письмо М.И. Цветаевой к В.Н. Буниной от 22 нояб. 1934 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 278.

[134] То же.

[135] *Цветаева М. 1995:* 7: 279.

[136] *Цветаева М. 1995:* 7: 278.

[137] *Цветаева М. 1995:* 7: 279.

[138] *Цветаева М. 1995:* 7: 280.

[139] То же от 11 февр. 1935 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 285.

[140] То же.

[141] *Эфрон А. 1989:* 204.
[142] Письмо М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой от 24 авг. 1934 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 414.
[143] То же от 10 июля 1936 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 440.
[144] То же от 29 марта 1936 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 436.
[145] *Цветаева М. 1995:* 6: 437.
[146] То же от 2 мая 1937 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 451.
[147] То же от 14 июня 1937 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 452.
[148] Письмо М.И. Цветаевой Л.П. Берии от 23 дек. 1939 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 663.
[149] *Хубер П., Кунци Д.* Смерть в Лозанне // Новое время. 1991. № 21. С. 37. Письмо М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой от 16 июля 1937 г.: «Приветствую Вас с Океана. Мы здесь шестой день. (Мы: Мур и я, С<ергей> Я<ковлевич> приедет в августе)» (см.: *Цветаева М. 1995:* 6: 453); «В Испании <С.Я. Эфрон> *не был* в силу личных и семейных обстоятельств, хотя и полностью сочувствовал борьбе Интернациональных Бригад» (Письмо К.Б. Родзевича к А.А. Саакянц от 2 марта 1979 г. // *Саакянц 1998:* 512).
[150] См. п. 148.
[151] Письмо С.Я. Эфрона Г.С. Эфрону от 16 февр. 1938 г. // *Цветаева М. 1999:* 375.
[152] Письмо М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой от 12 июня 1939 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 480.
[153] Запись в тетради 5 сент. 1940 г. // *Цветаева М. 1995:* 4: 609.
[154] То же // *Цветаева М. 1995:* 4: 609–610.
[155] Письмо М.И. Цветаевой Л.П. Берии от 23 дек. 1939 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 664.
[156] Письмо М.И. Цветаевой П.А. Павленко от 27 авг. 1940 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 699.
[157] Письмо М.И. Цветаевой к В.А. Меркурьевой от 31 авг. 1940 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 687. Подарена была только одна библиотека – А.Д. Мейна (271 книга). См.: *Коваль Л.М.* Не славы ради... М., 2000. С. 97.
[158] То же. б. д. // *Цветаева М. 1995:* 7: 690.
[159] Запись в тетради 5 сент. 1940 г. // *Цветаева М. 1995:* 4: 610.
[160] Письмо М.И. Цветаевой к А.С. Эфрон от 22 марта 1941 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 744.
[161] Запись в тетради 24 окт. 1940 г. // *Цветаева М. 1995:* 4: 612.
[162] Запись в тетради 25 дек. 1940 г. // То же.
[163] *Тагер Е.Б.* К ней тянулись, знакомства с ней добивались... // Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Возвращение на родину. М., 2002. С. 67.

Эта устная реплика Цветаевой была записана Е.Е. Тагер на внутренней стороне переплёта сборника стихов Цветаевой 1940 г. Запись утрачена.

[164] Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР (с 1926 по 1959 гг.), предусматривала наказания за «контрреволюционные преступления», т.е.

направленные на свержение, подрыв или ослабление Советской власти. Имела 14 пунктов, конкретизирующих преступление: пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению власти; совершение террористических актов, направленных против представителей власти; шпионаж; вооружённое восстание и др.

[165] Письмо М.И. Цветаевой к А.С. Эфрон от 8 апр. 1941 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 747.

[166] То же от 16 мая 1941 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 751.

[167] То же от 16 мая 1941 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 748.

[168] Приёмный формулярный список: «Эфрон С.Я. 1916 г. Рост: 2 аршина $8^{7}/_{8}$ вершков», то есть 181 см. См.: *Дядичев В., Лобыцын В.* Доброволец двух русских армий. Военная судьба Сергея Эфрона. 1915–1921 гг. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. С. 19.

[168а] Елабуга имеет древнюю историю. Стоявший на месте её в устье Тоймы на Каме болгарский город Бряхимов был покорён Андреем Боголюбским (1164 г.). В золотоордынскую пору г. Суддум (на местном наречии – Алабуга) в 1391 г. разграбил Тамерлан. В XVII в. здесь появились русские поселенцы. В 1614–1616 гг. иеромонах Иона Зелёный, казначей костромского Богоявленского монастыря основал Троицкий монастырь. Расцвет Елабуги приходится на XIX в. В 1833 г. при городском голове и первом историке И.В. Шишкине проложен городской водопровод. Сохранилось около 130 памятников городской архитектуры XIX в. «У нас есть клуб, – с гордостью писал И.В. Шишкин о здании купеческого собрания, – устройство которого и помещение так хорошо и комфортабельно, что поспорит с каким угодно губернским» (*Попадюк С.С.* Памятники истории и культуры г. Елабуги // *ПКНО: 2004*: 534). «Здесь редкостная чудотворная почва, – писал о Прикамье живший здесь в эвакуации Б. Пастернак, – чернозём такого качества, что кажется смешанным с угольной пылью, и если бы такую землю трудолюбивому, дисциплинированному населению, которое бы знало, что оно может, чего оно хочет и чего вправе требовать, любые социальные и экономические задачи были бы разрешены» (Письмо Б.Л. Пастернака к О.М. Фрейденберг от 18 июля 1942 г. // *Пастернак 2005: 9:* 303).

[169] *Эфрон Г. 2004: 1:* 526.

[170] То же. В трёхоконном рубленом домике на восточном берегу Безымянного оврага, по адресу: ул. Покровская, 20, принадлежавшем М.И. Бредельщикову.

[171] *Эфрон Г. 2004: 1:* 537. З.Н. Пастернак, проработав три дня в интернате заведующей (впоследствии стала сестрой-хозяйкой), писала: «Штата на 400 человек не хватало, поэтому мне самой приходилось мыть посуду, стирать 50 скатертей, а так как я люблю чистоту, то я валилась с ног» (Письмо З.Н. Пастернак Б.Л. Пастернаку. Август 1941 г. // *Пастернак 2005: 9:* 231).

[172] *Эфрон Г. 2004: 1:* 538.

[173] *Эфрон Г. 2004: 1:* 538–539.

[174] *Эфрон Г. 2004: 1:* 539.
[175] То же.
[176] То же.
[177] *Эфрон Г. 2004: 1:* 540.
[178] То же.
[178а] «Новое городское кладбище открыто в 1887 г. к востоку от города по Гаринской дороге. Территория обнесена каменной оградой с арочными трёхпролётными воротами в сторону дороги. У ворот, в линии ограды возведена небольшая каменная церковь-часовня с полукруглой алтарной апсидой и двумя главками – над храмом и алтарём, с крыльцом на двух пилонах, выходящим за пределы ограды. На этом кладбище, у юго-восточного угла, похоронена русская поэтесса М.И. Цветаева. Надгробье установлено в приблизительном месте захоронения» (*ПКНО: 2004*: 509).
[179] Письмо М.И. Цветаевой Г.С. Эфрону <от 31 авг. 1941 г.> // *Цветаева М. 1995:* 7: 709.
[180] Письмо М.И. Цветаевой писателям <от 31 авг. 1941 г.> // *Цветаева М. 1995:* 7: 710.
[181] Письмо М.И. Цветаевой Н.Н. Асееву и сёстрам Синяковым <от 31 авг. 1941 г.> // *Цветаева М. 1995:* 7: 710.
[182] Письмо М.И. Цветаевой Н.Я. Москвину от 9/22 марта 1940 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 693.
[183] *Цветаева А. 2005:* 780.
[184] *Эфрон А. 1989:* 34–38.
[185] *Цветаева М.* Ответ на анкету <1926> // *Цветаева М. 1995:* 4: 621.
[186] *Цветаева В. 1963*: 57.
[187] *Цветаева А. 2005:* 74.
[188] *Цветаева М.* Ответ на анкету <1926> // *Цветаева М. 1995:* 4: 621–622.
[189] *Цветаева А. 2005:* 535.
[190] *Цветаева М.* Ответ на анкету <1926> // *Цветаева М. 1995:* 4: 622.
[191] *Эфрон А. 1989:* 39.
[192] *Орлов В.* Марина Цветаева: Судьба. Характер. Поэзия // *Цветаева М.* Избр. произведения. Л., 1965. С. 18.
[193] Письмо А.С. Эфрон к М.С. Булгаковой от 18 февр. 1968 г. // Литературное обозрение. 1981. № 12. С. 100.
[194] Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку от 14 февр. 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 244.
[195] То же от 26 мая 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 246.
[196] Письмо М.И. Цветаевой к Т.Н. Кваниной от 17 нояб. 1940 г. // *Цветаева М. 1995:* 7: 703.
[197] *Цветаева М.* Из записных книжек и тетрадей // *Цветаева М. 1995:* 4: 616.
[198] *Цветаева М. 1995:* 4: 615.
[199] Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку от 14 февр. 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 243.

[200] Письмо М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой от 30 дек. 1925 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 344.

[201] То же от 3 янв. 1928 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 363–364.

[202] То же от 15 февр. 1936 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 433.

[203] То же от 7 апр. 1929 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 378.

[204] То же от 22 янв. 1931 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 390.

[205] То же от 14 сент. 1931 г. // *Цветаева М. 1995:* 6: 396.

[206] Письмо М.И. Цветаевой к В.А. Меркурьевой <б. д.> // *Цветаева М. 1995:* 7: 689.

[207] Имеется в виду легендарный богатырь Илья Муромец, по преданию, родившийся в с. Карачарово, под Муромом, Владимирской обл. Бабка М. Цветаевой, Екатерина Васильевна, была дочерью карачаровского дьякона В.Л. Сакулина. Набожностью большой муромцы, похоже, не отличались. «Муромцы святогоны, изгнали в XII веке епископа Св. Василия» (*Даль 1956:* 4: 162). Часть учёных считают Илью Муромца главным из младших богатырей, другие отводят ему переходное место между младшими и старшими. К XVII в. относится прославление Ильи Муромца святым угодником. Первоначально оно имело место, вероятно, «... в Киеве, куда его имя принесли великорусские богомольцы» (*Брокгауз-Ефрон: 4 (7)*: 151). Образ Ильи Муромца испокон веков привлекал словотворцев, живописцев, музыкантов. Особую злободневность приобретал во времена всенародных бедствий, социальных потрясений. В германскую войну на вооружении русской армии был первый в мире бомбардировщик «Илья Муромец». В Великую Отечественную войну в состав железнодорожных войск входил бронепоезд «Илья Муромец», построенный в Муроме на заводе имени Ф.Э. Дзержинского. Широко расправились могутные плечи богатыря после революции. «По-старому стоит он на богатырской заставе, – писал А. Луначарский в статье "Илья Муромец – революционер", – но уже <...> не в иноверцах ... видит врага», а в «идолище поганом» – капитализме (Пламя. Пг., 1919. № 44. С. 8). На острове Итуруп в Охотском море именем богатыря названы мыс и водопад (141 м высотой). В 1990 г. в Муроме установлен памятник Илье Муромцу: богатырь высечен в каменной глыбе (скульптор В. Клыков). Среди достопримечательностей восстановленного в 1995 г. Свято-Николо-Тихонова монастыря: иконостас, возведённый на пожертвования Н.С. Михалкова, изображения мученика Христофора-пёсиголовца, св. Илии (с ремаркой на поле: «Сей образ написан на освобождение России от ига жидовствующих и орд иноплеменных»).

[208] *Цветаева М.* История одного посвящения // *Цветаева М. 1995:* 4: 139–140.

[209] Письмо Г.С. Эфрона к Е.Я. Эфрон от 11 сент. 1941 г. // *Эфрон Г. 1995:* 29.

[210] Письмо Г.С. Эфрона С.Д. Гуревичу от 26 марта 1941 г. // *Эфрон Г. 1995:* 35.

[211] Письмо Г.С. Эфрона к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич от 8 июня 1942 г. // *Эфрон Г. 1995:* 47.

[212] Письмо Г.С. Эфрона к Е.Я. Эфрон от 21 июля 1942 г. // *Эфрон Г. 1995:* 50.
[213] Письмо Г.С. Эфрона к Е.Я. Эфрон от 21 июля 1942 г. // *Эфрон Г. 1995:* 52.
[214] Письмо С.Д. Гуревича к А.С. Эфрон от 28 авг. 1942 г. // *Эфрон Г. 1995:* 213–214.
[215] Письмо Г.С. Эфрона С.Д. Гуревичу от 8 янв. 1943 г. // *Эфрон Г. 1995:* 106.
[216] То же // *Эфрон Г. 1995:* 108.
[217] Письмо Г.С. Эфрона к А.С. Эфрон от 7 сент. 1942 г. // *Эфрон Г. 1995:* 64.
[218] Письмо Г.С. Эфрона С.Д. Гуревичу от 8 янв. 1943 г. // *Эфрон Г. 1995:* 109.
[219] Письмо Г.С. Эфрона к А.С. Эфрон от 13 дек. 1942 г. // *Эфрон Г. 1995:* 91–92.
[220] То же от 3 апр. 1943 г. // *Эфрон Г. 1995:* 127.
[221] Письмо Г.С. Эфрона к Е.Я. Эфрон от начала марта 1944 г. // *Эфрон Г. 1995:* 172–173.
[222] Письмо Г.С. Эфрона к А.С. Эфрон от 17 июня <1944 г.> // *Эфрон Г. 1995:* 192.
[223] Письмо Г.С. Эфрона к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич от 30 июня 1944 г. // *Эфрон Г. 1995:* 194.
[224] То же от 4 июля 1944 г. // *Эфрон Г. 1995:* 195.
[225] *Цветаева А. 2005:* 849.
[226] Письмо А.С. Эфрон к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич от 13 июля 1942 г. // *Эфрон Г. 1995:* 212.
[227] Письмо А.С. Эфрон к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич от 23 июля 1942 г. // *Эфрон А. 1996:* 15.
[228] То же от 5 авг. 1942 г. // *Эфрон А. 1996:* 17.
[229] То же от 17 авг. 1942 г. // *Эфрон А. 1996:* 18.
[230] То же от 3 сент. 1942 г. // *Эфрон А. 1996:* 21.
[231] Письмо С.Д. Гуревича к А.С. Эфрон от 13 мая 1943 // *Эфрон Г. 1995:* 215.
[232] С.Я. Эфрон был расстрелян 16 октября 1941 г. Дату эту дочь узнала в 1956 г. Определением Коллегии Верховного Суда СССР от 22 сент. 1956 г. С.Я. Эфрон-Андреев (под второй фамилией он значился, как контрразведчик) полностью реабилитирован (*Эфрон А. 1996:* 142).
[233] В 1970-е гг. А.С. Эфрон познакомилась с «<...> милейшим подполковником авиации, сотр. газеты "Красная звезда"» С.В. Грибановым, восстанавливавшим по материалам военных архивов судьбу её брата (Письмо А.С. Эфрон В.Н. Орлову от 8 дек. 1974 г. // *Эфрон А. 1996:* 384).
[234] Письмо А.С. Эфрон к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич от 1 янв. 1945 г. // *Эфрон А. 1996:* 26.
[235] То же от 6 сент. 1949 г. // *Эфрон А. 1996:* 55.
[236] Письмо А.С. Эфрон Б.Л. Пастернаку от 24 апр. 1950 г. // *Эфрон А. 1989:* 354, 356.
[236а] Помощь сестре и дочери Цветаевой Пастернак считал своим «<...> советским, общественным (пусть и тайным) долгом». «И разве возможно

иначе? Отчего эта несчастная дочь Цветаевой должна заменять лошадь <речь идёт о работе в тундре на сенозаготовке. – *О.Л.*> и перетаскивая на себе сотни центнеров сена, не иметь даже обеспеченного лошади стойла и корма, а я жить ещё лучше, чем, по счастью, я всё-таки живу?» (Письмо Б.Л. Пастернака А.А. Фадееву от 1 окт. 1949 г. // *Пастернак 2005: 9:* 578).

[237] *Козев Н.* О революционной бдительности // Правда. 6 февр. 1953 г.

[238] Письмо А.С. Эфрон к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич от 3 июня 1954 г. // *Эфрон А. 1996:* 115. Дотянула «похитившая ряд секретных документов» (см. п. 237) завербованная агентом писательница Е.А. Таратута. После разоблачения Берии, друзья приветствовали её возвращение:

Как я рад, что снова тута
Дорогая Таратута.
25.IV.54 Лев Кассиль

(*Таратута Е.* Драгоценные автографы. М., 1986. С. 114).

[239] Письмо А.С. Эфрон Б.Л. Пастернаку от 3 июня 1954 г. // *Эфрон А. 1996:* 433.

[240] Строчка из стихотворения безымянной монахини Новодевичьего монастыря:

Человечество живо одною
Круговою порукой добра!

Цветаева М. Искусство при свете совести // *Цветаева М. 1995:* 5: 357.

[241] Письмо А.С. Эфрон В.Ф. Булгакову от 21 окт. 1960 г. // *Эфрон А. 1996:* 165.

[242] Генерал-губернатором Москвы был однофамилец П.А. Дурново, прадеда А.С. Эфрон, – П.П. Дурново, генерал от инфантерии, в конце XIX – начале XX вв. – видный деятель петербургской гордумы, член Гос. Совета. Ф. Тютчев в стихотворении «Конечно, вредно пользам государства» назвал П.П. Дурново за «неблаговоспитанность» «оживившим баскаком».

[243] Письмо А.С. Эфрон Б.Л. Пастернаку от 1 окт. 1956 г. // *Эфрон А. 1989:* 455.

[244] Письмо А.С. Эфрон к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич от 1 авг. 1956 г. // *Эфрон А. 1996:* 142–143.

[245] Письмо А.С. Эфрон Р. Мустафину от 22 апр. 1967 г. // *Эфрон А. 1996:* 299.

[246] *Цветаева М.* Избранные произведения. Предисл. В.Н. Орлова. Л., 1965. – 810 с.

[247] Ариадна Эфрон хорошо помнила Красноярск начала 1950-х годов: «Скоропалительно амнистированные Берия после смерти Сталина уголовники, едва покинув доставлявшие их из Заполярья пароходы, катера, самоходки, бегло оглядевшись, решали, что от добра добра не ищут, и тут же "трудоустраивались" на свой манер. Это были не десятки и не сотни, а лавины преступных дел мастеров, сорвавшихся с цепи воспитательных лесоповалов и забоев, вырвавшихся из палаток, бараков, карцеров и БУРов; это были лавины недочеловеков, отощавших

на "лагерной паечке", изголодавшихся по разбойной воле, и лавины эти разлились по всем улочкам и закоулочкам Красноярска, его пригородов и слобод, впитав в себя мимоходом и местный, оседлый преступный мир. Кражи, грабежи, насилия и убийства завладели ночной жизнью города – а зимняя ночь наступала там вскоре после рассвета.

Немногочисленная и маломощная милиция спасалась, как могла; население – тоже. Вообще же горожане отваживались ходить только по Сталинскому и Ленинскому проспектам – единственным освещённым магистралям города. В гости забирались засветло и с почёвкой; опасаясь поздних возвращений, обходились без театра – и он терпел бедствие – и уж, конечно, без концертов! С наступлением сумерек город слеп и глох; ставни, двери, калитки, ворота запирались на засовы и пудовые, ещё купеческих времён, замки. Даже на работе обитатели Красноярска должны были беречь карманы». См.: *Эфрон А.* <Воспоминания о Казакевиче> // *Эфрон А. 1996:* 431–432.

[248] Письмо А.С. Эфрон к Е.Н. Москаленко от марта 1975 // *Саакянц 1998:* 103.

[249] *Саакянц 1998:* 103.

[250] Письмо А.С. Эфрон В.Н. Орлову от 8 июля 1975 // *Эфрон А. 1996:* 390. Двухэтажное каменное здание больницы, стоящее и поныне в Тарусе, было выстроено земством в 1871 г. В 1890-е гг. больницей стал заведовать И.З. Добротворский. (*Гостунский 1965*: 159)

[251] *Эфрон А.* Воспоминания о М.И. Цветаевой // Звезда. 1975. № 6. С. 148–189.

[252] Письмо А.С. Эфрон к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич от 21 июля 1975 г. // *Эфрон А. 1996:* 391–392.

[253] *Цветаева А. 2005:* 54.

[254] *Цветаева А. 2005:* 241.

[255] *Цветаева А. 2005:* 55.

[256] *Цветаева В. 1963*: 57.

[257] *Цветаева А. 2005:* 326.

[258] *Цветаева А.* Королевские размышления. 1914 год. М., 1915. – 82 с. Посв. М.А. Минцу.

[259] *Цветаева А.* Дым, дым и дым. 1916. М., <1916>. – 249 с. Посв. М. Цветаевой.

[260] Коньками она увлекалась до преклонных лет. В 77 лет на катке А.И. Цветаева сделала 19 кругов на «норвегах», не останавливаясь (*Козлова Л.* Старость – молодости: А.И. Цветаева в жизни: зарисовки с натуры. М., 1992. С. 81.).

[261] *Цветаева А. 2005:* 517.

[262] *Цветаева А. 2005:* 536.

[263] *Цветаева А. 2005:* 610.

[264] *Цветаева А. 2005:* 614. Возможно, мемуаристка воспроизводит по памяти фразу из письма М.И. Цветаевой от 17/30 дек. 1920: «Ася! – Жду тебя. – Я *годы* – одна (людная пустошь). Мы *должны* быть вместе, здесь

ты не пропадёшь». (*Цветаева М. 1995:* 6: 192).

[265] Центральное управление военных сообщений.

[266] Дьяконова Елена (Галина) Дмитриевна (1894—1982), родилась в Казани в семье Ивана Николаевича и Антонины Петровны Дьяконовых. Овдовев в 1905 г., Антонина Петровна вышла замуж за московского адвоката Гомберга Дмитрия Ильича. Дочь Елена, с детства называвшаяся Галиной, взяла отчеством его имя. Двое братьев её и сестра остались Ивановичами. В 1912 г. в швейцарском санатории для лёгочных больных «Клавадель» Елена познакомилась с французским юношей Эженом Гренделем будущим поэтом-сюрреалистом Полем Элюаром, который стал называть её Гала′. В 1917 г. вышла за него замуж. В 1918 г. родилась их дочь Сесиль. В 1929 г. Гала′ познакомилась с испанским художником-сюрреалистом Сальвадором Дали и уехала к нему в Испанию, в г. Кадакес. В 1932 г. был оформлен развод с П. Элюаром и она стала женою С. Дали.

А.И. Цветаева дружила с Галей Дьяконовой в гимназии Потоцкой. В 1960-е гг. связь между ними восстановилась. Анастасия Ивановна послала ей свои «Воспоминания», в которых не однажды упоминается Галя Дьяконова. В последнем письме Гала′ писала ей: «Асенька, милая и родная <...> ты для меня одна – после тебя никогда ни с одной девушкой, женщиной не сходилась» // Письмо Г.Д. Дьяконовой к А.И. Цветаевой от 2 февр. 1980 (*Гений памяти 2000:* 22).

[267] *Цветаева А. 2005:* 676.

[268] *Цветаева А. 2005:* 784.

[269] *Цветаева А. 2005:* 783.

[270] З.М. Цветкова и А.И. Цветаева познакомились и подружились в институте повышения квалификации преподавателей иностранных языков в 1932 г.

[271] Сообщение С.А. Айдиняна.

[272] *Цветаева А. 1991:* 3.

[273] *Цветаева А. 1991:* 372.

[274] *Цветаева А. 1991:* 398.

[275] *Цветаева А. 2005:* 653.

[276] *Цветаева А. 1991:* 420—421.

[277] *Цветаева А. 1991:* 373.

[278] *Цветаева А. 1991:* 381.

[279] То же.

[280] То же.

[281] То же.

[282] Мемуары начаты были весной 1957 г. в Павлодаре. «Ася, душечка, браво, браво! – писал ей 22 сентября 1958 г. Пастернак, прочитав рукопись первых глав. – <...> читал и плакал. Каким языком сердца всё это написано, как это дышит почти восстановленным жаром тех дней!». *Пастернак 2005: 10:* 384. В 1966 г. в доме творчества «Голицыно» Анастасия Ивановна продолжила работу над книгой. Отдельное издание: *Цветаева А.* Воспоминания. М., 1971. – 527 с.; Изд. 2-е. М., 1974. – 543 с.; Изд. 3-е доп. М., 1983. – 767 с.; <Изд. 4-е испр. и доп.> М., 1995. – 864 с.; Изд. 5-е испр. и

доп. М., 2002. – 880 с.; Изд. 6-е испр. и доп. М., 2005. – 880 с.

Начиная с 4-го издания книга дополнена послесловием В. Глоцера «Памяти редактора», в котором он цитирует интервью редактора М.И. Фейнберг корреспонденту «Московских новостей» об А. Цветаевой: «Она родилась мемуаристкой, это особый дар. Её «Воспоминания» – замечательная русская проза... Эта проза необычайно привлекательна <...> поэзией подробностей <...> Ни один серьёзный биограф Марины Цветаевой не может обойтись без книги её сестры <...> (*Цветаева А. 2005:* 878).

В книге воспоминаний, подаренной С.И. и Ю.М. Каган, есть инскрипт Анастасии Ивановны: «... мою многострадальную книгу... писала в счастьи, печатала – в горе... Наконец, дождалась. Порадуйтесь вместе со мной!.. Ночь на 25.I.72. Москва». Цит. по: *Гений памяти 2000:* 55.

[283] *Цветаева А.* Моя Сибирь. М, 1988 (Московский звонарь: О К.К. Сараджеве (в соавт. с Н.К. Сараджевым); Моя Сибирь; Старость и молодость).

[284] В Эстонии А.И. Цветаева жила с 1967 г. в п. Кясму, на побережье Финского залива восточнее Таллина, у хозяйки Марии Эйнхольм.

[285] А.Б. Трухачёв, М.А. Мещёрская, О.А. Трухачёва, А.С. Потерилло, О.Р. Мещёрская

[286] Печатается по автографу. Собр. Г.К. Кочетковой.

[287] «Фамилия Цветаевых золотыми буквами вписана в историю отечественной культуры <...> В новоталицкой школе есть музей, в экспозиции которого фотографии, копии документов, другие материалы, иллюстрирующие жизнь и деятельность И.В. Цветаева. <...> На днях в Ново-Талицах побывали сотрудники Гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. С ними приезжала из Москвы и А.И. Цветаева (до ухода на заслуженный отдых она работала в этом музее) <...> "Я уже давно мечтала побывать там, где жили дед, отец, – рассказала Анастасия Ивановна. – Наконец мечта осуществилась. Я счастлива, что видела этот благословенный уголок русской земли <...>". Нет нужды говорить, что дом этот имеет историческую ценность. Поэтому и сотрудники Гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и наши краеведы считают, что дом должен быть взят под охрану государства» // *Лисин М.* Незримые нити. Красное знамя. 5 июля 1980.

[288] *Цветаева А. 2005:* 103.

[289] *Цветаева А. 2005:* 200.

[290] *Цветаева А. 2005:* 250.

[291] *Цветаев В.Д.* Автогаражное строительство. М., 1931. – 387 с.; *Его же.* Современная фабрично-заводская архитектура. М.-Л., 1932. – 432 с. (2-е изд. 1933. – 530 с.); *Цветаев В.Д., Философов П.С.* Общий курс строительного дела. М.-Л. 1937.

[292] Некролог. Подп.: Главная редакция строительной литературы. Источник не установлен. Осень 1937 г. Сообщ. С.А. Айдиняна.

[293] *Вся Москва 1930*: II: 616.

[294] Колумбарий. Секц. 38-4-4 // *Кипнис С.* Новодевичий мемориал. Изд. 2-е. М., 1998. С. 385.

Глава пятая

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ДОМА

Дом Цветаевых на ивановской земле за свою долгую историю знал только две семьи. Три поколения Цветаевых прожили в нём 75 лет, Смирновы (тоже три поколения) – 60. Из нашей семьи не вышло таких видных людей, как из семьи Цветаевых, но традиции нашего дома, как мне кажется, были схожи с цветаевскими. Родители были примером трудолюбия и ответственности, дети – стремились к образованию. Шесть человек из нашей семьи защищали Родину в Великую Отечественную войну, один погиб.

Рассказ я начну с главы нашей семьи. Константин Павлович Смирнов, мой отец, вышел из семьи народного учителя. Трудолюбие в ней было наследственным. Окончив в 1904 году Иваново-Вознесенское низшее механико-техническое училище, он начал трудовую деятельность помощником мастера прядильного отделения на фабрике «Компания» (ныне фабрика имени С.И. Балашова). В 1910 году женился на моей маме, Александре Васильевне Кирилловой. В год моего рождения был призван в армию, служил в Шуе, был в действующей армии, в гражданскую войну находился в химических войсках, демобилизовался в середине 1918 года. Вернулся на фабрику – мастером прядильного производства. Жили мы тогда уже в Ново-Талицах. Время было тяжёлое, голодное. Он организовал в Талицах артельный огород. В 1920 году отца направили в Тейково восстанавливать фабрику. Сначала был мастером, затем – заведующим прядильной фабрикой, в дальнейшем работал на руководящих должностях на фабриках Иванова и области.

В семье было шестеро детей. Отец уделял нам много внимания. С ранних лет читал стихи Плещеева, Пушкина, басни Крылова, учил декламировать. Вечерами собирал всех вокруг стола, давал бумагу, краски и проводил уроки рисования (хорошо рисовал сам, в нашей семье со-

Семья Смирновых: Нина, Павлик, Александра Васильевна, Константин Павлович, Юра, Галина (сидят); Валентина и Николай (стоят). 1929. Фото К.П. Смирнова

хранились его картины). Моя старшая сестра Нина, благодаря отцу, увлеклась живописью. К сожалению, из-за болезни, она не могла ходить на этюды, писала по памяти, копировала.

Любил отец и музыку, купил пианино, нанимал учителей – но опять-таки к музыке привилась только Нина. Со школьных лет он водил нас, старших, на концерты и оперные спектакли, которые особенно любил.

Его страстью с юных лет была фотография. После окончания училища, с разрешения отца, он на первую зарплату выписал себе из Германии фотоаппарат фирмы RODENSTOC[1]. Очень много фотографировал нас, природу, которая тоже была его страстью (из-за чего и осел в деревне). Фотография была и приработком, к нему обращалось много людей, особенно в войну – местные жители, солдаты. Отец был очень аккуратен: фотоаппарат его, несмотря на длительную службу, и после него оставался в рабочем состоянии. На снимках его сохранены для потомков старые Талицы и сельские жители, храм, колокольня, цветаевский дом.

Летом отец вставал в три часа утра, встречал восход солнца, слушал пробуждающихся птиц. Ему хотелось поделиться этой радостью с нами. Иногда и мы вставали, но утром так хотелось спать! Поработав в огороде, завтракал и направлялся на велосипеде на фабрику, а после работы – опять в огород.

Отец очень любил свою профессию. В его трудовой книжке множество поощрений за рационализаторские предложения, изобретения в прядильном производстве. Фабрика для него была вторым домом, он и в воскресные дни бывал там – проверял, всё ли ладно. Фотографировал фабрику, оборудование, сам оформлял стенды, любил фотографироваться с рабочими, с учащимися школы ФЗУ при фабрике, где также преподавал. С тех пор сохранилось много негативов, которые частично переданы мною в Ивановский музей ситца, частично – в ГАИО.

Про отца я могла бы много говорить. У него ничего не отбивалось от рук: делал мебель, писал картины, выпиливал. Сохранились некоторые сделанные им вещи (большой письменный стол, резной почтовый ящичек, такой же чернильный прибор). Дожил он до 93 лет. До последних дней был на ногах, но года за два-три до смерти силы покинули его, он уже не мог ничего делать, и это его, вечного труженика, очень угнетало. Летом он медленно ходил по усадьбе, смотрел на дом, где прожил большую часть своей жизни, любовался липами, видом с кручи. Жаль было его до слёз, и я иногда находила для него какую-нибудь лёгкую работу. Однажды попросила насадить щётку на палку. Он взял, пошёл в свою заброшенную мастерскую, где было много инструментов, и через довольно длительное время принёс прочно насаженную щётку. Я с преувеличенным восторгом похвалила его. Не могу забыть его радостное лицо с влажными глазами.

До самой смерти он звал меня дочкой, и с ним я не чувствовала себя старой, хотя мне было уже 65 лет. Я, сестра и брат были около папы, когда он в последний раз обвёл нас глазами и ушёл навсегда – возможно, на том же самом месте, где умирал первый хозяин дома, о. Владимир.

Нижний ярус колокольни Николаевской церкви. Клуб. 1957. Фото К.П. Смирнова

Отец не был особенно религиозным. Он верил в Бога по-своему, верил в силу разума природы и космоса. Но традиции чтил, по большим праздникам ходил с мамой в церковь; слушал хор, вспоминал прошлое. Переживал, видя, как разрушали Никольскую церковь, и особенно тяжело перенёс взрыв колокольни в 1957 году, считая себя невольно причастным к этому варварству. Дело в том, что после развенчания культа Сталина было какое-то временное послабление в вопросах религии, и пожилые люди Талиц и Новой Деревни предложили отцу написать письмо в Москву с просьбою разрешить открыть церковь, в то время её ещё можно было легко восстановить. Отец написал. Ответа не последовало, а через некоторое время Ивановский райисполком объявил, что колокольню снесут. Очевидно, письмо из Москвы переслали в местные органы, и они распорядились по-своему, по аналогии со сталинским «нет человека – нет проблемы» (здесь: «нет церкви – нет проблемы»).

Папины честность, совестливость, ненависть к насилию, его отношение к труду, уважение к людям и духовным ценностям прошлого, деятельная, бережная любовь к природе, его высокие качества отца и семьянина позволяют мне считать его настоящим русским интеллигентом.

Мама наша, Александра Васильевна Смирнова (1890–1977), была из семьи торговцев. Ей было четыре года, ког-

да умер отец. Отчим не приглянулся, взяла она свою чашку с кашей и пошла к бабушке, которая жила на соседней улице. На доме оказался замок, она долго ждала, устала, забралась к собаке в конуру и уснула рядом с ней. Еле нашли её. Так и осталась она жить у бабушки с дедушкой до самой гимназии.

Мама окончила частную гимназию Крамаревской. Высших учебных заведений в Иванове не было, поэтому в программу гимназии входили уроки рукоделия: на них воспитанницы обучались кройке и шитью, вязанию, вышивке. Сохранилась салфетка из холстинки с 29 квадратиками, вышитыми гладью, – мамина экзаменационная работа. После гимназии мама стала портнихой. Прекрасно шила, вязала, вышивала. Была красавицей. Девятнадцати лет выйдя замуж, пришла в большую семью Смирновых. У мужа было два брата и три сестры. Тётки мои были «неумехи», и она их обшивала, чем и побеждала неласковость. Но старшая – тётя Юля («отчаянная», хотя и воспитывалась в строгой семье), любила маму и защищала. Очень уважал маму и свёкор.

Александра Кириллова в гимназической форме, с журналом «Новое слово». 1907

Была она весёлой труженицей-певуньей. Пошли дети. Нина – первая радость и первое горе: у неё было незаращение позвонков поясничного отдела, следствием чего стала спинно-мозговая грыжа. В возрасте двух недель ей сделали операцию. Отец с тех пор очень полюбил её (сначала жалел, что первенец – не сын).

Затем родились я, брат Коля, сестра Валя. Свершилась революция, умер дед, отца взяли на войну. Семья переехала в Талицы. Мама

К.П. и А.В. Смирновы. Иваново-Вознесенск. 1910. Фото М.А. Мищенко

отделилась – купила свой дом и в такое тяжёлое время, без поддержки мужа, начала самостоятельную жизнь. Голодали, несмотря на вечно стучавшую швейную машинку, несмотря на помощь чужих людей. Мама не боялась никакой работы. Горожанка, не знавшая прежде крестьянского труда – как ловко она жала серпом рожь, вязала снопы!

Засыпая вечером, я часто видела её стоящей на коленях пред иконой. Чего просила она у Бога? Наверное, чтобы отец остался живым и скорее вернулся к нам, наверное, просила помочь сохранить детей. Это главное, о чём ещё она могла молиться?

Кончилась война, вернулся отец. Переехали в Тейково, нас с Ниной мама повела в школу. Нина была бойкая, смелая, я же – застенчивая и стеснительная, поэтому мама уделяла мне больше внимания, помогала готовить уроки.

Вечерами рассказывала нам сказки, читала. «Слепой музыкант» и «Дети подземелья» Короленко, рассказы Чарской остались в памяти с детства.

Чтение вообще было её страстью, иногда даже в ущерб какому-то домашнему делу (зачитываясь, забывала о времени). Всю жизнь брала книги из библиотеки.

Мама не чуждалась общества, принимала гостей и сама с отцом ходила к знакомым. Со вкусом одевалась, любила танцевать, петь. Я всегда ею любовалась. А отец даже ревновал.

Родились ещё два сына: Юрий и Павел. В семье ста-

ло шестеро детей. Неожиданно пришла беда: операция, перенесённая Ниной в младенчестве, дала себя знать в восемь-девять лет. Нина стала плохо ходить. Поездки в Москву, новая операция – всё безрезультатно. Семилетку Нина заканчивала дома, занималась с ней мама. Уговорила отца купить пианино, учила Нину петь, рукодельничать, записала на заочные курсы немецкого языка – делала всё, чтобы скрасить ей жизнь. Нина, как и мама, не умела сидеть без дела.

О себе маме некогда было думать. Строча на машинке, и за другой работой, она всегда пела. Да и не только она – бабушка пела за делами, многие из знакомых, помню, тоже не расставались с песней, хотя жизнь у них была не легче нашей... Почему выродилась эта хорошая привычка?

С 1929 года мы снова жили в Талицах. Началась первая пятилетка, годы напряжённого труда. Нас надо было учить, кормить, одевать. Одной зарплаты отца не хватало. Мама завела хозяйство – двух коров, гусей, огород.

Её уважали и любили в деревне, часто обращались за советом. До сих пор знавшие маму вспоминают её доброту и отзывчивость.

Мама неплохо разбиралась в медицине и очень хотела, чтобы я стала врачом. А я сначала поступила в текстильный институт, решила идти по стопам отца. Учились по «американской», как говорили, системе: неделю – с утра слушали лекции, а вторую половину дня работали на фабрике; на следующую неделю – утром шли к станкам, потом – в аудитории. Я не выдержала – во вто-

Приусадебный участок Смирновых. 1930-е гг. Фото К.П. Смирнова

ром семестре заболела. И на следующий год, к маминой радости, пошла в медицинский.

Брат Николай учился в техникуме связи, младшие – в талицкой школе. Только болезнь Ниночки лежала камнем на сердце. Опять Москва, клиника Бурденко – предложили повторную операцию. Мама была против, но Нина настояла... После этой операции она уже совсем не могла ходить – появились костыли, ортопедические аппараты. Мама вернулась из Москвы постаревшей. Как тяжело было ей смотреть на дочь, первенца – умную, талантливую, красивую и – калеку. И вот – новое испытание. В тёплый майский день Нина вышла на открытую веранду, а к вечеру слегла: менингит. Две недели мама просидела у её койки в больнице. Нина бредила, но, когда появлялся отец, она оживала, разговаривала с ним, обещала поправиться и нарисовать хорошую картину к его именинам.

5 июня 1935 года, через два дня после именин отца, она умерла – на глазах у мамы. Ей было 23 года. Мама держалась, не отходила от отца, боялась потерять и его. Если он после работы долго не возвращался домой, она знала, где его искать, и шла на кладбище. Папа лежал там в бесчувственном состоянии на могиле Нины.

Все мы тяжело переживали эту утрату, а что было на душе у мамы – один Бог знает. Но она была опорой для всех нас. Через много лет, когда мама умерла и я достала её загодя приготовленный «смертный» узелок, оказалось, что в платок, которым надлежало её повязать, был вшит (внутрь) кусочек Ниночкиной рубашки. Помнила всю жизнь её, хотя много об этом не говорила. Как и отец, который на лучших картинах сестры написал: «Берегите память о Ниночке»...

Жизнь продолжалась. Мама оберегала нас от ошибок, строго следила, особенно за дочерьми, в юные годы. Нам, конечно, это не нравилось, но характер у мамы был волевой, настойчивый, твёрдый (у отца мягче), приходилось слушаться. Не забуду, как сидела с парнем на лавочке у дома, а на другой лавочке (по наказу матери) – «спал»

брат Николай. Боялась, что выскочим замуж, не получив образования.

Война. Два брата служили срочную службу, сестра (после окончания Ленинградского стоматологического института) тоже была в армии, врачом – и все трое сразу попали в пекло войны. Я была на Дальнем Востоке, мужа отправили на Западный фронт. Мать звала меня домой. В 1942 году я приехала к ней с двумя маленькими детьми. Как она была рада! А через два месяца мы с ней провожали её последнего сыночка, которому ещё не исполнилось и 18 лет. Она не плакала – такое горе было у всех. Но пока брат шёл по дороге, пока его было видно, она крестила его.

От тяжких дум отвлекали её мои дети, она их очень любила. К несчастью, сын вскоре заболел сыпным тифом, очевидно, заразился в дороге. В больницу я его не отдала. Он умирал. Маме иногда ночью приходилось бегать в город за кислородом с двумя пустыми кислородными подушками.

Сын был не крещён. Мама пошла в ивановскую церковь на Рабфаковской улице, поговорила со священником, и он научил её, что надо сделать. Мама сама читала над внуком молитвы, кропила его святой водой, помазала маслом. Через три недели сын стал поправляться.

Мама и отец помогли мне вырастить детей. Муж пришёл с войны тяжело больным и вскоре умер. Мы жили в городе, но дети считали дом бабушки своим домом, каждое воскресенье уезжали в Талицы «домой», а лето целиком проводили там.

Мама справляла все христианские праздники, готовилась к ним, особенно к Пасхе и Рождеству. Отмечали наши дни рождения. При жизни стариков мы все – братья с семьями, я с детьми, сестра с дочкой – собирались у них, и чувствовалась большая, дружная семья.

Тяжёлым горем, особенно для мамы, стала гибель в первых боях нашего Юры. Его однополчанин рассказывал о том, что брат был тяжело ранен, и что санитарные машины по забитым дорогам не могли прорваться в тыл. Однако в

извещении стояло «пропал без вести», и мама до конца дней надеялась и ждала.

Родители жили для нас и всю жизнь нам помогали. Подрастали одни внуки, появлялись другие. Мне казалось, что внучат они любили даже больше, чем нас.

Как только мамы хватало на всех?

Вспоминаю военные годы: проснёшься, бывало, ночью, а она стоит у окна и смотрит в темноту. О чём думает? А дума тогда у всех была одна...

Не любила свободного времени – вязала, вышивала. Отец всегда восхищался её работой. Но вот пришла старость, ослабло зрение. Читать и заниматься рукоделием уже не могла. И всё же читала – Библию, их у нас было несколько, цветаевских ещё.

Выражение лица у неё всегда было мягкое, приветливое, немного грустное. Мама была спокойной, принимала жизнь такой, какая она есть. Никогда не опускала руки, не жаловалась. Терпеть не могла у кого-нибудь что-то просить.

Скучала по всем нам, разлетевшимся из отчего дома. Одиночества не любила. Выйдут, бывало, с отцом на улицу, сядут на лавочку у забора. Сидит мама, а сама глядит вдоль дороги, не покажется ли кто из нас, детей или внуков. Я каждое воскресенье к ним ездила и всегда видела, что они сидят и ждут. Иду с автобусной остановки и слышу мамино: «Вон Галинушка идёт», – в глазах радость засветится, и скорее зовёт в дом: «Ты, наверное, поесть хочешь». Ей всё казалось, что мы голодные. Любила угощать. А когда уезжаешь, выйдут оба провожать, такие грустные: «Опять мы остаёмся одни». Тяжело было сознавать это: вырастили детей, внучат – и одни. К нам из своего дома уходить не хотели, а у нас самих дети, внуки, работа...

Но вот пришло последнее испытание – маму парализовало. Я оставила работу, стала жить с ними, лечить её, ухаживала. Мама несколько оправилась, стала ходить, нормально говорить, но больше молчала. Я старалась её расшевелить, спрашивала, как варенье варить, как скроить

что-нибудь, хотя давно сама всё умела. Она давала хорошие советы.

Вспоминала свою бабушку, мать, Ниночку – без всякой жалости, как будто все они живые. Вечерами, когда ложились спать, она часто начинала декламировать стихи, запомнившиеся ей со школьных лет.

Одно из таких стихотворений запало мне в душу на всю жизнь – «Зимняя ночь в деревне» И.С. Никитина:

Весело сияет
Месяц над селом;
Белый снег сверкает
Синим огоньком.

Месяца лучами
Божий храм облит;
Крест под облаками,
Как свеча, горит.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Помоляся Богу,
Спит крестьянский люд,
Позабыв тревогу
И тяжёлый труд.

Лишь в одной избушке
Огонёк горит:
Бедная старушка
Там больна лежит.

Думает-гадает
Про своих сирот:
Кто их приласкает,
Как она умрёт.

Горемыки-детки,
Долго ли до бед!
Оба малолетки,
Разуму в них нет;

Как начнут шататься
По дворам чужим –
Мудрено ль связаться
С человеком злым!..

А уж тут дорога
Не к добру лежит:
Позабудут Бога,
Потеряют стыд.

Господи, помилуй,
Горемык-сирот!
Дай им разум-силу,
Будь ты им в оплот!..

И в лампадке медной
Теплится огонь,
Освещая бледно
Лик святых икон,

И черты старушки,
Полные забот,
И в углу избушки
Дремлющих сирот.

Вот петух бессонный
Где-то закричал,
Полночи спокойной
Долгий час настал.

Могилы К.П., А.В. и Н.К. Смирновых. Ново-Талицы. Сельское кладбище. 2007

Наши дети и внуки не слышат уже таких сердечных, возвышающих душу стихов. А жаль!

Через два года – повторный инсульт. Приехала сестра, ухаживали за мамой попеременно. Состояние ухудшилось. За три дня до смерти, ночью, она ясным голосом (а речь была нарушена) сказала: «Как я вам надоела, хоть бы скорее Бог меня прибрал». 6 декабря я была с ней одна, сидела у кровати, держала её руку, целовала. Спросила: «Мама, неужели ты от нас уходишь?» Голова её на подушке была склонена немного набок, глаза закрыты, и вдруг по щеке из глаза скатилась слеза, а слеза из другого глаза задержалась в уголке у носа. Я поняла, что она в сознании. Через несколько минут её не стало. Умерла она 87-и лет.

Маму я считаю святой и вспоминаю каждый день.

После смерти Ниночки из детей я осталась старшей. О себе трудно писать. Жизнь не баловала наше поколение. Помню первые месяцы учёбы в институте. Так же, как позже посылали на картошку, нас отправили в деревни Ивановской области на борьбу с сыпным тифом. Мне достался Аньковский район. Проинструктировали, как научить крестьян обходиться без мыла (его тогда не было), как готовить щёлок, как обрабатывать завшивленную одежду в русской печи. Приехала я в Аньковский райисполком, потребовала, чтобы строили бани в колхозах, сама толком не понимая, где и как. Дали мне лошадь, ездила по деревням, учила крестьян. Были деревни очень бедные после раскулачивания, в других жили неплохо – с жалостью

смотрели на меня, на мою еле живую обувь и качали головой.

Вернулась я из района больная, простуженная. Начались занятия, за каждым студентом закрепили в городе улицы. Мы ходили вечером по домам и квартирам, осматривали на вшивость, сообщая данные в санэпидстанцию. Ещё сами мало что знали, а на производствах организовывали и вели кружки первой помощи.

В красивом корпусе на пр. Энгельса мне не довелось учиться. Он вырос, когда я получила диплом. Нам приходилось бегать по всему городу. Административные службы и кафедры общих дисциплин располагались в Зубковском дворе. Специальные кафедры были разбросаны по клиникам. В 1935 году в Иванове пустили трамваи. Нам стало полегче. В том же году отменили продуктовые карточки. В булочных появились «французские» (теперь «городские») булки. Едем, бывало, в трамвае и булки жуём – хорошо! Бегали в кино, на спектакли (я любила оперу, отец «заразил»), на танцы в общежитие.

На границах страны было неспокойно. В учебную программу включались военные дисциплины. Все посещали кружок «Ворошиловский стрелок»[2] и по выходным ходили стрелять в тир на Крутицкой улице.

Г. Смирнова в лётчицком шлеме, со значком «Отличный парашютист».
1935

В институте организовали лётный и парашютный кружки. В первый я не рискнула, хотя авиацию и лётчиков обожала, но в парашютный – с трудом, хитростью (не пропускала медкомиссия) – прорвалась.

После теоретических занятий прыгали с вышки, которая располагалась почти в центре города, на берегу Уводи. Надо

сказать, что это не слишком большое удовольствие. Стоишь на верхней площадке, она скрипит, ходуном ходит, а внизу – земля, и думаешь: вот сейчас плюхнешься – и нет тебя. В душе я трусила, но виду не подавала. Меня хвалили, и от этого храбрости прибавлялось. Сделала 12 прыжков с вышки, а затем – зачётный прыжок с самолёта.

Никогда не забуду этот чудесный летний день: как с волнением села в самолёт, как там, в небе, лётчик подмигнул мне в зеркало, как легко перемахнула через борт кабины (на земле это с трудом удавалось), как лямкой парашюта свезло мне кожу на шее, как что-то пела в воздухе, как потом всю ночь снилось, что падаю в пропасть...

Родители ничего не знали, я не говорила – ведь только год прошёл после смерти Ниночки. Узнав, конечно, ругались – и всё-таки гордились, что у них такая храбрая дочь...

В 1938 году я окончила Ивановский медицинский институт, вместе с мужем, Леонидом Яковлевичем Кочетковым. Поженились мы перед окончанием института. Международная обстановка была напряжённой, и всех врачей-мужчин направляли в кадровую армию. Муж получил направление на Дальний Восток. Часть была расположена в двух километрах от маньчжурской границы, ближайший город Никольск-Уссурийский (тогда Ворошилов)[3] – в 60 километрах.

Семья Смирновых. 1-й ряд: Константин Павлович, Александра Васильевна, Галина, Николай. 2-й ряд: Юрий и Павел. 1938. Фото К.П. Смирнова

Поразила меня своеобразная красота этого края. Там не было лесов. За полями вокруг села – сопки, поросшие ку-

старником, красивыми крупными цветами, невиданными в нашей средней полосе.

Райздрав назначил меня главным – и единственным – врачом районной больницы на 50 коек в селе Покровка, ныне Приморского края. Сначала растерялась, ведь институт тогда давал в основном теоретическую подготовку, лечебной практики было мало. Но что же делать, отступать было некуда. Опытные фельдшеры и сёстры помогли освоиться. На мою голову сразу свалилось столько проблем, что я не знала ни минуты покоя. Вспышка кори с осложнениями. Развернула отделение в бараке, ранее занятом под хозяйственные нужды. Вдруг в больницу стали поступать с шахтёрского посёлка больные с неясным диагнозом. Заподозрила брюшной тиф. Выехала в посёлок, оказалось, что и там лежат больные на дому. Организовала в посёлке стационар. Выявили очаг заражения, им оказался источник водоснабжения. В больнице один пожилой мужчина скончался от брюшного тифа. Тяжело переживала этот первый в практике летальный исход. Вдруг появилось несколько случаев дифтерии. Сыворотки не было. Болезнь коварная, можно было ожидать всего. Двум детям сделала интубации (вставила дыхательные трубочки) и отправила в город. Одному ребёнку отец, сам врач, не позволил сделать, считал, что довезёт и так. Ребёнок погиб в дороге.

Нередко из отдалённых деревень привозили в тяжёлом состоянии женщин с большой потерей крови после криминальных абортов (эти операции были тогда запрещены). Однажды ночью поступила молодая женщина с поперечным положением плода. В этом случае роды считаются невозможными, но женщина родила, а я всю ночь накладывала швы на большие разрывы. Пот с меня катился градом, всё белье было мокрое. Я не думала, что женщина выживет. Антибиотиков ещё не было, только что появился красный стрептоцид. Кровь тоже тогда не переливали, потерю крови восполняли физиологическим раствором, и всё-таки мы эту женщину выходили и через четыре месяца выписали. Бог хранил меня. Однажды военные

врачи из санчасти направили ко мне солдата с подозрением на дифтерит. Я определила заглоточный абсцесс. Парень синий, задыхается, раздумывать некогда. Смотрю на мужа – он же хирург, а я – нет. Но, действительно, там нужны были женские руки. Взяла скальпель, осторожно по пальцу провела его и сделала разрез на задней стенке глотки. На меня хлынули гной и кровь. Но вот больной задышал, засмеялся. Улыбка его была мне лучшей наградой.

У меня появился авторитет. Часто мужу говорили о том, какой я опытный врач. Он посмеивался, но не разубеждал. И действительно, за полтора-два года работы в районной больнице я научилась очень многому. Никогда не забуду эти годы...

Навсегда запомнила день объявления войны. Было солнечное воскресенье, я занималась обычными домашними делами, детьми. Муж ушёл в санчасть. В три часа дня по местному времени он вдруг вбежал в дом, включил радио на полную громкость и крикнул: «Объявлена война!»[4]. Я от неожиданности села на кровать в каком-то оцепенении. В Западной Европе давно шла война, мы понимали, что и нас могут в неё втянуть, но в душе каждый надеялся, что войны не будет. Сразу подумалось о родителях – как-то они там. Два сына на срочной службе, две дочери – медики...

Мобилизация коней. Ново-Талицы. Зима 1941—1942 гг.

И вот все семьи военных, женщины с малыми детьми на руках, вышли

на поле возле нашего военного городка. В природе, как мне показалось, стояла какая-то зловещая тишина. Большое багрово-красное солнце, склоняясь к горизонту, освещало каким-то неестественным светом края тёмных облаков и сопки. Все плакали, пожилые женщины – навзрыд. Там, на границе, где началась война, у многих были родные. Начался митинг, что-то с пафосом говорил политрук, запомнилось только: «Мы дадим отпор врагу, война продлится недолго». Напомнил о том, что мы на границе с другим врагом – японцами, союзниками Гитлера. Поэтому семьи будут эвакуированы в Сибирь.

В Иркутской области, на станции Иланская, я промаялась с детьми почти полгода. Муж был отправлен на западный фронт. Родители звали меня домой, и я решила ехать. Путь занял около двух недель. Везде стояли, пропускали воинские эшелоны. Проводники доставали билеты от города до города, прямых тогда не давали. Всё, что было у меня ценного, в основном меха, отдала проводникам. Наконец добрались до Ярославля, где была пересадка на Иваново. Поезд остановился на ст. Всполье в пяти километрах от вокзала. Сыну моему был год, дочери – три; с трудом уговорила возчика. На груженные чем-то сани он посадил с краю детей и положил чемоданы, а я шла за возом пешком. Денег за услуги не брали, они ничего не стоили. Возчик нанялся за мешочек сухарей, который, против моего желания, в Сибири сунул хозяин нашего дома (дай Бог ему, если жив, и его детям здоровья). Вот за этот мешочек с сухарями нас и довезли до Московского вокзала Ярославля. А там – Боже мой, что там творилось! Вокзал несколько дней назад бомбили, угол его был обрушен. Кругом истощённые люди, в основном, эвакуированные из Ленинграда[5]. На вокзале шла дезинфекция, никого не пускали. Вдруг вижу: едут две подводы, покрытые рогожей. Боже мой! Из-под рогожи свисают руки, ноги и даже головы. Это мертвецы, снятые с ленинградского поезда, а также с вокзала, где эти мученики умирали. У меня в голове помутилось, и только плач своих детей привёл в чувство. Наконец, пустили в вокзал – там сыро, холодно, вонь, но

комната матери и ребёнка кое-как работала. Что-то дали для детей, я их покормила, переодела сынишку. Поезд отходил поздно вечером. Платформы не освещались. Надо было идти на третий путь, а у меня дети, чемоданы. Какой-то красноармеец подхватил мою дочь на руки, взял чемодан и скомандовал: «Следуй, тётя, за мной!» Я не поспевала, потеряла его из виду, заплакала, стала звать дочь: «Римма!» Она услышала, отозвалась. Солдат посадил нас в битком набитый вагон. Устроились на чемоданах между лавками. Ехали всю ночь...

В Иванове я поступила вольнонаёмной в эвакогоспиталь, где вдосталь нагляделась на то, что делала война с людьми. Ампутации, черви в ранах, черви, выползающие из-под гипса...

В госпитале я проработала недолго – направили в райздравотдел. В районе было крайне неблагополучно с детьми, и мне предложили организовать в Талицах санаторий для детей раннего возраста. Я не педиатр, но врачей не хватало, а у меня был опыт организационной работы. Пока шла подготовка помещения, объездила, а больше обошла пешком, весь сельский район вокруг Иванова. Осмотрела детей и пришла в ужас: сколько тяжёлых дистрофиков, рахитиков, в три года многие не ходили, ноги болтались, как плети, животы были, как арбузы. Составила список первоочередников. Не думала, что смогу поставить их на ноги. Помогали консультациями, рекомендациями врачи 1-й городской больницы: Ольга Александровна Настюкова, Мария Фальковна Вассерман.

Лечебное усиленное питание, витамины, солевые ванны, массаж, лечебная гимнастика, сон на веранде делали своё дело. Некоторые быстро поправлялись, выписывались, на их место поступали другие. Существовал этот санаторий всю войну, а также в тяжёлые первые послевоенные годы. Многих детей удалось спасти, некоторых из них я встречала потом взрослыми, здоровыми, семейными...

Меня избрали депутатом Ивановского райсовета, а в

1948 году назначили заведующей райздравотделом. Участок был тяжёлый. Добилась открытия нескольких небольших больничек: в совхозе им. Фрунзе, в Говядове, Михалёве. Организовали фельдшерско-акушерские пункты в сёлах. Материальная база была слабая, всё приходилось «выбивать». Частые командировки, депутатская работа (избиралась четыре созыва) сказывались на воспитании детей. С трудом отпустили из райздравотдела, работала в 4-й горбольнице. Стала больше внимания уделять детям. Несмотря на материальные затруднения (оклады врачей в то время были небольшие, приходилось совмещать работу), хотелось выучить ребят.

Это удалось. Дочь Римма закончила медицинский, сын Лев – энергоинститут. Оба успешно работают. У меня трое внуков, есть правнук.

Для моих детей и внуков Талицы – заповедное место. Дети до школы вообще жили в Талицах, а затем проводили там каждое лето. Подрастая, помогали мне содержать дом. Где-то задрало ветром железо на крыше, поломался забор, слетели двери с петель (всё ведь старое) – это было их делом. Особенно отличался старший внук Лёня, он пошёл в деда, очень любил мастерить, и всё у него получалось. Иногда, когда меня не было дома, а приходили посетители, внуки рассказывали о Цветаевых (то, что обычно рассказывала я). Помогли мне сделать стенды для домашнего музея и вообще оказывали всяческую помощь по сохранению дома.

Несколько слов об остальных Смирновых. Брат Николай окончил техникум связи, всю войну прошёл в частях по восстановлению оружия. В последние дни войны заболел – прободная язва желудка. Из армии демобилизовался инвалидом. Под конец жизни – ослеп. Дочь его – экономист.

Сестра Валентина в 1940 году окончила Ленинградский стоматологический институт, была сразу призвана в армию. В войну служила в медсанбате на Карельском фронте. В 50-е годы демобилизована. Работала в Ленинграде. Дочь её, Б.М. Багаева, – также врач-стоматолог.

Брат Юрий учился на шофёра. Срочную службу проходил на польской границе. В 1941 году погиб в первом бою[6], под Тернополем.

Младший брат Павел на фронт пошёл в 1942 году, был на передовой командиром миномётного орудия. Во время бомбёжки тяжело контужен. Демобилизовался в 1946 году, работал киномехаником в новоталицком клубе. Инвалид Отечественной войны II группы. Дочь и сын его – инженеры-энергетики.

Погиб на фронте и младший брат отца Аркадий[7].

Такова наша семья, волей судьбы связанная с домом Цветаевых.

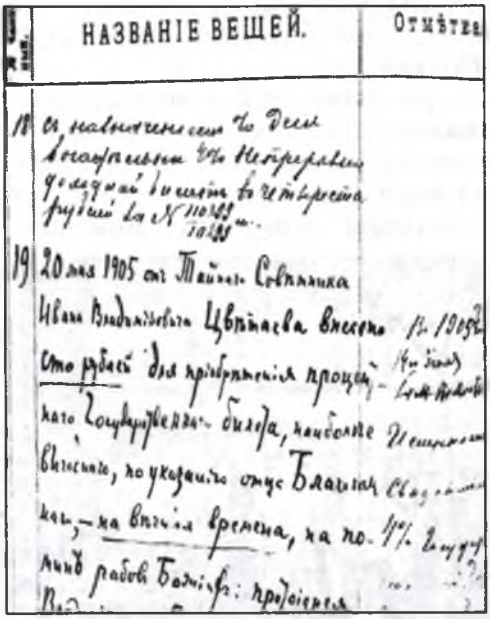
С 1978 года, с прочтения воспоминаний А. Цветаевой, начался мой поиск. Я поехала в Москву, в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Заведующая архивным отделом музея Александра Андреевна Демская, старший научный сотрудник, заслуженный работник культуры РСФСР, рассказала мне об Иване Владимировиче Цветаеве, дала несколько книг о создании музея. Ряд сведений я получила от Анастасии Ивановны Цветаевой. Но в первую очередь меня интересовала история талицкого дома, люди, жившие в нём до нас. Об этом в музее знали мало и, наоборот, просили меня информировать их о ходе поисков, разыскать надгробные плиты Цветаевых с талицкого погоста, узнать даты жизни родных Ивана Владимировича Цветаева.

Я обратилась в Ивановский архив, просмотрела все регистрационные книги Воскресенской церкви села Дроздово и Николаевской церкви погоста Талицы. Рассматривать старинные документы – увлекательное дело. Я будто попала в другой век и встретила там людей, которых искала.

Во-первых, в метрических книгах и церковных ведомостях я увидела подпись священника Владимира Цветаева, каллиграфически ровную, уверенную, без всяких закорючек. Читая его аккуратные отчёты, я прониклась к нему каким-то особенным уважением. Из метрических книг церкви села Дроздово я узнала даты рождения четырёх сыновей Владимира Васильевича и Екатерины Васильевны

и имена тех, кто записан им в крёстные. Так, восприемниками Ивана (Иоанна) Цветаева были дядя, «брат священника, Шуйского уездного училища, ученик Высшего отделения Александр Цветаев <...>», и бабушка, «суздальской округи села Стебачёва попадья Евдокия Михайловна»[8], восприемниками Фёдора – «города Шуи больничной церкви дьячок Василий Прозоров и Суздальской округи села Стебачёва, священника Василия Цветаева дочь девица Марья Васильевна»[9].

Одиннадцать лет о. Владимир подписывал церковные книги в дроздовском храме. Затем его подпись исчезла, и я взялась за книги Николаевской церкви погоста Талицы. Красивая, полная достоинства подпись появилась в них с января 1853 года. В церковных ведомостях – его ежегодные отчёты о состоянии церковного имущества, о штате церкви (клире). Подробно описана семья самого священника. В сорок лет он писался вдовым. Указано, где учатся и служат его дети. Награды священника по службе, участие его в народном образовании и другие сведения. Я жила тем, о чём читала. Вот печальные записи: в метрической книге 24 марта 1884 года зарегистрированы похороны священника Владимира Цветаева, 24 мая того же года – смерть отрока Ио-


№ стат. | НАЗВАНІЕ ВЕЩЕЙ. | Отмѣтка

Запись И.В. Цветаева от 20 мая 1905 г. в книге «Опись церковного имущества Николаевской церкви»

анна, сына отца Петра. 15 февраля 1901 года отмечены похороны инспектора 2-й Московской гимназии статского советника Фёдора Цветаева. «Погребение совершил священник Пётр Цветаев, брат покойного». А через год вписана и его кончина: 4 февраля 1902 г., 59 лет, от рака желудка. В книге «Опись церковного имущества» нашла запись, сделанную рукой Ивана Цветаева перед поездкой его во Фрейбург (Германия) за женой и детьми: «20 мая 1905 от тайного советника Ивана Владимировича Цветаева внесено *сто рублей* для приобретения процентного Государственного билета, наиболее выгодного, по указанию отца Благочинного, – *на вечные времена*, на помин рабов Божиих – протоиерея Владимира и Екатерины, протоиерея Александра, болярыни Варвары, иерея Петра, болярина Феодора, иерея Василия и Евдокии и сродников их»[10] (на помин отца, матери, крёстного отца, первой жены – вторая была ещё жива, двух братьев, дедушки и бабушки).

За несколько дней я прожила жизнь первого и второго поколений Цветаевых из талицкого дома. Просматривая церковные книги, где в конце каждого месяца священник составлял отчёт о родившихся, венчавшихся, умерших, я невольно, как врач, обращала внимание на причины смертей. Высока была детская смертность. Младенец зарегистрирован родившимся, а через один или несколько месяцев он уже регистрируется умершим, причем диагноз ставил сам священник: простуда, понос. Умирало много

Учительница Талицкой школы Л.С. Жерякова с красными следопытами. Слева – Ира Баскакова, справа – Гена Писанов. 1970-е гг.

молодых, в 30—35 лет – от чахотки (туберкулёза). Причиной смерти в 50 лет называлась престарелость. Как оказалось, посещала Талицы и холера.

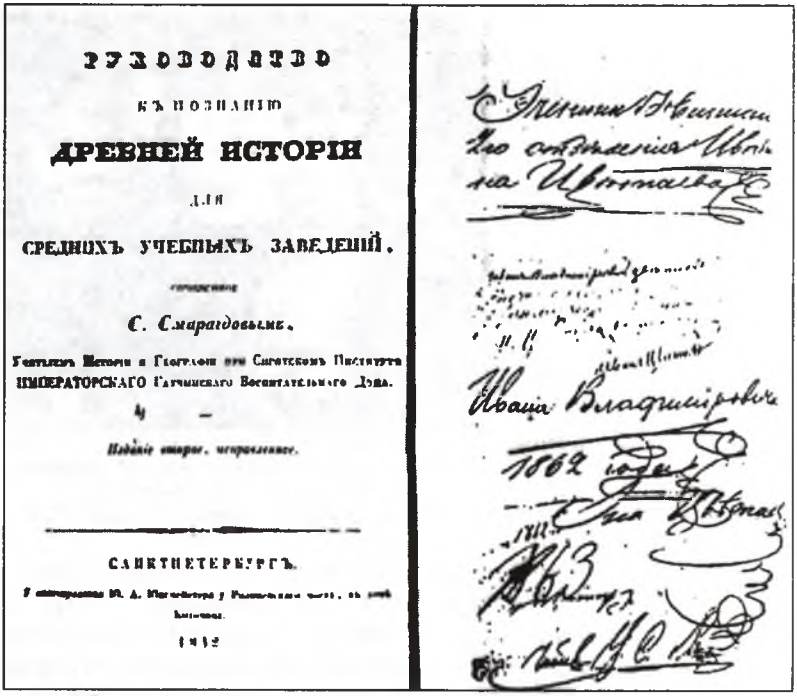
Эта первая моя работа в архиве оставила самое глубокое впечатление. Затем были Владимирский архив, РГАДА.

Слева направо: Н.Н. Киселёва, Р.Л. Зайцева, Ю.В. Цветаев, Г.К. Кочеткова. На переднем плане: Алексей Зайцев. 1982

Постепенно накапливался материал, позволявший составить картину о семье Цветаевых...

Дружеские взаимоотношения установились у нас с Талицкой школой. Там в 1970-е годы в подвальном помещении Людмила Семёновна Жерякова[11] устроила школьный музей. В экспозиции его были фотография с барельефа И.В. Цветаева, портрет Марины Цветаевой, книга А.И. Цветаевой «Воспоминания» с дарственной надписью[12]. Музей рос, расширялся, особенно с переездом в новое, большое школьное здание. Я передала им ряд экспонатов: книги, фотографии, некоторые вещи из цветаевского дома, свои воспоминания о старых Талицах, о талицких ветеранах войны и труда. А школьники помогали мне, трудились на воскресниках на территории дома.

В то же время местные краеведы под руководством Ф.Н. Махова (сына Н.И. Махова[13]), зная, что в Ивановской области находится дом Цветаевых, искали его в Южском районе (там тоже есть пос. Талицы). Наконец, в 1981 году мы встретились. Они были очень удивлены и обрадованы тем, что нашли то, что искали. Я поделилась с ними



РУКОВОДСТВО

КЪ ПОЗНАНІЮ

ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ

ДЛЯ

СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С. Смарагдовымъ.

Учителя Исторіи и Географіи при Сиротскомъ Институтѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Гатчинскаго Воспитательнаго Дома.

Издание второе, исправленное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842

Учебник С. Смарагдова «Руководство к познанию Древней истории» (1842) «ученика низшего 2-го отделения <ВДС> Ивана Цветаева»

собранными сведениями. Ф.Н. Махов стал публиковать в районной, затем в областной печати заметки о доме Цветаевых[14]. Появилась информация и в центральной периодике[15]. С горячим сочувствием относилась к нам зав. отделом культуры районной газеты «Красное знамя» Алевтина Шабалина. Были подготовлены радиопередачи, посвящённые нашему дому.

И потянулись в дом люди. Сначала местные и ивановцы, а затем и из других городов. Интересовались Цветаевыми, особенно Мариной. Всё, что узнавала, я рассказывала своим гостям.

Посетили Талицы А.И. Цветаева и сотрудники ГМИИ А.А. Демская и М.Б. Аксененко, которых я пригласила,

чтобы посоветоваться с ними о дальнейшей судьбе дома. По их мнению, здание нужно было отреставрировать и открыть в нём музей семьи Цветаевых. В областные организации они направили письмо. Дом был осмотрен, но решение вопроса затянулось на несколько лет.

К 70-летию открытия Музея изящных искусств я предложила переименовать 1-ю Талицкую улицу, на которой стоит дом, в улицу И.В. Цветаева. На уличной сходке предложение поддержали, и с 1982 года имя Цветаева увековечено на талицкой земле. Появилась первая в нашей стране улица имени Цветаевых. Ленинградская телестудия сняла фильм «Дом Цветаевых», демонстрировавшийся по каналу центрального TV.

Люди продолжали идти ко мне, и я решила в одной из комнат, бывшей гостиной (с выходом на веранду), сделать домашний музей. Собрала туда цветаевскую мебель, сделала стенд с фотографиями, витрины с цветаевскими книгами, были среди них и книги, присланные авторами.

Среди книг, сохранившихся в доме, – «Одиссея» Гомера, «Энеида» Вергилия, Библии, комплекты журнала «Русский паломник», а также учебники, по которым учились сыновья отца Владимира: латинская и греческая хрестоматии, учебники древней истории, географии и другие. На некоторых из них – пометки, автографы Ивана Цветаева.

Профессор П.В. Куприяновский открывает мемориальную доску на доме Цветаевых. 18 октября 1987 г.

Так родился мой музей на общественных началах. Посещали его и в одиночку, и группами, приезжали школьники и туристы, профессора ивановских вузов. В доме встречались члены общества книголюбов, литобъединения «Талка» (их вдохновляло «чаепитие в цветаевском доме!»), театра-студии Дворца пионеров «Зоркое сердце» (Г.Ю. Мокровой), клуба «Эстет» (Г.И. Шлычковой и Н.Н. Корытниковой). Они начали активно помогать мне.

Образовался круг друзей цветаевского дома, которые часто собирались здесь, поддерживали меня, помогали. В 1987 году на доме была установлена мемориальная доска, её открытие вылилось в многолюдное торжество. С 1988 года в третье воскресенье мая в Талицах стали проводиться ежегодные Цветаевские чтения, приуроченные ко дню рождения И.В. Цветаева. К ним тщательно готовились, приглашали лекторов из ГМИИ, артистов, выступали с докладами и сами члены созданной активистами общественной Цветаевской комиссии при клубе «Иваново-Вознесенск».

Коллекция будущего музея росла. Из Италии профессор Болонского университета Айза Пессина Лонго прислала свою книгу о Марине Цветаевой[16]. В 1988 году профессор Ивановского университета Н.В. Ревякина, бывшая делегатом международной конференции в Болонском университете в честь его 900-летия, привезла копию протокола заседания учёной комиссии от 7—8 июня 1988 года и список иностранных учёных – почётных профессоров Болонского университета[17]. В этом списке – «Джованни Цветаев», в молодости читавший там лекции на итальянском языке. Новосибирец Г.М. Абольянин подарил «Каталог Музея изящных искусств», составленный Иваном Владимировичем в 1913 году. Из Ивановского архива я получила фотокопию автобиографии И.В. Цветаева[18], написанной за несколько месяцев до смерти по просьбе Д.Г. Бурылина для его музея (коллекции которого впоследствии легли в основу двух музеев Иванова – краеведческого и художественного). Из Британского Наци-

Друзья дома Цветаевых.
Сидят: на земле – Ф.Н. Махов, в первом ряду – Л.А. Шлычков, Г.К. Кочеткова (третья слева), И.А. Балдина, А. Авдеева. Стоят: Н.Н. Корытникова (крайняя слева), А.М. Тихомиров (третий справа), А.В. Ханаков (крайний). Н.-Талицы. Фото А.В. Ханакова. 1986 (1987?)

онального музея, где Иван Владимирович заказывал ряд слепков для создаваемого им музея, прислали прекрасный каталог античного искусства. Разыскала я два цветаевских надгробия – с могил о. Владимира и о. Петра[19]. Школьники на тележке перевезли их в усадьбу. Сохранились и другие плиты, которые предстоит взять у частных лиц.

По совету профессора Ивановского университета П.В. Куприяновского я завела «Журнал для посетителей музея». Во всех записях – тревога за цветаевский дом, благодарность за сохранность его реликвий, пожелания скорейшего создания государственного музея.

Вот некоторые из них:

В этом доме с такой знаменитой историей, о которой мы в те минувшие годы довоенные не имели никакого представления – тот год был 1940-й – мы вдвоём с товарищем,

студентом Академии художеств Володей Васильевым весь август отдыхали и писали этюды здешней природы и данного дома и старинной маленькой церкви... Дом этот принадлежал тогда хозяевам Константину Павловичу и Александре Васильевне с их многочисленным составом детей. Всё семейство их были предобрейшие люди, как родители, так и все дети...

Художник Назаров М.И., 20 мая 1982 г.[20].

Большое спасибо за любовь к истории и памяти предков – ведь это корни, без которых не может существовать народ и его культура.

Лисичкина Т.М. и Степанов Е.Е. (Москва), 16 августа 1982[21].

25.III.83

Дорогая Галина Константиновна!

«Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья»... Дом и Вы выживете. Не распалась и не распадётся связь времён. Благодаря таким, как Цветаевы и Ваш отец – Константин Павлович – и Вы – добро торжествует и мы будем в это верить всегда и везде – чтобы верили наши дети и берегли и любили...

Виталий и Надежда Катаевы[22].

14/III 84. Дом Цветаева... Дом, в котором прошли детские и юношеские годы Ивана Владимировича Цветаева. Вот окна в которые некогда смотрел он – изгиб реки Вергузы, вдали синеет полоса леса...

Может быть, в такой же прекрасный день ранней весны, как сегодня, в далёкие 70 или 80-е годы прошлого века, сто с лишним лет назад, возле этих окон стоял и смотрел вдаль – молодой, полный энергии и сил Цветаев – ставший на рубеже веков, знаменитым организатором, учёным, создателем прекрасного музея изящных искусств в Москве.

Как хорошо, что дом сохранился, как трепетна встреча с ним. Пусть эти старые стены будут служить ещё долго, напоминать и рассказывать о тех, кто отдал много сил благородному делу просвещения.

Ст. научн. сотрудник
Гос. Музея изобразительных искусств
им. А.С. Пушкина, заслуженный работник
культуры РСФСР А. Демская.

Осенью 1986 года в Талицах побывал поэт Михаил Дудин, вместе с ленинградской писательницей Натальей Банк и ивановцем Виталием Сердюком. Помню, как Михаил Александрович, войдя в коридор, постучал кулаком по стене: «Умели строить! Ещё сто лет простоит!..». В журнале появилась запись:

Иван Владимирович Цветаев своей доброй деятельностью для процветания культуры России, наверное, заслужил, чтобы память о нём хранилась не только в записях, а и в этом доме, который следует привести, пока не поздно в надлежащий для памяти порядок.

12.XI.86. М. Дудин, В. Сердюк, Н. Банк[23].

Под ней – запись телекорреспондентов, сопровождавших писателей:

Центральное телевидение присоединяется к пожеланиям создать дом-музей Цветаевых.

12.XI.86. Немчевский, Д. Чупахин[24]

Дом Цветаевых – неожиданный остров старинной культуры среди небрежного современного пейзажа. И дух этой плодотворной культуры сразу ощущается, как только входишь в этот драгоценный для нас всех дом.

С. Конторин (г. Александров), 8 июля 1987 г.[25]

В память об открытии цветаевских чтений в журнале осталось «стихотворение в прозе» тогдашнего добровольного координатора общественного цветаевского движения:

22 мая 1988 г. Воскресенье.

И сегодня памятный день, I Цветаевские чтения. И посвящены они Ивану Владимировичу Цветаеву – основателю Музея Изящных искусств. Будут и вторые, третьи. Будут другие мероприятия. Память об этом человеке бу-

дет всегда.

А. Ханаков. Москва.

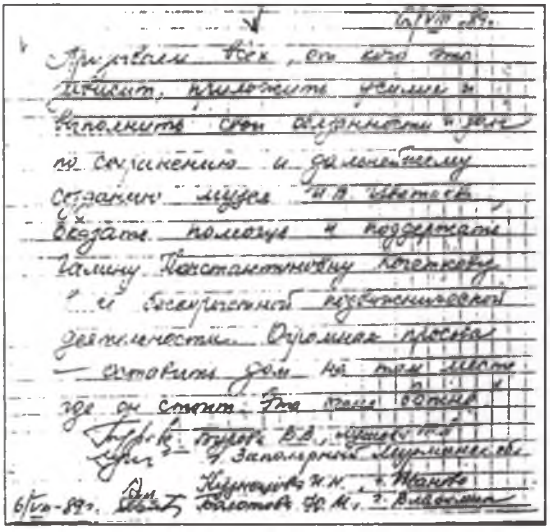
Дорогая Галина Константиновна!

К счастью, наша страна просыпается от преступного сна беспамятства... Свято верю, что и в 1992 году, когда весь прогрессивный мир будет отмечать столетие Марины Цветаевой, будет сохранён и восстановлен и этот святой дом, и музей Цветаевых будет гордостью Вашего края, так же, как династия Цветаевых является гордостью России.

9 мая 1989 года (Е. Линд, Ленинград)[26].

В 1988 году дело о создании музея семьи Цветаевых сдвинулось с мёртвой точки. Дом был выкуплен государством и поставлен на баланс Краеведческого музея. Мебель отправили на реставрацию, к реставрации же дома не приступали. Цветаевская комиссия добилась обсуждения вопроса о реставрации в Обкоме партии и Управлении культуры. Но так как, кроме обещаний «взять вопрос под контроль», мы ничего не добились, то обратились за помощью в Музей изобразительных искусств. Вскоре мы связались с московской реставрационной мастерской, готовой выполнить работу своим материалом. Оставалось лишь оформить заявку. Но тут коса вновь нашла на камень. В Управлении культуры заявили, что реставрационная мастерская «и у нас есть», но нет леса. Заместитель же управляющего отделом снабжения Облисполкома заверял, что лес для реставрации цветаевского дома давно выписан. В бухгалтерии показали оплаченный счёт. Выяснилось, что заведующий реставрационной мастерской Корнилов израсходовал лес, предназначавшийся для цветаевского дома, на какую-то церковь. Дом же, в котором должен был расположиться музей, два года расшитый, остался стоять под дождём и снегом из-за отсутствия материала. Новый лес был выделен прямо на лесной делянке.

В конце 1989 г. в областной печати была опубликована Комплексная программа реставрации памятников с указанием сроков начала и окончания работ и использования памятников после реставрации. Реставрацию «Дома Цветаевых» планировалось начать в 1990 г. и закончить в 1991[27]. В доме предполагалось открыть Музей Цветаевых и Литературную гостиную. Зав. отделом Государственного объединённого историко-революционного музея Е.М. Молодцова в интервью журналистке Т. Полосиной сказала: «<...> это будет музей семьи Цветаевых. <...> Комплекс будет включать в себя мемориальную часть – дом, где жили Цветаевы, историко-этнографическую экспозицию в доме звонаря и выставочно-концертный зал в здании Никольской церкви». Однако судьба исторического дома была уже предрешена. На вопрос журналистки: «Но будет ли новодел обладать исторической ценностью?» последовал ответ: «Но ведь хотят же восстановить храм Христа Спасителя? Возвращённые памятники <...> помогают сохранить нашу память. Взять, к примеру, будущую историко-этнографическую экспозицию. Мы планируем отразить в ней историю села Ново-Талицы: показать, чем занимались люди, представить промыслы, орудия труда, предметы быта. "Начиним" дом вещами, бывшими в обиходе в прошлом. <...> будут и "именные"



Страница из журнала для посетителей музея

Дом Цветаевых. Вид со двора. Зима 1988—1989 гг.

экспонаты: вот, например, переданный нам в дар хранительницей дома Цветаевых Галиной Константиновной Кочетковой токарный станок, на котором Цветаевы изготавливали различные орудия труда»[28].

Интервью проиллюстрировано фотографиями ивановского фотохроникёра Александра Дворжеца, запечатлевшими последние дни доживающего век брошенного дома: два окна и дворовая дверь заколочены подвернувшимися под руку досками. Крупным планом – дешёвый висячий замок с куском колодезной цепи, мезонин с балконом без балясинок и перил и пр.

На вопрос журналистки: «Вы верите в то, что ваше дело принесёт плоды?» ответом было: «Верю. Люди, прикасаясь к прошлому, становятся чище. <...> Цветаевы были удивительными людьми, высоконравственными. <...> Дело, которым занимаемся мы, должно повернуть людей лицом к доброте»[29].

В начале 1990 года дирекция Ивановского объединённого историко-революционного музея, убедив членов цветаевской комиссии (меня на эту встречу не пригласили) в невозможности ремонта, приняла решение: дом разобрать и восстановить заново, из новых брёвен с вкраплением старых. Сломали почему-то и прекрасные изразцовые печи и лежанки. Когда я приехала на это пепелище, мне стало плохо... Но оказалось, что я не одна на пустыре. Незнакомый мужчина, видимо из дачников, копошился возле белокаменного фундамента, прилаживаясь разбирать его. Я шуганула вора и подождала, пока он не убрался восвояси со своей тележкой...

Цветаевские чтения перенесли в город – в стены Фонда культуры и Областного историко-краеведческого музея. Популярность их росла, повышался уровень. Профессор П.В. Куприяновский, оценивая Пятые чтения, проводившиеся 16, 17 мая 1992 года (объявленного ЮНЕСКО «цветаевским»), говорил: «Предыдущие чтения в какой-то мере носили любительский характер, им <...> не доставало научного подхода. Нынешние же <...>, сочетавшие в себе литературоведческую конференцию и "круглый стол", несомненно, прошли на более высоком уровне. Надо отдать должное и Фонду культуры, и энтузиастам, и работникам музея за организацию чтений»[30]. Среди пожеланий, полученных участниками чтений, были оптимистические: «Надеемся и верим, что в этом году Дом семьи Цветаевых будет открыт. Мария Белкина. Анна Саакянц. Члены Союза писателей России»[31], были и тревожные: «Мы радуемся вашим научным достижениям, гордимся подвигом человеческим и научным Галины Константиновны Кочетковой. Очень беспокоимся задержкой реставрации мебели, подлинных вещей и самого дома в Ново-Талицах. Дом в Ново-Талицах, сохранённый Г.К. Кочетковой, подлинными вещами его не име-

После сноса дома. 1992

ет себе равных и среди цветаевских домов занимает особое почётное место. Коллектив Дома Марины Цветаевой в Москве»[32].

В Фонде культуры участникам чтений была представлена «экспозиция уникальных документов, раскрывающая родословную Цветаевых, подготовленная членами цветаевского клуба Г.К. Кочетковой и М.С. Лебедевой». Желающие могли «познакомиться с макетом рукописи Г.К. Кочетковой "Дом Цветаевых"»[33]. Книга вышла в декабре 1993 года.

Сейчас дом восстанавливается. Есть уже дирекция будущего музея. Есть экспонаты.

Эти воспоминания – мой посильный вклад в дело, которому я отдала пятнадцать лет жизни.

Примечания.

[1] Правильно: фотоаппарат с объективом фирмы RODENSTOC, основанной в 1877 г. разработчиком фотообъективов Йозефом в Мюнхене. С 1881 г. эти объективы высылались по почте в Россию. Сообщение А.П. Попова.

[2] Кружок Осоавиахим (Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР) для обучения мирного населения, прежде всего молодёжи, обращению со стрелковым оружием и стрельбе. По окончании курса кружковцам, выполнившим наивысший зачётный норматив, вручался нагрудный значок «Ворошиловский стрелок».

[3] Город Никольск-Уссурийский до 1935 г., Ворошилов (1935–1957), Уссурийск (с 1957 г.).

[4] 22 июня 1941 г., в 4 ч. утра по московскому времени фашистская Германия, без объявления войны, напала на Советский Союз.

[5] «На ст. Всполье (Ярославль-Главный) с 27 января по 25 апреля 1942 г. прибыло 162 эшелона с эвакуированными жителями блокадного Ленинграда» (надпись на мемориальной доске на здании вокзала Ярославль-Главный). Через полвека война вновь напомнила о себе. На сопредельном с вокзальной территорией Леонтьевском кладбище появилась новая братская могила с надписью на плите: «Здесь захоронены останки неизвестных, умерших предположительно в 1938–1949 гг., найденные в районе железнодорожных путей станции Ярославль-Главный в апреле 1993 г.»

[6] Смирнов Юрий Константинович. 1921, г. Тейково. Призван 21.04.1941. Рядовой п/я 205. Пропал без вести в декабре 1941 // Книга памяти Ивановской области. Т. 2. Иваново, 1995. С. 735.

[7] Смирнов Аркадий Павлович. 1903, г. Иваново. Призван 21.01.1942. Рядовой, стрелок 3 ошр, 110 с.д. Пропал без вести 25.11.1942 около д. Горки Юхновского р-на Смоленской обл. // То же. Т. 1. Иваново, 1995. С. 650.

[8] ГАИО. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 97 об.—98.
[9] То же. Л. 42 об.—43.
[10] То же. Ф. 646. Оп. 1. Д. 54. Л. 62.
[11] Жерякова Людмила Семёновна (р. 1931), педагог, краевед. Ок. Ивановский педагогический институт. Работала в с. Колшево, Заволжского р-на, Ивановской обл. В 1970 г. вернулась на родину, в с. Ново-Талицы. До 1995 г. преподавала историю в местной школе. Организовала школьный музей. Вовлекла учеников в краеведческое движение. Красные следопыты талицкой школы участвовали в областных и всероссийских конференциях, ездили на экскурсию в ГМИИ им. А.С. Пушкина. О том, что в Ново-Талицах прошли детские и юношеские годы И.В. Цветаева, Людмила Семёновна узнала в студенческие годы, из лекции проф. А.В. Шипулиной. По её инициативе школьники стали переписываться с А.И. Цветаевой, получая из Москвы не только книги, но и гостинцы. Заведующая школьным музеем И.А. Никологорская помнит, с каким восторгом была вскрыта посылка с печеньем.
[12] Имеется в виду инскрипт на первом издании «Воспоминаний» (см. с. 167): «Дорогим красным следопытам Ново-Талицкой школы, в ваш Музей – на добрую память о семье Цветаевых – об Иване Владимировиче Цветаеве, основателе Музея изящных искусств в Москве, о дочери его Марине Ивановне Цветаевой, о нашем детстве, о юности, о многих людях и странах и о старой Москве. С любовью – Автор Анастасия Цветаева 7 II 72 г. Москва». Инскрипт на третьем издании: «В библиотеку Ново-Талицкой школы, основанной когда-то моим отцом, профессором И.В. Цветаевым – с просьбой давать читать только в читальном зале, иначе книга уйдёт. С добрыми пожеланиями юношеству – историю семьи Цветаевых Анастасия Цветаева 18 XI 83 г. Москва». Обе книги хранятся в Музее Ново-Талицкой ср. школы. Публ. И.А. Никологорской.
[13] Махов Никифор Иванович (1875–1933), член Иваново-Вознесенского «Рабочего союза». Родился в с. Стебачёво. Вошёл в историю края первой революционной речью во время осенней забастовки 1895 г. В ней он сказал, что в фабричном законодательстве нет и не будет статей в пользу рабочих, потому что пишутся они «продажными юристами, чтобы скрутить, связать рабочих по рукам и ногам, заставить работать на хозяев за жалкие гроши, которых не хватает рабочему на хлеб, квартиру и одежду. Об образовании себя и детей не приходится и думать» (*Шестернин С.П.* Пережитое. Иваново, 1940. С. 116). Был выслан на родину под пастырский присмотр. Вскоре власти получили донос, что поднадзорный «распространяет между крестьянами разные нелепые слухи и народ возбуждает к разного рода неповиновению правительству» (Очерки истории ивановской организации КПСС. Ч. 1. 1892–1919 гг. Иваново, 1963. С. 53).
[14] *Махов Ф.* Чтобы увековечить память о земляке // Красное знамя. 23 июля 1981.
[15] *Франковский А.* Под Иваново, в дом Цветаевых // Советская культура. 24 сентября1982 г.
[16] См. с. 253.

[17] «9 окт. 1988 г. Встреча с проф. ИвГУ Ниной Викторовной Ревякиной» (Журнал отзывов посетителей музея).
[18] См. с. 242–244.
[19] В настоящее время к ним присоединилась и третья плита, найденная и доставленная сотрудниками «Музея семьи Цветаевых» – надгробие с могилы Ф.В. Цветаева.
[20] Журнал отзывов посетителей музея.
[21] То же.
[22] То же.
[23] То же.
[24] То же. Возможно, подписи воспроизведены неточно.
[25] То же.
[26] То же.
[27] Родословная. Прил. к газ. Рабочий край <от 25 нояб. 1989> Вып. 1. С. 3.
[28] *Полосина Т.* Жизнь на высокий лад. То же. С. 8.
[29] То же.
[30] *Полосина Т.* Круговая порука добра // Рабочий край. 23 мая 1992 г.
[31] Рабочий край. 23 мая 1992.
[32] То же.
[33] См. п. 30.

После книги
Послесловие редактора

Читатели тепло встретили книгу Г.К. Кочетковой, презентация которой состоялась 3 марта 1994 года в Городской Центральной библиотеке им. М. Горького[1]. Осенью появилась рецензия, в которой широко цитировались письма из почты автора (давних «друзей Дома Цветаевых»): «Книга замечательная, хорошо аргументирована документами и фотографиями» Г. Абольянин (Новосибирск); «Увлекательно и благородно написано <...> Думается, что это действительно хороший вклад в изучение семьи (и рода) Цветаевых» М. Аксененко (Москва) и др.[2]. Со временем выяснилось, что на одной из книжных иллюстраций, на портрете с подписью «П.В. Цветаев, священник», запечатлён историк Д.И. Иловайский. Открытие это дало повод недоброжелателям для разговоров о «грубых ошибках» в книге, без счёта их. Объяснение же ошибки простое: портрет этот неверно атрибутирован в книге Ю.М. Каган, которую А.И. Цветаева справедливо считала лучшей в литературе об отце. Библиоманы иронизируют: «Издание без опечаток – макулатура!»[3]. Ведь и в книге Анастасии Ивановны осталось незамеченным издателями заблуждение, пронесённое автором через всю жизнь, относительно старшинства братьев Цветаевых: «<...> второй Фёдор, <...> третий был наш отец»[4].

Осенью 1994 г. Галина Константиновна была приглашена на конференцию «Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века», проводившуюся в ИвГУ, где услышала доброжелательные отзывы о своей книге.

Через год после книги возведён был и дом. «Планировка комнат восстановлена точно по сохранившимся документам, воспоминаниям родных и близких. Из Новоталиц, Тарусы, московской квартиры Цветаевых удалось собрать личные вещи, фотографии и документы, книги и мебель самого Владимира Васильевича и четырёх его сыновей» (из

Открытие Бальмонтовско-Цветаевских чтений в ИвГУ. Сентябрь 1994 г.
1-й ряд: Л.Н. Матенина, Г.К. Кочеткова, С.И. Дмитриев, Н.М. Свиязова. 2-й ряд: К.С. Николаева, Л.А. Розанова, А.Н. Таганов, Н.В. Капустин. 3-й ряд: С.Л. Страшнов (крайний справа). 4-й ряд: А.И. Николаев, М.Ю. Эдельштейн, Т.С. Петрова, Н.А. Молчанова, Е.И. Кудряшова (крайняя справа)

интервью директора музея Н.А. Коптевой)[5]. Торжественное открытие Дома-музея семьи Цветаевых 18 мая 1995 года красной строкой вписано в летопись культурной жизни города Иванова. На праздник в Талицы и по приглашениям, и по зову сердца собралось множество ивановцев и гостей: люди с известными в цветаеведении именами и областные чиновники всех рангов, представители цветаевских музеев страны (Александровского, Болшевского, Тарусского, Московского), преобладали, как всегда, безвестные энтузиасты из племени народного цветаеведения. Правнук о. Петра, М.И. Краснопольский приехал с дочерью Ларисой и внучкой Алей. Младшей – семикласснице-москвичке – было доверено перерезать красную ленточку. «Открытие музея в наше время, – утверждал профессор ИвГУ Л.Н. Таганов, – явление пара-

доксальное». Журналистка «Рабочего края» развернула мысль профессора: «Остались "за кадром" огромнейшие многолетние проблемы с финансированием, организацией дела, созданием богатейшей экспозиции, в которой витает цветаевский дух – дух подвижничества, таланта, труда, высокой нравственности, беззаветного служения Отечеству. Исторические документы, фотографии, мебель, предметы быта, книги, принадлежавшие Цветаевым и сохранённые для нас, для музея Галиной Константиновной Кочетковой <...> (именно у Галины Константиновны много лет назад зародилась идея создания Дома-музея)»[6]. На праздник Галина Константиновна приехала без приглашения. Но её заметили, оттеснили от толпы, устроили, чтобы присела – вскоре к ней выстроилась очередь за автографами. Памятью об этом дне осталась дорогая для неё фотография с группой гостей.

Открытие Дома-музея семьи Цветаевых. 18 мая 1995 г. (Слева направо) Е.Б. Сосунна, М.С. Лебедева, Г.К. Кочеткова, Л.Б. Либединская, Р.Б. Вальбе, А.В. Ханаков, С.Н. Клепинина-Львова, И. Хмелевская, Г.Н. Комарова. Фото В. Яшиной

Дом-музей семьи Цветаевых. 18 мая 1995 г. Первое знакомство с книгой Г.К. Кочетковой «Дом Цветаевых». Фото И.И. Дынина

Д.С. Лихачёв, размышляя о культурной преемственности поколений, напоминал, что «“запас” памятников культуры, “запас” культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со всё прогрессирующей скоростью». Утраты памятников «<...> невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определённой эпохой <...> Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно»[7].

Хозяйка уничтоженного дома в Талицах, едва переступив порог новодела, ощутила всю горечь сформулированных академиком истин. За 60 лет жизни в доме ей стал родным каждый сучок на тёсаных стенах кухни и незнакомые сучки на новых кухонных стенах казались ранами, нанесёнными дому. Недопустимыми искажениями – смещение лесенки на мезонин, отсутствие изразцовых лежанок и долженствующий заменить кафельную стенку, рождённый чьей-то фантазией нелепый в её гла-

зах камин. Её охватило отчаяние. Основную вину за уничтожение дома Галина Константиновна брала на себя. Ведь её предостерегали и член цветаевской комиссии Л.А. Шлычков и Н.И. Катаева, советовали не спешить передавать дом краеведческому музею, не отдавать мебель, сохранять домашний музей, каким он был, как можно дольше, до лучших времён... Но она преодолела отчаяние и решив, что проку от него не больше, чем от сетований, что не все ещё у нас прислушиваются к словам академиков, даже и те, которые должны бы, кажется, записывать их на собственных лбах, вновь взяла в руки перо. На этот раз из-под него родился меморандум с перечислением всех искажений, допущенных реставраторами, заметить которые могла только она одна. Документ сей, озаглавленный «Сохранить историческую правду», напечатать в родном городе никто из издателей не отважился, но известность меморандум всё же получил. Автор не делала из него тайны и щедро делилась ксерокопиями. Москва вновь поверила ей. В 1997 году Галине Константиновне была предоставлена возможность выступить с докладом на пятой цветаевской конференции, а в следующем году он был опубликован в сборнике материалов конференции[8]. «В нашей конференции, – говорится в предисловии к сборнику, – приняла участие Галина Константиновна Кочеткова. Эта замечательная женщина-врач, спасшая многих детей-дистрофиков из осаждённого Ленинграда, сумела сделать для памяти рода Цветаевых то, что не имеет цены. Она, её семья сохранили в первозданной подлинности родное гнездо Ивана Владимировича Цветаева ("откуда род наш" – говорила его дочь Марина). До конца восьмидесятых годов дом И.В. Цветаева в Талицах был единственным в мире подлинным Музеем Цветаевых (народным, без финансирования). Местная администрация не поняла того, что ей было доверено»[9].

Примечания.

[1] <Объявление> // Раб. край. 2 марта 1994.
[2] *Муравьева Г.* Книга о роде и доме Цветаевых // ИГ. 12 окт. 1994.
[3] *Рат-Вег И.* Комедия книги. М., 1982. С. 71.
[4] *Цветаева А. 2005*: 24.
[5] *Франковский А.* Гнездо цветаевского рода // Российская газета. 27 мая 1995 г.
[6] *Полосина Т.* «Вот бы другие могли взглянуть!» // Раб. край. 20 мая 1995.
[7] *Лихачёв Д.* Заметки о русском // *Лихачёв Д.С.* Избр. работы: В 3 т. Т. 2. Л., 1987. С. 493.
[8] *Кочеткова Г.К.* «Малая родина» Ивана Цветаева (Приложение: Сохранить историческую правду) // Всё в груди слилось и спелось 1998: 81–90.
[9] *Катаева-Лыткина Н.* Вместо предисловия // *Всё в груди слилось и спелось 1998*: 4.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1
СЛОВО НА ДЕНЬ ИОАННА БОГОСЛОВА
ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ВЛАДИМИРА ЦВЕТАЕВА

2
Цветаев И.В.
ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

3
Цветаев И.В.
ПИСЬМО Д.Г. БУРЫЛИНУ от 9 февраля 1913 г.
АВТОБИОГРАФИЯ

4
ЗАПИСИ В МЕТРИЧЕСКИХ КНИГАХ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
С. ДРОЗДОВО

5
ВКЛАДЫ ЦВЕТАЕВЫХ В РИЗНИЦУ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ

6
УСЛОВИЕ

7
Лонго А.П.
ПИСЬМО Г.К. КОЧЕТКОВОЙ

8
Цветаева А.И.
ПИСЬМО ГОРОДУ ИВАНОВУ

9
Цветаева А.И.
ПРИВЕТСТВИЯ ЦВЕТАЕВСКИМ ЧТЕНИЯМ В С. НОВО-ТАЛИЦЫ

10
Кочеткова Г.К.
ВСТРЕЧИ С А.И. ЦВЕТАЕВОЙ В МОСКВЕ

11
Кочеткова Г.К.
ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧЕ С ХУДОЖНИКОМ
А.И. МОРОЗОВЫМ

12
ИЗ ПЕРЕПИСКИ В.И. ЦВЕТАЕВОЙ С А.И. МОРОЗОВЫМ

13
Жохов М.А.
ПИСЬМА К Г.К. КОЧЕТКОВОЙ

о. Владимир Цветаев.
Из проповедей

Слово на день Иоанна Богослова

Возлюбленные!
возлюбим друг друга...[1]

Любовь есть начало и основание всех Христианских добродетелей. Спаситель мира, дабы ознаменовать превосходство любви, наименовал её первой и наибольшей заповедью: «Возлюби Господа Бога, – возлюби ближнего твоего – На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»[2].

Посему возлюбленный ученик возлюбившего весь мир Божественного Учителя, будучи проникнут искренней, чистейшей любовью к Богу и ближнему, ни о чём с таким участием не обращал своего слова к Церкви Христовой, как о любви.

Заметив, что между Христианами оскудевала взаимная любовь друг к другу, просит-умоляет их пребывать в любви и единомыслии.

Возлюбленные, – взывает он ко всем Христианам, – возлюбим друг друга. Взаимная между собой любовь для всех и каждого необходима.

Апостол Павел, обращая слово к самому себе, всей силою слова проповедует о преимуществе и необходимости сей добродетели: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто»[3].

Но рассмотрим подробнее причины, убеждающие нас любить друг друга.

Нет ни одной твари, живущей на земле, которая бы имела столько нужды в помощи других, сколько человек; от первой до последней минуты жизни своей он обязан или сам помогать другим, или от других себе требовать помощи. При самом появлении человека на свет, с первой каплей

материнского молока печатлеется в сердце его сей долг: Живи для других, – ты и сам не можешь жить без других.

Бессилие и немощь во младенчестве, необходимость познаний в юношестве, общественные отношения в мужестве, слабость в согбенной летами старости – каждый возраст подтверждает внушения самой природы, что человек должен существовать для человека!

Но как может ожидать помощи от других, кто сам не помогает другим? Взаимные друг другу пособия не иначе могут быть требуемы и исполняемы, как по взаимной между собою любви и согласию. Имеешь ли нужду в истинных друзьях, благодетелях, доброжелателях? Будь сам таков для других. Искренность твоего сердца вознаграждена будет искренностью, услуги услугами, польза пользою.

«И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»[4]. На сем условии утверждено единство душ, сердец, счастия, общественного спокойствия!

Только то общество крепко, в котором все члены, его составляющие, связаны между собою неразрывными узами любви и единомыслия, где всякий любит ближнего своего, яко сам себя. От любви и согласия обогащаются дома, цветут сады и укрепляются целые государства; любовью и согласием ограждаются они благонадёжнее, нежели крепкими и высокими стенами; от любви и согласия малое общество бывает сильнее многочисленного. Гедеон – освободитель сынов израилевых – с тремястами избранных мужей поразил бесчисленные полчища мадианитян и амаликитян, которые ополчились «в таком множестве, как саранча; верблюдам их не было числа, много было их, как песку на берегу моря»[5].

Непостижимо чудны действия любви и согласия! Но где нет взаимной друг к другу любви, там, по выражению Апостола, «неустройство и всё худое»[6]. Ежели в обществе будет всякий думать токмо о себе, то разрушится общественный союз: «всяк град или дом, разделившийся сам в себе, не устоит»[7]. Вражда и несогласие суть страсти воюющие во членах наших, откуда происходят брани и свары... Отвратим очи наши от картин, недостойных взора

Христианского. Возлюбим друг друга. Бог заповедовал нам любить ближнего столько, сколько мы любим себя. Неестественно не любить самого себя: «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её»[8]. Неестественно не любить и ближнего.

«Но ближний мой на меня враждует, меня ненавидит?» Он за то Богу ответит; а ты люби врага твоего, добро твори ненавидящему тебя. Таковы обязательства любви! Ни в каком случае не можем от неё отказаться тем паче, что мы дети единого Отца-Бога; мы все братья. Брат *к брату по естеству должен быть в таком же отношении, как сын к отцу*. Следовательно любовь к ближнему есть доказательство любви к Богу. Кто любит ближнего, тот без сомнения любит и Бога; а кто не любит брата своего, тот не может любить и Отца-Бога. «Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?»[9]. Ежели любовь к Богу не иначе можно доказать, как любовью к ближнему, то и самая вера наша в Бога не иначе может быть доказана, как добрыми делами, относящимися ко благу ближнего: «ибо ... вера без дел мертва»[10]. Все же добрые дела суть следствие любви. Одна токмо любовь во всём всем угождает, «ища не своей пользы, но *пользы* многих, чтобы они спаслись»[11].

По вере нашей мы все именуемся Христианами. Сие общее наименование налагает на нас непременную обязанность любить друг друга. Ибо кто суть Христиане? Последователи Христа; Христос – Пастырь; Христиане овцы кроткого и незлобивого Пастыря, или паче – они суть ближние, братья и, по таинственному соединению со Христом, члены единого тела Христова. «Члены тела его»[12]. Не пекутся ли друг о друге члены телесные? Рука не всеми ли силами старается оберегать главу или очи? Нога не всегда ли всему составу служит и повинуется? Не состраждут ли все, когда один член страдает?

Ровным образом Христиане, яко члены единого тела, должны друг в друге участвовать и быть согласны так, чтобы не только один от другого огорчений, но и один без другого

удовольствий не чувствовал.

Да и чем бы они от других языков могли распознаваться, если бы не имели между собою согласия и любви? «По тому, – говорит Спаситель наш, – узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»[13]. Се единственная отличительная печать, положенная на Христиан Начальником и Совершителем веры нашей Иисусом Христом! Он паче всего молил Отца своего небесного о том, чтобы ученики его пребыли единодушны и согласны. «Отче Святый! соблюди их во имя Твое, *тех*, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как *и* Мы»[14].

Благословенны Христиане! Во исполнение Апостольского завещания возлюбим друг друга, да единомыслием в соединении душ и сердец, прославим и исповедуем Триипостасного Бога, да возможем достойно нарицатися чадами Божией благодати, учениками и последователями Иисуса Христа.

Аминь[15].

Примечания.

[1] I Иоанна, 4. Ст. 7.
[2] Матф., 22. Ст. 37–40.
[3] I Коринф., 13. Ст. 2.
[4] Лука, 6. Ст. 31.
[5] Книга Судей, 7. Ст. 12.
[6] Иак., 3. Ст. 16.
[7] Матф., 12. Ст. 25.
[8] Ефес., 5. Ст. 29.
[9] I Иоанна, 4. Ст. 20.
[10] Иак., 2. Ст. 26.
[11] I Коринф., 10. Ст. 33.
[12] Ефес., 5. Ст. 30.
[13] Иоанн, 13. Ст. 35.
[14] Иоанн, 17. Ст. 11.
[15] Публ. К.И. Ручимского. РГАДА, Ф. 364. д. 334.

И.В. Цветаев

Прежде и теперь
Картинка одной народной школы

I

Если ехать из Иваново-Вознесенска по большой дороге, ведущей к Ярославлю, первым селом на этом пути будет Талицкий погост. С давних пор стоит он здесь среди лесов и полей, служа местом молитвы и кладбищем для своего и теперь ещё не малочисленного прихода. Всё население погоста составляют ныне только три семьи церковного причта и сторож. Домашние постройки их, по обыкновению, необширны, но они кажутся ещё меньше от соседства со здешним храмом, который своим большим объёмом, изящной и высокой колокольней славится по всей округе.

При виде этих размеров сельской церкви, путешественник невольно задается мыслью о тех, кто когда-то положил много материальных средств и энергии на это сооружение, достойное большого и богатого города, а не этой крошечной деревушки.

Николаевская церковь. Талицкий погост. 1910-е гг. Фото К.П. Смирнова

Этот видный и редкий, для сёл Владимирской губернии, храм, свидетельствует о том, что Талицкий погост имел некогда лучшие времена, ибо селения, окружающие его ныне и составляющие его нынешний приход, воздвигнуть такой церкви и такой выдающейся колокольни были бы не в состоянии. Эти лучшие времена у маленького погоста действительно существовали. В старину он был гла-

вою очень большого прихода, раскинувшегося на далекое пространство. Здесь были три священника и три церковных причта[1], было здесь и, по преданию, какое-то полицейское управление. Народное предание указывает даже и на такие времена, когда впоследствии знаменитое село Иваново находилось в зависимости от Талиц. Лучшие сравнительно с нынешними времена для этого места продолжались ещё в половине минувшего века, к которой относится построение этой каменной церкви, созданной по инициативе и на средства здешнего помещика контр-адмирала Никифора Молчанова.

Пожар прежнего деревянного храма уничтожил все церковные документы, хранившие историю этого места, и потому прежние времена существования Талиц и их прихода лишь в незначительной степени отражаются в нынешнем церковном архиве; большую долю её хранят лишь предания, переходящие их уст в уста, от одного поколения к другому. Но эти, большею частью, старческие рассказы, опирающиеся на слышанное от прежних стариков, конечно, нуждаются в большой критике, доверять им вполне нет никакой возможности. (Никакого подтверждения этим преданиям мы не могли найти в интересной книге Я.П. Гарелина «Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад Владимирской губернии», г. Шуя, 1885).

Наше личное знакомство с этим селом началось с пятидесятых годов. Значение «Николы Талицы», как обыкновенно называют в народе этот погост, в то время продолжало падать более и более, между прочим, и потому, что из некоторых его деревень, в начале сороковых годов, выделился особый, самостоятельный приход – Митрофановский[2]. Другою причиной обеднения этого храма и прихода являлось сильное развитие здесь раскола, как и вообще в окрестностях Иванова. Прежний, многочисленный состав причта найден к тому времени духовною властью несоответствующим своему назначению; решено было сократить его на половину и заменить новым, более деятельным составом[3]. Половине церковнослужите-

лей предложено было искать себе новых мест, а иные и совсем уволены были в заштат. Церковный причт тогда состоял из людей уже старых, с детства сжившихся с этим местом, – и потому распоряжение епархиальной власти повергло всех их в большое горе. Проживши весь свой век в этом селе, старики, люди большею частью малограмотные, не знали, что им делать, как, на закате своих дней, применяться к новым местам, к новой среде, к новому начальству, и потому каждый решил выжидать другого – не уйдёт ли куда или не помрёт ли сосед прежде него.

А так как они все держались здесь одной и той же выжидательной политики, то за смертью одного из настоятелей на одного священника оказалось четыре причетника и дьякон – обилие никому ненужное и нигде небывалое[4]. Низшие чины клира вынуждены были жить на половину своих и без того ничтожных доходов. Если священник получал содержание с прихода до 300 руб. в год, а дьякон 150 руб., то причетники делили эту последнюю сумму на четверых, получая таким образом около 37 рублей в год. Цифра невероятная по нынешним временам, а между тем это было так! В той же, вдвое уменьшенной, пропорции причт должен был пользоваться и землёю, к тому времени урезанною более чем на три четверти сравнительно с прежним. (Урезка эта совершилась вследствие утраты дарственной записи, которою отказано было церкви этого села девяносто десятин, и вследствие иска, поднятого наследниками дарителей). Но уже такова была сила привычки и такова боязнь за себя в новых местах, что старики предпочитали лучше терпеть эту бедственную долю, чем расстаться со своим родным, издавна насиженным гнездом.

Большинство их так и умерло на своих местах, и только одного принудили семейные обстоятельства выйти в другое село.

Образование этих стариков было очень малое, читали они в действительности только славянскую грамоту богослужебных книг, а писать им приходилось едва ли не одно своё имя под церковными документами. Но исключение бы-

ло и здесь. Среди малых сих был один – и хороший каллиграф и большой начётчик в церковных книгах. Зато и стояло имя этого почтенного «Матвея Андреевича»[5] (фамилии его никто не называл) чрезвычайно высоко не только в своём приходе, но и в селениях ближайшей окрестности. В сороковых и пятидесятых годах на значительное пространство этот скромный и тихий клирик был единственным народным учителем грамоты, который собирал мальчиков и девочек к себе и здесь терпеливо, в течение многих лет своей трудовой жизни, учил их чтению и письму.

Школ по деревням и сёлам, за исключением Иванова, в этих местах тогда не было – и дом бедного дьячка служил единственным центром народного просвещения на многие вёрсты кругом. Учил старик, разумеется, без всякого правительственного вознаграждения и поощрения и брал за выучку совершенно пустую на нынешние деньги сумму. В зимнее и осеннее время тесный домишко его служил для учеников более отдалённых селений и местом ночлега.

Старых педагогов принято представлять не только суровыми, но и жестокими по отношению к ученикам. Это общераспространённое мнение составилось, конечно, не без уважительных оснований, но смиренный талицкий дьячок составлял здесь совершенное исключение. Неизменно тихий и обыкновенно как-то всегда грустно настроенный, он тоненьким и монотонным голоском учил своих питомцев, не прибегая ни к каким крутым мерам наказания за рассеянность, шалость или непонятливость. Повторяя терпеливо бесконечное число раз склады по той старинной, крайне сложной, трудной и неразумной методе, о которой, к счастью, и слабого представления не имеет нынешнее молодое поколение, он всё же добивался своего: ученики его на третью зиму выучивались читать псалтырь и гражданскую печать, приобретали затем у него же некоторый навык в письме, числовых знаках и церковном пении. Много детей, которые уже сами давно перешли в старческий возраст, или же приближаются к нему, получили

таким образом своё обучение грамоте. Многие из них впоследствии, может быть, и совсем забыли её, но больше было таких, которые удержали свои познания на всю жизнь; некоторых такая грамота поставила на ноги, сделав из них потом торговых людей, приказчиков на ивановских и шуйских фабриках и пр.

Дряхлая старость и смерть этого почтенного труженика положили на некоторое время конец народному обучению в этих местах. Не только этот приход, заключавший в себе свыше 2000 душ обоего пола, но и соседние приходы не имели ни одной школы, а об учителях из причетников, подобных только что описанному, в этих местах не было слышно. Разве какая-нибудь старая дева, начётчица из старообрядцев, да отставной солдат где-нибудь, в своём захолустье, втихомолку передавали свои скудные познания в грамоте тому или другому ребёнку.

Но если в пятидесятых и в начале шестидесятых годов не было здесь ни школ, ни учителей, то питейные заведения, и явные и тайные, были в изобилии более чем достаточном. На двух верстах около этого погоста было, одно время, три легальных кабака, торговля которых всегда шла бойко, а в ивановские базарные дни принимала она и чрезвычайные размеры. И местные, и дальние поселяне, продавши избыток своих хозяйственных произведений или выручивши деньги на возке дров и леса, обыкновенно заряжались зелёным вином уже в Иванове, а потом продолжали растрачивать свои заработки на этих двух верстах близ «Николы-Талиц» с таким усердием, что вечер и ночь с понедельника на вторник и с четверга на пятницу были часто полны самых гнусных сцен, на какие только бывают способны люди, потерявшие голову в хмелю. Ругань, сквернословия и даже кровавые драки пьяного люда, совершавшиеся на рубеже церковной земли и подле самого храма, мимо ограды которого пролегает большая дорога, сплошною и грустною полосою встают теперь в моём воспоминании об этих давно минувших годах.

II

Эти годы прошли, понемногу исчезли в этой местности и долго державшиеся, но с нравственной точки зрения невозможные порядки. Этим нравственным улучшением занимающая нас местность, надобно думать, обязана просветительному влиянию народной школы в весьма значительной степени. С половины шестидесятых годов учреждена была в Талицком погосте *земская начальная школа*[6].

Насколько это учреждение было тогда желанным гостем для данной местности, можно судить, между прочим, по тому, что церковное управление прихода охотно отвело для школы землю безвозмездно. На счёт Шуйского земства построено было здание и приобретено всё хозяйственное и учебное обзаведение для нового училища. Школа с первой же осени переполнилась до последней степени. С самого же начала явилось здесь два отделения – мужское и женское, помещавшиеся, конечно, в одном и том же классе.

Шуйское земство было в то время не из богатых, к тому же ему сразу пришлось учреждать школы по всему уезду, поэтому в Талицком погосте, по необходимости, могло быть построено здание только очень скромных размеров (да и то вместе с волостным правлением) и из леса далеко не первого качества. Но и в этом небольшом флигеле, за 20 лет его существования, переучились многие сотни ребят под руководством учителей и местного священника.

Это – *вторая стадия* народного образования в указанной местности, на нашей памяти.

И курс наук, и приёмы обучения здесь были уже иные, чем у покойного дьячка. Тяжёлая тарабарщина старинных складов была, конечно, оставлена; беглое чтение славянской и русской печати, благодаря новому методу, достигалось уже неизмеримо легче и скорее. Появился целый курс закона Божия с главнейшими сказаниями Священной истории Ветхого и Нового Завета, с целым кругом молитв и объяснением главнейших обрядов православной церкви.

Прежний цыфирь, оканчивавшийся у покойного «Матвея Андреевича» умением писать сотни и тысячи, здесь заменился изучением четырёх правил арифметики.

Мало-помалу установился, таким образом, полный курс одноклассного начального народного училища – с его обязательною программой и контролем земской и учебной власти. Машина была пущена в ход со знанием дела, и школа стала работать с успехом. Поколения учеников, мальчиков и девочек, стали здесь сменяться одно другим, унося с собой определённый круг общеполезных знаний. И если даже прежняя тёмная школка смиренного талицкого причетника иногда доставляла впоследствии своим питомцам средства к более обеспеченному существованию, то правильно организованная и с энергией ведённая земская школа открывала более даровитым ученикам своим новые пути и лучшие формы жизни. Так, один из таких учеников, сын ослепнувшего крестьянина, обративший своими способностями, успехами и вместе с тем своим хилым видом, столь вредным для будущего фабричного работника, особое внимание тогдашнего учителя этой школы, местного священника, стараниями последнего был помещён, по окончании курса, в Иваново-Вознесенское реальное училище. Ставши и здесь отличным учеником, он хорошо прошёл все классы и затем поступил в Императорское Московское Техническое училище. Пользуясь, так же, как и в средней школе, стипендией представителя известной чайной фирмы К.С. Попова, он благополучно окончил, года два-три тому назад, курс с званием инженер-механика и в настоящее время, служа по железнодорожному ведомству, является, между прочим, надёжною опорой своих стариков.

Не подлежит никакому сомнению нравственное влияние школы на окружающую среду. Так это было и в Талицкой местности. Если до учреждения училища на двух верстах около Талицкого погоста было три кабака, то на время действия земской школы падает уничтожение этих притонов пьяного разгула и праздности, вредных столько же для

нравственности, сколько и для экономического положения данного населения. Здесь просветительное действие школьного учения несомненно являлось значительным подспорьем для церкви и её влияния на прихожан.

Внутренняя организация Талицкой школы, между тем, продолжала крепнуть, но здание её, и очень тесное, и очень бедное, стало возбуждать сильные заботы учителей и местного земского управления. При обычных обстоятельствах, этот изветшавший флигель был бы, конечно, исправлен заменою сгнившего дерева новым и, может быть, несколько расширен. Но, к великому счастью для дела, здесь неожиданно появилась посторонняя помощь и притом в таких размерах и такой форме, о которых прежде никто и мечтать не мог.

III

Будущим историкам народного образования в России выпадет приятная задача определить ту почтенную роль, которую начинает играть в деле устройства начальных школ по деревням и сёлам наше купечество. За последние десятилетия таких рассадников народного обучения явилось не мало и школы, возникшие на этом гуманном начале, должны вызывать своим внешним видом и внутренним устройством справедливую признательность к их устроителям. Насколько приходилось встречать нам сельские училища этого особенного типа, дома их – всегда большие, светлые, крытые железом, хорошо распланированные внутри, опрятно содержимые; они снабжены обыкновенно большим учебным и хозяйственным инвентарём. В этих просторных и красиво обставленных учебными пособиями помещениях дети выглядят бодро; учиться им, конечно, легче и удобнее, чем в душном, спёртом воздухе, при плохом освещении и при недостатке в книгах, объяснительных картинах и рисунках школ бедных. Смелее и веселее вид и учителей этих осчастливленных судьбой народных училищ; их квартиры поместитель-

ны и теплы, училищная библиотека даёт им возможность пополнять свои познания и следить за успехами педагогики в их специальном деле; их материальное вознаграждение нередко значительно выше земских школ. Так, например, в Александровском уезде Владимирской губернии школы, основанные А.И. Барановым[7] в семидесятых годах и содержавшиеся им на собственный счёт, представляли собою идеал в отношении и помещений, и обеспечения материального как учителей, так и всего учебного дела. Память об этих образцово обставленных школах доселе хранится в уезде и имя их учредителя доселе произносится в народе с величайшим уважением.

Это отрадное течение в деле нашего народного просвещения историк должен будет отметить в подобающем свете, и патриотическая заслуга нашего купечества должна быть здесь общепризнанна.

Число таких, особо взысканных счастьем, школ, существующих во Владимирской губернии, в последние годы увеличилось школой Талицкого погоста, Шуйского уезда.

Близость Талицкого прихода к Иваново-Вознесенску, на фабриках которого работает добрая половина его населения, издавна ставила его в непосредственные сношения с наиболее видными представителями мануфактурной промышленности этого города. Это знакомство могло приносить и действительно приносило большие выгоды таличанам. Случалась ли с кем-либо из них тяжёлая нужда, посещало ли неожиданное бедствие вроде пожаров, ивановцы, в той или иной форме, всегда приходили им на помощь. Нужда поправлялась, сгоревшая деревня обстраивалась и обыкновенно лучше прежнего. Оказывался ли у таличан избыток в сельскохозяйственных продуктах, они никогда у них не залёживались в Иванове по недостатку покупателей, и продавцам не приходилось возвращаться домой со своим товаром на руках. А одна деревня этого прихода[8], занимающаяся кирпичным производством, работает исключительно для Иваново-Вознесенска и уже давно достигла цветущего состояния.

На талицких прихожан, как на ближайших соседей, обращались скорее других и иные милости богатых ивановцев. Внутренность их храма на наших глазах была обновлена и изукрашена на средства покойных купцов А.Н. Шодчина и А.Ф. Зубкова, ныне продолжается благоустройство этой церкви стараниями и жертвами купца П.А. Соколова[9]. Таличане являлись в числе первых и на поминальные денежные дележи, устраивавшиеся стариками-купцами в былое время. Эта форма благотворения, слава Богу, теперь уже отжила свой век, как несомненно более вредная, чем полезная, как плодившая попрошайничество и тунеядство даже в таких семьях, которые и не испытывали нужды, а бывало без всякого стеснения протягивали руку к подачке исключительно ради её чрезмерной лёгкости.

Со смертью стариков, исчез этот вид бесцельной раздачи денег по мелочам и в новом, ныне действующем поколении главных представителей заводской промышленности этого места, заменился *благотворительностью высшего порядка – на школы, богадельни, приюты и больницы.* Иваново-Вознесенск, получая своё существование в форме города в 1871 году, унаследовал от прежнего сельского и посадского строя всего только *три* школы, – приходское училище, училище для детей мастеровых и рабочих и женское училище. А ныне здесь *двенадцать* учебных заведений с более чем 2200 учащимися, как значится в отчёте за минувший 1893 год, а именно:

1. Реальное училище[10] с 199 учащимися.
2. Училище для детей мастеровых и рабочих[11] с 326 учащимися.
3. Городское приходское училище[12] с 247 учащимися.
4. Земская образцовая мужская школа[13] с 291 учащимся.
5. Земское мужское начальное училище[14] с 178 учащимися.
6. Образцовая двухклассная церковно-приходская Кирилло-Мефодиевская школа[15] с 102 учащимися.
7. Училище, содержимое торговым домом под фирмою «Никона Гарелина сыновья»[16] с 191 учащимся.

8. Женская гимназия[17] с 147 учащимися.

9. Двухклассное с приготовительным классом женское училище[18] с 203 учащимися.

10. Первое женское земское училище[19] с 210 учащимися.

11. Второе женское земское училище[20] с 200 учащимися.

12. Сверх сего с 1 сентября текущего года должно быть открыто Низшее механико-техническое училище[21] на средства братьев Гарелиных.

О том, какие размеры и какое направление приняла благотворительность богатого класса Иваново-Вознесенска, всего красноречивее говорят следующие факты официальных источников.

За последние два десятилетия пожертвовано фабрикантами на нужды города:

1. На покупку имения (главным образом торговой площади) у графа Шереметева[22] 70 000 р.

2. На постройку здания для Реального училища и церкви при училище 120 000 р.

3. На ремонт больницы чернорабочих 45 000 р.

4. На постройку бараков при больнице и служб до 50 000 р.

5. На постройку здания для Женской гимназии до 50 000 р.

6. На постройку и обзаведение Низшего механико-технического училища до 125 000 р.

7. На устройство здания для Училища детей мастеровых и рабочих и помещения Александровского приюта 75 000 р.

8. На устройство здания для богадельни 10 000 р.

9. На постройку чугунного моста через реку Уводь З.А. Кокушкиным[23] 10 000 р.

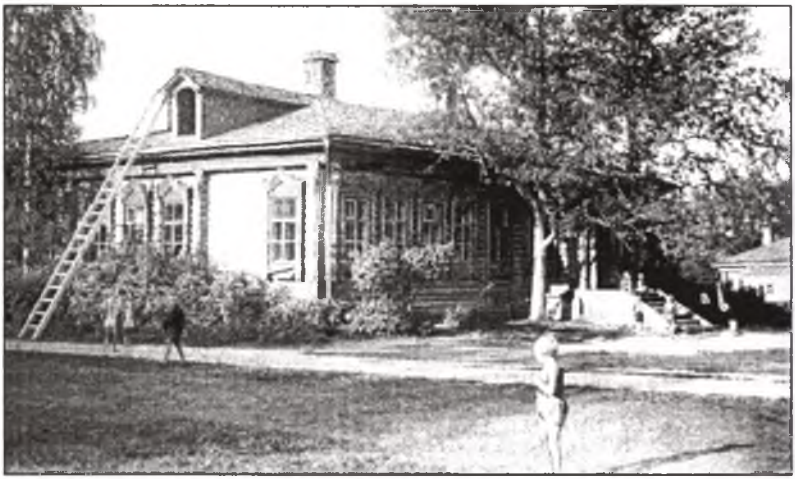
10. Заявлено согласие дать 55 000 р. на Школу колористов[24] при Реальном училище.

Благотворительность в этом новом направлении продолжается доселе, как это ясно из недавней крупной жертвы Мефодия Н. Гарелина на дело народного образования и из посмертной воли тамошнего видного общественного деятеля, Я.П. Гарелина, который оставил свои пахотные

угодья, леса, земли в разных местах Шуйского уезда и в городе Иваново-Вознесенске, каменный дом и другую недвижимую собственность вместе с капиталом в 40 000 руб. на открытие и содержание «Училища с преподаванием курсов садоводства, огородничества и технического рисования» и церкви при нём[25]. Свои собрания гравюр, монет и картины он завещал будущему городскому музею, свои книги – Публичной библиотеке, отдав под её помещение нижний этаж своего дома. (Сообщением этих интересных данных по народному образованию и по общественной благотворительности города Иваново-Вознесенска мы обязаны секретарю местной городской управы А.М. Алякринскому, которому и приносим здесь сердечную признательность.) Эти и другие распоряжения его последней воли как нельзя более характеризуют этого почтенного человека, который умел при жизни соединять коммерческие интересы с научными. Известно, что Я.П. Гарелин серьёзно занимался отечественной историей и археологией, собирал древние рукописи и книги и писал исторические сочинения и статьи[26].

Не довольствуясь устройством и лучшей постановкою народного образования у себя, в своём родном городе, молодое поколение высшего ивановского купечества, в последнее время, начинает переносить своё внимание на ближайшие к Иваново-Вознесенску сёла, на тамошние народные училища. Двое молодых фабрикантов – Ф.Н. Зубков и И.И. Гарелин – избрали для своих жертв и для своей просветительной деятельности на этот раз школу Талицкого погоста.

Первою заботой их было приобрести для училища собственную землю на вечные времена. Владельцем ближайших земель к погосту был покойный Я.П. Гарелин, который, узнавши о цели, поставленной для себя молодыми людьми, отвёл участок, необходимый для усадьбы школы, даром. Случай привёл, что под новое и, как увидим ниже, в высшей степени замечательное училище пошло теперь то самое место, на котором лет двадцать назад



Ново-Талицы. Бывшая земская школа.
На первом плане – Павлик Смирнов. 1920-е гг. Фото К.П. Смирнова

стоял питейный дом, причинявший так много вреда и горя местному населению. Задавшись целью устроить такую сельскую школу, которая отвечала бы всем требованиям гигиены и своим внешним видом служила бы украшением места, г.г. Зубков и Гарелин построили большое и красивое здание, окружив его надворными постройками (сарай, конюшня, погреб, кладовая, земляной подвал, баня), огородом и садом, к разведению которых приступлено было немедленно. Весь участок земли обнесён столбами с рядами колючей проволоки, по которой в настоящее время принимается живая изгородь из ёлок, боярышника и жёлтой акации. Классные комнаты, спальни для ночлега, учительская квартира и кухня не оставляют желать ничего лучшего. Все эти помещения – очень просторные, высокие, светлые, хорошо выструганные и отделанные с большим старанием и знанием дела. Постройки обошлись, как нам сообщали, свыше 12 000 руб.

Обеспечив школу столь завидным помещением, Ф.Н. Зубков и И.И. Гарелин принялись за разработку вопроса о лучшей постановке и учебного дела, и хозяйства школы.

Имея опытного советника в лице Шуйского предводителя дворянства, питомца Московского университета, доктора медицины И.С. Шмидта, этого, по общим отзывам, «убеждённого, испытанного и властного радельника народных нужд своего края», они прежде всего позаботились об увеличении учительского персонала. В настоящее время здесь три учителя: местный священник-законоучитель и два наставника[27], получившие специальное образование. Один из них обучает и пению, другой, кроме прочих обязанностей, занимается также сельским хозяйством и обучает военной гимнастике.

В учебном отношении училище обставлено и книгами, и иллюстрированными пособиями, картинами и рисунками, на широкую ногу. Рассматривая книжный запас школы и эти объяснительные картины к священной и отечественной истории, которыми украшены стены классов этой сельской школы, и сравнивая те, поистине нищенские, условия обучения, при которых нам, лет 35—40 тому назад, приходилось получать начальное образование в Шуе, пишущий эти строки должен был назвать счастливыми и детей, здесь учащихся, и родителей, которым выпала столь завидная доля видеть своё поколение обставленным таким гуманным и просвещённым попечением об его умственном и нравственном развитии.

Новую заслугу Ф.Н. Зубкова, принявшего на себя звание попечителя школы, составляют *заботы о питании учеников* и об устройстве возможно широкого *хозяйства при училище*. Для достижения первой цели он устроил кухню, снабжающую, за его счёт, бедных учеников полным столом и всех остальных приварком, мясным в скоромные и рыбным и грибным в постные дни. Этот горячий, мясной и рыбный стол для учеников составляет истинное благодеяние, когда вспомнишь, что в нашем народном питании мясо, не говоря уже о рыбе, является только лакомством, да и то в большие годовые и семейные праздники.

Заботы попечителя о расширении *сельскохозяйственных знаний* в народе привели его к мысли применить здесь

культуру огородничества и садоводства и завести травосеяние и собственную запашку школы. Исполнение первого намерения потребовало с его стороны больших усилий и значительных материальных затрат, так как свойство почвы долгое время оказывалось весьма неблагоприятным ни для овощных, ни для древесных насаждений. Пришлось много работать над землёй и вкладывать в неё различные удобрительные суррогаты, привозя их из Иваново-Вознесенска для того, чтобы добиться первых всходов. Молодая энергия взяла свое и в настоящее время около здания школы разведены и *овощной огород*, и *питомник для деревьев* и уже понемногу поднимается *небольшой фруктовый сад*.

Сад заключает в себе два отделения – древесное и кустарное. В числе плодовых деревьев видное место занимают здесь яблони нескольких сортов: антоновка, белый налив, гру'шевка, чёрного дерева, боровинка, бабушкина, Пепин Рибстона и некот. др. Маточные деревья выписаны из Москвы, из питомника г. Крель. Рядом с яблонями разведён питомник, заключающий в себе сеянцы и дички-однолетки, которые служат предметом практической прививки во время уроков учителя по садоводству. В кустарном отделе посажено около ста кустов крыжовника. С целью распространения кустарных насаждений в огородах местного населения, разбиты питомники разных пород «английского» крыжовника. В ягодном отделении разводятся клубника и земляника.

Огород разбит на три главные отделения, и каждое отделение раздроблено на четыре участка в интересах соблюдения правильной плодосменности. С большим успехом культивируются многие лучшие сорта капусты цветной, красной и белой, огурцов и тыквы, а из корнеплодов – брюква, репа, свёкла, морковь, петрушка, сельдерей, укроп, чеснок, лук; в отделении бобов, между прочим, фасоль и разные сорта гороха. В огороде существуют четыре парника для ранней выгонки огурцов, салата, редиса, рассад и укропа.

Благодаря сильному удобрению (хлевный навоз, древесная зола и разные компосты) и правильности ухода, огород принялся хорошо и даёт обильные урожаи, которые идут не только на запасы для собственного большого хозяйства школы на целый год, но и на продажу. В 1893 году овощей было продано в Иваново-Вознесенске на сумму около 100 руб. По словам учителя, заведующего сельскохозяйственною частью этой школы, в 1893 году белокочанная капуста достигала 35 фунтов веса, а тыквы даже до 3 пудов.

Нужно ли прибавлять, что, при этих почтенных стремлениях г.г. Зубкова и Гарелина внести новую и притом столь жизненную струю в быт Талицкой школы, это училище и его ученики снабжены в изобилии всеми принадлежностями садоводства и огородничества – заступами, мотыгами, граблями, ножами, ножницами и столярными инструментами. Дети летом, под руководством учителя, занимаются в училищном саду и огороде, а зимой остающиеся в ночном приюте по вечерам, в свободное время от уроков, вяжут соломенные щиты, необходимые для покрытия парников и рассадников. На долю учителя в зимние вечера выпадает починка парниковых рам, заготовка новых носилок, деревянных граблей и поправка повреждений в прочем огородном и садовом инвентаре.

Попечитель училища Ф.Н. Зубков стремится к распространению сведений по огородничеству и садоводству в учениках и их родителях не только устройством этого образцового огорода и сада, но и разными мерами поощрения. В числе последних видное место занимает ежегодная святочная «ёлка», на которой ученики, кроме лакомств и ситца на рубахи, получают от него награды книгами по садоводству и огородничеству. И эти заботы попечителя не пропадают даром. В 1892 году ученики развели по своим деревням на данные им семена и выростки рассад 19 огородов, в 1893 году таких огородов было 47, а текущим летом разведено уже 73 ученических огорода. Таковы показания, сделанные учителем, на обязанности которого лежат обход этих домашних огородов и контроль над ними.

Ближайшею для себя задачей ставит теперь г. Зубков *опыт с пчеловодством*, который он намерен произвести в 1895 году. Конечно, и эта отрасль сельского хозяйства будет им обставлена всеми современными усовершенствованиями, выработанными наукою и практикой, лишь бы только близость большой, пыльной и шумной дороги, вообще много, как нам думается, вредящая теперь саду и огороду, не оказала здесь чрезвычайных препятствий. И их мы, говоря откровенно, сильно боимся.

С 1892 года введено при Талицкой школе *полевое хозяйство*. Для этой цели арендуется у города Иваново-Вознесенска около восьми десятин пахотной земли. Практикуются в полеводстве две системы – четырёхпольная и семипольная. Сеются рожь, овёс, ячмень и картофель. И хотя земля здесь не считается плодородной, редко давая более 5 зёрен на зерно ржи, но сильное удобрение почвы, подбор семян и тщательная обработка сделали то, что в 1893 году рожь на школьном талицком поле уродилась сама 15, – явление в этой местности неслыханное. Картофель у школы родится сам 20 и более, сеются сорта его совершенно новые для этой местности: «Белый слон», «Император», «Белая роза», «Мучной шар», «Торжество Блисса». Три года тому назад куплено было всего по 10 фунтов каждого сорта, а в нынешнем году посеяно картофеля уже 25 четвертей[28]. С настоящей осени картофель будет, по удешевлённой цене, продаваться местным крестьянам для разведения этих новых сортов в их хозяйствах. Рожь также расходится по рукам крестьян на семена, и это уже отразилось улучшением приплода и на их скудно удобряемых и обыкновенно очень плохо возделываемых полях.

При энергии, познаниях и тех материальных затратах, которые полагаются на это школьное поле, не подлежит сомнению, что оно вместе с огородом даст в будущем возможность стать школе на собственные ноги. Выручка от продажи хлеба и овощей будет покрывать расходы попечителя на содержание учеников и окупать стоимость рабочих рук. Таковы, конечно, и должны быть стремления непосредственных руководителей школы. И не вина

почтенного попечителя будет в том случае, если средства, даруемые им этой школе, не принесут тех плодов, на которые он вправе рассчитывать в настоящее время.

В заключение остаётся сказать несколько слов о том впечатлении, которое нам пришлось вынести *с экзамена, производившегося здесь минувшей весной.* Это было в Троицын день, 5 июня. Это испытание началось, собственно говоря, ещё в церкви за продолжительной и торжественной службой. Ученики прежние и настоящие пели всю обедню, доказав тем, что преподавание этого искусства находится в Талицкой школе в руках человека опытного и ревностно относящегося к своим обязанностям. Это пение было стройное, хорошо выдержанное, свидетельствовавшее о выучке, о школе. Хорошо было здесь и то, что ученики училища выставляются в церкви впереди, близко к алтарю, к клиросам, к священнодействию. С разрешения епархиального архиерея, ученики, присутствующие в алтаре, *носят* в этом храме во время богослужения *парчёвые стихари*[29], нарочно сшитые по мерке их роста. Это, если не ошибаемся, один из редких примеров в церковной практике Владимирской губернии, и этого нельзя не приветствовать как форму, придающую благолепие богослужению, и как поощрительную меру, которая в руках законоучителя может быть хорошим орудием для насаждения в детях как правил доброй нравственности, так и познаний в Законе Божием и обрядах православной церкви.

По окончании обедни ученики, их родители, церковный староста и местный церковный причт собрались в училище. Туда же прибыли попечитель школы и несколько семейств посторонних посетителей, приехавших, по случаю праздника, на богомолье в этот погост. Экзамен был публичный, но он производился самим попечителем и производился со всей серьёзностью, без всякой мысли видеть и предъявлять только лучшую, показную сторону дела. Спрашивались им в одинаковой степени и худшие, и средние, и лучшие ученики. Вопросы и задачи предназначались по чтению и объяснению русской и славянской грамоты, по Закону Божию, по арифметике, читались

наизусть стихотворения, давались ответы по элементарным правилам огородничества, садоводства и полеводства. Характер ответов в наибольшем количестве говорил, что для учеников минувший год прошёл с большою пользой; очевидно, они много работали, и усилия, положенные на них, не пропали даром.

На экзамене *по пению* дети, под руководством учителя, прекрасно исполнили несколько пьес из литургии, всенощного бдения и несколько молебственных песнопений. Затем следовало исполнение: «Боже, Царя храни»[30], «Славься Ты, славься, наш Русский Царь»[31], и целый ряд песен: «Ах ты, воля», «Ясно утро», «Ехав казак за Дунай», «Тивна дився журавель», «Как у наших у ворот», «Вдоль да по речке», «Смерть Сусанина»[32], «Ай ходыла дивчина бережком». Экзамен закончился упражнением учеников в приёмах *военной гимнастики*. Эти полезные занятия производятся на плацу перед зданием школы.

Случайно попав в родные мне места в этот заключительный день школьных работ и в течение многих лет не имевши сведений о ходе народного образования в здешнем крае, я считал себя счастливым присутствовать на этом *торжестве доброго дела*, внушённого единственно *любовью к ближнему*, любовью к «малым сим». Обстоятельства не позволяли мне оставаться в этом замечательном училище дольше. Вынужденный выехать из этих мест в тот же день, я оставил здание школы в такой момент, когда ученики, по окончании военных упражнений, снова составили хор и

Мост через р. Вергузу

продолжали своё пение.

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может высказать язык,
Велик Он в небесах на троне,
В былинках на земле велик.
Велик Господь, велик и славен
Во дни, в нощи сияньем равен...[33]

– стройно пели детские голоса – и долго звенели в ушах моих и этот величавый мотив, и эти слова, полные торжественной гармонии.

Таруса, Калужской губ.,
20 августа 1894[34].

Примечания.

[1] В «Ведомости о церкви» за 1838 г. указано: «Причта положено по штату издавна: священников три, диаконов два, дьячков три и пономарей три же» (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 24. Л. 54). «На содержание священно- и церковнослужителей постоянного оклада не имеется, содержание их посредственно» (То же. Л. 54 об.).

[2] Погост Митрофановский, Благовещенская церковь, освящена в 1849 г. Приход – деревни: Беркино, Зыбиха, Кулиги, Куликово, Оголиха, Чуприно. В 1854 г. – 183 дома, 1206 (550 м., 656 ж.) прихожан. (*Иереи 2003:* 155).

[3] «<...> в 1838 году причт убавлен: священник, диакон, дьячок и пономарь» (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 24. Л. 93).

[4] «Ведомость о церкви» за 1856 г.: «Причта налицо – священник, диакон, два дьячка и два пономаря, но по проекту нормальных штатов и по Указу Духовной Консистории положено быть священнику и двум причётникам, а прочим предстоит просить, кто из них пожелает на другие места» (То же. Л. 160 об.). Перемещаться на другие места никто не пожелал.

[5] Введенский Матвей Андреевич (1804*—1871), пономарский сын. Окончил низшее отд. ВДС, 21 ноября 1823 г. определён дьячком в Николаевскую церковь. «1825 г. января 25-го дня <...> посвящён в стихарь». (То же. Л. 59 об.). Двоеженец. Вторая жена – Акулина Алексеевна (1805*—?). В 1857 г. их дочь Наталья 20-ти лет «поступила в замужество за дьячка в с. Лежнево» (То же. Л. 167 об.). 17-летняя Евпраксия жила с родителями. В последний раз Матвей Введенский расписался в «метрической книге» 1862 г., в части третьей, под итоговой

записью за август месяц (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 44. Л. 74).

1862-й год был отмечен небывалым в истории Николаевской церкви множеством перемещений. В дьячки был переведён 49-летний пономарь Иван Павлович Богословский. Появился новый пономарь Фёдор Казанский (брат дьякона Ивана Абрамовича Казанского). Выбыл дьякон Иван Иванович Добровольский. Место его занял молодой энергичный Фёдор Никольский (в 1880-е гг. он стал псаломщиком-дьяконом). Вопреки указу консистории, о. Владимиру по-прежнему прислуживали два дьячка и два пономаря. «Патриарху» — дьячку Павлу Петровичу Миртову пошёл 74-й год.

Возможно, оставшись за штатом, Матвей Андреевич развернул более интенсивно просветительскую деятельность. Значение её невозможно переоценить. 94 % населения России было неграмотным. Один из тургеневских героев писал:

«Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном Отчизна, Русь святая»
(*Тургенев И.* Новь. Гл. 30).

Судя по автографам в метрических книгах, «каллиграфом» он, вопреки утверждению Ивана Владимировича, не был. «Хороший каллиграф» в Николаевской церкви был один – сам настоятель. Скончался Матвей Андреевич 27 сент. (9 окт.) 1871 г. (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 46. Л. 273 об.—274). Исповедал и приобщил его о. Владимир, погребли – он же, дьякон Фёдор Никольский и преемник – дьячок Иван Богословский (продержавшийся в штате до 1890 г.). Указанный в последней записи возраст Матвея Андреевича – 65 лет, судя по записям 1830—1840-х гг., отличается от действительного на 2—3 года. Прогрессивное «омоложение» священно- и церковнослужителей за годы службы было обычным явлением – большинство из них стремились как можно дольше удержаться в штате.

После отмены крепостного права стали приниматься меры по «удовлетворению потребностей населения в начальном образовании». Положение о начальных училищах от 14 июля 1864 г. преобразовывало приходские школы в начальные народные училища. В 1872 г. все уездные училища были преобразованы в городские училища с 6-летним обучением. Однако одновременно насаждались и школы синодального ведомства: к началу XX века число ЦПШ (с 3-летним обучением) возросло по отношению к 1860-м годам более чем вдвое (*Ерошкин Н.П. и др.* История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. С. 290—291). Талицкое земское начальное народное училище, с двумя преподавателями: законоучителем (о. Владимиром) и учительницей, открылось в январе 1868 г. В сентябре 1879 г. было закрыто (Ф. 646. Оп. 1. Д. 49. Л. 2 об.). Вновь открылось в 1884 г. Преподаватели: законоучитель и два учителя. Попечитель – иваново-вознесенский купец Фёдор Николаевич Зубков. В 1890 г. в нём обучалось 50 мальчиков и 2 девочки. В 1894 г. – около 80

учащихся.

[7] Барановы – купеческий род, положивший начало текстильному производству в Александровском у., Владимирской губ. (Товарищество мануфактур Барановых). Баранов Асаф Иванович (1834–1906) – один из трёх братьев-компаньонов.

[8] Д. Беляницы – см.: «Памятная книжка Владимирской губернии». Владимир, 1895. С. 518.

[9] Соколов Павел Александрович (1849*–?), иваново-вознесенский купец, староста Николаевской церкви в 1893–1901 гг. Получил Благословление Синода «за украшение талицкого храма». В 1896 г. награждён серебряной медалью за устройство женской ЦПШ (1895 г.) в здании б. богадельни в Талицком приходе (ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 53. Л. 34 об.).

[10] Иваново-Вознесенское реальное училище открыто 5 сент. 1873 г.

[11] Училище для детей мастеровых и рабочих открыто в 1868 г.

[12] Открыто в 1873 г.

[13] Открыта в 1863 г.

[14] Открыто в 1868 г.

[15] Открыта в 1885 г.

[16] Открыто в 1870 г.

[17] В 1878 г. открылась Иваново-Вознесенская женская прогимназия, в 1881 г. преобразованная в гимназию.

[18] Открыто в 1860 г.

[19] Открыто в 1869 г.

[20] Открыто в 1886 г.

[21] Иваново-Вознесенское низшее механико-техническое училище открылось 1 сентября 1894 г. Первый выпуск (10 человек) состоялся в 1899 г.

[22] Город Иваново-Вознесенск родился 21 июля (2 авг.) 1871 г. В этот день высочайше утверждено подготовленное Комитетом министров положение «об обращении села Иванова и Вознесенского посада в безуездный город». Однако развитие молодого города 15 лет сдерживала шереметевская удавка. Хотя крепостное право было отменено ещё в 1861 г., большая часть земли бывшего с. Иваново находилась в собственности у Шереметевых, одних из крупнейших крепостников России, имевших десятки тысяч крепостных. Известный писатель, владимирский губернатор (1811–1812), князь И.М. Долгоруков в главе мемуаров, посвящённой одному из хозяев села Иваново Н.П. Шереметеву, писал: «Род и племя его напоминают мне такие плачевные события, которые всегда меня выводят из спокойного положения <...> отец его [П.Б. Шереметев. – *О.П.*] лишил мать отца моего, а его сестру родную [Н.Б. Долгорукую. – *О.П.*] всякого достояния законного, отняв у дома нашего до 4 000 душ» (*Долгоруков И. М.* Капище моего сердца, или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. Изд. 2-е. М., 1890. С. 387–388). С.Д. Шереметев посвятил этой страничке

истории своего рода особое исследование.

Немногим из крепостных доводилось хоть раз в жизни видеть хозяев. В дневнике одного из Шереметевых зафиксирована единственная за 45 лет поездка во Владимирскую губернию: 1866 г. июль. «23-го поехали в Суздаль по железной дороге (т.е. через Владимир. – *О.П.*). В 11 час. 24-го были у обедни у молебна Св. Ефимии. 25-го в соборе и двух девичьих монастырях. 27-го был у обедни, у молебна, а до обедни был наш молебен. В тот же день выехали из Суздаля и приехали в Кусково (подмосковную усадьбу. – *О.П.*) в 7 час. утра» (Календарные заметки графа Дмитрия Николаевича Шереметева. 1842—1887. М., 1904. С. 131). В истории вотчинного села Шереметевых, Васильевского, известен единственный случай отпуска на волю. В 1803 г. граф Николай Петрович, по случаю рождения наследника Дмитрия, отпустил на вечную волю крестьянина Максима Беринова с женою Афанасьей Ивановной и малолетними сыновьями Иваном и Василием (См.: Васильевское – это село было, есть и будет. Ред.-сост. И.И. Читнёв, Г.К. Марова. Шуя, 2003, С. 32). «Ко времени реформы 19 февраля 1861 г. в селе Иванове выкупилось всего 50 семей; средняя выкупная цена была очень высокая – до 20 000 руб. на семью» (*Брокгауз-Ефрон 40 (79)*: 2). Верными семейным традициям оставались и наследник, доживший до 1871 г., и его наследник, несмотря на то, что в 1879 г. городское общество, «полное живейшей благодарности к сыну, графу Сергею Дмитриевичу, <...> определило предложить его сиятельству звание Почётного гражданина г. Иваново-Вознесенска». (Знаете ли вы? // Ивановский архив. 1996. № 1. С. 11). Лишь в «1886 г. дума приняла решение выкупить город у сиятельнейшего вельможи за 300 тыс. рублей, из них 100 тыс. сразу, а остальные – в течение 10 лет» (*Брулетова Л.* К вопросу о городском самоуправлении <...> // Там же. С. 14). «С.Д. Шереметев, имея в конце XIX в. 151 тыс. десятин земли в 26 имениях, расположенных в 22 губерниях, получал огромные доходы от ценных бумаг и домов в столицах. Общий годовой доход его достигал в начале XX в. суммы в 1 млн. рублей» (*Лаверычев В.Я.* «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил России конца XIX – начала XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 45—46). Окончательно избавила Шереметевых от собственности в Иваново-Вознесенске и Шуйском уезде Октябрьская революция, оставив графский титул, в букете с княжеским, баронским и пр., героям подмостков.

[23] На средства З.А. Кокушкина была сооружена дамба через ручей Кокуй к Покровскому собору. На нынешней ул. Крутицкой.

[24] Школа колористов при Иваново-Вознесенском реальном училище открылась 5 августа 1896 г. Являлась низшим техническим учебным заведением и готовила кадры для текстильных фабрик (колористов, гравёров, художников).

[25] Училище не было открыто – за ненадобностью, не построена и церковь.

[26] Гарелин Яков Петрович (1820—1890), фабрикант, общественный

деятель, краевед. Отец его, Пётр Мефодьевич, происходил из крепостных с. Иваново. Став «капиталистым» крестьянином, хозяином фабрики, записался в купцы, в 1828 г. получил вольную. Семью свою «вёл в таком же порядке и с теми же свычаями и обычаями», что и в других крестьянских семьях. Сыну, предназначавшемуся к родовому делу, не позволялось «никоим образом баловаться», даже – ходить в школу. Родитель считал, что «при капитале, да при фабричном деле», вполне достаточным будет, если он «поучится хотя бы немного у какой-нибудь мастерицы Настасьюшки и главное – навыкнет писать, <...> в фабричном деле более ничего и не требуется, да ещё умел бы разбирать, что иногда напишут там разные приятели о деле <...>». Сызмала приставленный к фабрике он отдавал ей всего себя. «Смышлёный, от природы очень не глупый» Яков выписывал книги, журналы, во всём искал новых путей. Наладив дело так, что «слава ситцевой мануфактуры Гарелиных сделалась известна не только в России, но и за границей» и чувствуя, что «он и помимо фабрики может сделать многое полезное для своих сельчан», Яков Петрович «сдал её в аренду» (*Смирнов 1917:* 46–47) и более 40 лет занимался общественной деятельностью. «Нет ни одного общественного предприятия, в котором бы он не участвовал» (Некролог // ВГВ. 1891. № 6). Он был одним из горячих сторонников идеи образования г. Иваново-Вознесенска и активным проводником её в жизнь. В затянувшейся «борьбе графа с крестьянами» (*Смирнов 1917:* 48) он последовательно отстаивал интересы крестьян, искал справедливые пути разрешения конфликта. После образования города в 1877–1886 гг. служил городским главой. Начиная с 1850-х гг. он регулярно печатал краеведческие материалы в «Вестнике Императорского русского географического общества», во «Владимирских губернских ведомостях» и др. изданиях. Часть их легла в основу его книги «Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад» (Шуя, 1884–1885), ставшую «одним из фундаментальных трудов местного краеведения» (*Шлычков Л.* «Время всех расставит по местам...» // Ивановская газета. 1994. 22 июля).

Человек неистощимой жизнедеятельности, Я.П. Гарелин не мог примириться со стремительным приближением старости. В печати того времени широко рекламировался метод омоложения организма, «открытый» доктором Броун-Секаром. Побывав на Всемирной выставке в Париже, Яков Петрович запасся там эликсиром молодости. После операции, проведённой в домашних условиях, здоровье его стало катастрофически ухудшаться. Смерть известного каждому ивановцу человека своей неожиданностью вызвала множество толков. Почти всё наследство Яков Петрович завещал городу. Наследственная комиссия, внимательно рассмотрев завещание, внесла в него коррективы. Краевед И.И. Власов, изучавший жизнь Я.П. Гарелина, заметил: «Интересно, что церквей он, кажется, не строил. Был поумнее, чем его двоюродный братец Сергей Никонович». Невыполненный пункт завещания (см. п. 25) он, видимо, относил к купеческой традиции.

[27] Один из учителей – Зуйков Кирилл Михайлович окончил курс Новинской учительской семинарии.

[28] Четверть – старинная (до введения метрической системы мер) русская мера сыпучих тел равная 8 четверикам (1 четверик – 26,239 л) или 210 л.

[29] Вероятно, этот очерк дал основания для легенды о том, что в стихари были облачены не только ученики, прислуживавшие в алтаре, но и участники хора. Таким образом-де было отмечено их выступление на Нижегородской ярмарке в присутствии императора Николая II. Но Николай II побывал на ярмарке 17—20 июля 1896 г. – через полтора года после публикации очерка.

[30] Государственный гимн Российской империи с 1833 г. Музыка А.Ф. Львова, слова В.А. Жуковского.

[31] Правильно: «Славься, славься, наш Русский Царь!». Финальный хор из оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя», текст Г.Ф. Розена, В.А. Жуковского и К.Ф. Рылеева. Слова хора «Славься...» Г.Ф. Розена. Первое исполнение – 1836 г.

[32] Речитатив и ария Сусанина из оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя», текст К.Ф. Рылеева.

[33] Гимн. Музыка Д.С. Бортнянского, слова М.М. Хераскова.

[34] Русское обозрение. Т. 30. М., 1894. С. 759—775.

П. 10—15, 22, 24 сообщ. А.М. Тихомировым.

* Даты установлены по косвенным источникам.

И.В. Цветаев

Письмо Д.Г. Бурылину. Автобиография[1]

9 февраля 1913 г.

Милостивый Государь
Дмитрий Геннадиевич.

Исполняя Ваше любезное желание иметь мою фотографию и некоторые автобиографические сведения, посылаю Вам и то и другое. Приношу Вам сердечнейшую признательность за Ваше доброе внимание к одному из уроженцев общего нам дорогого края. Примите посылаемую книжку[2] для Вашего Музея.

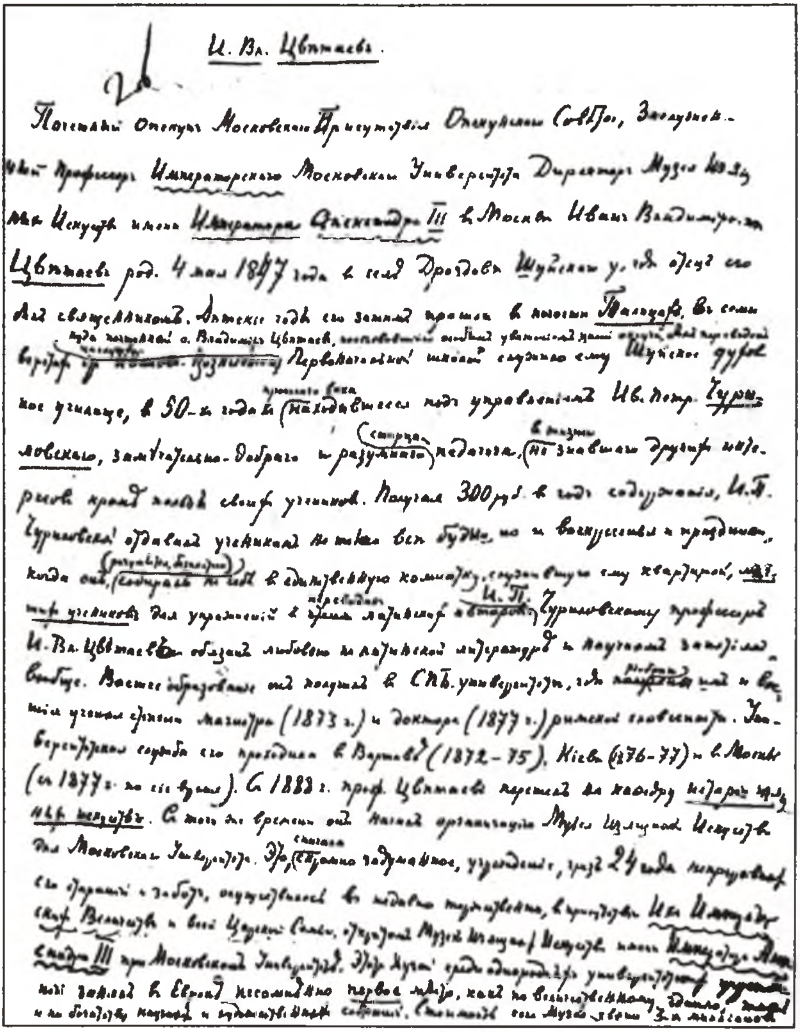
Преданный Вам
Профессор Иван Цветаев.

P.S. Усерднейше прошу не исключать написанного мною об отце моём Владимире Васильевиче Цветаеве и о моём учителе И.П. Чуриловском: это были, во истину, редкостные, исключительные люди, каждый в своей жизненной доле.

Его Высокоблагородию
Д.Г. Бурылину (Иваново-Вознесенск)[3].

И.Вл. Цветаев

Почётный Опекун Московского Присутствия Опекунского Совета, заслуженный профессор *Императорского* Московского Университета, Директор Музея Изящных Искусств имени *Императора Александра III* в Москве Иван Владимирович **Цветаев** род. 4 мая 1847 года в селе Дроздове Шуйского у., где отец его был священником. Детские годы его затем прошли в погосте **Талицах**, в семи верстах от Иваново-Вознесенска, куда почтенный о. Владимир Цветаев, пользовавшийся особым уважением целой округи, был переведён на службу. Первоначальной школой служило ему Шуйское духовное училище, в 50-х го-



И. Вл. Цвѣтаевъ.

Почетный Опекунъ Московскаго Присутствія Опекунскаго Совѣта, Заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета, Директоръ Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ Иванъ Владимировичъ Цвѣтаевъ род. 4 мая 1847 года въ селѣ Дроздовѣ Шуйскаго у., гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Дѣтскіе годы его [illegible] прошли въ [illegible] Талицахъ. Въ семи верстахъ [illegible] Первоначальной школой служило ему Шуйское духовное училище, въ 50-хъ годахъ находившееся подъ управленіемъ Ив. Петр. Чуриловскаго, замѣчательно-добраго и разумнаго педагога, не знавшаго другихъ интересовъ кромѣ пользы своихъ учениковъ. Получая 300 руб. въ годъ содержанія, И. П. Чуриловскій отдавалъ ученикамъ не только всѣ будни, но и воскресенья и праздники, когда онъ собиралъ [illegible] въ единственную комнату, служившую ему квартирой, [illegible] учениковъ для упражненій въ [illegible] латинскаго [illegible]. И. П. Чуриловскому профессоръ И. Вл. Цвѣтаевъ обязанъ любовью къ латинской литературѣ и научнымъ занятіямъ вообще. Высшее образованіе онъ получилъ въ СПб. университетѣ, гдѣ [illegible] имъ и высшія ученыя степени магистра (1873 г.) и доктора (1877 г.) римской словесности. Университетская служба его проходила въ Варшавѣ (1872–75), Кіевѣ (1876–77) и въ Москвѣ (съ 1877 г. по сіе время). Съ 1888 г. проф. Цвѣтаевъ перешелъ на каѳедру исторіи и теоріи искусствъ. Съ того же времени онъ началъ организацію Музея Изящныхъ Искусствъ для Московскаго Университета. Это [illegible] задуманное учрежденіе, чрезъ 24 года непрерывныхъ его трудовъ и заботъ, осуществилось въ недавно торжественно, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и всей Царской Семьи, открытомъ Музеѣ Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III при Московскомъ Университетѣ. Этотъ Музей среди однородныхъ университетскихъ [illegible] Западной Европѣ несомнѣнно первое мѣсто, какъ по величественному зданію, такъ и по богатству научныхъ и художественныхъ собраній. Стоимость всего Музея [illegible] 3-хъ милліоновъ

И.В. Цветаев. Автобиография

дах прошлого века находившееся под управлением Ив. Петр. **Чуриловского**, замечательно-доброго и разумного старца-педагога, в жизни не знавшего других интересов, кроме пользы своих учеников. Получая 300 руб. в год содержания, И.П. Чуриловский отдавал ученикам не только все будни, но и воскресенья и праздники, когда он (разумеется, бесплатно) собирал к себе в единственную комнатку, служившую ему квартирой, **лучших учеников** для упражнений в переводах латинских авторов[5]. И.П. Чуриловскому профессор И. Вл. Цветаев обязан любовью к латинской литературе и научным занятиям вообще. Высшее образование он получил в СПБ университете, где приобретены им и высшие учёные степени магистра (1873 г.) и доктора (1877 г.) римской словесности. Университетская служба его проходила в Варшаве (1872—75), Киеве (1876—77) и в Москве (с 1877 г. и по сие время). С 1888 г. проф. Цветаев перешёл на кафедру **истории изящных искусств**. С того же времени он начал организацию Музея Изящных Искусств для Московского Университета. Это, сначала скромно задуманное, учреждение, через 24 года непрерывных его стараний и забот, осуществилось в недавно торжественно, в присутствии *Их Императорских Величеств* и всей *Царской Семьи*, открытом Музее Изящных Искусств имени *Императора Александра III* при Московском Университете. Этот музей среди однородных университетских учреждений занял в Европе несомненно **первое** место, как по величественному зданию, так и по богатству научных и художественных собраний. Стоимость сего Музея свыше 3-х миллионов рублей, не считая площади земли, мерою в 2701 кв. саж., данной под это учреждение в дар городом Москвою. Этот Музей создан, за исключением 200 000 руб., полученных из казны, на частные средства, снесённые членами Комитета Музея, жителями Москвы, Петербурга, Рыбинска, Воронежа и Нижнего Новгорода.

Образцами для сего Музея служили музеи столиц всех стран Западной Европы, которые профессор Цветаев изу-

И.В. Цветаев
Фото, присланное Д.Г. Бурылину[4]

чал во время своих частых и продолжительных, не раз длившихся целыми годами, путешествий по Италии, Греции, Египту, Франции, Англии и Германии.

Научная деятельность профессора Цветаева сосредоточивалась сначала, главным образом, на изучении **древне-италийских наречий**; письменные памятники их он издал в 5 книгах с латинским текстом в Лейпциге, Петербурге и в Москве (1879—86). С 1888 г. его научные интересы перешли на **историю древнего искусства**, как это доказывается его трёхтомным изданием «Атлас Античного Ваяния» (Москва, 1891—1894 гг.). Последние годы все его труды сосредоточены на организации разнообразных коллекций нового Музея и на установлении службы этого учреждения потребностям студентов Университета, слушательниц Моск. Высш. Курсов и публики, исключительно усердно собирающейся в Музее каждый день. Что новый Московский Музей Искусств отвечает назревшей общественной потребности, говорит о том цифра 115 000 посетителей, бывших в Музее в первые 7 месяцев его существования.

Во внимание к сему Музею, *Его Императорскому Величеству* благоугодно было, ко дню открытия Музея (31 мая 1912 г.) пожаловать Тайного Советника профессора Цветаева исключительною наградой – званием Почётного Опекуна Московского Присутствия Опекунского Совета[6].

Примечания.

[1] Земляки внимательно следили за деятельностью И.В. Цветаева по созданию музея. Д.Г. Бурылин, задумываясь о судьбе своего собрания редкостей и древностей, в завещании от 18 мая 1899 г. сделал распоряжение наследникам: «Если вы, мои любезные дети, не пожелаете и сочтёте непосильным бременем сохранять мои собрания, передайте <их> в Москву в новостроящийся музей имени императора Александра III в собственность оного и полное распоряжение» (*Соснина 2001:* 15–16). Но Дмитрию Геннадьевичу суждено было дожить до открытия Музея изящных искусств. Пример же И.В. Цветаева вдохновил его на создание «Музея промышленности и искусства, редкостей и древностей Д.Г. Бурылина» в Иваново-Вознесенске, который открылся вслед за цветаевским, в 1914 году. Другой мечтой его было издание иллюстрированной истории города. Желая получить для неё портрет Цветаева с автобиографией, Бурылин 19 января 1913 г. обратился к нему с письмом:

«Ваше превосходительство Иван Владимирович!

Имея в виду издаваемую "Историю города Иваново-Вознесенска" иллюстрировать портретами некоторых общественных деятелей и желая поместить в ней ваш портрет, покорнейше прошу, ваше превосходительство, вашего на это разрешения и, в случае вашего согласия, прошу выслать вашу фотографическую карточку с приложением краткой биографии» (Там же. С. 16). Иван Владимирович отозвался на просьбу без промедлений.

[2] В каталоге Д.Г. Бурылина (2007 г.) книг И.В. Цветаева нет. Сообщение Н.А. Кублановской.

[3] ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 1.

[4] ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 2.

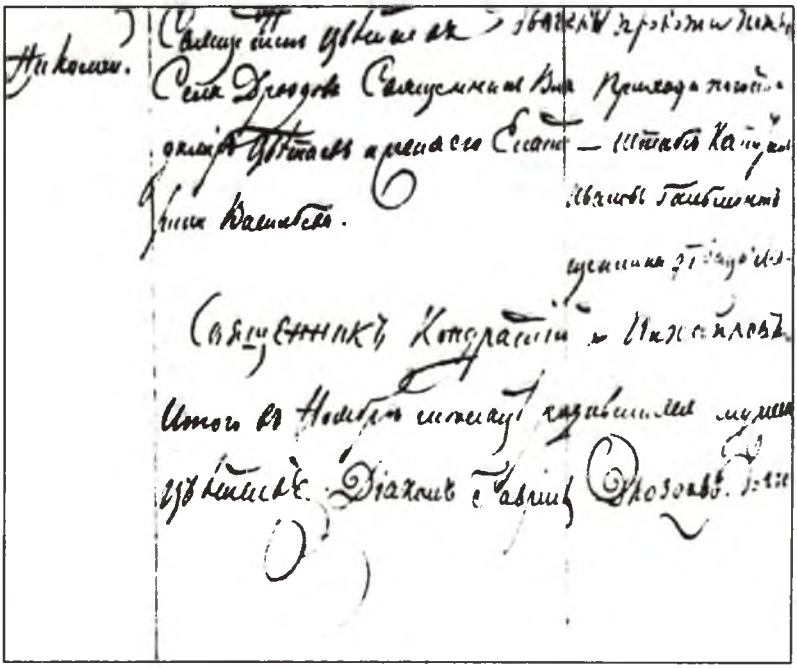
[5] В 1850–1860 гг. в средних учебных заведениях России (духовных и светских) резко упал уровень преподавания древних языков. «Почти из всех гимназий был изгнан греческий язык», резко сокращены часы – латинского, изучали его лишь ученики, собиравшиеся получить университетское образование. Причиной падения были революционные события 1848 г. в Европе. «Предполагалось, что изучение писателей республиканской древности могло дурно повлиять на благонадёжность учеников» (*Брокгауз-Ефрон: 8 (16)*: 701). Очередная реформа среднего образования (1871), предпринятая новым министром просвещения Д.А. Толстым, снова возвращала классические языки в учебные программы. «Ещё *шесть лет* латыни, – заверил министр, – и вы увидите, как угомонится наша молодёжь» (Письмо А.И. Герцена Н.П. Огарёву от 17 окт. 1869 г. // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1956. С. 532).

[6] ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 2 об., 3.

Записи в метрических книгах Воскресенской церкви с. Дроздово

1843 г. Часть первая, о родившихся.

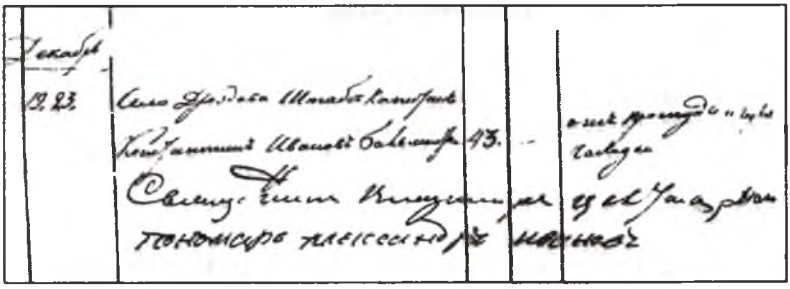
№ 32. Ноябрь рождён 28, крещён 30. «Николай». Родители: Села Дроздова священник Владимир Цветаев и жена его Екатерина Васильева. Восприемники: «Прихода погоста Иоакиманского штабс-капитан Константин Иванов Бальмонт и сестра священника девица Мария Васильева». Таинство крещения совершал Шуйской Крестовоздвиженской церкви заштатный «священник Кондратий Михайлов с диаконом Дроздовым и дьячком Петровым»[1].



Фрагмент записи в метрической книге о рождении Николая Цветаева

1844 г. Часть третья, об умерших.

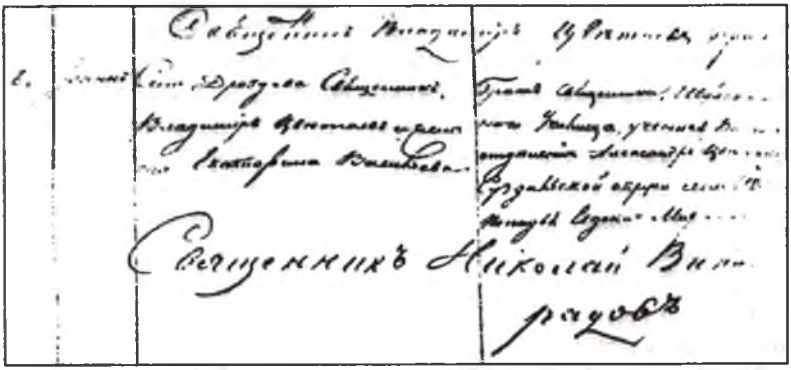
№ 30. «Декабрь. <Умер> 19. <Погребён> 23. Села Дроздова штабс-капитан Константин Иванов Бальмонт. 43 <года>». Умер «от простуды и горловой чахотки». Исповедовал и приобщал «священник Владимир Цветаев. Погребение совершали: священник Владимир Цветаев, диакон Гавриил Дроздов – сын и пономарь Александр Иванов» – погребён «при церкви»[2].



Фрагмент записи о. Владимира в метрической книге о смерти К.И. Бальмонта

1847 г. Часть первая, о родившихся.

№ 17. Рождён «4». Крещён «8». «Иоанн». Родители: «Села Дроздова священник Владимир Цветаев и жена его



Фрагмент записи в метрической книге о рождении И.В. Цветаева

Екатерина Васильева». Восприемники: «Брат священника, Шуйского Уездного Училища, ученик Высшего отделения Александр Цветаев и Суздальской округи села Стебачёва Попадья Евдокия Михайлова». Таинство крещения совершал села Китова «Священник Николай Виноградов с диаконом Гавриилом Дроздовым, дьячком Прокопием Петровым и пономарём Александром Ивановым»[3].

Примечания.

[1] ГАИО. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 203 об–204.
[2] ГАИО. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 191 об–192.
[3] ГАИО. Ф. 389. Оп. 1. Д. 7. Л. 98 об–99.

Вклады Цветаевых в ризницу Николаевской церкви

Кресты наперсные.

«1. 1900 года месяца Декабря 25 дня Инспектором 2-й женской гимназии Московской Статским Советником Феодором Владимировичем Цветаевым пожертвован наперсно-серебряный крест 84-й пробы»[1].

Облачения Священнические.

«13. 1900[2] года пожертвованы риза, епитрахиль, набедренник, пояс и поручи жёлтой парчи серебряной и шёлковый подризник жёлтого цвета на поминовение Фёдора бывшего инспектора 2-й женской Московской гимназии.

14. 1902 года месяца Марта 16-го дня пожертвованы риза, епитрахиль, набедренник и поручи серебряной парчи с цветами из жёлтого шёлка на поминовение о умершем иерее Петре бывшем настоятеле Николаевского, погоста Талиц, храма.

15. К ним шёлковый подризник кремового цвета»[3].

«16. Риза, епитрахиль, пояс, поручи золотого глазета о упокоении Марии Цветаевой жены Профессора Московского Университета Ивана Владимировича Цветаева, редко-

крестчатая, от 1 Авг. 1906 г.

17. Стихарь с поручами и орарем от того же профессора и таковой же материи, от 1-го Авг. 1906-го года»[4].

«23. Риза, епитрахиль, набедренник, поручи, пояс 23-го Дек. 1913-го года, в память по умершем профессоре Моск. Университета Иване Владимировиче Цветаеве – сыне здесь некогда священствовавшего о. Владимира Цветаева.

Стихарь, орарь, поручи, в память по том же профессоре Цветаеве, одинаковой с ризой материи, пожертвованные одновременно»[5].

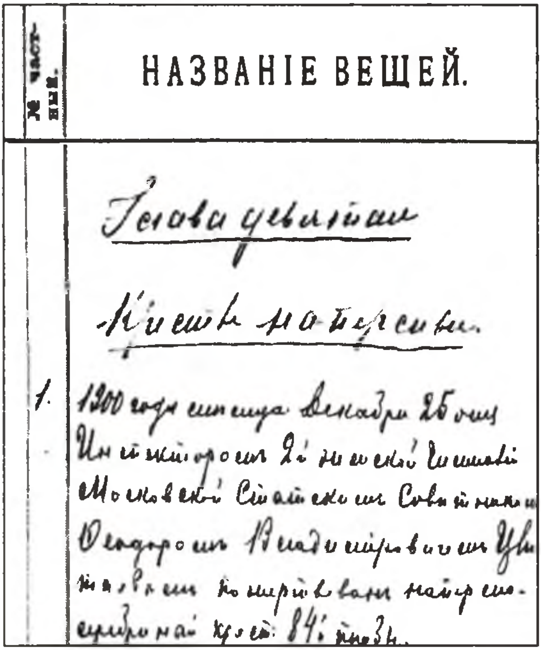
Облачения Диаконские и стихари причетнические.

«10. 1900 г.[6] пожертвован стихарь, орарь и поручи жёлтой парчи серебряной на поминовение Фёдора, бывшего инспектора 2-й женской Московской гимназии.

11. 1902-го года месяца Марта 16-го дня пожертвованы: стихарь, орарь и поручи серебряной парчи с шелковыми цветами жёлтого цвета на поминовение о умершем Иерее Петре, бывшем настоятеле Николаевского, погоста Талиц храма»[7].

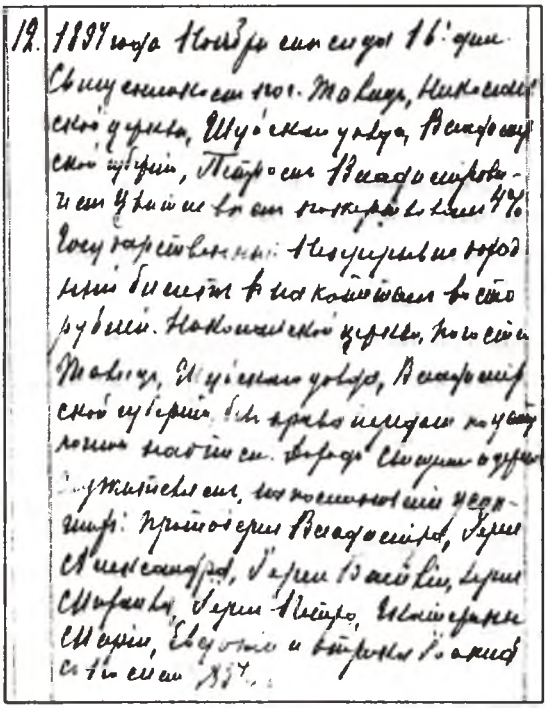
Капиталы.

«12. 1894 года Ноября месяца 16 дня. Священником



№ част-ния	НАЗВАНІЕ ВЕЩЕЙ.
	Глава двадцатая
	Крест наперсный.
1.	1900 года месяца Декабря 25 дня Инспектором 2й женской гимназии Московской Статским Советником Феодором Владимировичем Цветаевым пожертвован наперсный серебряный крест 84й пробы...

Запись в книге «Ведомость о церкви» о вкладе Ф.В. Цветаева



Запись в книге «Ведомость о церкви» о вкладе П.В. Цветаева

пог. Талиц, Николаевской церкви, Шуйского уезда, Владимирской губернии, Петром Владимировичем Цветаевым пожертвован 4 % Государственный непрерывно доходный билет на капитал в сто рублей. Николаевской церкви, погоста Талиц, Шуйского уезда, Владимирской губернии, без права передачи по уступочной надписи. Доход священно- и церковнослужителям, на поминовение усопших: протоиерея Владимира, иерея Александра, иерея Василия, иерея Михаила, иерея Петра, Екатерины, Марии, Евдокии и отрока Иоанна с 1-го мая 1897 года»[8].

Примечания.

[1] ГАИО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 54. Л. 36. Автограф Ф.В. Цветаева (?)
[2] Должно быть: 1901 г.
[3] То же. Л. 40 об.
[4] То же. Л. 41.
[5] То же.
[6] Должно быть: 1901 г.
[7] То же. Л. 42.

[8] Запись сделана рукой дьякона В.Г. Розанова. В связи с поминальным завещанием о. Петра уместно вспомнить сенсацию 1988 г. – обретение в церкви Иоанна Богослова с. Стебачёво металлической поминальной доски с именами 40 предков Цветаевых. Среди них – шесть священнослужителей. См.: *Лебедева 1998:* 10. Доска эта вызывает много вопросов и не даёт ответов. Каков её возраст? В храме села Стебачёво служил единственный иерей из рода Цветаевых – отец Василий (см.: *Ставровский 2001:* 29). Поэтому доска могла появиться или при нём (1820–1853*), или после него, но не ранее. Если при отце Василии, то почему он не упомянул в списке своего деда – Иосифа? Позже, на рубеже XIX–XX веков, поминовение могли заказать лишь Пётр, Фёдор, Иван или Дмитрий Владимировичи Цветаевы, – тогда список на доске должен быть идентичным текстам завещаний Петра и Ивана Владимировичей: с именами протоиерея Владимира и иерея Александра, отсутствующими на ней. В XIX веке род сельских священников Цветаевых дал четверых священнослужителей. Других они не знали.

Документально установлено, что родоначальниками Цветаевых были дьячки (пономари) села Матрёнино Покровского уезда. Из всего этого следует, что или в тексте стебачёвской доски речь идёт о каких-то других Цветаевых, или доска является не чем иным, как одним из апокрифических изделий, какие во множестве появлялись в год тысячелетия Крещения Руси.

В перечне упомянуты отец, дядя, дед, прадед по бабке (о. Михаил), прадед по деду (был пономарём, о чём о. Петру было неизвестно), мать, свояченица, бабка и сын о. Петра.

Условие

Я гр. с. Ново-Талицы А.П. Смирнов покупая дом с надворными постройками у Николая Андреевича Киселёва, деньги занимал в сумме 1600 руб. у Александры Васильевны Смирновой.

Не имея возможности до сего времени отдать занятые мной деньги, я А.П. Смирнов дом передаю в вечное пользование со всеми надворными постройками Александре Васильевне Смирновой.

В чём и подписуюсь

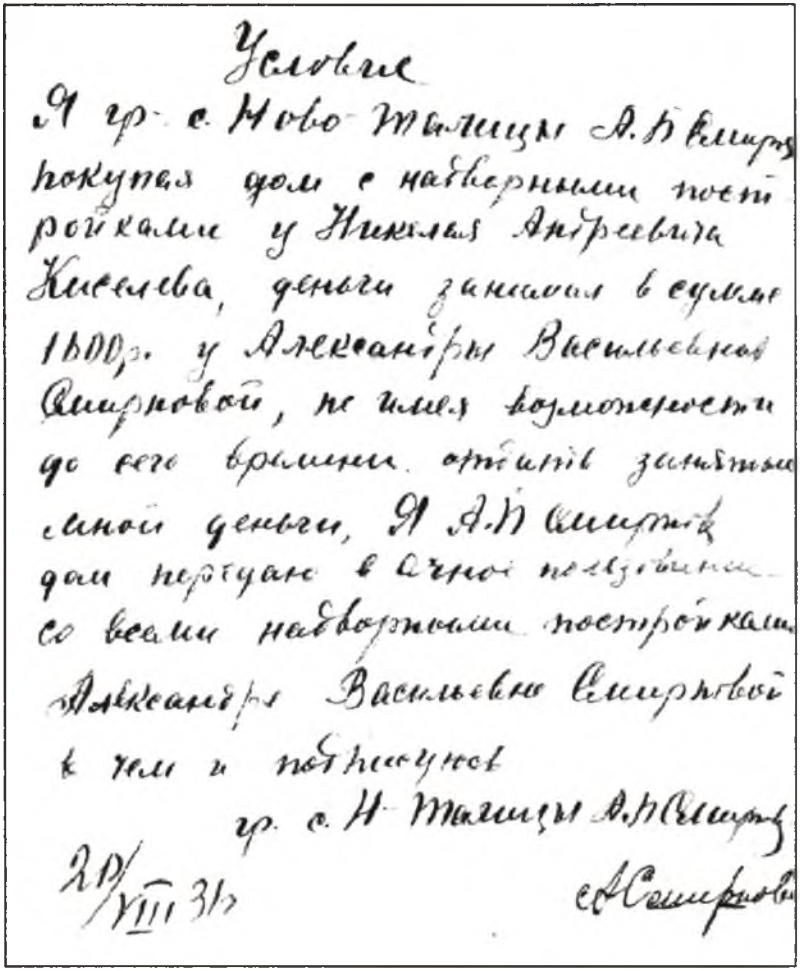
Гр. с. Ново-Талицы А.П. Смирнов

28/VIII 31 г. А. Смирнова

Настоящая сделка, условие зарегистрирована в Н-Талицком с/совете от 20/VIII 31 года за № 4.

20/VIII 31./ Пред. с/совета Г. Воронин

Заверено печатью Н.-Талицкого сельсовета[1].



Условие

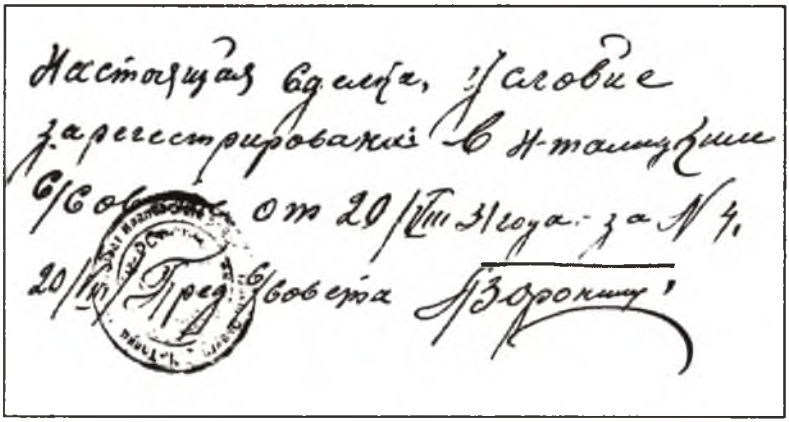
Я гр. с. Ново-Талицы А.П. Смирнов покупал дом с надворными постройками у Николая Андреевича Киселева, деньги занимал в сумме 1500 р. у Александры Васильевны Смирновой, не имея возможности до его времени отдать занятые свои деньги, я А.П. Смирнов дом передаю в вечное пользование со всеми надворными постройками Александре Васильевне Смирновой к чему и подписуюсь

гр. с. Н. Талицы А.П. Смирнов

29/VIII 31 г. с. Смирнова

Примечание

[1] Подлинник документа на листе плотной бумаги, с фрагментом студенческого конспекта лекции по физиологии на обороте хранится в собрании Г.К. Кочетковой.



А.П. Лонго[1]

Письмо Г.К. Кочетковой

7 декабря 1988 г.

Уважаемая Галина Константиновна!

Получила Ваше письмо от 5 сентября с огромным опозданием. Дело в том, что письмо (не понятно почему) было отправлено в Университет города Мессины (в Сицилии) и только потом дошло до Болоньи.

Я очень рада, что мы познакомились (хоть, пока, только посредством писем), т.к. нас соединяет любовь к Цветаевым.

Я начала читать стихи Марины Ивановны уже давно и сейчас не только читаю её произведения, но и работаю над ними (с т<очки> зр<ения>: переводы, эссе, лингвистические исследования и т.д.). Нашла сведения об Иване Владимировиче почти случайно. Впоследствии я много о нём думала и может быть, что <за>хочется <о нём> написать.

Ваша работа очень ценная и важная и я желаю Вам мно-

го успехов.

В Иванове не я жила во время войны, а мой муж[2]. С ним я была только в 1958 г., но несколько дней (в Детском доме).

Может быть, что мне удастся ещё раз побывать в Иванове: сейчас у меня там две подруги – милая и очень мне дорогая Нина Викторовна[3] и Вы.

Желаю Вам всего самого доброго, светлого и хорошего нового года.

С уважением

Айза Пессина Лонго.

Мой домашний адрес: Haisa Pessina Longo
Via Osoppo № 3
40139 Bologna Italia[4].

Примечания.

Летом 1988 г. А.П. Лонго прислала в Ново-Талицы подготовленную ею к 900-летию Болонского ун-та книгу на итальянском языке: *Pessina Longo H.* Lettere da Bologna. Le celebrazioni per 1'VIII centenario dell' universita di Bologna viste da Ivan Cvetaev. Bologna, 1988 (*Пессина Лонго.* Письма из Болоньи) – сборник итальянских очерков И.В. Цветаева и воспоминаний М.И. Цветаевой об отце, с инскриптом: «В дом-музей И.В. Цветаева. Болонья, 24/6/88 г. Айза Пессина Лонго». Завязалась переписка. В архиве Г.К. Кочетковой – присланные из Италии юбилейные проспекты г. Болоньи и Болонского ун-та, целлулоидная новогодняя открытка с надписью: «С новым годом дорогая Галина Константиновна. Bologna. 23.12.89».

[1] Лонго Айза Пессина, славистка, профессор Болонского ун-та, исследовательница жизни и творчества И.В. и М.И. Цветаевых.

[2] Лонго Джузеппе (р. 1929), физик-ядерщик, сын известного политического и государственного деятеля Италии (одного из руководителей партизанского движения в 1943–1945 гг., депутата парламента с 1964 г., Ген. Секретаря коммунистической партии Италии) Луиджи Лонго. Воспитывался в Ивановском интердоме им. Е.Д. Стасовой (1941–1948), окончил МГУ. Профессор Болонского ун-та. Приезжал в Иваново на встречи интердомовцев в 1958, 1983, 2003 гг. (Сообщ. С.И. Кузнецовой).

[3] Ревякина Нина Викторовна, историк, профессор ИвГУ.

[4] Печатается по автографу. Архив Г.К. Кочетковой.

А.И. Цветаева

Письмо городу Иванову

Городу Иванову
от Цветаевой Анастасии Ивановны

Благодарю город Иваново за всё, что сделано и ещё будет сделано в память моего отца, профессора Ивана Владимировича Цветаева.

1. Благодарю за наименование улицы в Ново-Талицах[1] в честь Ивана Цветаева[2].

2. За мемориальную доску на доме моего деда В.В. Цветаева[3].

<3.> За помощь Галине Константиновне Кочетковой в сохранении мемориального дома Цветаевых.

<4.> Благодарю за организацию встреч и лекций общества книголюбов города и за приглашение на встречу с ивановцами сотрудника Музея из<образительных> искусств А.А. Демскую и исследователя жизни моего отца Ю.М. Каган.

5. Благодарю школу, основанную моим отцом[4], и библиотеку Ново-Талиц за организацию школьного музея учёного И.В. Цветаева, отца моего, родившегося и выросшего на вашей земле.

К сожалению, по здоровью и возрасту (мне идёт 90-й год) не могу повторить своей поездки к вам, осуществлённой 4 года назад, с музейскими работниками.

Ещё раз благодарю и желаю успеха всем добрым начинаниям вашего города.

11.V.84
Член Союза писателей СССР
Анастасия Цветаева[5].

Галине Константиновне Кочетковой

От всего сердца благодарю Вас за сохранение дома

Цветаевых, за все заботы об увековечении и памяти моего отца проф. И.В. Цветаева. Благодарю и детей Ваших Льва и Римму за помощь Вам в этом деле. Шлю Вам добрые пожелания здоровья и бодрости и успеха в Вашем благородном и полезном для молодёжи деле!

11.V.84, Переделкино

Член Союза писателей СССР
Анастасия Цветаева[6].

Примечания.

[1] В автографах А.И. Цветаевой название «Ново-Талицы» всегда пишется как «Новоталицы».

[2] См. с. 193.

[3] Доска была установлена в 1987 г. См. с. 194.

[4] Об открытии Талицкого земского училища см. с. 236.

[5] *Лебедева 1998:* 190.

[6] Прислано вместе с письмом городу Иваново. Печатается по автографу. Архив Г.К. Кочетковой.

А.И. Цветаева

Приветствия Цветаевским чтениям в с. Ново-Талицы

Вторым

К собравшимся 20 мая 1989 года
в Ново-Талицах в память моего отца
Ивана Владимировича Цветаева.

Приветствую собравшихся на Цветаевское чтение и сожалею, что не могу быть с вами.

Благодарю вас, дорогие товарищи, за то, что не забываете моего отца.

Увы, я – единственный член семьи нашей, младшая его дочь, достигшая глубокой старости. Её не достигал ни мой отец, ни дедушка, ни мой прадед священник отец Василий

Цветаев, все они рано уходили с земного поприща, я – как бы за них доживаю недожитые ими земные годы. И, сколько я могу – по моим 94 годам и болезням, отнимающим силу, я стараюсь воплотить то, что я помню, то, что мной прожито. Я нигде не бываю – ни в театрах, ни в кино, ни на выставках, ни на концертах, я одолеваю день и сколько могу урвать от житейских забот, пишу. Скоро в журнале «Москва», а затем отдельной книгой в издательстве «Современник» выйдет мой роман, под латинским названием «Amor», счастливо, чудом сохранившийся целое полстолетие. Это – мой дар потомству, мой дар и мой долг, продолжение моих «Воспоминаний». А всех вас да хранит Бог за вашу добрую память о моём отце.

Анастасия Цветаева[1]

Третьим

20 мая 1990 г.
Третьему Цветаевскому
чтению в Ново-Талицах.

Сожалея, что не могу по состоянию здоровья и возрасту (96-ой год) присутствовать, шлю всё своё сердечное внимание вашей встрече, друзья, и желаю вам и всем высказываниям вашим – успеха, силы выразить те чувства, что вы испытываете.

Шлю всю родовую цветаевскую энергию для продолжения дела памяти вашей – и всю мою душевную благодарность за верность вашей любви, за старанье увековечить эту память всему роду нашему, начиная даже не с отца моего, Ивана Владимировича Цветаева, профессора, учёного и создателя Московского Музея изящных искусств на Волхонке, а с деда и прадеда моего, священников, чьи некрологи[2] говорят о доблести и скромности их жизни.

Благодарю и за посмертную славу творчества сестры моей, Марины. И всем участникам Третьего Цветаевского чтения шлю добрые пожелания и сердечный привет!

Анастасия Цветаева, 95-ти лет[3].

Четвёртым

Цветаевскому чтению в доме
моего деда, отца Владимира
Васильевича Цветаева

Приветствую собравшихся, не имея возможности присутствовать, т.к. мне идёт 97-ой год и я болею. Но я отлично помню мой приезд в дом дедушки в мои 85 лет, с Александрой Андреевной Демской, архивариусом Музея изящных искусств моего отца, профессора Ивана Владимировича, и помощницей Демской Ритой. Нас встретила и обласкала Галина Константиновна Кочеткова. Мы удивились сохранности – чуть ли не полутора века дома, построенного дедушкой, радовались видеть уют скром[ной] обстановки дома, переночевали в нём и не забудем той красоты природы, которая открывается с задней стороны дома, стоящего над крутым откосом, внизу коего по долине извивается речка.

Видимо, был в душе художник дедушка, выбрав это место для постройки дома, где вы все, дорогие друзья, встретились.

Знаю, что нас пригласившая и принявшая хозяйка дома Галина Константиновна Кочеткова добилась постановки на доме мемориальной доски, за что я благодарю её – и всех вас, из разных мест съехавшихся.

Всем желаю здоровья – и да хранит всех вас Бог!

Анастасия Ивановна Цветаева.
8 мая 1991 г. Переделкино[4].

Пятым

Приветствую собравшихся в ивановских Талицах к празднованию 145-летия Мариниого и моего отца, профессора Ивана Владимировича Цветаева, и к 80-летию Музея изящных (ныне изобразительных) искусств на Волхонке, 12. И я выражаю надежду, что к этой дате будет,

Приветствую
всех собравшихся на чтения
о моем отце, профессоре
Иване Владимировиче
Цветаеве и желаю всем вам
здоровья и радости в труде
в семье, во всех дружеских
связях друг с другом
И будем надеяться на долгое
продолжение этих чтений,
к которым люди съезжаются
~~люди~~ из разных мест нашей
многострадальной родины
не в 1-й раз переживающей
смутное время.
Будем надеяться, что он пройдет
Храни всех вас Бог!

Анастасия Цветаева,
член Российского союза писателей на 99м году
28 апр. 1993 г.

Приветствие А.И. Цветаевой Шестым Цветаевским чтениям

наконец, переназван Музей, моим отцом созданный, из Музея Пушкина – в Музей Цветаева.

Благодарю всех собравшихся за их сердечное внимание и желаю им здоровья и долголетия.

<Май 1992 г.>

Анастасия Цветаева
(на 98-м году жизни)[5].

Шестым

Приветствую всех собравшихся на чтения о моём отце, профессоре Иване Владимировиче Цветаеве и желаю всем вам здоровья и радости в труде, в семье, во всех дружеских связях друг с другом.

И будем надеяться на долгое продолжение этих чтений, к которым люди съезжаются из разных мест нашей многострадальной родины, не в 1[й] раз переживающей смутное время.

Будем надеяться, что оно пройдёт.

Храни всех вас Бог!

Анастасия Цветаева,
на 99-м году,
член Российского Союза писателей.
28 апр<еля> 1993 г.[6]

Примечания.

[1] Печатается по автографу. Архив Г.К. Кочетковой. *Кочеткова 1993:* 124.

[2] Некролог прадеда – В.П. Цветаева не известен.

[3] *Кочеткова 1993:* 125.

[4] *Кочеткова 1993:* 125.

[5] *Лебедева 1998:* 131.

[6] *Кочеткова 1993*: 126.

Г.К. Кочеткова

Встречи с А.И. Цветаевой в Москве

Впервые я навестила Анастасию Ивановну в Москве осенью 1980 года. Жила она в доме № 8 по Большой Спасской улице, в однокомнатной квартире, полученной от Союза писателей. Переехала в неё из коммуналки. Небольшая комната была обставлена старинной мебелью, приобретённой у родни и знакомых. Анастасия Ивановна рассказала мне историю каждой вещи.

У стены стоял темно-коричневый рояль, на котором лежали книги и много писем. В углу – высокий узкий книжный шкаф такого же цвета. У окна за ширмой – тесный кабинетик. Посредине комнаты – круглый стол. К выступу стены у двери придвинуто низкое кресло. На стене фотографии и репродукции с портретов Пушкина, Достоевского, Марины Цветаевой, Пастернака, Есенина и других. Между выступом и противоположной стеной – шторка. За ней, в нише, обтянутый старым гобеленом диванчик. Это её спаленка. Впоследствии шторку заменила ширма с множеством иконок и крестов на внутренней стороне.

Встретились мы как старые знакомые. Вспоминали подробности её приезда в Талицы, она рассказывала о Марине и её семье, о семье брата Андрея, о дяде Мите и, конечно, о своей семье. Многое мне было уже известно из её книги, но в живом рассказе глубже раскрывался мир Цветаевых. Беседовали мы долго, часа три.

На прощание Анастасия Ивановна перекрестила меня, сказав: «Спаси вас Бог». Просила не забывать.

Следующая наша встреча состоялась через год. Анастасия Ивановна только что вернулась из Эстонии и на следующий день уезжала в Коктебель, в Дом творчества. Встретила она меня радушно.

Я передала ей весь найденный мною архивный материал о талицкой родне и копию некрологической статьи

из Владимирских епархиальных ведомостей о её деде о. Владимире[1]. Она подарила номера журнала «Москва»[2] со своими мемуарами, «Огонёк» с письмами Марины[3], фотографию с сыном Андреем восьми лет и последнее своё фото. Все подарки – с надписями.

Нашу беседу прервал приход целой компании её друзей. Они заполнили квартиру. Меня попросили рассказать о Талицах. Посыпались вопросы, а потом – советы написать о доме Цветаевых. При расставании я пообещала Анастасии Ивановне, что постараюсь выполнить эту просьбу.

В начале 1983 года мы навестили Анастасию Ивановну вдвоём с Надеждой Ивановной Катаевой. К тому времени одна из инициатив общества друзей нашего музея воплотилась в жизнь – в мае 1982 года, к 70-летию ГМИИ, в Талицах появилась улица имени И.В. Цветаева. Мы вместе порадовались этому событию.

Я рассказала о новой инициативе общества. На одном из собраний мы приняли предложение ходатайствовать о присвоении Музею изобразительных искусств имени его основателя. Протокол собрания отправили администрации ГМИИ им. А.С. Пушкина. Анастасия Ивановна сказала, что это стало бы полной реабилитацией семьи Цветаевых.

От Анастасии Ивановны мы узнали, что открылась выставка работ её правнучки, юной художницы Оли Мещёрской[4]. Она попросила меня сходить на эту выставку и поделиться впечатлениями.

На выставке экспонировались работы Оли 5—6-летнего возраста. Они, на мой взгляд, говорили о небездарности юной художницы. Об этом я и сказала Анастасии Ивановне по телефону. Она ответила: «Я скоро уйду. Это растёт моя смена». Я попросила Анастасию Ивановну подарить фотографию её с Олей, увиденную на выставке. Впоследствии она передала это фото через Н.И. Катаеву, с надписью[5].

В 1983 году вышло 3-е издание её «Воспоминаний»,

и она подарила их мне[6] и школьному музею[7]. Потом мы долго не встречались. Но я писала ей, сообщала, как трудно продвигаются дела с организацией музея. Порою получала от неё книгу[8] или журнал[9], переданные с оказией, или краткое письмецо[10]. Она старалась помочь, чем могла, прислала два письма в горком партии. Бывая в Москве, я всегда звонила Анастасии Ивановне. Она приглашала к себе. Но я не решалась утруждать её хлопотами, отрывать от литературной работы, да и беседовать с ней из-за всё ухудшающегося слуха было уже трудно.

Анастасия Ивановна Цветаева с правнучкой Олей Мещёрской. Фото И. Пальмина

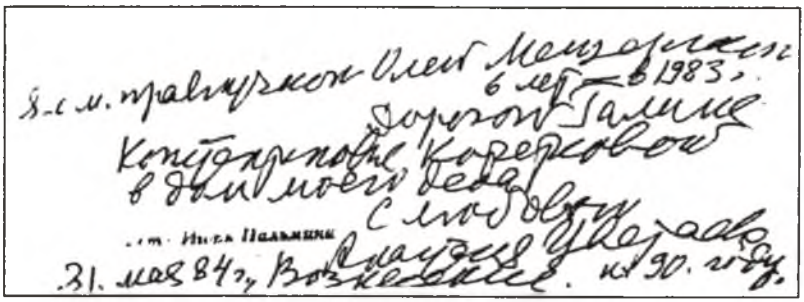
В последний раз я побывала у Анастасии Ивановны 26 марта 1989 года. Привезла для опознания две появившиеся незадолго до того фотографии. Было утро. Как всегда, мы обнялись. По дороге я купила букет незнакомых красивых цветов. Оказалось, что Анастасия Ивановна разводила такие в Сибири.

Я не видела Анастасию Ивановну свыше пяти лет, и в глаза бросалось, как она изменилась. Стала меньше, медлительнее, поразила её шея – тонкая, с резко выступавшими склерозированными, пульсирующими артериями, узловатыми венами, слабыми мышцами. Она с трудом поворачивала голову. Пожаловалась, что ухудшается зрение, пропадает слух, беспокоит кожный зуд, шейный остеохондроз. От вида её у меня сжалось сердце. Но голос был по-прежнему молодым, речь – правильная, старая память – прекрасная, ослабла ближняя. Мозг работал чётко, но быстро уставал и разговор прерывался дремотой.

Мы сидели на кухне. Анастасия Ивановна к чаю достала из шкафа конфеты, печенье, торт. Сказала, что продукты и лекарства ей приносит сын. Себе разогрела на маленькой сковородке гречневую кашу и медленно поела. Кофе с молоком ставила на огонь несколько раз, так как отвлекалась разговорами о сыне, внучках, о хозяйстве, лекарствах. Потом долго говорила с кем-то по телефону. Я, тем временем, перемыла накопившуюся в мойке посуду, почистила плиту.

Когда перешли в комнату, я достала фотографии. На одной она сразу узнала свою троюродную сестру Люду Добротворскую, мужчина был, вероятно, её мужем, другие две женщины были не знакомы. Фотографию, представленную мне как семейный портрет о. Петра[11], рассматривала долго. Дядю Петра она видела раз в жизни шести-семилетней девочкой, когда он приезжал в Москву. Запомнила только длинные седые волосы и бороду. Сказала, что священник похож на дядю Петю. Остальные лица были ей не известны. Потом стала рассказывать о Добротворских. Людмила, как и отец, была врачом. Проработала в Тарусе двадцать лет. Была репрессирована.

Накануне я отметила день своего рождения. Анастасия Ивановна поздравила меня и подарила книги: свою – «Моя Сибирь»[12], книгу Ю.М. Каган об И.В. Цветаеве[13], а также два экземпляра альманаха «Поэзия»[14]. В альманахе – её стихи, среди них:



Дарственная надпись А.И. Цветаевой на обороте фотографии с правнучкой Олей Мещёрской

Мне 80 лет

Мне 80 лет. Ещё легка походка.
Ещё упруг мой шаг по ступеням,
Но что-то уж во мне внимает кротко
Предчувствиям и предсказаньям, снам.

Мне 80 лет? Сие понять легко ли?
Когда ещё взбегаю по холму
И никогда ещё сердечной сильной боли
Ни головной – но сердцу моему

Уж ведомо предвестие томления,
Тоска веселья, трезвость на пиру,
Молчания прикосновение
К замедлившему, на строке, перу.

Лето 1974 г. Коктебель[15].

Общаясь с Анастасией Ивановной, я почувствовала на себе, что она чужую боль и беду воспринимала, как свою. Узнав, что у меня не совсем хорошо с сердцем после инфаркта, она заявила: «Я вас завтра же познакомлю со своим замечательным врачом-терапевтом. Сегодня позвоню ему, а завтра утром жду». К сожалению, на следующий день я уезжала. В другой раз, когда я приехала на обследование в клинике Фёдорова, она рекомендовала обратиться к двум окулистам, у которых сама лечилась.

В последний раз мы виделись на панихиде в день 50-летия со дня смерти Марины Цветаевой. Анастасия Ивановна появилась в сопровождении Н.И. Катаевой и своего секретаря С.А. Айдиняна, поддерживавших её под руки. Мы обменялись словами приветствия. Выражение лица у Анастасии Ивановны было по-прежнему приятное, доброжелательное. На панихиде она сидела на низкой скамейке и когда начинала дремать, спутники подхватывали выпадавшую из её руки свечку. После панихиды состоялся митинг по случаю открытия Дома Марины Цветаевой. Анастасия Ивановна спокойным ровным голосом

сказала короткую речь о сестре и удалилась.

Разговаривать с Анастасией Ивановной по телефону было гораздо легче, чем непосредственно – она лучше слышала и могла говорить долго. Однажды сообщила, что внучка Рита вышла замуж за американца и уехала в Америку, вместе с Олей. Ей уже 16 лет, к живописи охладела. Переходный возраст у всех у них был трудным.

В 1992 году в Талицах был восстановлен церковный приход и открыта служба в сохранившейся Варваринской церкви. Перед регистрацией общины в Ивановской епархии, я обратилась к Анастасии Ивановне с просьбой дать своё согласие на зачисление в члены общины – цветаевский род давними узами связан с талицким погостом. В согласии[16] она просила помянуть своих родных и называла их имена.

В том же году я получила от неё ещё одну открытку. Читала, с трудом разбирая написанное: «Спасибо, дорогой друг. Судьба наши семьи связала через дедушкин дом. Сожалею, что беспомощна, устаю. Отдыхаю только за писательской работой. Припасла для дедушкиного музея и для Вас две книжки – о животных[17] и о чудесах[18], напишите с кем передать, т.к. по почте часто пропадает. Еду в Переделкино, но скучаю по Эстонии, куда ездила 25 лет, но теперь туда дор га дорог , и жизнь дороже, чем в Москве.

Храни Вас Бог. Обнимаю. Жду ответа. Ваша всегда

1992. А. Цветаева»[19].

Последней весточкой от неё было послание нашим Цветаевским чтениям.

По печати я следила за её жизнью и была поражена, что у неё нашлись ещё силы для поездки в Голландию[20]. Воистину она была неистощима.

Анастасия Ивановна не купалась в лучах славы отца и сестры, а была бесконечно благодарна всем за память о них. Но и сама она была человеком, память о котором осталась жить в сердцах потомков.

Обещание, данное Анастасии Ивановне, я выполнила – написала книгу о «дедушкином доме».

1994 г.

Примечания.

[1] См. с. 287.

[2] *Цветаева А.* Воспоминания // Москва. 1981. № 3 (С. 116—160), 4 (С. 117—160), 5 (С. 112—159). Инскрипты на титульных листах: «Дорогой Галине Константиновне Кочетковой – начало м<оего> 2-го тома "Воспоминаний" – для дальнейшей передачи в Цветаевский Музей в Новоталицах, на родине моего отца И.В. Цветаева. Анастасия Цветаева 13.IX.81» (№ 3); «Продолжение моего 2-го тома "Воспоминаний" о нашей юности с Мариной. Для передачи в Цветаевский Музей в Новоталицах на родине м<оего> отца И.В. Цветаева. Анастасия Цветаева 13.IX.81» (№ 4); «Окончание м<оего > 2-го тома "Воспоминаний" – тут о конце м<оей> сестры Марины. В Цветаевский Музей в Новоталицах на родине м<оего> отца И.В. Цветаева. Анастасия Цветаева 13.IX.81» (№ 5). Собр. Г.К. Кочетковой.

[3] «Чувство требует силы...» Из писем Марины Цветаевой. Вступит. ст., подгот. текста и публ. А. Саакянц // Огонёк. № 33, авг., 1981. С. 20—21. Инскрипты: «Не рвать – тут о Марине 20—21 стр.» (Обложка. С. 1); «В будущий Цветаевский музей в Новоталицах. А. Цветаева. 1981» (С. 20). ЛМИвГУ –2199/3.

[4] Мещёрская Ольга Ростиславовна (р. 1976) начала рисовать в 3 года. Занималась в детской изостудии при Центральном доме архитекторов под руководством Г.А. Рождественской (*Кушнерев С.* Как небо в капельке росы, отражается в детских рисунках история мирового искусства // Комсомольская правда. 29 сент. 1982). Выставка О. Мещёрской в ГМИИ (10—16 января 1983 г.) была приурочена к 70-летию ГМИИ и 90-летию со дня рождения М. Цветаевой. На ней было представлено 50 работ (сообщ. Г.Я. Никитиной и Г.К. Васильевым).

[5] «Я с м<оей> правнучкой Олей Мещёрской 6 лет в 1983 г. Дорогой Галине Константиновне Кочетковой в дом моего деда. С любовью Анастасия Цветаева на 90 году. 21 мая 84 г. Вознесенье». Собр. Г.К. Кочетковой.

[6] *Цветаева А.* Воспоминания. Изд. 3-е доп. М., 1983. Инскрипт: «Дорогой Галине Константиновне Кочетковой, семью которой судьба спаяла с нашей семьёй, историю нашего рода, на добрую память! С добрыми пожеланиями от Анастасии Цветаевой. 18.XI.83».

[7] См. с. 191, 203.

[8] Цветаева Марина. Стихотворения. Казань: Тат. кн. изд-во, 1983.

Инскрипт: «Дорогой Галине Константиновне Кочетковой на добрую память о моей сестре Марине с добрыми пожеланиями к 1984 году! Анастасия Цветаева 25.XII.83, 1 день западного Рождества Москва». Собр. Г.К. Кочетковой.

[9] *Цветаева А.* Воспоминания: Маруся Волошина. Мариэтта Шагинян (Три её облика) Посвящаю дочери её, Мирели Яковлевне Шагинян // Даугава. 1984. № 9. С. 122—125. Инскрипт на титуле: «Дорогой Галине

Константиновне Кочетковой на добрую память о 2-х умерших старушках – о Марии Степановне Волошиной и о Мариэтте Сергеевне Шагинян от 3-ей старушки, на 91 году жизни Анастасии Цветаевой. В память нашей встречи в дедушкином доме у Вас в гостях. 30 X 84, Москва». Собр. Г.К. Кочетковой.

[10] Галине Константиновне Кочетковой.

От всего сердца благодарю Вас за сохранение дома Цветаевых, за все заботы об увековечивании памяти моего отца проф. И.В. Цветаева. Благодарю и детей Ваших Льва и Римму за помощь Вам в этом деле. Шлю Вам добрые пожелания здоровья и бодрости и успеха в Вашем благородном и полезном для молодёжи деле.

Член Союза писателей СССР Анастасия Цветаева

11.V.84 Переделкино

Собр. Г.К. Кочетковой.

[11] Фото воспроизведено в кн.: *Кочеткова 1993:*

[12] *Цветаева А.* Моя Сибирь. М., 1988. Инскрипт на титуле: «В Талицкий Мемориальный Музей имени Ивана Владимировича Цветаева, основателя Музея Изящных Искусств в Москве на Волхонке – Три мои повести. Анастасия Цветаева на 95 году. 26 III 89». Собр. Г.К. Кочетковой.

[13] *Каган 1987.* Инскрипт на листе, приклеенном на 2 стр. обложки: «В Талицкий Мемориальный Музей имени Ивана Владимировича Цветаева – превосходно-написанную книгу о моём отце, профессоре И.В. Цветаеве, основателе Музея Изящных Искусств в Москве на Волхонке, открытого 31 мая 1912 года. Младшая его дочь Анастасия Цветаева на 95 году. 26 III 89». Собр. Г.К. Кочетковой.

[14] *Цветаева А.* О моих стихах... Муха. Дама пик. Мне 80 лет // Поэзия: Альманах. Вып. 51. М., 1988. С. 106–107. Инскрипт на титуле: «Дорогой Галине Константиновне Кочетковой ко дню рождения три моих стихотворения 50 лет назад, с предисловием. См. стр. 106–167 С пожеланием здоровья и радости и долголетия! Анастасия Цветаева на 95 году. 26 III 89». Собр. Г.К. Кочетковой. То же. Инскрипт на титуле: «В Талицкий Мемориальный Музей имени Ивана Владимировича Цветаева – 3 давние мои стихотворения (стр. 106–107) с предисловием. Анастасия Цветаева на 95 году. 26 III 89». Собр. Г.К. Кочетковой.

[15] Поэзия: Альманах. Вып. 51. М.,1988. С. 107.

[16] Ксерокопия согласия хранится в Музее Ново-Талицкой средней школы.

[17] *Цветаева А.* Непостижимые. Предисл. С. Айдиняна. М., 1992. 174 с.

[18] *Цветаева А.* О чудесах и чудесном. Предисл. С. Айдиняна. М., 1991. 53 с.

[19] Собр. Г.К. Кочетковой.

[20] В Голландию А.И. Цветаева летала по приглашению устроителей книжной ярмарки женщин-писательниц и провела там две недели с 26 июня по 10 июля 1992 года. В выступлении наизусть продекламировала

первую часть поэмы «Близнецы», посвящённой Дж. Конраду. Посетила музеи Рембрандта и Ван-Гога. (*Цветаева А.* Моя Голландия // Юность. 1993. № 9.)

В 1995 году появился 1-й том собрания инскриптов А.И. Цветаевой «От щедрого сердца», составленный её друзьями Г.Я. Никитиной и Г.К. Васильевым. В настоящее время они работают над 6-м томом. Собрание включает свыше 2500 дарственных надписей, более чем 250 адресатам (с автобиографическими и биографическими справками). Среди адресатов – гимназические подруги А.И. Цветаевой Аня Калин и Галя Дьяконова, писатели Максим Горький, Вячеслав Иванов, Павел Антокольский, Белла Ахмадулина и др. Есть в собрании инскрипты и Г.К. Кочетковой.

«От щедрого сердца» (т. 1–3 – машинописные, последующие – компьютерный набор) существует в 5 экземплярах: 1) Музей Марины Цветаевой (Москва); 2) Музей сестёр Цветаевых (Феодосия); 3) Музей пяти поэтов (А. Ахматовой, Н. Гумилёва, О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Цветаевой) Ю. Зислина (Вашингтон); 4) Собр. О.А. Трухачёвой; 5) Собр. Г.Я. Никитиной и Г.К. Васильева.

Г.К. Кочеткова

Воспоминания о встрече с художником А.И. Морозовым[1]

В конце 1980-х годов, узнав от директора Ивановского художественного музея Л.В. Воловенской, что наш земляк – московский художник А.И. Морозов – был близко знаком с В.И. Цветаевой, я тут же поехала в Москву.

Художник жил на Верхней Сыромятнической улице[2], в доме № 2, квартире 274. На мой звонок, не спрашивая: «Кто там?», дверь открыл пожилой мужчина и с улыбкой пригласил войти. Я представилась. Александр Иванович извинился за то, что комнаты у него заставлены, и пригласил на кухню. Но и там громоздилось что-то придвинутое вплотную к стенам и аккуратно прикрытое серой материей. Оставлен был лишь проход к плите. Возле неё стояла корзина с чисто вымытыми стеклянными банками и молочными бутылками. Мы сели за столик в углу, при входе. От чая я отказалась и предложила своё угощение:

апельсины и яблоки.

Александр Иванович стал расспрашивать о Талицах, о доме Цветаевых, о моём музее. С уважением отзывался об И.В. Цветаеве, собрание живописи Музея изобразительных искусств ему было хорошо известно.

Затем он вкратце рассказал о себе. Родился в деревне Вотола, за Михалёвом[3]. Семи лет переехал с семьёй в Иваново. Окончил рисовальную школу[4]. Работал копировщиком чертежей, учился в мастерских К.Н. Корыгина[5], но мечтал продолжить образование. В 1922 г. комсомольская организация направила его в Москву – на Рабфак искусств[6].

Лицо Александра Ивановича расцвело улыбкой. Ласковым говорком он сказал: «А теперь я вам расскажу о Валерии Ивановне Цветаевой».

Друзей среди рабфаковцев у Ивана вначале не было, и по вечерам он уходил из общежития и бродил по городу. Однажды, проходя по Мясницкой мимо рабфака, он увидел, что окна клуба освещены, и оттуда раздавалась музыка. Из любопытства он заглянул в клуб и оказался на занятии в танцевальной студии[7]. Юноша как заворожённый смотрел на девушек-танцовщиц и их красивую руководительницу. Это была студия пластики Валерии Цветаевой, арендовавшая клуб рабфака искусств. Руководительница подошла к юноше и спросила, кто он и что его привлекло к ним. Александр признался, что ему здесь всё настолько нравится, что не хочется уходить. Валерия Ивановна попросила его выполнить несколько упражнений на проверку гибкости и согласилась принять в группу.

В танцевальной студии он занимался несколько лет. Студийцы выступали в клубах, театрах, на эстрадных площадках. От воспоминаний взгляд его помолодел. Потом в глазах появилась грусть. Он любил духовную музыку и пел в церковном хоре. Художники и студийцы называли его за это «перерожденцем». Валерия Ивановна энергично заступалась и давала отповедь нападавшим на него, как он выразился, «недоумкам». Они же считали её «буржуйкой».

Валерия Ивановна с мужем (он по совместительству был аккомпаниатором в студии) приглашала Морозова к себе домой, представляла его друзьям как лучшего ученика. Но времена менялись. Искусство её из «революционного» превратилось в «непролетарское», и студию закрыли. Она уехала в Тарусу. Александр Иванович навещал её и там. Валерия Ивановна следила за его художественными достижениями. Дружба их продолжалась до последних дней её жизни[8].

Беседа наша подходила к концу. Вдруг Александр Иванович снова повеселел: «Да, чуть не забыл показать, что обо мне пишут». Он достал с полки и протянул мне газетную вырезку. Но я ещё не успела прочесть, как он выхватил листок из моих рук и прижал его к груди, сказав, что статья эта очень дорога ему. Я подумала, что, видимо, печать не баловала его вниманием.

Потом он познакомил со своим жилищем. В первой, небольшой, комнате что-то было «соскладировано» прямо посередине. Он приподнял край материи, похожей на брезент, и я увидела, что это – картины. Упрятанные от света и пыли они стояли по всей квартире. Стены же были голы. «Когда-нибудь всё это можно будет увидеть на выставке» – сказал он. Я видела его работы на выставке в Ивановском художественном музее[9]. Александру Ивановичу было приятно услышать об этом. Во второй комнате, помимо картин, в углу у окна стояла высокая тахта. Другой мебели в квартире я не заметила.

На лоджии, в открытую дверь, видно было целое сучковатое деревце, а также – низкий столик, палочки, полочки, баночки, чашечки и ещё какие-то предметы. Александр Иванович с простодушной улыбкой пояснил, что там живут его друзья – вороны и другие птицы. В тот час они куда-то улетели. Я знала о них по фильму, который демонстрировался в Ивановском краеведческом музее. «Да, – сказал он, – было такое дело, снимали фильм у меня».

Я спросила, есть ли у него люди, к кому можно обратить-

А.И. Морозов

ся, при нужде, за советом и помощью. «Да, да, – ответил Александр Иванович, – у меня есть прекрасный друг, известный скульптор Левицкая Галина. Я сейчас позвоню ей, и вы поговорите». Он сообщил Левицкой, что у него гостья из Иванова. Коротко рассказал, кто я и зачем приехала, и передал мне трубку. Я немного растерялась, но, услышав приятный, несколько торопливый голос, успокоилась. Галина Павловна сказала, что очень уважает Александра Ивановича, навещает его и дорожит их дружбой.

Простились мы как давние знакомые. Он просил передать привет родному городу, сказал, что собирается побывать в Иванове.

Встреча с Александром Ивановичем влила в меня такой заряд бодрости, что я улыбалась всю дорогу до Ярославского вокзала.

2002 г.

Примечания

[1] Морозов Александр Иванович (1902–1997), художник-живописец. Родился в многодетной крестьянской семье. Отец, рабочий гарелинской фабрики в Иваново-Вознесенске, умер, оставив сына сиротой. Воспитывался в приюте Гарелина. Окончил Высший художественно-технический институт в Москве. Народный художник России (1992). Работы свои завещал родному городу. 19 сентября 2001 г. в Иванове открылся Музей художника А.И. Морозова.

[2] До 1968 г. А.И. Морозов жил на ул. Верхняя Масловка.

[3] Деревня Вотола, ныне Ивановского района Дегтярёвской сельской

администрации. Село Михалёво, ныне Панеево, Ивановского района Дегтярёвской сельской администрации.

[4] Иваново-Вознесенская рисовальная школа барона Штиглица (1898—1918), филиал Центрального училища технического рисования барона Штиглица в Петербурге.

[5] Корыгин Константин Николаевич (1894—1953) руководил художественно-промышленными мастерскими, созданными на базе школы Штиглица. Морозов учился на вечернем отделении.

[6] Среднее учебное заведение, отделения литературное, театральное, художественное. Срок обучения – 4 года. Адрес: ул. Мясницкая, 21/8. См.: *Вся Москва 1930*: III: 185.

[7] Студия меняла название: с 1924 г. – Гос. студия «Искусство движения» (*Вся Москва 1925*: II: 506), с 1929 г. – Хореографические курсы искусства движения при Моспрофобре (*Вся Москва 1930:* III: 195). В учебную программу входили: ритмика, физкультура, акробатика, пластическая гимнастика, этюды танца и др.

[8] А.И. Морозов говорил искусствоведу В.И. Костину, что школа Цветаевой повлияла на формирование не только его «общих эстетических позиций», но и «на его живопись». (*Костин В.* А.И. Морозов. М., 1969. С. 15).

[9] Персональная выставка А.И. Морозова в Иванове состоялась в 1986 г.

Из переписки В.И. Цветаевой с А.И. Морозовым

1.

Шура, как обещала, я извещаю, что через 10 дней в четверг 22-го соберутся у меня кое-кто из наших прежних студийцев[1] и ждём тебя и что сможешь прихвати из своих работ, чем доставить нам живейшее удовольствие. С 7-ми часов вечера я дома и буду ждать. Освободи же для нас этот вечер. Был ли на выставке Бакшеева[2]? Он летом жил в Тарусе и писал около нашего дома на берегу Оки. Ну, пока! Ты так и не встречал Виноградова[3]?

На всякий случай мой телефон К 799-51.

14.01.1953 г.

В. Цветаева[4].

2.

Шура, говорят, что день, в который не посмеялся, этот день пропащий для жизни. Спасибо тебе за твои удивительные рассказы: юмор, движения – ты в этом просто художник.

Так вот: если ты не боишься трудностей транспорта: звони и бери раму ту ли, или другую – на выбор, мне они безразличны. Картины твои, работа твоя – вызывают просто чувство уважения. Будь счастлив и звони. К 799-51. Всегда тебе рада.

25.01.1953 г.

В. Цветаева[5].

3.

Здравствуй, Шура! Привет тебе из Тарусы. Не пора ли тебе рюкзак на спину и к нам сюда: 1 Дачная, 9? Время бежит: лес загустел светлой, жёлтой ещё зеленью. Сад дней через 8—10 будет убран могучим цветом вишни, яблонь. На фоне голубого неба это просто чудесно.

Келья для тебя готова во всякое время. Подушка ждёт твоей мудрёной головы, а одеяло, вплоть до бараньей полости, защитит при всякой погоде. Тебе с твоей философской закваской здешние места будут по душе. В доме у нас тихо, и я, и сторожа наши целый день возимся в саду. Иногда приезжает Сергей Иасонович, муж мой, ты его знаешь, вот и вся наша компания. Но рядом есть Дом отдыха, там кино, волейбол и прочие развлечения. Приезжай, Шура, я тебе рада, труд твой очень уважаю и уверена, что Таруса тебе понравится. Приезжай пораньше и работай хоть до самого снега. Если кота некуда девать, бери его с собою. Проезд до Тарусы всего 20 руб. Поезд с Курского вокзала на Серпухов, а там или на такси до Тарусы, или к 10 часам у пристани на Оке пароход на Тарусу.

11.05.1953 г.

В. Цветаева[6].

4.

Шурик, это кусочек открытки Сергея Иасоновича. Дни палящие. Зато в окно смотрит «золотая роза»-красавица, о которой зимой вспоминаю. Зверьё наше валяется кто где и целый бы день пили... Скоро на участке будет покос, а пока трава по пояс и вся в ромашках – готовые не букеты, а снопы цветочные. Очень медленно работаю (книжное), рисовать и не пробовала, но здоровье возвращается – уже месяц как я тут на воздухе. Скоро грохнет малина, а пока царюют первые ягоды земляники. Когда-нибудь черкни, как твоё здоровье? Что хорошего, что плохого в поле зрения? Числа 2-го едет сюда С.Иас. Был бы ты умный, позвонил бы К 799-51 часов в 10 вечера в ближайшие к 1-му дни (С.И. не каждый день дома, потому что поедет навестить брата[7] в Горький и сестру под Коломной, но всё же дозвониться, конечно, можно), и дней 5 хоть твои без тебя в такую жару поспят без ущерба, растения опоил бы до отъезда и, вместе с С.И., наконец добрался бы до Тарусы – ведь не пожалеешь! Ока и есть Ока, что ни толкуй – сама за себя говорит. И Форнарина[8] тебя похвалила бы.

Можешь ли в такую жаркую погоду работать? Ведь и передохнуть иногда только польза всему. Здесь Лена Замятина, едет Соня Вяжлинская, но Лёшу я почти не вижу. Из дома мало куда хожу. Рядом построились за нашим забором, у самой реки, очень милые люди, прежние наши знакомые (он драматич. артист и режиссёр, она работает на телевидении). Мы прорубили калитку в нашем заборе и видимся часто. Ну, до свидания, маэстро! Будь здоров, милый Шура, и разродись парой слов. Не набирай ещё зверья – они тебя в блокаде держат! Каждый день вечером гроза. Говорят, это Рыбинское море мудрит.

Много тебе доброго и привет.

1959 г. <конец июня>

В.Ц.[9]

5.

Здравствуйте, Валерия Ивановна и Сергей Иасонович!

Я много написал пейзажей за лето акварелью в размер стандартного листа. Вековые липовые аллеи с дорожками и могучими дубами, пруды, затянутые ряской. Всё это в парке Тимирязевской академии и недалеко от моего дома. Ряд пейзажей написано на территории «Стадион Динамо». Сентябрь месяц думаю поработать в самом городе.

Не знаю, как это получится.

Давно собирался вам написать, да всё как-то откладывалось, часто вспоминаю вас и вашу Тарусу. Валерия Ивановна, к моему несчастию у меня ещё одного кота задавило машиной. Сейчас тоскую, жалко, как быть, даже работа не идёт, и уже вот как неделю не работаю.

Почему-то всё стало неинтересно, да и нет желания работать.

Пишу письмо, а «Форнарина» в это время смотрит в зеркала на своё отражение и удивляется: дескать, что такое – то зайдёт за зеркало, посмотрит – и там ничего нет, то в само зеркало клюнет с раздражающим криком – ко, ко, ко. Она, видно, так привыкла ко мне, что всюду старается ходить за мной. Бывает, вечером собираешься уходить к товарищам, она начинает волноваться, кричать и летит прямо мне на плечи, чтобы я не уходил. Или выйду в свой сад[10], она тут же за мной. Один кот Васька сидит и скучает по своим товарищам. Ищет Туську и Мурика, смотрит на меня.

Так вот какие у меня, Валерия Ивановна, дела. Желаю вам здоровья и осенью хорошо поработать.

31.08.1959 г.

А. Морозов[11].

6.

Здравствуйте, мои друзья Валерия Ивановна и Сергей Иасонович.

Я уже давно должен был бы Вам ответить на Ваши любезные письма прошлого года. Они доставляли мне большое удовольствие. Если бы Вы знали, насколько я поглощён своей работой, может быть, мне простили бы мою неаккуратность.

Во-первых, я должен был оформить свои работы к предстоящей всесоюзной выставке...

У меня приняли пока предварительно семь работ, сегодня их у меня увозят из мастерской.

Во-вторых, готовлю свои пейзажи для закупки, так как здесь была создана специальная комиссия по приобретению работ не только музейного значения. Я дал на эту комиссию четыре работы, три из них купили, но пока ещё не оформил.

В-третьих, моя Форнарина сломала себе на ноге шпору и, видимо, сильно переживает, и я с ней вместе. Уж очень она высоко летает по комнате, вот и сломала. К врачам собираюсь сходить и не собираюсь: птицы вообще трудно переносят операции. В общем, на сломанной шпоре образовалось какое-то увеличение и выглядит вот так <дан рисунок куриной ноги с увеличенной шпорой. – *Л.С.*>. И вообще все работы привожу в какой-то порядок, чтобы не попасть врасплох, когда это потребуется на выставку или вообще кому показать, чтобы не было стыдно.

29 февраля 1960 г.
А. Морозов[12].

7.

Добрый день, Шура. Какое бы доброе дело сделал ты, если бы добрался к нам и, может, кстати, вывел бы нас из следующего затруднения: есть у нас дагерротип столетней давности и именной (т.е. не видно, кто изображён на нём). Отлетела окантовка, и я боюсь отдавать в мастерскую, где мастера не понимают, что им попало в руки – простая вещь или не простая. Стекло цело, чёрная бумага для окантовки имеется, хоть и немного толстовата. Если согласишься,

может, тут же и окантуешь? К сожалению, сама я не умею чисто сделать, и портить досадно. О твоих работах слышно очень лестное. Желаю тебе, за твою геройскую стойкость, заслуженных удач и очень рада была бы услышать о твоих Варьке[13] и коте и рассказать о наших зверюгах, о которых вспоминаешь ежедневно – и Сергей Иасонович их любит и чтит в них личность, заслуживающую уважения.

Что никогда не позвонишь, Шура? Ведь старики скоро перемрут. К 799-51.

17.01.1962 г.
В. Цветаева[14]

8.

Добрый день! Шура, слышим, что выставка[15] на хорошей высоте по материалу[16]. Видишь – настоящий хороший труд не пропадает! Счастье, когда автор увидит это сам, а не кто-то, когда-то оценит, заговорят, что вот, мол, вовремя не заметили, упустили.

С великой радостью поставила бы, в помещение выставки твоей целый сноп поздних тёмно-розовых и синих цветов, какие у нас в саду удивляют всех могучестью кустов и обилием столь позднего цветения. А корешок, если хочешь, привезу – посади перед окном – эффект будет обеспечен! Рада за твой успех, честный художник! Неутомимый, упрямый маэстро.

Будь здоров! Поздравляет тебя и С<ергей> И<асонович> и тоже желает тебе не успокаиваться на достигнутом. А я прибавляю: отдохни, поезжай куда потянет, освежи глаза и душу – живём раз и не долго, однообразие вредно губит дни. Север, юг, высоты, море... Что захочешь – всё возможно.

До свидания, после праздников.

19.10.1963. В. Ц.[17]

Примечания

[1] Замятина Елена Михайловна, Вяжлинская Софья и др.

[2] Бакшеев Василий Николаевич (1862—1958), художник-передвижник.

[3] Речь идёт вероятно об одном из студийцев.

[4] *Морозов 2006*: 45—46.

[5] *Морозов 2006:* 46.

[6] *Морозов 2006*: 48—49.

[7] Вероятно, имеется в виду Шевлягин Анатолий Иасонович – специалист писчебумажного производства.

[8] Форнарина (от Forno – пекарня итал.; булочница, дочь булочницы, прозвище дано в XVIII в.,), настоящее имя Маргарита. Римлянка, возлюбленная Рафаэля, обессмертившего её образ на портретах. А.И. Морозов назвал Форнариной чёрную курицу породы леггорн, жившую у него в мастерской несколько лет. Эту курицу Александр Иванович выкупил у знакомого художника, который приобрёл её на рынке для обеда. Курица так привыкла к Морозову, что сопровождала художника на этюды, терпеливо ждала окончания работы и вместе с ним возвращалась домой.

[9] *Морозов 2006:* 60—61.

[10] «Маленький участок перед окнами Морозовской мастерской превращён был в некое подобие японского сада, где каждый кусочек земли кажется чудесным оазисом среди соседних садочков» (*Калинин Е. С.* А.И. Морозов. С. 77—78.).

[11] *Морозов 2006:* 61—62.

[12] *Морозов 2006:* 67—68.

[13] Ворона Варька жила у Морозова около 27 лет. Художник научил её говорить несколько слов и танцевать под звуки балалайки. А.И. Морозов написал о ней этюд (*Морозов А.И.* Варька-балалаечница // Юный натуралист. М., 1965. № 7.). В разные годы в мастерской и квартире художника жили: лисёнок, сова, брошенные людьми коты, голуби свободно залетали в открытое окно. Морозов всех жалел, лечил, кормил, заботился... Ему было дорого всё живое на земле.

[14] *Морозов 2006:* 70—71.

[15] Персональная выставка А.И. Морозова в связи с 60-летием со дня рождения и 35-летием творческой деятельности художника. Октябрь-ноябрь 1963. Залы МОСХа на ул. Беговой. 260 работ.

[16] «Молодые художники и любители искусства были в большинстве своём удивлены и покорены неожиданно раскрывшимся перед ними глубоким, ярким и сильным талантом». На обсуждении выставки скульптор Л. Писаревский сказал: «В этой живописи запечатлены эмоции нашего поколения» (*Костин В.* А.И. Морозов. М., 1969. С. 83).

[17] Печатается по автографу. Музей А.И. Морозова. Публ. И.С. Скворцовой.

М.А. Жохов

Письма к Г.К. Кочетковой

1.

Москва, 3 июня 1996 г.

Здравствуйте, уважаемая Галина Константиновна!

Давно хотелось мне познакомиться с вами, хотя бы заочно, по переписке. Думаю, что мы найдём общий язык. Во-первых, мы погодки, я 1915 года рождения; во-вторых, я связан, пусть самым-самым малым образом, с домом Цветаевых, которому вы отдали почти 60 лет своей жизни. Ну а общий интерес к истории родного края, надеюсь, подскажет нам обоим темы для письменного общения. Вашу книгу[1] мне прислали, я её внимательно прочитал. Общее впечатление очень хорошее: столько сведений о семье Цветаевых нигде в другом издании, пожалуй, и не узнаешь. И написана книжка простым, лёгким для чтения и понятным языком.

Для пользы дела сообщу замеченные мной ошибки. Авось, удастся выпустить 2-е издание, можно будет внести исправления. Если же мои замечания уже известны вам без меня, прошу прощения, – забудьте про них:

1). Разночтения в датах выпуска книги Ю.М. Каган[2]: на с. 4 – 1987., на с. 127 — 1981 г.

2). На с. 47 в тексте упоминается муж Антонины Петровны – офицер, но не названы его Ф.И.О. Может, не знали? Воронский Николай Станиславович; награждён боевым орденом Святого Георгия 4-й степени (см. фото после с. 96). Брак А.П. и Н.С. был зарегистрирован 12 июля 1915 г. в Москве. Расторгнут 28 марта 1925 г.

3). Об их сыне Коле. Мы дружили с ним с возраста 12—13 лет, жили по соседству. Однажды (в 1929/30 г.?) вместе ходили пешком из Иванова в Ново-Талицы, 2 или 3 дня жили в доме Цветаевых, где проживала одна старая няня[3], которая нас приветила и вкусно угощала. Было жаркое

время, мы купались в речке Вергузе (в бочажке).

Коля закончил школу ФЗУ при ж/д. станции Иваново, получил профессию машиниста. Был направлен на работу на ст. Шарья; там вечером 28 апреля 1936 г. прогуливался с девушкой, не слышали, как сзади наехал поезд; обоих задавило. На ст. Шарья, Костромской обл., а не в Иванове.

Носил ли он фамилию Цветаев – не могу сказать, м. б., в период с 28 марта по 5 мая 1925 г. (до вступления во 2-й брак), а затем Ник. Андреевич[4] усыновил Колю, и он во все годы нашей дружбы носил фамилию Киселёв.

Нашу совместную с Колей прогулку (поход) в Ново-Талицы помню отчётливо. Очень хочу написать об этом стихи. Нужна ваша помощь: на каком слоге ставится ударение в слове Вергуза, т.к. оно, конечно, будет в стихах фигурировать; второе: как называют себя жители села Ново-Талицы? Таличане? Талиняне? Буду очень признателен Вам за пояснения на сей счёт. А я, конечно же, если стихи «получатся», обязательно пришлю их Вам лично и для музея.

Знакомы ли вы со сводной сестрой Коли Киселёва – Ниной Васильевной Меркуловой[5]? Она живёт в Иванове, на Ташкентской ул., д. 92, кв. 6 <...>.

С низким поклоном

М. Жохов.

2.

Москва, 6 июля 1996 г.

Здравствуйте, уважаемая Галина Константиновна!

Письмо Ваше получил давно, 12 дней назад, а с ответом задержался потому, что хотелось написать обещанное стихотворение о поездке (походе) в Ново-Талицы. Ваше сообщение о двояком произношении названия речки оказало интересное и весьма полезное влияние, задало тон всему стихотворению: «Ах, Вергу́за-Вергуза′...». А коль начало родилось, то дело пошло ускоренно. Думал первоначаль-

М.А. Жохов. 1931[6]

но написать 4–5 четверостиший, а получилось 15, да ещё штук пять сократил – выбросил как непригодные. Посылаю вам новорожденного на память. Одновременно посылаю в Ново-Талицы Наталье Иванченко[7], которая передаст текст в Дом-музей. Так что я своё обязательство выполнил – и вздохнул свободно. А как получилось – не мне судить.

Благодарю вас за «вычисление» года, когда я и Коля побывали в Ново-Талицах. А ежели 1928 год, значит, мне было 12 лет (13 еще впереди – 18.XI.1928). На счёт фамилии Колиного отца принимайте мой вариант – он основан на документах народного суда, зафиксировавшего развод Антонины Петровны.

А Юрий Владимирович[8] запомнил фамилию на слух – и ошибся в одной букве.

По моей просьбе[9] один военный историк уточняет в архиве, за что Н.С. Воронский получил орден Св. Георгия 4-й степени. Увы, пока ещё нужный документ не найден. Судьбу его (дату смерти) выяснить, пожалуй, невозможно, т.к. г. Орёл, где жил Воронский в 20-е годы, во время минувшей войны был у немцев и документы едва ли уцелели.

Всего вам доброго!

М. Жохов.

ВОСПОМИНАНИЕ

Ах, Вергу′за-Вергуза′,
Маленькая речка!

Вспомнил – брызнула слеза,
Ранила сердечко.

Был я в давние года
Гостем Ново-Талиц,
И с тобою мы тогда
Свиделись – расстались.

Из Иванова пешком
Летним утром ясным
Мы сюда пришли с дружком,
А вернее – я с ним.

Встречным – низкий наш поклон.
Нам же отвечали
На селе со всех сторон
Лаской таличане.

Мой приятель – Николай
Киселёв-Цветаев.
Здесь его семейный край,
Колыбель святая.

Мы вошли в просторный дом
В центре Ново-Талиц
И черникой с молоком
Вдоволь наслаждались.

Пили, весело смеясь...
Тот напиток синий,
Приготовленный для нас
Нянюшкой Рипсимьей.

А ещё что делать нам?
Прогуляться надо.
Искупаться пацанам –
Лучшая отрада.

Ай, Вергуза-Вергуза
Что в тебе за сила, –
Ненаглядная краса
Мило приманила.

Ты как звонкий ручеёк,
Родничок иль ерик.
Прыгал я, не чуя ног,
С берега на берег.

Речек много, ты одна:
Можно подивиться,
До чего же холодна
У тебя водица...

При знакомстве был мальчиш,
Превратился в деда.
Ты по-прежнему журчишь,
Речка-непоседа.

И журчи себе, журчи
На природном месте.
Постоянству научи.
Погорюем вместе.

Вспомним общего дружка.
Как дымок растаяв,
Улетел за облака
Колинька Цветаев.

Ой, Вергуза-Вергуза,
Сказочная речка!
Не твоя ль вода-слеза
Брызнула в сердечко?

4–6 июля 1996 г., Москва

3.

Здравствуйте, Галина Константиновна! Спешу известить, что Ваше письмо получил сегодня утром в целости и сохранности. Очень рад, что стихи о Ново-Талицах пришлись Вам по душе. Для меня это важно и лестно. Фото Коли, к великому сожалению, у меня нет. Надёжнее достать его (фото) у Нины Васильевны Меркуловой. <...> Я с ответом спешу потому, что послезавтра (7.08) еду в санаторий до конца августа. А дел ещё много нужно сделать за оставшиеся два дня.

Ваш М. Жохов.

<5 августа 1996 г.>

4.

Москва, 20 марта 1997 г.

Здравствуйте, уважаемая Галина Константиновна! Примите мои сердечные поздравления и самые добрые пожелания ко дню рождения. Пусть здоровье у Вас будет покрепче, настроение получше и благополучие в семье надёжнее.

Давно собираюсь написать Вам что-нибудь определённое о муже Антонины Петровны Цветаевой – Воронском Николае Станиславовиче... попросил двух историков, роющихся в архивах, они заверили, что искали все касающиеся его документы, но ничего не нашли. Один дал обещание поискать что-либо о его отце – Станиславе, скорее всего генерале, т.к. молодой офицер, вероятно, окончил пажеский корпус, о чём свидетельствует значок на френче (раньше я этот крестик принимал за орден Св. Георгия – ошибочно). Если узнаю новое – сообщу.

Нынешним летом я собираюсь поехать в Иваново. Если это осуществится, то попытаюсь выбраться в Ново-Талицы. Авось и с Вами увижусь. Давно-давно не бывал в родном краю, пора уж и долг свой отдать ему.

С поклоном. М. Жохов.

***

Ещё раз свидеться с Вергузой-Вергузой Михаилу Александровичу не довелось. 4 апреля 1997 г. жизнь его оборвалась.

Примечания.

[1] См.: *Кочеткова 1993.*

[2] *Каган Ю.М.* И.В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1987.

[3] Курбатова Рипсимья Степановна – домработница Цветаевых; когда дом перешёл к Смирновым, вернулась на родину, в д. Говядово.

[4] Киселёв Николай Андреевич (1888—1948) – финансовый работник, жил по адресу: ул. Типографская, д. 4, по соседству с Жоховыми (сообщ. Г.Н. Шингаревой).

[5] Меркулова Нина Васильевна (ур. Селиванова, 1911—2002) – архитектор, падчерица Н.А. Киселёва в последнем браке его с Селивановой Варварой Николаевной (урожд. Вильде, 1888—1972).

[6] Фото из собрания Г. Шингарёвой. На обороте фотографии надпись:
23/XI-31 г.
На память Нине Селивановой
В знак товарищеской дружбы.
5/XII-31
Мих. Жохов

[7] Иванченко Наталья Станиславовна (р. 1953) – ново-талицкая поэтесса.

[8] Цветаев Юрий Владимирович (1904—1983) – внук П.В. Цветаева, называл мужа А.П. Цветаевой Вронским.

[9] М.А. Жохов из-за болезни ног почти не выходил из дома.

Библиография

А.Ц-в 1884 — *Свящ. А. Ц-в.* Памяти отца Владимира Васильевича Цветаева, священника погоста Талиц // ВЕВ. Часть неофициальная. 15 мая 1884. № 10. С. 308–317.

Аксененко 1998 — *Аксененко М.Б.* И.В. Цветаев и В.И. Модестов (По материалам переписки двух учёных) // «...Всё в груди слилось и спелось». Сб. докладов пятой цветаевской международной научно-тематической конференции. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 1998. С. 108–120.

Анискович 2004 — *Анискович Л.* Край бузины и край рябины. М.: Вече, 2004. – 226 с.

Безо всякого вознаграждения 2005 — «Безо всякого вознаграждения...» (подгот. материалов к публ. Н.А. Кублановской) (Автографы И.В. Цветаева. *Цветаева В.* Записки). Иваново: Иваново, 2005. –216 с.

Белое дело — Белое дело. Летопись белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и светл. князем А.П. Ливеном, под ред. А.А. фон Лампе. Т. 3. Берлин: Медный всадник, <1927>. – 236 с.

Березин 1896 — *Березин В.М.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Суздальский и Юрьевский уезды. Вып. 3. Владимир, 1896.

Березин 1898 — *Березин В.М., Добронравов В.Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Шуйский и Ковровский, Вязниковский и Гороховецкий уезды. Вып. 5. Владимир, 1898.

Брокгауз-Ефрон — Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В 41 т. (82 п/т.). СПб., 1890–1904.

Всё в груди слилось и спелось 1998 «...Всё в груди слилось и спелось». Пятая цветаевская международная научно-тематическая конференция. 9—11 окт. 1997 г. Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 1998.

Вся Москва 1912, 1917 и др. Вся Москва на 1912 год. Адресно-справочная книга. М., 1912; Вся Москва на 1917 год. М., 1917; Вся Москва на 1925 год. М., 1925; Вся Москва на 1930 год. М., 1930.

Гений памяти 2000 Гений памяти: Переписка А.И. Цветаевой и П.Г. Антокольского (Сост., подгот. текстов и примеч. Г.К. Васильева и Г.Я. Никитиной). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. –168 с.

Гостунский 1965 *Гостунский Н.Н.* Таруса – древний город на Оке. М.: Наука, 1965. – 282 с.

Губ. календарь 1921 Иваново-Вознесенский губернский ежегодник календарь-справочник на 1921 г. Иваново-Вознесенск, 1921. –320с.

Даль 1956 *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Гос. издат-во иностранных и национальных словарей, 1956.

Демская 1983 *Демская А.А.* Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. 2-е изд. М.: Искусство, 1983. – 239 с.

Деникин 1989 *Деникин А.И.* Поход на Москву: Очерки русской смуты. М.: Воениздат, 1989. – 288 с.

Иереи 2003 Иереи Шуйского уезда Владимирской губернии (XIX в. –1918 г.): Историко-генеалогический справочник. Авт.-сост. О.И. Захарова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – 448 с.

Каган 1987 — *Каган Ю.М.* И.В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М.: Наука, 1987. – 189 с.

Кочеткова 1993 — *Кочеткова Г.К.* Дом Цветаевых / Под ред. засл. деят. науки России, проф. П.В. Куприяновского / Лит. ред. О.Я. Литвак. Иваново: Экологический вестник, Рыбинское подворье, 1993. – 128 с.

Лебедева 1998 — *Лебедева М.С.* Неостывающая память. Эхо цветаевских юбилеев. М.: Изд-во "Печатный знак", 1998. – 196 с.

Ленин 1961 — *Ленин В.И.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1961. – 818 с.

Морозов 2006 — *Морозов А.И.* Воспоминания и письма (Подгот. докум. к публ., коммент. Л.П. Соловьёвой). Иваново: Иваново, 2006. – 76 с.

ПКНО: 2001, 2004 — Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 2001. М.: Наука, 2002; Ежегодник 2004. М.: Наука, 2005.

Пастернак 2005 — *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М.: Слово/Slovo, 2005.

Переписка 1977: 1, 2 — Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. История создания музея в переписке профессора И.В. Цветаева с архитектором Р.И. Клейном и др. документах (1896–1912): В 2 т. / Авторы-сост. А. Демская и Л.М. Смирнова. Т. 1. Письма. – 312 с.; Т. 2. Комментарии. – 263 с. М.: Советский художник, 1977.

Саакянц 1998 — *Саакянц А.* Спасибо Вам! Воспоминания. Письма. Эссе. М.: Эллис Лак, 1998. – 606 с.

Смирнов 1917 — *Смирнов А.В.* Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. Собр. А.В. Смирнов. Вып. 5. Владимир, 1917.

Соснина 2001 — *Соснина Е.Б.* Итальянские вёрсты Ивана Цветаева: Биографический очерк. Иваново: Референт, 2001. – 112 с.

Соснина 2005 — *Соснина Е.Б.* Музы Трёхпрудного переулка: Неизвестное о семье Цветаевых в письмах, фотографиях, документах. М.-Иваново: Дом-музей Марины Цветаевой, Референт, 2005. – 294 с.

Ставровский 2001 — *Ставровский Е.* Цветаевы на Шуйской земле. Иваново, 2001. – 36 с.

Фотолетопись 2000 — Цветаева Марина: фотолетопись жизни поэта / Сост. А. Саакянц, Л. Мнухин. М.: Эллис Лак, 2000. – 352 с.

Фролов 1995 — *Фролов Н.В.* Предводители дворянства Владимирской губернии: Материалы по истории Владимирской губернии. Вып. 2. Владимир: Владимирская областная научно-универсальная библиотека им. А.М. Горького, 1995. – 116 с.

Цветаев 1902 — Фёдор Владимирович Цветаев в воспоминаниях его товарищей и учеников. <Предисл.> М. Анненкова. М.: Университетская типография, 1902. – 82 с.

Цветаева А. 2005 — *Цветаева А.* Воспоминания. Изд. 6-е, исп. и доп. М.: Изографъ, 2005. – 880 с.

Цветаева А. 1987 — *Цветаева А.* О брате моём Андрее Ивановиче Цветаеве // Наука и жизнь. М., 1987. № 3. С. 108–117.

Цветаева А. 1991 — *Цветаева А.* AMOR: Amore. Роман. Моя Сибирь. Повесть. М.: Современник, 1991. –494 с.

Цветаева В. 1963 — *Цветаева В.* Записки. Таруса, август 1963 г. Машинопись. – 139 с.

Цветаева М. 2000 — *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. В 2 т. Т. 1: 1913–1919. Подгот. текста, предисл., примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. М.: Эллис Лак, 2000. – 560 с.

Цветаева М. 1999 — *Цветаева М.* Неизданное. Семья: История в письмах / Сост., подгот. текста, коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. – 592 с.

Цветаева М. 1995 — *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994—1995.

Эфрон А. 1996 — *Эфрон А.* «А душа не тонет...». Письма 1942—1975 гг. Воспоминания. Сост., подгот. текста, примеч. и подбор иллюстраций Р.Б. Вальбе. М.: Культура, 1996. – 448 с.

Эфрон А. 1989 — *Эфрон А.* О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М.: Советский писатель, 1989. – 477 с.

Эфрон Г. 2004: 1, 2. — *Эфрон Г.* Дневники. Издан. подгот. Е.Б. Коркина, В.К. Лосская. В 2 т. Т. 1. 1940—1941. – 559 с. Т. 2. 1941—1943. – 367 с. М.: Вагриус, 2004.

Эфрон Г. 1995 — *Эфрон Г.* Письма / Сост., подгот. текстов, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной. Калининград: Луч-1, 1995. – 240 с.

Видеоматериалы о Доме Цветаевых

1. Дом Цветаевых. Автор и вед. Галина Нечаева. Реж. Михаил Фалкин. Муз. оформление Ирина Клайнер. Гостелерадиокомпания. СПб. 1992. 24 мин.
2. В гостях у Г.К. Кочетковой. Автор и вед. Людмила Матенина. Оператор Юрий Комаров. Гостелерадиокомпания. Иваново. 7 июля 1995. 36 мин.
3. Конференция: К 150-летию И.В. Цветаева. Часть 1. Ивановский объединённый историко-революционный музей. Выступление делегатов (Г.К. Кочеткова. 25 мин.). Часть 2. Ново-Талицы. То же. Оператор Юрий Комаров. Гостелерадиокомпания. Иваново. Май 1998. Две трёхчасовые кассеты.

Фонд Института Повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.

Указатель имён

Абольянин Геннадий Михайлович, цветаевед, житель Новосибирска, 194, 205*
Абрамова Екатерина, родственница Смирновых из д. Липовицы Нижегородской обл., 27
Авранек Ульрих Иосифович (1853—1937), дирижёр и главный хормейстер (с 1882 г.) Большого театра, 86
Автономова Наталья Владимировна (р. 1982), внучка М.И. Краснопольского, 206
Адрианов Александр Александрович (1861—?), генерал-майор, московский градоначальник (с 1.02.1908 г. по июнь 1915 г.), *78*
Айдинян Станислав Артурович (р. 1958), литератор, секретарь А.И. Цветаевой (с 1984 г.), *167*, *168*, 265, *268*
Аксененко Маргарита Борисовна, зав. отделом рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина, *75*, *79*, 150, 152, 192, 205, 258, *287*
Александр I (1777—1821), российский император (1801—1825), *19*
Александр II (1818—1881), российский император (1855—1881), 54
Александр III (1845—1894), российский император (1881—1894), 54, 60, *77*, 241, 243, *245*
Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918), генерал от инфантерии, 104
Алексеева Л.Н., танцовщица, 91
Алфёрова Александра Самсоновна, начальница гимназии, 100
Альтшуллер Григорий Исаакович (1895—1983), врач, 110
Альтшуллер Исаак Наумович (1870—1943), врач, 110
Аля – см.: *Автономова Н.В.*
Аля – см.: *Эфрон А.С.*
Алякринский Алексей Михайлович, секретарь Иваново-Вознесенской городской управы, 227
Аммосов Александр Николаевич (1823—1866), поэт, *17*
Элегия («Хас-Булат удалой ...»), 8, *17*
Андерсен Ганс Христиан (1805—1875), датский сказочник, 108
Андрей – см.: *Трухачёв А.Б.*
Андрей – см.: *Цветаев А.И.*
Андрей Боголюбский (ок. 1111—1174), Владимирско-Суздальский князь. В 1164 г. предпринял поход против камских болгар, *161*
Андроникова-Гальперн Саломея Николаевна (1888—1982), одна из ближайших подруг М.И. Цветаевой; в 1919 г. эмигрировала из Петрограда в Париж, в 1937 г. переехала в Лондон, *300*
Анискович Лидия Иосифовна (р. 1956), литератор, *80*, *287*
Анна св. (церк.). Орден Св. Анны учреждён в Голштинии (1735), введён в число российских в 1792 г. Имел 4 степени (с 1815 г.). С 1845 г. только первая степень давала право потомственного дворянства; младшие – личного, 39, 71
Анненкова М. (возможно, псевдоним), педагог, издатель (?), *290*
Антокольский Павел Григорьевич (1896—1978), поэт, *269*, *288*
Асеев Николай Николаевич (1889—1963), поэт, 125, 126, 131, *162*
Афродита (Венера, миф.) древнегреческая богиня любви и красоты. Афродита

---

* Обычным шрифтом обозначены номера страниц в тексте книги, курсивом – в тексте примечаний редактора.

Милосская – знаменитая скульптура II в. до н.э., оригинал в Лувре (Париж), 46
Ахиллес (миф.), сын фессалийского царя Пелея и морской богини Фетиды. Мать, желая защитить сына от оружия всякого рода, окунула его в воды реки Стикс. Уязвимой осталась лишь пятка Ахиллеса, за которую Фетида его держала, 51
Ахмадулина Белла Ахатовна (р. 1937), поэтесса, *269*
Ахматова Анна (подл. имя: *Горенко Анна Андреевна*, 1889–1966), поэтесса, 108, 131, 132, *158*, *269*
А. Ц-в – см: *Цветаев А.В.*
Бабушка – см. *Смирнова А.Е.*
Багаева Белла Михайловна, врач-стоматолог, дочь В.К. Смирновой, 187
Багратион Пётр Иванович (1765–1812), князь, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г. Скончался в с. Симы Владимирской губернии, *307*
Баделин Василий Иванович (р. 1943), врач, литератор, краевед, *36*
Баженов Василий Иванович (1737 (1738)–1799), архитектор, 42
Бакшеев Василий Николаевич (1862–1958), художник, академик Академии художеств, 273, *279*
Балашов Семён Иванович (1874–1925), рабочий, революционер, 169
Балдина (ур. *Лебедева*, во втором браке – *Хорькова) Ирина Алексеевна* (1911–1994), сестра поэта А.А. Лебедева, 195
Бальзак Оноре де (1799–1850), французский писатель, 95
Бальмонт Дмитрий Константинович (1835–1907), председатель Шуйской земской управы (1881–1906), 34
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, 30, 108, *158*, 205
Бальмонт Константин Иванович (1800*–1844), отставной штабс-капитан, становой пристав, 31, 246, 247
Банк Наталья Борисовна (1933–1998), литературовед, 197
Баранов Асаф Иванович (1834–1906), купец, фабрикант, 224, *237*
Баратынский Евгений Абрамович (1800–1844), поэт, 55
«На смерть Гёте», 55
Бартенев Пётр Иванович (1829–1912), историк, архивист, *79*
Баскакова Ирина – см.: *Никологорская И.А.*
Бауман Николай Эрнестович (1873–1905), революционер, член МК РСДРП, убит во время демонстрации черносотенцами, 87
Бахрушин Алексей Петрович (1853–1904), коллекционер, *79*
Башкирцева Мария Константиновна (1860–1884), художница, с 1882 г. жила во Франции. Известность получил её дневник, опубликованный посмертно, 102
Беген Александр Александрович (1891–?), купеческий сын, *19*, *20*
Беген Александр Густавович (1854*– после 1910), купец, землевладелец, 13–15, *19*
Беген Ираида Александровна (?–1906*), дочь А.Г. Бегена, *19*
Беген Николай Густавович, купец, городской голова Иваново-Вознесенска (1905–1909), *19*
Беген Пётр Густавович (1863–1917), архитектор, *19*
Белкина Мария Осиповна (*Иосифовна*) (р. 1916), писательница, 5, 201
Белый Андрей (подл. имя: *Бугаев Борис Николаевич*, 1880–1934), писатель, 103
Беневоленская (ур. *Смирнова*) *Мария Павловна* (1897–1982), учительница в

д. Михалёво, 8
Беневоленский Василий Дмитриевич (1889—1953), дьякон, в 1920-е гг. снял сан, *19*
Березин Василий Маркович (1857—1912), историк церкви, преподаватель Владимирской семинарии, *17*, *287*
Беринг Витус Ионассен (1681—1741), мореплаватель, 71
Беринов Василий Максимович, крестьянский сын, *238*
Беринов Иван Максимович, крестьянский сын, *238*
Беринов Максим, крестьянин, *238*
Беринова Афанасия Ивановна, крестьянка, *238*
Берия Лаврентий Павлович (1899—1953), нарком НКВД с 1938 г., 122, 137, *163*, *165*
Бернацкая Мария Лукинична – см.: *Мейн М.Л.*
Блок Александр Александрович (1880—1821), поэт, 147
«Роза и крест», 147
Богословский Александр Матвеевич (1815—1869), священник, 35, 38
Богословский Иван Павлович (1813*— после 1890), дьячок, *236*
Бодлер Шарль (1821—1867), французский поэт, 123, 139
«Плаванье», 129
Боков Виктор Фёдорович (р. 1914), поэт, 124
Болотова Ю.М., экскурсантка, 199
Бондаренко Павел Иванович (1917—1992), скульптор, автор памятника на могиле А.С. Эфрон, 93
Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович (1870—1905), художник, 138
Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825), композитор, *240*
Бредельщиков Михаил Иванович, житель Елабуги, хозяин дома, в котором поселилась М.И. Цветаева, *161*
Брокгауз Фридрих Арнольд (1772—1823), немецкий издатель, *78*, *163*, *238*, *245*, *287*
Броун-Секар (1817—1894), французский медик и физиолог, *239*
Брулетова Людмила Александровна, архивистка, *238*
Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924), поэт, 102
Брюхоненко Мария Густавовна, начальница гимназии, 102
Булгаков Валентин Фёдорович (1886—1966), писатель, секретарь Л.Н. Толстого (1910), эмигрант (1923—1949), *165*
Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944), философ, священник, эмигрант, 111
Булгакова (в первом браке – *Радзевич*, во втором – *Сцепуржинская*) *Мария Сергеевна* (1892—1979), дочь С.Ф. Булгакова, жена К.Б. Радзевича, *162*
Бунин Иван Алексеевич (1870—1953), *294*
Бунина (ур. Муромцева) Вера Николаевна (1881—1961), писательница, жена И.А. Бунина, *156*, *158*, *159*
Бурденко Николай Нилович (1876—1946), хирург, 176
Бурова В.В., экскурсантка, 199
Бурылин Дмитрий Геннадиевич (1852—1924), фабрикант, основатель Иваново-Вознесенского художественно-промышленного музея, 194, 211, 241, *245*
Бутурлин Михаил Дмитриевич (1807—1876), граф, историк, 72
Бяковский Виктор Сергеевич (1937—2001), краевед, художник, 2
Важа Пшавела (подл. имя: *Разикашвили Лука Павлович*), (1861—1915), грузинский поэт, 123
Вальбе Руфь Борисовна, литературовед, 207, *291*
Ван Гог Винсент (1853—1890), голландский живописец-импрессионист, 269
Варвара (церк.), великомученица, считается покровительницей артиллерии и

заступницей в бедствиях от огня и на море, 18, 266
Варька, ворона, 278, *279*
Василий, епископ, персонаж древнерусской повести «О граде Муроме», 163
Василий IV Шуйский (1552–1612), русский царь Василий Иванович (19.05.1606–19.07.1610), 70, *300*, *317*
Васильев Владимир, студент Академии художеств, 196
Васильев Глеб Казимирович (р. 1923), цветаевед, *267*, *269*, *288*
Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926), русский художник, профессор живописи, *78*
Вассерман Мария Фальковна, врач, 186
Введенская Акулина Алексеевна (1805*–?), дьячиха, *235*
Введенская Евпраксия Матвеевна (1840*–?), дочь дьячка, *235*
Введенская Наталья Матвеевна (1837*–?), дочь дьячка, *235*
Введенский Матвей Андреевич (1804*–1871), дьячок, 219, 220, 222, *235*, *236*
Вергилий Марон, Публий (70–19 г.г. до н.э.), поэт, 193
«Энеида», 193
Верлен Поль (1884–1896), французский поэт, 139
Веселовский Александр Николаевич (1838–1906), историк литературы, профессор Петербургского университета, академик (1880), 41
Виноградов, общий знакомый В.И. Цветаевой и А.И. Морозова, 273, *279*
Виноградов Анатолий Корнелиевич (1888–1946), писатель, 100
Виноградов Николай Александрович (1820*– после 1880), священник с. Китово, 248
Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954), историк, академик АН СССР (1943), *76*, 86
Витте Сергей Юльевич (1849–1915), министр финансов (1892–1903), председатель кабинета министров (1903–1905), член Государственного Совета (1907–1912), 46, 47, *78*
Владимир Мономах (XII в.), русский князь, 63
Власов Иван Иванович (1880–1943), юрист, общественный деятель, краевед, *239*
Волконская (ур. *Белосельская) Зинаида Александровна* (1792–1862), княгиня, писательница, музыкант, хозяйка лит.-музыкальных салонов в Риме и Москве, 44, 45, *75*, *76*
Воловенская Людмила Владимировна, искусствовед, директор Ивановского областного художественного музея, 269
Волошин Максимилиан (подл. имя: *Кириенко-Волошин Максимилиан Александрович*, 1878–1932), поэт, 102, 141, *157*
Волошина (ур. *Заболоцкая*) *Мария Степановна* (1887–1976), вторая жена М.А. Волошина, *267*, *268*
Воробьёв Владимир Михайлович (р. 1935), краевед, поэт, 35
Воронин Герман Петрович (1908–1961), председатель Ново-Талицкого сельсовета в 1920–1930 гг., впоследствии – председатель колхоза в д. Голчаново, 24, 251
Воронский Николай Станиславович, офицер, муж А.П. Цветаевой, 84, 280, 282, 285
Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969), советский государственный деятель, нарком по военным и морским делам (с 1925 г.), председатель Реввоенсовета, с 1934 г. – нарком обороны СССР. Во время войны – член Госкомитета обороны. В 1953–1960 гг. – председатель Президиума Верховного Совета СССР, *202*
Врангель Пётр Николаевич (1878–1928), барон, генерал-лейтенант (1918), участник Русско-японской и Первой мировой войн. В августе 1918 г.

вступил в Добровольческую армию. С января 1919 г. – командующий Кавказской Добровольческой армией, с декабря 1919 г. по январь 1920 г. – Добровольческой армии. С 4 апреля 1920 г. – главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России ; с 11 мая 1920 г. – главком Русской армии. После поражения в Северной Таврии и Крыму 14 ноября 1920 г. бежал за границу. В 1924 г. в Париже создал Русский общевоинский союз (РОВС), 104, 105, *157, 287*

Вяжлинская Софья, танцовщица, 275, *279*

Гарелин Иван Иванович (1855—1903), фабрикант, 227, 228, 231

Гарелин Мефодий Никонович (1836—1909), фабрикант, мануфактур-советник, 226

Гарелин Никон Мефодьевич (1801—1875), фабрикант, 225

Гарелин Пётр Мефодьевич (1788—1844), фабрикант, *239*

Гарелин Сергей Никонович (1832—1884), фабрикант, *239*

Гарелин Яков Петрович (1820—1890), фабрикант, мануфактур-советник, историк, городской голова Иваново-Вознесенска (1877—1886), 217, 226, 227, *238, 239*

«Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад Владимирской губернии», *239*

Гарелина (ур. *Крестовникова*) *Мария Александровна* (1861— после 1917), жена А.И. Гарелина, благотворительница, *272*

Гедеон (библ.), освободитель Израиля от ига кочевых племён мадеанитян и амаликитян, 213

Генерозова В.К. – см.: *Перегудова В.К.*

Георгий св. (церк.). Орден Св. Георгия,

Герцен Александр Иванович (1812—1870), российский революционер, писатель, философ, *245, 307*

Герье Владимир Иванович (1837—1919), профессор Московск. ун-та, основатель Высших женских курсов, 86, 87

Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832), 55

Гитлер (подл. фамилия: *Шикльгрубер*) *Адольф* (1889—1945), 185

Глаголев Фёдор Фёдорович, геолог, 74

Гладков Александр Константинович (1912—1976), драматург, *159*

Глинка Михаил Иванович (1804—1857), композитор, 55, *240*

Глоцер Владимир Иосифович (1931), литератор, *167*

Голенищев Владимир Семёнович (1856—1947), египтолог, ассириолог, семитолог, 50

Гомберг Дмитрий Ильич, адвокат, 144, *167*

Гомер, древнегреческий поэт, 193

«Одиссея», 193

Гончарова Наталья Сергеевна (1881—1962), художница, 112

Городова Анфиса Васильевна, дочь отставного фейерверкера Василия Ермолаевича Городова, завхоз детского санатория в Ново-Талицах (1943—1950), *36*

Горький Максим (подл. имя: *Пешков Алексей Максимович*, 1868—1936), писатель, 68, 36, *74*, 141, 144, 145, 149, 151, 205, *269, 290*

Гостунский Николай Николаевич (1879—1967*), тарусский краевед, *166, 288*

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822), писатель, 111

Грабильцев Александр, врач (?), *155*

Грендель Сесиль (р. 1918), дочь Поля и Гала Элюаров, *167*

Грибанов Станислав Викентьевич, подполковник, военный журналист, 134, *164*

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), 33
Грин Александр (подл. имя: *Гриневский Александр Степанович*, 1880–1932), 145
Гронковская (Гранковская) Елена Болеславовна, педагог-математик, начальница прогимназии, гимназии (с 1913 г.), 89
Грушка Аполлон Аполлонович (1869–1929), филолог-классик, профессор, декан историко-филологического факультета Московского университета (1911–1918, 1919–1921), 60
Гуль Роман Борисович (1896–1986), офицер Добровольческой армии, писатель, *157*
«Ледяной поход», 104, *157*
Гумилёв Николай Степанович (1886–1921), поэт, *269*
Гуревич Самуил Давыдович (1904*–1952*), журналист, секретарь правления Жургазобъединения, зав. редакцией журнала «За рубежом», 121, 124, 132, 135, 137, *163*, *164*
Гучков Николай Иванович (1860–1935), московский городской голова (1905–1913), с 1920 г. – эмигрант, *78*
Дали Сальвадор (1904–1989), испанский художник-сюрреалист, *167*
Даль Владимир Иванович (1801–1872), лексикограф, *17*, *18*, *163*, *288*
Дашков Василий Андреевич (1819–1896), этнограф, директор Румянцевского музея, 42, 53, *75*
Дворжец Александр Яковлевич (1924–2005), фотожурналист, в июне 1996 г. уехал в США, 200
Демская Александра Андреевна (1916–1994), искусствовед, архивист, 5, *77*, 149, 150, 152, 188, 197, 255, 258, *288*, *289*
Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны. Командовал бригадой, дивизией, корпусом, фронтом. В 1917 г. бежал из Быховской тюрьмы, ставшей расплатой за участие в Корниловском мятеже, на Дон. С апреля 1918 г. после гибели Корнилова – командующий Добровольческой армией. С января 1919 г. – главнокомандующий ВСЮР (Вооружённые силы Юга России). 3 июля 1919 г. отдал войскам «московскую директиву» – приказ поразить «сердце большевизма – Москву». Большевики ответили воззванием: «Все на борьбу в Деникиным!» – «Колчак и Деникин – главные и единственно серьёзные враги Советской республики» (*Ленин 1961*: 217). За неделю в Москве вступили в партию 13 600 человек. «Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще» (*Ленин 1961*: 261). К концу года ВСЮР были отброшены на Дон и Северный Кавказ, началась массовая эвакуация через Новороссийск за границу и в Крым. В 1920 г. «на маленьком крымском полуострове сосредоточилось всё, что осталось от вооружённых сил юга» (*Деникин 1989*: 267). 2 апреля командующий подал рапорт на военный совет: «Три года российской смуты я вёл борьбу ... Бог не благословил успех войск, мною предводимых. <...> внутренняя связь между вождём и армией порвана, и я не в силах больше вести её» (*Деникин 1989*: 274). От вождя скрыли полученную из Лондона в его адрес ноту с ультиматумом: «оставить неравную борьбу» и вступить в переговоры с советским правительством. В противном случае «Англия "снимала с себя ответственность" и угрожала прекратить какую бы то ни было дальнейшую помощь» (*Деникин 1989*: 282). 4 апреля, передав командование Врангелю, Деникин на английском эсминце отбыл в Константинополь. В эмиграции занялся военно-

историческим трудом – издал пятитомные мемуары. Жил в разных странах. Кончил дни за океаном. В 2005 г. завершился поход. Прах белого вождя был доставлен в Москву с воинскими почестями, перезахоронен на Донском кладбище. После церемониала 13 орденов были увезены обратно – в Париж, а шашка Деникина передана дочерью, графиней, президенту России, из рук которого она получила российское гражданство. На шашке этой «нет ни капельки крови», заверил деятельный участник акции – Н.С. Михалков. Другой участник, лицо духовное, умиротворённо изрёк: «... символично, ... что мы хороним не Троцкого, а Деникина» (*Коныгина Н.* На шашке Деникина не нашли крови // Известия. 4 окт. 2005 г.), 9, 104, *288*

Дервиз Варвара Павловна, фон, дочь В.Н. фон Дервиз, основательницы гимназии, 92

Державин Гавриил Романович (1743—1816), 33

Джунковский Владимир Фёдорович (1865—1938), генерал-лейтенант, с 1905 г. – московский губернатор, с 1913 г. – товарищ министра внутренних дел. В 1915 г. уволен за доклад о похождениях Г.Е. Распутина, *78*

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926), с декабря 1917 г. председатель ВЧК (с 1922 – ОГПУ), одновременно – нарком внутренних дел РСФСР (1919—1923) и председатель ВСНХ (с февраля 1924 г.), *163*

Димитрий, в миру *Данила Туптало* (1651—1709), монах, с 1702 г. митрополит Ростовский, духовный писатель, автор Четий-Миней, *18*

Дмитриев Иван Владимирович, делопроизводитель Комитета по устройству Музея изящных искусств, 50, 51

Дмитриев Сергей Иванович, ленинградский музеевед, 206

Добровольский Иван Иванович, дьякон, *236*

Добронравов Василий Гаврилович (1861—1919), историк церкви, *287*

Доброторская (ур. *Цветаева*) *Елена Александровна* (1857—1939), дочь А.В. Цветаева, 34, 35, 72, 73, 86

Доброторская Людмила Ивановна (1885—1953), врач, 74, 264

Доброторская Надежда Ивановна (1882—1943*), врач, 74

Доброторский Александр Иванович (1883—1945), преподаватель, 74, 87, *155*

Доброторский Иван Зиновьевич (1857—1919), врач, 51, 72, 73, *161*, 268

Долгоруков Иван Михайлович (1764—1823), князь, общественный деятель, писатель, Владимирский губернатор (1802—1812), *237*

Долгорукова (ур. *Шереметева*) *Наталья Борисовна* (1714—1771), княгиня, дочь фельдмаршала Б.П. Шереметева, бабушка И.М. Долгорукова, *237*

Достоевский Фёдор Михайлович (1821—1881), писатель, 261

Дроздов Гавриил, дьякон с. Дроздово, 246—248

Дудин Михаил Александрович (1916—1993), поэт, 197

Дункан Айседора (1877—1927), американская танцовщица, 91

Дурново Пётр Аполлонович, офицер, лейб-гвардии ротмистр, 137, *157*, *165*

Дурново Пётр Павлович (1835—1923), московский губернатор (1870-е гг.), генерал-губернатор (с 15.07—24.11.1905), *165*

Дурново-Эфрон Елизавета Петровна (1855—1910), мать С.Я. Эфрона, 157

Дынин Исаак (Виктор) Иосифович (р. 1923), фотокорреспонент ТАСС, с 1990-х гг. живёт в Израиле, 208

Дьяконов Иван Николаевич (1860—1905), чиновник, *167*

Дьяконова (ур. *Деулина*) *Антонина Петровна* (1872*—1942), служащая, *167*

Дьяконова Галина Дмитриевна – см.: *Элюар (Дали) Гала*

Дюамель Жорж (1884—1966), французский писатель, 134

Дядичев Вадим Николаевич (р. 1936), литературовед, историк, *161*
Его Императорское Величество – см.: *Николай II*
Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933), писатель, двоюродный племянник В.В. Цветаева, 34
Елпатьевский Иван Кондратьевич, священник с. Новосёлка, Александровского уезда, дед С.Я Елпатьевского, 34, 37
Ерошкин Николай Павлович, историк, *236*
Есенин Сергей Александрович (1895–1925), 261
Ефрон Илья Абрамович (1847–1917), русский издатель, *78, 163, 238, 245, 287*
Жерякова Людмила Семёновна (р. 1931), педагог, 28, 150, 190, 191, *203*
Жилярди Иван Дементьевич (наст. имя: *Джованни Батиста*, 1759–1819), архитектор, *155*
Жохов Михаил Александрович (1915–1997), фрунзевед, чапаевед, краевед, 211, 280–282, 285, 286
Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт, *240*
Зайцев Алексей Эрнестович (р. 1974), инженер, 191
Зайцева (ур. *Кочеткова*) *Римма Леонидовна* (р. 1939), врач, 152, 186, 187, 191, 256, *268*
Залеман Гуго Робертович (*Романович*) (1859–1919), скульптор, академик и профессор Академии художеств (1889). Фриз «Олимпийские игры» (1902–1903) длиною 28 метров и высотою 2 метра был вырублен из каррарского мрамора в Одессе по гипсовым моделям Залемана его учеником, скульптором Мормоне (*Переписка: 2:* 240), 56
Замятина Елена Михайловна (1902*–1990-е), танцовщица, 275, *279*
Захарова Ольга Ивановна, архивистка, *288*
Звягинцева Вера Клавдиевна (1894–1972), поэтесса, 106, 107
Зевс (миф.), верховный бог греков, 44
Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1960), критик, 123
Зислин Юлий Михайлович, музейщик, *269*
Зубакин Борис Михайлович (1894–1938), поэт, розенкрейцер, 144
Зубков Александр Фёдорович (1842–1881), фабрикант, 32, 225
Зубков Фёдор Николаевич (1863–?), фабрикант, 7, 16, 227–229, 231, *236*
Зуйков Кирилл Михайлович (1859*–?), учитель Талицкой земской школы с 1887 г., 7–8, *240*
Иаков, библейский апостол, *215*
Иванов Александр Иванович (1787* – после 1860), пономарь с. Дроздово, 29, 247, 248
Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963), писатель, *269*
Иванов Николай Васильевич, ивановский поэт, 24
Иванов Пётр Александрович (1809* – после 1860), сын пономаря, 29, 247
Иванов Юрий Фёдорович (р. 1921), историк, *76*
Иванченко Наталья Станиславовна (р. 1953), поэтесса, 282, *286*
Иваск Юрий Павлович (1907–1986), поэт, критик, *159*
Изабе Жан-Батист (1767–1855), французский художник-миниатюрист, 44
Иловайская (ур. *Коврайская*) *Александра Александровна* (1852–1929), вторая жена Д.И. Иловайского, *156*
Иловайская (в первом браке – *Кезельман*, во втором – *Матвеева*) *Ольга Дмитриевна*, дочь Д.И. Иловайского от второго брака,
Иловайская Варвара Дмитриевна – см.: *Цветаева В.Д.*
Иловайская Надежда Дмитриевна (1882–1905), дочь Д.И. Иловайского от второго

брака, 99
Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920), историк, профессор, 42, 58, 88, 90. 94, 205, *300*
Иловайский Сергей Дмитриевич (1885—1905), сын Д.И. Иловайского от второго брака, 99
Илья (библ.), пророк, *18*
Илья Муромец (фолькл.), русский богатырь. Д.И. Иловайский считал, что главный богатырь народного эпоса долгое время был просто Ильёй, но в XVII в. на Руси подвизался действительный исторический казак Илья-Муромец (незаконный сын Ульяны, вдовы торгового человека Тихона Юрьева из Мурома), атаман тысячного отряда мятежных казаков, захвативших в 1609 г. Тулу. Василий Шуйский, освободив Тулу, отправил Илейку Муромца в числе других в Москву, где, сняв с него показания, его повесили. "По всей вероятности, дальнейшим фазисом этого закрепления и вместе демократизации богатыря было приурочение его к подгородному селу Карачарову и крестьянскому роду" (*Иловайский Д.И.* Богатырь-казак Илья-Муромец как историческое лицо // Исторический архив. 1893. Кн. 2. Вып. 5. С. 45, 47), 130, 140, *163*
Иоанн Богослов (церк.) – евангелист Иоанн, один из 12 апостолов – учеников Христа. Авторство Иоанна Богослова 4-го Евангелия, трёх Посланий и Апокалипсиса оспаривается, 29, 97, 211, 212, *215, 251*
Иоанн Златоуст (347—407), христианский проповедник, один из отцов церкви, *18*, 28
Иона Зелёный (XVIII в.), иеромонах, *161*
Иосиф, бесфамильный пономарь, предок Цветаевых, дед Василия Петровича Цветаева, *251*
Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (подл. фамилия: *Иванов*), (1859—1935), композитор, педагог, 54
Ираида – см.: *Беген И.А.*
Йозеф (1846—1932), разработчик фотообъективов, *202*
К., псевдоним эмигранта-галлиполийца, *157*
Каган Софья Исааковна (1902—1994), геолог, жена философа Матвея Исаевича Кагана (1889—1937), *168*
Каган Юдифь Матвеевна (1924—2000), латинистка, биограф И.В. Цветаева, М.И. Цветаевой, 5, *74—76, 78, 155, 156, 168*, 205, 255, 280, *286, 289*
Казакевич Эммануил Генрихович (1913—1962), писатель, *166*
Казанова Джованни Джакомо (1725—1798), итальянский писатель, автор многочисленных любовных и приключенческих романов, *158*
Казанский Иван Абрамович, дьякон, *236*
Казанский Фёдор Абрамович, пономарь, *236*
Калин Анна Самуиловна (1896—1984), певица, музыкант, гимназическая подруга А. Цветаевой. После революции жила в Германии. С приходом к власти фашистов, эмигрировала в Англию. Подружилась с Саломеей Андрониковой-Гальперн. Работала на радиостанции Би-Би-Си, *269*
Калинин Евгений Семёнович, искусствовед, *279*
Каллаш Владимир Владимирович (1866—1919), историк русской литературы, 86
Капустин Николай Венальевич (р. 1957), литературовед, профессор ИвГУ, 206
Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), историк, 70
Касаткин Николай Алексеевич (1859—1930), живописец, 86
Кассиль Лев Абрамович (1905—1970), писатель, *165*

Кассо Лев Аристидович (1865–1914), министр народного просвещения (1910–1914), 53, *77*
Катаев Виталий Игоревич, сын Н.И. Катаевой-Лыткиной, 196
Катаева Н.И. – см.: *Катаева-Лыткина Н.И.*
Катаева-Лыткина Надежда Ивановна (1918–2001), главный консультант Дома-музея М. Цветаевой в Москве, 196, 209, *210*, 262, 265
Кванина Татьяна Николаевна (1908–?), преподаватель-словесник, жена писателя Н.Я. Москвина, *162*
Кипнис Соломон Ефимович (1919–2001), исследователь-некрополист, *168*
Киршенко-Волошина Елена Оттобальдовна (1850–1923), мать М.А. Волошина, *157*
Киселёв Николай Андреевич (1888–1948), финансовый работник, 24, 85, 251, 281, *286*
Киселёв Николай Николаевич (1916–1936), сын А.П. Цветаевой, 21, 84, 85, *155*, 280 282–285
Киселёва Н.Н., 191
Киселёва Тамара Николаевна (1926–1992), дочь А.П. Цветаевой, 23, 85
Клайнер Ирина, музыкант, *291*
Клейн (ур. *Папуш*) *Надежда Николаевна* (1882–1972), учительница, библиограф, вторая жена Р.И. Клейна, *77*
Клейн Наталья Андреевна (1864–1911), жена Р.И. Клейна, *77*
Клейн Роман Иванович (1858–1924), архитектор, академик, 45–47, 49–51, 54, 61, *77*, *289*
Клепинин Николай Андреевич (1899–1941), в 1920 г. эмигрировал в Сербию, получил образование в Белградском университете. С 1926 г. жил в Париже. Евразиец. С 1933 г. был связан с иностранным отделом ОГПУ. В октябре 1937 г. вернулся в СССР, в ноябре 1939 г. – арестован. Расстрелян в 1941 г., 122
Клепинина (ур. *Насонова*) *Антонина Николаевна* (1894–1941), жена Н.А. Клепинина, 122
Клепинина-Львова Софья Николаевна (1927–2000), цветаеведка, 207
Клыков Вячеслав Михайлович (р. 1939), скульптор, *163*
Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, академик (1900), *76*
Ковалёва Т.В., искусствовед, 75
Коваль Людмила Михайловна, литературовед, 75, 160
Козев Николай Алексеевич, журналист, *165*
Козлова Лилит Николаевна, цветаеведка, *166*
Коковцев Владимир Николаевич (1853–1943), российский государственный деятель, министр финансов (1904–1914), председатель Совета Министров (1911–1914). После революции эмигрировал, *78*
Кокушкин Захар Леонтьевич, фабрикант, 226, *238*
Колбасина-Чернова Ольга Елисеевна (1886–1964), писательница, журналистка, жена (до 1923 г.) известного политика Виктора Михайловича Чернова (1873–1952), *158*
Колчак Александр Васильевич (1873–1920), участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1916–1917 гг. – командующий Черноморским флотом. Адмирал (1918). В 1918 г. установил на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке военную диктатуру. Принял титул верховного правителя Российского государства. В ноябре 1919 г. был выбит из Омска, выдан союзниками иркутским партизанам. 7.02.1920 г. по приговору Иркутского ВРК расстрелян, *297*

Комаров Юрий Всеволодович (р. 1949), телеоператор-методист, *291*
Комарова Галина Николаевна, ответственный секретарь Ивановского отделения ВДОЛК (Всесоюзное добровольное общество любителей книги), 207
Кондратьев Станислав Александрович, фотограф, *324*, *326*, *327*
Конрад Джозеф (подл. имя: *Коженевский, Теодор Юзеф Конрад*, 1857–1924), английский писатель, 145, *269*
Конторин Сергей Васильевич, цветаевед, 197
Конягина Наталья, журналистка, *298*
Коптева Наталья Алексеевна – см.: *Кублановская Н.А.*
Коптева Оксана Александровна, директор Музея семьи Цветаевых (с 2007 г.), *35*
Коркина Елена Баурджановна, цветаеведка, *290*, *291*
Корнилов Виктор Яковлевич, реставратор, 198
Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал от инфантерии, командующий Добровольческой армией, 104, *157*, *297*
Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), писатель, 174
«Дети подземелья», 174
«Слепой музыкант», 174
Корш Фёдор Евгеньевич (1843–1915), лингвист, профессор Моск. ун-та, академик, 41
Корыгин Константин Николаевич (1894–1953), живописец, 270
Корытникова Наталья Николаевна, член Цветаевской комиссии, 194, 195
Костин Владимир Иванович (1905–?), искусствовед, *273*, *279*
Котова (ур. *Рубцова*) *Нонна Ивановна*, педагог, *74*
Кочетков Александр Сергеевич (1900–1953), поэт, переводчик, 131
Кочетков Лев Леонидович (р. 1940), инженер-энергетик, 177, 256, *268*
Кочетков Леонид Львович, сын Льва Леонидовича Кочеткова, 187
Кочетков Леонид Яковлевич (1914–1948), майор медицинской службы, 177, 182
Кочеткова Галина Константиновна (р. 1914), врач, *20*, *36*, 82, 148, 152, *154*, *168*, 178, 182, 191, 195, 196, 198, 200, 202, 205, 209, *210*, 211, *252*, 253, *254*, 255, *257*, 258, *260*, *267–269*, 280, 281, 285, 286, *289*
Кочеткова Римма Леонидовна – см.: *Зайцева Р.Л.*
Крамаревская Мария Ивановна, начальница гимназии, 173
Краснопольская Лариса Михайловна (р. 1952), правнучка С.П. Цветаева, 206
Краснопольская (ур. *Цветаева*) *Оксана (Ксения) Сергеевна* (1902–1978), 81
Краснопольский Иван Михайлович (1902–1937), инженер, специалист по редким металлам. Репрессирован, 81
Краснопольский Михаил Иванович (1928–2001), геолог, 206
Крель, владелец питомника плодовых деревьев, 230
Крутикова М.Г., цветаеведка, *290*
Крылов Иван Андреевич (1769–1844), баснописец, 169
Кублановская Наталья Алексеевна, директор Музея семьи Цветаевых в Ново-Талицах (1990–2006), директор Ивановского государственного историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурылина, *36*, 206, *245*, *287*
Кудряшова Елена Ивановна (1937–2007), 206
Кузнецова Мария Ивановна (псевд. *Гринёва*, 1895–1969), артистка, вторая жена Б.С. Трухачёва,
Кузнецова И.Н., экскурсантка, 199,
Кузнецова Софья Ивановна, директор музея Ивановского интердома, 254
Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935), советский государственный деятель, председатель ВСНХ и Госплана СССР, 154

Кунци Даниэль, швейцарский историк, *160*
Куприяновский Павел Вячеславович (1919—2002), литературовед, профессор ИвГУ, 193, 195, 201, *289*
Куракина-Нарышкина Наталья Петровна, помещица, 13, *19*
Курбатова Рипсимья Степановна, домработница Цветаевых, 22, 280, 283, *286*
Куроедов Василий Николаевич, шуйский уездный предводитель дворянства (1874—1884), 34
Кутепов Александр Петрович (1882—1930), генерал царской армии, *157*
Кушнерев Сергей Анатольевич (р. 1962), журналист, *267*
Лаверычев Владимир Яковлевич (1924—1993), историк, *238*
Лаказ Люсиль и Маргерит, сёстры, хозяйки пансиона в Лозанне, 99
Лампе Алексей Александрович, фон (1885—1967), генерал-майор, публицист, издатель, участник Белого движения, с 1920 г. – в эмиграции. Начальник Русского Общевоинского союза с 1957 г., *287*
Лаокоон (миф.), герой одного из мифов троянского цикла, жрец, предостерегавший троянцев не брать дара данайцев – деревянного коня, посредством которого греки хотели овладеть Троей. Покровительница греков, Афина Паллада напустила на Лаокоона двух морских змей, погубивших его и двух его сыновей. Сюжет этот запечатлён в скульптурной группе «Гибель Лаокоона и его сыновей», выполненной в 50 г. до н.э. родосскими скульпторами Агесандром, Атенодором и Полидором, которая считается непревзойдённым шедевром скульптуры, 46
Ласказ (Лас-Казес) Эммануэль Огюст Дьедонне (1766—1842), граф, секретарь Наполеона, *157*
Лебедев Алексей Алексеевич (1912—1941), поэт-маринист, *293*
Лебедева (в замужестве *Кроль*) *Ирина Владимировна* (1916—?), дочь М.Н. Лебедевой, ближайшая подруга А.С. Эфрон в эмиграции, 120
Лебедева (ур. баронесса *Спенсер*) *Маргарита Николаевна* (1880—1958), врач, подруга М.И. Цветаевой, 120
Лебедева (ур. *Мотылькова*) *Мария Степановна* (1931—2005), цветаеведка, *80*, 202, 207, *251*, *256*, *260*, *289*
«Неостывающая память», *289*
Левицкая Галина Петровна (1922—2004), скульптор, 272
Лейбова Клавдия Овсеевна (р. 1938), литератор. С 1998 г. живёт в Берлине, *156*
Лейтес Флора Моисеевна, жена критика-литературоведа А.М. Лейтеса (1899—1976), 124
Лейхтенбергский Г.Н. – см.: *Романовский*, князь, *287*
Ленин Владимир Ильич (1870—1924), *20*, 42, *289*, *297*, *312*
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), 52, 58, *77*, 123, 142
Либединская (ур. *Толстая*) *Лидия Борисовна* (1921—2006), писательница, 207
Ливен Анатолий Павлович (1873—1937), князь, полковник, деятель Белого добровольческого движения в Прибалтике; в эмиграции с 1919 г., *287*
Лилеева Ирина Александровна (1921—1983), филолог, падчерица А.И. Цветаева, 95
«Бальзак в воспоминаниях современников», 95
Линд Евгений Алексеевич, педагог, создатель Музея блокадного Ленинграда «А музы не молчали», 198
Линье Джеймс, художник, 45
Липеровская (ур. *Юркевич*) *Софья Ивановна* (1892—1973), педагог, *157*
Лисин Михаил Евгеньевич (р. 1956), журналист, 152, *168*
Лисицына Людмила Николаевна, директор ГАИО,

Лисичкина Т.М., 196
Литвак Ольга Яковлевна, литературный редактор первого издания книги «Дом Цветаевых», *289*
Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906—1999), литературовед, академик, 208, *210*
Лобазов Василий Михайлович (1885—?), председатель коммуны, колхоза в Ново-Талицах, *20*
Лобыцын Владимир Викторович (1938—2005), журналист, историк, *161*
Ломоносова (ур. *Розен*) *Раиса Николаевна* (1888—1973), литератор, *158*
Лонго Айза Пессина, цветаеведка, профессор, 194, 210, 253, 254
Лонго Джузеппе (р. 1929), физик, профессор Болонского университета, 254
Лонго Луиджи (1900—1980), деятель итальянского и международного коммунистического движения, генеральный секретарь компартии Италии (1964—1972), председатель – с 1972 г., депутат парламента, *254*
Лопе де Вега Феликс (1562—1635), испанский драматург, 139
Лосская Вероника К., цветаеведка, *291*
Лука (библ.), евангелист, *215*
Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), наркомпрос (1917—1929), 61, *163*
Львов Алексей Фёдорович (1798—1870), композитор, *240*
Львовы – см.: *Клепинины А.Н.* и *Н.А.*
Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936), историк, академик АН СССР (с 1929), ректор Московского ун-та (1911—1917), 47, 60, *76*, *78*
Ляхова И., подруга А. Цветаевой, *157*
Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт, 8, *17*
«Колыбельная песня», 8, *17*
Малларме Стефан (1842—1898), французский поэт-символист, 133
Мальмберг Владимир Константинович (1860—?), профессор истории искусств, директор Музея изящных искусств, 60
«И.В. Цветаев», 60
Мальцов Иван Сергеевич (1806—1880), дипломат, промышленник, *76*
Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938), поэт, 141, *269*
Манохин Николай Фёдорович (1855—1915), танцовщик, режиссёр балетной труппы Большого театра, 86, 91, *155*
Мария Фёдоровна (ур. принцесса *Мария-София-Фридерика-Дагмара*, 1847—1928), дочь датского короля Христиана IX (1847—1928), русская императрица (1866—1894), жена Александра III. Овдовев, сохраняла за собой высшее управление ведомством императрицы Марии, 54, 72
Марков Сергей Леонидович (1878—1918), генерал, командир офицерского полка Добровольческой армии, названного после его гибели Марковским, 104
Марова Галина Константиновна (?—2005), педагог, зав. музеем в с. Васильевское, *238*
Масарик (Masaryk) Томаш (1850—1937), первый президент Чехословацкой республики, образованной в 1918 г., 159
Матвей Андреевич – см.: *Введенский М.А.*
Матенина Людмила Николаевна, заведующая Литературным музеем ИвГУ, 206
Матросов Александр Матвеевич (1924—1943), Герой Советского Союза, 139
Махов Никифор Иванович, ивановский рабочий, участник революционного движения, 191, *203*
Махов Фортунат Никифорович (1932—1990), краевед, 191, 192, 195, *203*
Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930), 114, *159*, *315*
Мейербер Джакомо (подл. имя: *Якоб Либман Бер*, 1791—1864), французский

композитор, 42, 96
«Гугеноты», 42, 96
Мейн Александр Данилович (1836—1899), дед М.И. и А.И. Цветаевых, банковский чиновник, сотрудник «Московских губернских ведомостей», член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств, 74, 122, 160
Мейн Мария Александровна – см.: *Цветаева М.А.*
Мейн (ур. *Бернацкая*) *Мария Лукинична* (1841—1869), мать М.А. Мейн,
Мейн Сусанна Давыдовна (1845—1919), вторая жена А.Д. Мейна, 74
Мельников Павел Иванович (1818--1883), русский писатель, *36*
Мельников-Печёрский Андрей – см.: *Мельников П.И.*
Меркулов Ефим Кириллович, брат П.К. Меркулова,
Меркулов Пётр Кириллович (1774—1857), генерал-майор, тайный советник, 12, 13, *19*
Меркулов Яков Петрович (1814—1849), штабс-ротмистр, 12, *19*
Меркулова (ур. *Молчанова*) *Варвара Яковлевна* (1782—1852), помещица, 12, *18, 19*
Меркулова Екатерина Петровна, дочь П.К. Меркулова, *19*
Меркулова Наталья Петровна, дочь П.К. Меркулова, *19*
Меркулова (ур. *Селиванова*) *Нина Васильевна* (1911—2002), архитектор, падчерица Н.Л. Киселёва, *155*, 281, 285, *286*
Меркулова Татьяна Петровна, дочь П.К. Меркулова, *19*
Меркурьева Вера Александровна (1876—1943), поэтесса, *160, 163*
Мещёрская (ур. *Трухачёва*) *Маргарита Андреевна* (р. 1947), старшая внучка А.И. Цветаевой, 141, 146, 149, *168*, 266
Мещёрская Ольга Ростиславовна (р. 1976), правнучка А.И. Цветаевой, 141, 149, *168*, 262, 266, *267*
Миллер Владимир Александрович, сын хозяина пансиона в Нерви, 98, 99
Миллер Всеволод Фёдорович (1848—1918), лингвист, академик, 66, *155*
Милюков Павел Николаевич (1859—1943), историк, публицист, политический деятель, *76*
Минц Алексей Маврикиевич (1916—1917), сын А.И. Цветаевой, 143
Минц Маврикий Александрович (1886—1917), второй муж А.И. Цветаевой, 143, *166*
Миртов Павел Петрович (1789*—1867), дьячок, *236*
Михаил, священник, отец Е.М. Цветаевой, 250
Михаил Фёдорович (*Романов*, 1596—1645), русский царь (1613—1645), *312*
Михайлов Кондрат, священник шуйской Крестовоздвиженской церкви, 246
Михалков Никита Сергеевич (р. 1945), актёр, кинорежиссёр, народный артист России (1984), председатель президиума Российского фонда культуры (с 1993), председатель Союза кинематографистов (с 1998), *163*
Мищенко Михаил Арсеньевич, астраханский мещанин, иваново-вознесенский фотограф (1904—1917). Ателье располагалось по адресу: Пески, дом Скорынина, ныне ул. Жарова. Сообщ. *Г.Г. Мозговой*, 174
Мнухин Лев Абрамович (р. 1938), цветаевед, *290*
Модестов Василий Иванович (1839—1907), антиковед, профессор Казанского университета, 60, 75, 77, 79, *287*
Мозгова Галина Глебовна (р. 1966), владимирская краеведка, *305*
Мокрова Г.Ю., руководитель театра-студии «Зоркое сердце», 194
Молодцова Евгения Михайловна (1937—2002), научный сотрудник Музея семьи Цветаевых, 199
Молчанов Никифор Иванович, отставной контр-адмирал, помещик, 11, 13, 14, *18*, 217
Молчанов Яков Никифорович (1739 – до 1810), коллежский советник, помещик,

владимирский совестный судья (1791—1793), похоронен вблизи Варваринской церкви , *18, 19*
Молчанова Наталья Александровна (р. 1947), литературовед, профессор Воронежского университета (с 2002 г.), 206
Морозов Александр Иванович (1902—1997), народный художник СССР, 93, 211, 269, 272—278, *279, 289*
Морозов Михаил Абрамович (1870—1903), фабрикант, меценат, 46
Морозов Савва Тимофеевич (1863—1905), фабрикант, меценат, 46
Морозова (ур. *Симонова*) *Мария Фёдоровна* (1830—1911), фабрикантка, благотворительница, 46
Морозова Светлана Николаевна, ивановка,
Москаленко Е.Н., 166
Москвин (наст. фамилия: *Воробьёв*) *Николай Яковлевич* (1900—1968), писатель, *162*
Муля (от *Самуил*) – см.: *Гуревич С.Д.*
Мур – см.: *Эфрон Г.С.*
Муравьёва Галина Павловна, математик, доцент ИвГУ, краевед, *210*
Мустафин Рафаэль Ахметович (р. 1931), татарский писатель, *165*
Надя – см.: *Иловайская Н.Д.*
Назаров Михаил Иванович, художник, 196
Назарова Лариса Владимировна, зам. пред. Ивановского отделения Российского фонда культуры, ныне – вице-президент Российского фонда культуры, 5
Назимов Сила Иванович (1868— после 1917), псаломщик, уволен из 1-го класса Суздальского ДУ в 1878 г., до 1890 г. – послушник Николаевского Переяславского монастыря, 7
Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император, 100—102, 108, 109, 112, *157*
Наполеон II Жозеф-Франсуа-Шарль-Бонапарт (1811—1832), сын Наполеона I и Марии Луизы, с 1818 г. герцог Рейхштадтский, 100, 102, 109, 112
Настюкова Ольга Александровна, врач, 186
Н. Бор-ский (псевд.), автор статьи в «Московских ведомостях», *78*
Немчевский (?), 197
Нечаев-Мальцев (Мальцов) Юрий Степанович (1834—1913), промышленник, миллионер, меценат, товарищ председателя Комитета по устройству Музея изящных искусств им. Александра III, 47, 48, 54, 57, 60, 61, *76, 77*, 84, 130
Нечаева Галина, тележурналистка, *291*
Никитин Иван Саввич (1824—1861), поэт, 179.
«Зимняя ночь в деревне», 179
Никитина Галина Яковлевна (р. 1931), цветаеведка, *267, 269, 288*
Никишин Владимир Александрович (р. 1951), ивановец, автокрановщик, *79*
Николаев Алексей Иванович (р. 1960), литературовед, 206
Николаева Клара Сергеевна, литературовед, доцент ИвГУ, 206
Николай II (1868—1918), российский император, 52, 54, 55, *240*, 243, 244
Николай Мирликийский (VI в.), архиепископ г. Мира в Ликии, христианский святой, 11, *18*
Николай Михайлович (подл. имя: *Романов Николай Михайлович*, 1859—1919), Великий князь, историк, *80*
Николай Угодник (церк.) – см.: *Николай Мирликийский*

Никологорская (ур. *Баскакова*) *Ирина Александровна*, педагог, 190, *203*
Никольский Фёдор Иванович (1840–1893), дьякон, *236*
Огарёв Николай Платонович (1813–1877), поэт, публицист, революционный демократ, *245*
Опекушин Александр Михайлович (1838–1923), скульптор, академик Академии художеств, *77*, *78*
Орлов Алексей Иванович, врач-ординатор калужской губернской земской больницы (1902), секретарь губернского общества врачей (1909). Сообщ. В.Н. Фридгель, 82
Орлов Владимир Николаевич (1908–1985), литературовед, *156*, *162*, *164–166*
Орлова (ур. *Цветаева*) *Евгения Петровна* (1874–?), учительница, 58, 81, 82
Островский Семён Моисеевич, детский поэт, живёт в Нью-Йорке; автор книги Щедрый мандарин: Смехотворения. Подольск: Арфа, 2006. – 19 с., 92, 93
Охапкин, житель Ново-Талиц, 13
Охотина Анна Ивановна (1877*–?), учительница Талицкой женской ЦПШ, земской школы, 7, 8
Павел (библ.), апостол, 212–213
Павел I, российский император, *19*
Павленко Пётр Андреевич (1899–1951), писатель, *160*
Пальмин Игорь, фотожурналист, 263, *327*
Параскева (церк.), великомученица, при римском императоре Диоклетиане за отказ отречься от веры была обезглавлена (303–304 гг.), *318*
Параскева Пятница (церк.), 18
Парфений (в миру Павел Васильевич Чертков, 1782–1853), епископ (с 1821), архиепископ Владимирский и Суздальский (1833–1850), духовный писатель. По словам А.И. Герцена, которому «умный, ... распорядительный и своеобычный» архиерей дал благословение на брак, он «равно мог быть губернатором или генералом» и, вероятно, «генералом ... был бы больше на месте, чем монахом» (*Герцен А.И.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 4. М., 1956. С. 372). Его преосвященство был составителем православно-обрядовой части и участником церемонии переноса праха П.И. Багратиона из с. Симы на Бородинское поле в 1839 г., *35*
Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), поэт, 97, 110, 115, 124, 129, 136, 137, 146, 148, *158*, *159*, *161*, *162*, *164*, *165*, *167*, 261, *269*, *289*
Пастернак (ур. *Еремеева*, в первом браке – *Нейгауз*) *Зинаида Николаевна* (1896–1966), вторая жена Б. Пастернака, *161*
Пауль Сергей Миронович, мемуарист. Прапорщиком офицерского полка Добровольческой армии «спокойно» расстреливал «мятущихся большевиков» (*Белое дело*: 68). После войны он – святой обители «недостойный послушник, раб Божий Сергей» (*Белое дело*: 66), *157*
Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968), писатель, *156*
Пашков П.Е., домовладелец, отставной капитан-поручик, богатый откупщик, хозяин дома на ул. Моховой, выстроенного, по предположению, В.И. Баженовым в 1784–1787 гг., 42
Петрарка Франческо (1304–1374), итальянский поэт, 139
Петров Прокопий, дьячок, 246, 248
Петрова Татьяна Сергеевна (р. 1949), филолог, доцент ШПГУ, 206
Пешкова Екатерина Алексеевна (1901–1906), дочь М. Горького, 102
Пешкова (ур. *Волжина*) *Екатерина Павловна* (1876–1965), жена М. Горького,

общественная деятельница, 131
Пётр I (1672—1725), российский император, 71
Пётр Осипович (Иосифович, 1759*—1811), бесфамильный пономарь, прадед И.В. Цветаева, *36, 78*, 250, *251*
Пирогов Александр Степанович (1899—1964), певец, народный артист СССР, 124
Писанов Геннадий, школьник, краевед, 190
Писаревский Григорий Григорьевич (1868— после 1942), историк, *80*
Писаревский Лев Моисеевич (1906—1974), скульптор, автор скульптуры «Бурлак» на набережной Волги в г. Рыбинске, *279*
Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), поэт, 169
Погодин Николай (подл. имя: *Стукалов Николай Фёдорович*, 1900—1962), драматург, 131
Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, полководец, 71
Покровский Михаил Николаевич (1868—1932), историк, академик АН СССР (1929), 86
Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927), художник, 90
Поливанов Лев Иванович (1838—1899), педагог, директор частной мужской гимназии, носившей его имя, 90
Полосина Татьяна Геннадьевна, журналистка, 199, *204, 210*,
Полотебнов Андрей Григорьевич, протоиерей, настоятель Петропавловской церкви на Ново-Басманной, законоучитель Второй женской гимназии, редактор, издатель ж. «Радость Христианина», *80*
Помяловский Иван Васильевич (1845—1906), филолог, археолог, профессор Петербургского университета, *75*
Попадюк Сергей Семёнович, искусствовед, *161, 162*
Попов Анатолий Петрович, историк фотографии, *202*
Попов Константин Семёнович, компаньон чае-торговой фирмы «Братья К. и С. Поповы», 222
Потерилло Андрей Сергеевич (р. 1978), правнук А.И. Цветаевой, 149, *168*
Потоцкая Варвара Васильевна, начальница гимназии, 144, *167*
Присс Давенн (*Priss d'Avennes*) (1807—1879), французский египтолог, 89
«История искусства египтян», 89
Прозоров Василий Вуколович (1821—1865), дьячок Васильевской церкви при Киселёвской больнице в г. Шуе, свояк В.П. Цветаева; у него в годы учёбы в ШДУ жил И.В. Цветаев, 189
Пушкин Александр Александрович (1833—1914), сын А.С. Пушкина, генерал от кавалерии, председательствующий Московского присутствия Опекунского совета, *78*
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), 5, 28, 33, 57, 61, 65, *78*, 108, 116, 130, 139, 169, 188, 198, *203*, 260—262, *288, 289*
«Труд», 57
Радзевич (*Родзевич*) *Константин Болеславович* (1895—1988), участник гражданских войн в России и Испании. Одновременно с С.Я. Эфроном учился в Карловом университете. Герой поэм Марины Цветаевой «Поэма горы» и «Поэма конца». С 1926 г. жил во Франции, *159, 160*
Рат-Вег Иштван (1870—1959), венгерский писатель, *210*
Рафаэль Санти (1483—1520), *279, 312*
Ревякина Нина Викторовна, историк, профессор ИвГУ, 194, *204*, 254
Рейсс Игнатий (подл. имя: *Людовиг <Игнатий?> Станиславович Порецкий*, 1899—1937), советский разведчик, 120

Рейхштадтский герцог – см.: *Наполеон II*
Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский живописец, *269*
Реомюр Рене Антуан (1683–1757), физик; введённая им температурная шкала до сих пор применяется в ряде стран, 82
Репин Илья Ефимович (1844–1930), художник,
Рипсимия – см.: *Курбатова Р.С.*
Рита – см.: *Аксененко М.Б.*
Робин Гуд, народный герой шотландских баллад, 123
Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), председатель 3-й и 4-й Государственной думы (1911–1917), *78*
Рождественская Галина Алексеевна, художница, руководитель детской изостудии, *267*
Розанов Василий Васильевич (1856–1919), писатель, *75, 76, 80*
Розанов Василий Григорьевич (1863–?), дьякон Николаевской церкви (1893–1907), *251*
Розанова Людмила Анатольевна (р. 1925), литературовед, профессор ИвГУ–ШПГУ, 206
Розен Георгий Фёдорович (1800–1860), барон, литератор, *240*
либретто оперы «Жизнь за царя», *240*
Романов Николай Ильич (1864–1948), историк искусства, 61, *75*
Романовский, князь, герцог Лейхтенбергский *Георгий Николаевич* (1872–1929), издатель сборников «Белое дело», *287*
Ромэн Жюль (подл. имя: *Фаригуль Луи*, 1885–1972), французский писатель, 134
Ростан Эдмонд (1868–1918), французский писатель, 100, 102
Рубцова (ур. *Зимина*) *Серафима Максимовна* (1903 –1990), колхозница из д. Мильцево, зав. фермой, 38, 39
Румянцев Николай Петрович (1754–1826), государственный деятель, коллекция которого была положена в основание Румянцевского музея (1862), Румянцевский музей, 42, 48, 52, 53, 61, 70, *75, 79*, 122, *297, 325*
Ручимский К.И., публикатор, 215
Ручковская (ур. *Цветаева*) *Александра Петровна* (1887–1972), врач, 56, 82, 83
Ручковский Борис Сергеевич, онколог, доктор медицинских наук (1961), сотрудник Института клинической физиологии имени академика А.А. Богомольца АН УССР, автор книги «Очерки развития советской экспериментальной онкологии» (Киев, 1959. – 528 с.), являющейся обзором свыше 2 000 источников, 83
Ручковский Сергей Никифорович (1888–1967), микробиолог и эпидемиолог, 83
Рылеев Кондратий Фёдорович (1795–1826), поэт-декабрист, *240*
Рында Иван Филиппович, орловский педагог, 61, 65, *79, 80*
«Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева», *80*
Саакянц Анна Александровна (1932–2002), литературовед, секретарь комиссии по лит. наследию М.И. Цветаевой, 5, 139, *158*, 159, 160, 166, 201, *267, 289, 290*
Савваоф, бог-отец, 12, *18*
Садовский Борис Александрович (1881–1952), писатель, 135
Сакулин (Сакулинский) Василий Лаврентьевич (1792–1837), дьякон, 35, *163*
Сараджев Константин Константинович (1900–1942), музыкант-звонарь, композитор, *168*
Сараджев Нил Константинович, брат К.К. Сараджева, соавтор А.И. Цветаевой, *168*
Свиязова Надежда Михайловна, специалист отдела социальной сферы Администрации Ивановской области (1994), 206

Селиванова (ур. *Вильде*) *Варвара Николаевна* (1888—1972), 286
Селиванова Нина Васильевна – см.: *Меркулова Н.В.*
Селин Луи Фердинанд (подл. фам.: *Детуш*, 1894—1961), французский писатель, 134
Семёновский Дмитрий Николаевич (1894—1960), поэт, *74*
Семёновский Николай Николаевич (1863—1928), священник, 35
Сент-Экзюпери Антуан де (1900—1944), французский писатель, 141
Сергий Радонежский (подл. имя: *Варфоломей Кириллович*, 1314—1392), игумен Троицкого монастыря, 30
Сердюк Виталий Ефимович (р. 1934), писатель, 197
Сидоров Алексей Алексеевич (1891—1978), искусствовед, 60, *78*
Сидоров Борис Алексеевич (р. 1939), фотограф, краевед, 30
Синякова Ксения Михайловна (в замуж. *Асеева*, 1893—1985), *162*
Синякова Мария Михайловна (в замуж. *Уречина*, 1890—1984), художница, *162*
Синякова Надежда Михайловна (в замуж. *Пичета*, 1889—1975), певица, *162*
Скворцова Ирина Сергеевна, искусствовед, зав. Музеем А.И. Морозова с 2006 г., *279*
Склифософский Николай Васильевич (1836—1904), хирург, проф. Моск. ун-та, *75*
Скрябин Александр Николаевич (1871/72—1915), композитор, пианист, 86
Смарагдов Сергей Николаевич (1805—1871), учитель истории и географии, 192
Смирнов Александр Васильевич (1854—1918), врач, краевед, *239*, *289*
Смирнов Аркадий Павлович (1903—1942), сын П.А. Смирнова, 6, 24, *35*, 188, *202*, 251
Смирнов Константин Павлович (03.06.1887—29.12.1979), текстильщик, фотограф, 3—11, *17*, 21—24, 28, 31, 150, 152, 169, 170—178, 180, 182, 196, 216, 218
Смирнов Константин Павлович, инженер-энергетик, 188
Смирнов Николай Константинович (1915—1995), радиотехник, участник Великой Отечественной войны, 6, 11, *17*, 27, 170, 173, 176, 177, 182, 184, 187
Смирнов Павел Александрович (1863—1917), педагог, 6, *17*, 169
Смирнов Павел Константинович (р. 1924), культработник, 27, 170, 174, 177, 182, 188, 228
Смирнов Сергей Павлович (1891—1941?), педагог, 6—8, 13, *17*, *20*
Смирнов Юрий Константинович (1921—1941), шофёр, 27, 170, 174, 177, 182, 184, 188, *202*
Смирнова (ур. *Кириллова*) *Александра Васильевна* (30.04.1890—06.12.1977), жена К.П. Смирнова, 4—9, *17*, 24, 27, 28, *35*, 85, 169, 170, 172—180, 182, 196, 251
Смирнова (ур. *Соколинская*) *Александра Ефимовна* (1859*—1940), жена П.А. Смирнова, 6, 7, *17*, 24
Смирнова Антонина Павловна, учительница, 188
Смирнова Валентина Константиновна (1918—1990), врач-стоматолог, 7, 170, 173, 177, 180, 187
Смирнова Валентина Николаевна, дочь Н.К. Смирнова, 187
Смирнова Галина Константиновна – см.: *Кочеткова Г.К.*
Смирнова Л.М., искусствовед, *289*
Смирнова Мария Васильевна, учительница, жена Смирнова С.П., 8
Смирнова Мария Павловна (во втором замужестве *Беневоленская*) – см.: *Беневоленская М.П.*
Смирнова Наталья Павловна, инженер-энергетик, дочь П.К. Смирнова, 188
Смирнова Нина Константиновна (1912—1935), художница-любительница, 6, 7, *17*, 27, 170, 173—176, 179, 180, 182
Смирнова Нина Павловна (*Ниночка*), дочь П.А. Смирнова, ум. в младенчестве, 7

Смирнова Татьяна Аркадьевна, дочь А.П. Смирнова,
Смирнова Юлия Павловна (1907—?), учительница в д. Песочново, 6, 8, 173
Соколов Павел Александрович (1849*— после 1912), купец, меценат, староста Николаевской церкви (1893—1901), 38, 225, *237*
Соловьёва Любовь Павловна, первая заведующая Музеем А.И. Морозова (2001—2006), *289*
Солопова Марина Владимировна, библиотекарь, *17*
Соснина Елена Борисовна, цветаеведка, *75*, *155*, 207, *245*, *290*
Спаситель – см.: *Христос*
Ставровский Евгений Сергеевич (р. 1961), краевед, *36*, *75*, *78*, *79*, *251*, *290*
Сталин Иосиф Виссарионович (1879—1953), 16, 130, *165*, *166*, 172
Станислав св. (церк.). Орден Св. Станислава учреждён в Польше (1765), введён в число Российских в 1815 г. Имел 3 степени (с 1839 г.). С 1855 г. первая степень давала право потомственного дворянства, младшие – личного, 71
Стасова Елена Дмитриевна (1873—1966), член РСДРП с 1898 г., председатель ЦК МОПР (Международного общества помощи революционерам) СССР (1927—1937), в годы её председательства построен Ивановский интердом (открыт 15 сентября 1933 г.), *254*
Степанов Е.Е., 196
Страшнов Сергей Леонидович (р. 1952), литературовед, профессор ИвГУ, 206
Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882), граф, председатель Московского общества истории и древностей российских, основатель первой рисовальной школы (1825), с 1860 г. – худ.-пром. училища, 155
Суворов Александр Васильевич (1730—1800), 71
Сусанин Иван, крестьянин, народный герой, 240
Сцепуржинская (*Степуржинская*) *Мария Сергеевна* – см.: *Булгакова М.С.*
Таганов Александр Николаевич (р. 1950), литературовед, профессор ИвГУ, 206
Таганов Леонид Николаевич (р. 1941), литературовед, профессор ИвГУ, 206
Тагер Евгений Борисович (1906—1984), литературовед, *160*
Тагер Елена Ефимовна (ур. Хургес, 1909—1981), искусствовед, *160*
Тагор Рабиндранат (1861—1941), индийский писатель, 139
Тамбурер Лидия Александровна (1870—1940*), зубной врач, подруга дома Цветаевых (*подруга, утренняя гостья*), 53, 55, *77*
Тамерлан Тимур (1336—1405), эмир, азиатский полководец. В 3 походах (1389—1395) разгромил Золотую Орду, *161*
Таратута Евгения Александровна (1912—2005), писательница, литературовед, *165*
Тацит Публий Корнелий (ок. 58 — ок. 117), римский историк, 40, *75*, *313*
«Германия», 40, *313*
Тескова Анна Антоновна (1872—1954), чешская писательница, *158*, 159, 160, *162*
Тирсо де Молина (подл. имя: Тельес Габриэль, 1571 (1583)—1648), испанский драматург, 53, 55
Тихомиров Александр Михайлович (р. 1953), доцент ИвГУ, краевед, 195, *240*
Толстой Алексей Николаевич (1882—1945), писатель, 131, 133
Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, государственный деятель, министр народного просвещения (1866—1880), *245*
Толстой Лев Николаевич (1828—1910), писатель, *76*, 110, 141
Томский Михаил Павлович (наст. фам.: *Ефремов*, 1880—1930), партийный и государственный деятель, 121
Тоня, подруга А.И. Цветаевой по ссылке, 146—147

Трефолев Леонид Николаевич (1839—1905), поэт, *17*
«Ямщик», 8, *17*
Троцкий (наст. фамилия: Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940), участник революционного движения, большевик. После Октябрьской революции – нарком иностранных и военных дел РСФСР, председатель Реввоенсовета. В 1927 г. исключён из партии, в 1929 г. – выслан из СССР, *298*
Трубецкой Павел (Паоло) Петрович (1866—1938), русский скульптор, *79*
Трухачёв Андрей Борисович (1912—1993), инженер-строитель, сын А.И. Цветаевой, 103, 143—147, 149, *168*, 262, 264
Трухачёв Борис Сергеевич (1892—1919), первый муж А.И. Цветаевой, 103, 143
Трухачёва Маргарита Андреевна – см.: *Мещёрская М.А.*
Трухачёва Нина Андреевна (1917—1995), жена А.Б. Трухачёва, 145, 146
Трухачёва Ольга Андреевна (р. 1957), младшая внучка А.И. Цветаевой, 146, 149, *168*, *269*
Тураев Борис Александрович (1868—1920), востоковед-египтолог, академик РАН (с 1918), 90
Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель, *80*, *236*
«Новь», *236*
Тургенева Анна Алексеевна (*Ася*) (1890—1966), двоюродная внучка И.С. Тургенева, вторая жена Андрея Белого (1909—1922), 103
Тютчев Фёдор Иванович (1803—1873), поэт, *165*
«Конечно, вредно пользам государства», *165*
Ульянова Мария Ильинична (1878—1938), сестра В.И. Ленина, революционерка, 121
Фадеев Александр Александрович (1901—1956), советский писатель, генеральный секретарь Союза советских писателей, *165*
Фалкин Михаил, телережиссёр, *291*
Фёдоров Святослав Николаевич (1927—2000), офтальмолог, создатель и директор научно-технич. комплекса «Микрохирургия глаза» (1986), 265
Федюк Владимир Павлович, историк, 157
Фейнберг Маэль Исаевна (1925—1994), редактор, *168*
Ферхов В.Ф., преподаватель Орловского реального училища, *36*, *79*, *80*
Фидий (490—430 гг. до н.э.), скульптор, 44
Философов Пётр Сергеевич, специалист по строительным материалам, профессор, *168*
Фон Дервиз – см.: *Дервиз В.П.*
Форнарина, римлянка, возлюбленная Рафаэля, 275, 277, *279*
Франковский Анатолий Феликсович (р. 1935), журналист, *203*, *210*
Фрейденберг Ольга Михайловна (1890—1955), филолог-классик, профессор Ленинградского университета, двоюродная сестра Б. Пастернака, *161*
Фридгель Валентина Николаевна, жительница Калуги, редактор, издатель, *307*
Фриче Владимир Максимович (1870—1929), литературовед, академик, *80*
Фролов Николай Владимирович (р. 1967), историк, генеалог, владимирский краевед, *19*, *290*
Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925), революционер, военачальник, государственный деятель. Председатель Иваново-Вознесенского губисполкома и губкома (1918), инициатор создания и основатель Иваново-Вознесенского политехнического института, 187
Ханаков Александр Васильевич (р. 1936), краевед, фотограф, координатор цветаевского движения в 1980—90-е гг., 25, 26, 195, 198

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807), поэт, *240*
Хмелевская Ирина, педагог, 207
Христос (библ.), 45, 49, 50, *77*, 101, 199, 212, 214, 215
Христофор, христианский проповедник, мученик, пострадал в Ликии (ок. 250 г.) при императоре Деции. Вымолил себе собачью голову, по одним преданиям, чтобы не прельщать поселянок, по другим – для того, чтобы проповедь его была убедительна для язычников, *163*
Хубер Петер, швейцарский историк, *160*
Цветаев Александр Васильевич (1834*—30.05.1898), священник, 34, *35*, *36*, 72, 189, 190, 248, 250, *251*
«Памяти отца Владимира Васильевича Цветаева, священника погоста Талиц», *36*, *287*
«Слово пастыря», *36*
Цветаев Александр Владимирович (1857—1858), сын В.В.и Е.В. Цветаевых, 32, *36*
Цветаев Александр Фёдорович, сын Ф.В.Цветаева, 153
Цветаев Андрей Иванович (19.04.1890—8.04.1933), художественный эксперт, 42, 43, 56, 86, 87, 93—95, 141, 144, *156*, 261, *290*
Цветаев Василий Петрович (1790*— ок. 1853), священник, прадед Анастасии и Марины Цветаевых, 29, *36*, 189, 190, 250, *251*, 257, *260*
Цветаев Владимир Васильевич (1818*—19.03.1884), священник, дед Анастасии и Марины Цветаевых, 4, 23, 29—34, *35*, 37—39, 46, 59—62, 72, 82, 130, 171 188—190, 193, 195, 205, 211, 212, *236*, 241, 246, 247, 249, 250, *251*, 255, 258, 262, *287*
«Слово на день Иоанна Богослова», 212—215
Цветаев Владимир Дмитриевич (1891—1937), профессор МИСИ, 56, 153, *168*
Цветаев Владимир Петрович (1877—1928*), чиновник, титулярный советник, 81, 82, *154*
Цветаев Дмитрий Владимирович (30.01.1852—1920), историк, профессор, 33, 39, 56, 58, 63, 65, 67—72, *78—80*, 149, 153, 205, *251*, 261
«Баллады Шиллера», 67, *80*
«В школе», *80*
«Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований», 68, 70
«О веротерпимости по русским законам», 69
«Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках», 70, 71
«К истории Смутного времени», 70
«Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше», 70
Цветаев Иван Владимирович (16.05.1847—12.09.1913), филолог-классик, профессор Московского университета, основатель Музея изящных искусств, 4, 5, *19*, 25, 28, 32, 33, 39—63, 65, 67, 68, 70—74, *75—80*, 81, 83, 84, 86—89, 93—95, 97—100, 103, 122, 128, 142, 149, 153, *155*, *156*, *159*, *168*, 188, 197, 199, *203*, 205, 209, *210*, 211, 216, *236*, 241, 244, *245*, 247—249, *251*, 253, *254*, 255—258, 260, 262, *267*, *268*, 270, *286*, *287*, *289—291*
«Автобиография», 33, 241—245
«Итальянские диалектические надписи», 41, 244
«Каталог Музея изящных искусств», 194
«Cornelii Taciti. Germania. Опыт критического обозрения текста», 40, *75*
«О храмах востока, мира классического, Этрурии и первых веков христианства», 56
«Прежде и теперь», 216—240

«Сборник осских надписей», 41
«Спорные вопросы», 52
«Учебный атлас античного ваяния», 244
Цветаев Иван Петрович (1881—1888), сын П.В. Цветаева, 23, 81, 189, 250, *251*
Цветаев Николай Владимирович (1843—1847), сын В.В. Цветаева, 31, *36*, 246
Цветаев Николай Фёдорович, сын Ф.В. Цветаева, 153
Цветаев Пётр Владимирович (22.06.1842—4.02.1902), священник, 23, *35*, *36*, 37, 58, 60, 73, 81—84, *154*, 190, 195, 205, 206, 248—250, *251*, 264
Цветаев Сергей Петрович (1873—1913), врач, 81, 82, *154*
Цветаев Фёдор Владимирович (29.08.1849—11.02.1901), педагог, 23, 32, 33, 39, 58, 61, 67, 71, 72, *79*, *80*, 83, 149, 153, 189, 190, *204*, 205, 248, 249, *250*, *251*, *290*
Цветаев Юрий Владимирович (1904—1983), капитан I ранга, 81—83, 191, 282, *286*
Цветаева Александра Дмитриевна (1889—?), дочь Д.В. Цветаева, 154
Цветаева Александра Петровна (1885—1886), дочь П.В. Цветаева, 81
Цветаева Александра Петровна – см.: *Ручковская А.П.*
Цветаева Анастасия Ивановна (27.09.1894—5.09.1993), писательница, 5, 28, 36, 43, 56—58, 60, 68, 74, *78—80*, 86, 87, 90, 92, 94, 95, 98—100, 103, 121, 128, 140—153, *156*, *157*, *162*, *166—168*, 188, 190—192, *203*, 205, *210*, 211, 255—266, *267—269*, *288*, *290*
«Близнецы», 145, 146, *269*
«Воспоминания», 28, 148, *167*, *168*, 191, *203*, 258, 262, *267*, *290*
«Дым, дым и дым», 142, *166*
«Королевские размышления», 142, *166*
«Мне 80 лет», 265, *268*
«Московский звонарь», 148, *168*
«Моя Сибирь», 148, *168*, 264, *268*
«Непостижимые», 266, 268
«О чудесах и чудесном», 266, *268*
«Сом», 144
«Старость и молодость», 148, *168*
«AMOR», 257, *290*
«Amor», 145, 148
«Моя Голландия», *269*
Цветаева Антонина Петровна (1.06.1890—30.04.1928), врач, 21—24, 58, 82—85, *155*, 156, 280, 282, 285
Цветаева Валерия Ивановна (*Лёра*, 21.01.1883—17.08.1966), танцмейстер, преподаватель, 25, 42, 43, 48, 56, 57, 73, 74, *78—80*, 81, 84, 86—94, 96, 97, 138, 141, 142, 146, 147, 153, *155*, *156*, 211, 269—271, 273—278, *287*, *290*
«Записки», 73, 91, *156*, *287*, *290*
Цветаева Варвара Васильевна, жена С.П. Цветаева. В 1916—1917 гг. служила в городской бесплатной лечебнице на ст. Лосиноостровская Северной ж.д., 82
Цветаева (ур. *Иловайская*) *Варвара Дмитриевна* (1858—10.05.1890), первая жена И.В. Цветаева, 42, 88, 91, 94, 96, 190
Цветаева (ур. *Пшицкая*, *Пчицкая*, в первом браке – *Лилеева*) *Евгения Михайловна* (1895—1987), агроном, библиограф, жена А.И. Цветаева, 95—97
Цветаева Евгения Николаевна, жена Ф.В. Цветаева, 66, 153
Цветаева Евгения Петровна – см.: *Орлова Е.П.*
Цветаева Евдокия Михайловна (1800*—1876), жена В.П. Цветаева, 29, 189, 190, 248, 250, *251*

Цветаева (ур. *Сакулина*) *Екатерина Васильевна* (1824*—1858), попадья, жена В.В. Цветаева, 23, 29, 32, 34, *35*, 59, 60, *163*, 188, 190, 246, 247, 250, *251*
Цветаева Екатерина Дмитриевна, дочь Д.В. Цветаева, 154
Цветаева Екатерина Фёдоровна, дочь Ф.В. Цветаева, 153
Цветаева Елена Александровна – см.: *Добротворская Е.А.*
Цветаева Елизавета Евграфовна, жена Д.В. Цветаева, 69, 83—84, 153, *154*
Цветаева Инна Андреевна (1931—1985), биолог, энтомолог, 95—97, *156*
«Разведение насекомых для использования в биологической борьбе с вредителями растений», 156
Цветаева Лариса Митрофановна (1898—1993), жена В.Д. Цветаева, 154
Цветаева Марина Ивановна (26.09/8.10.1890—31.08.1941), поэт, 4, 5, 28, 30, 31, 34, *36*, 43, 48, 53, 56—60, 67—69, *74*, *77—80*, 84, 86, 87, 92, 97—136, 138—141, 143—146, 149, 151, 153, *154—162*, *164—166*, *168*, 190, 191, 198, 202, *203*, 205, 209, 253, *254*, 258, 260—262, 265, *267*, *269*, *287*, *288*, *290*, *291*
«Вечерний альбом», 102
«Избранные произведения» (БП), 139
«История одного посвящения», *163*
«Маяковскому», 114
«Мой Пушкин», 136
«Молитва», 101
«Музей Александра III», *77*, *154*
«Не знаю, где ты и где я...», 107—108
«Ода пешему ходу», 116
«Перекоп», 115
«Под рокот гражданских бурь...», 106
«Приключение», 112
«Просто сердце», 139
«Психея», 107—108
«Пушкину», 116
«Ремесло», 109
«Стихи к сыну», 116—117, *159*
«Тоска по Родине! Давно...», 114—115
«Театр», 139
«У первой бабки четыре сына», 34
«Феникс», 112
«Фортуна», 112
«Четвёртый год...», 108
Цветаева (ур. *Богословская*) *Мария Александровна* (1845*—1928*), попадья, жена П.В. Цветаева, 21—23, *35*, 38, 81, 82
Цветаева (ур. *Мейн*) *Мария Александровна* (1868—1906), жена И.В. Цветаева, мать М.И. и А.И. Цветаевых, 25, 43, 45, 50, 51, 57, 58, 60, 74, 86, 87, 93, 94, 97—100, 122, 128, 248
Цветаева Марья (*Мария*) *Васильевна* (1827*—?), дочь В.П. Цветаева, 34
Цветаева (ур. *Елпатьевская*) *Марья Ивановна*, попадья, жена А.В. Цветаева, 34, 189, 246, 250
Цветаева Оксана (*Ксения*) *Сергеевна* – см.: *Краснопольская О.С.*
Цветаева Пелагея Васильевна (1838*—?), дочь В.П. Цветаева, 34
Цветаева Прасковья Васильевна (1824*—?), дочь В.П. Цветаева, 34
Цветаева Софья Петровна (1879*—1880), дочь П.В. Цветаева, 81
Цветкова Зоя Михайловна (1901—1981), лингвист, подруга А.И. Цветаевой,

профессор Института иностранных языков, 145, *167*
Чайковский Пётр Ильич (1840—1893), композитор, 86
«Евгений Онегин», 86
Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869—1942), математик, гидро- и аэромеханик, академик, 86
Чарская Лидия (подл. имя: *Чурилова Лидия Алексеевна*, 1875—1937), писательница, 174
Чернова (ур. *Смирнова*, в первом браке – *Буслаева*) *Клавдия*, родственница Смирновых из д. Липовицы Нижегородской обл., 27
Черномор (фолькл.), 69
Чернопятов Виктор Иванович, историк, генеалог, *80*
Черняев Павел Николаевич (1863—1931), профессор Варшавского и Ростовского университетов, *75*
Чехов Антон Павлович (1860—1904), писатель, 81, 110
Читнёв Иван Иванович (р. 1931), журналист, *238*
Чупахин, тележурналист, 197
Чуриловский Иван Петрович (1803—1883), педагог, 39, 40, 64, *74*, 241, 243
Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1982), писательница, *267*, *268*
Шагинян Мирэль Яковлевна (р. 1918), художница, *267*
Шаховской Иван Иванович, действительный статский советник, член московской конторы Госбанка, комитета для содействия устройства студенческого общежития при Московском университете, *79*
Шварц Александр Николаевич (1848—1915), действительный тайный советник (1910), филолог-классик, доцент (1875) и профессор Московского университета (1884), директор Константиновского межевого института (1897), попечитель Рижского (1900), Варшавского (1902) и Московского (1905) учебных округов, сенатор (1905), член Госсовета (1907), министр народного просвещения (1908—1910), 52, 53
Шабалина Алевтина Васильевна, журналистка, 192
Шевлягин Сергей Иасонович (1882—1965), педагог-латинист в гимназии Л.И. Поливанова, 88—90, 92, 271, 274—276, 278
Шереметев Борис Петрович (1652—1719), граф, генерал-фельдмаршал (1701), *298*
Шереметев Дмитрий Николаевич (1803—1871), граф, *238*
Шереметев Николай Петрович (1751—1809), граф, обер-камергер, владелец крепостного театра, *237*, *238*
Шереметев Пётр Борисович (1713—1788), граф, обер-камергер, *237*
Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918), граф, обер-егермейстер, историк, член Госсовета (1900—1917), *78*, 226, *237*, *238*
Шестернин Сергей Павлович (1864—1944), юрист, иваново-вознесенский городской судья, член «Северного рабочего союза», *203*
Шиллер Фридрих (1759—1805), поэт, драматург, 67, *80*
Шимановская (ур. *Молчанова*) *Мария Яковлевна*, помещица, *18*
Шимановский Виктор Васильевич (1764—1831), помещик, титулярный советник, шуйский уездный предводитель дворянства, *18*
Шингарёва Галина Николаевна, преподаватель ИвГУ, *286*
Шипулина Анна Владимировна (1906—1980), историк, профессор ИвГУ, *203*
Ширкевич Зинаида Митрофановна (1895—1977), художница-прикладница, подруга Е.Я. Эфрон, *163—166*
Шишкин Иван Иванович (1832—1898), художник, *161*
Шишкин Иван Васильевич (1792—1872), елабужский купец, краевед, отец

И.И. Шишкина; в конце жизни перешёл в мещанское сословие, *161*
Шкодина (ур. *Федерольф*) *Ада Александровна* (1901—1996), подруга, солагерница А.С. Эфрон; до 1949 г. – преподаватель английского языка в Рязанском педагогическом институте, 136, 138, 139
Шлычков Леонид Николаевич (1938—1997), краевед, 195, 205, *239*
Шлычкова Галина Ивановна, педагог, 194
Шмидт Иван Степанович (1848—1897), врач, шуйский уездный предводитель дворянства (1885—1897), 229
Шодчин Антон Николаевич (?—1872), фабрикант, 31, 225
Штейгер А.С., литератор, критик, философ, *80*
Штиглиц Александр Людвигович (1814—1884), барон, управляющий Государственным банком Российской империи (1860—1866), основатель Центрального училища технического рисования в Санкт-Петербурге (1876), *273*
Шуйский Василий Иванович – см.: *Василий IV Шуйский*
Шумов Пётр Иванович (1872—1936), фотохудожник, с 1907 г. жил в Париже, *325*
Шухаев Василий Иванович (1887—1973), художник, один из основателей художественной школы в Париже; с 1920 по 1935 гг. находился в эмиграции. С 1937 по 1947 гг. – в магаданских лагерях, после освобождения жил в Тбилиси, 112
Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1952), писательница, 100
Щетинин Борис Александрович, князь, писатель, учился в 6-й гимназии у Ф.В. Цветаева, *79, 80*
Эдельштейн Михаил Юрьевич (р. 1972), литературовед, 206
Эйнхольм Мария, жительница п. Кясму, *168*
Элюар Гала (ур. *Дьяконова Галина Дмитриевна*, 1894—1982), художница, гимназическая подруга А.И. Цветаевой, жена П. Элюара (1917—1932) и С. Дали (с 1933 г.), 144, *167, 269*
Элюар Поль (подл. имя: *Грендель Эжен-Эмиль-Поль*, 1895—1952), французский поэт-сюрреалист, 144, *167*
Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967), писатель, 109
Эфрон Ариадна Сергеевна (18.09.1912—26.07.1975), литератор, 92, 93, 103, 105—112, 118—121, 123, 124, 126, 129, 132—140, 146, 149, *156, 157—162, 164, 166, 291*
Эфрон Георгий Сергеевич (1.02.1925—7*.07.1944), сын М.И. Цветаевой, 110, 114, 116, 117, 119—122, 124—126, 131—136, 149, *160—164, 291*
Эфрон Елизавета Яковлевна (1885—1976), педагог, режиссер, 131—133, *157, 163—166*
Эфрон Ирина Сергеевна (1917—1920), дочь М.И. Цветаевой, 106, 107, *157*
Эфрон Сергей Яковлевич (1893—1941), литератор, 102—105, 107, 109—111, 114, 115, 118—121, 124, 126, 136, 144, 149, *157, 158, 160, 161, 164*
Эфрон Яков Константинович (1854—1909), народоволец, *157*
Эфрос Абрам Маркович (1888—1954), литературовед, зам. директора ГМИИ (1930-е гг.), 131, 132
Яковлев Дмитрий Андреевич, помещик, *18*
Яншина Виктория, сотрудница Дома-музея Марины Цветаевой, 207, *327*
Ястребов Парфений Васильевич (1850– после 1917), священник, 7

* Даты установлены по косвенным источникам.

Указатель географических названий*

А

Авдотьино (И), 11
Алабино ст., 133
Алабуга, 161
Александров, 29, 34, 143, 197, 206, 224, *237*
Алтай, 90
Америка, 266,
Англия, 51, 90, 194, 244
Андреевское с., 72
Анкундиново д., 17
Аньковский р-н, 180
Афины, 43

Б

Балахонки д., 22, 84
Балино д., 17
Балтийское море, 52
Башкирия, *76*
Беговая ул. (М), *279*
Безымянный овраг (Е), *161*
Белорусская ж.д., 122
Беляницы д., 17, *237*
Беркино д., *235*
Берлин, 47, 109, *287*, *303*
Берсут п., 124
Боголюбово с., 74
Богоявленский монастырь, *161*
Болонья, 41, 194, 253, *254*
Болшево ст., 121, 206
Большая Спасская ул. (М), 152, 261
Борисоглебский пер. (М), 106, 114
Бородинское поле, *307*
Бретань, 119
Брянская губерния, 84
Бряхимов, *161*
Булатово д., 17

В

Ваганьковское кладб. (М), 7, 95
Ваганьковский пер. (М), *76*
Варшава, 40, 41, 67–70, *75*, 153, 216, 243
Васильевское с., *238*
Везувий, *75*
Вергуза р. (Вергаза, Вергоза), 10, *17*, 196, 281, 282, 284, 286
Верхняя Масловка ул. (М), *272*
Верхняя Сыромятническая ул. (М), 269
Владивосток, 85
Владимир, *17*, 29, 34, *35*, 37, 63, 67, 71, 191, 199, *237*, *238*, *287*, *289*, *290*
Владимирская губ., 29, 34, 216, 217, 224, 233, *288*
Вологда, 145
Волхонка ул. (М), 53, *77*, 130, 257, 258, *268*
Воркута, 124
Воронеж, 244
Восток, 50, 56
Вотола д., 270, *272*
Всполье ст., 185, *202*
Вшеноры д., 109, 110
Вязниковский уезд, *287*

Г

Гавр, 121
Галлиполи, 104, 105, *157*
Гаринская дорога (Е), *162*
Генуя, 98
Германия, 40, 51, 59, 61, *75*, 98, 109, 128, 170, 190, 202, 244
Говядово д., *17*, 22, 187
Голицыно ст., 122, *167*
Голландия, 61, 266, *268*
Голчаново д., *17*
Горки д., *202*
Горние Мокропсы д., 109, 110
Гороховецкий уезд, *287*
Горький – см.: Н.-Новгород,
Греция, 43, 244
Гусь-Хрустальный, 47, *76*

Д

Дальний Восток, 145, 177, 182
Дарданеллы, *157*
Дачная 1-я ул. (Т), 274
Диксон, 139
Дон р., 104, *297*
Донское кладб. (М), *298*
Дрезден, 47, 52
Дроздово с., 29–31, *35*, 188, 189, 241, 246, 247
Друйка д., 134
Дубровлаг, 136
Дунай р., 234

---

* Условные сокращения названий городов при названиях улиц, площадей, проспектов и т.п.: (Е) – Елабуга, (И) – Иваново, (М) – Москва, (Т) – Таруса

Е

Европа, 45, 50, 244, *245*
Египет, 47, 244
Екатерининская пл. (М), *155*
Екатеринодар (Краснодар), 104
Елабуга, 124–126, 131, *161*
Енисей р., 136, 139

З

Зап. Двина р., 134
Зап. Европа, 184, 243
Заполярный п., 199
Захарово д., *17*
Звенигород, 144
Зиновьево с., 34, 35
Зубковский двор (И), 181

И

Иваново (Иваново-Вознесенск), 4, 11, 14, *17*, *20*, 24, 33, 34, *36*, 81, 84, 85, 150, 169, 172, 173, 180, 181, 185, 186, 188, 195, 199, *202*, 203, 206, 211, 216, 217, 219, 220, 222, 224–227, 230–232, *237–239*, 241, *245*, 253–255, 270, 272, *273*, 280, 281, 283, 285, *287–291*, *293*, *296*
Ивановская обл., 180
Игнатовское-Знаменское ус., 72
Иланская ст., 185
Иоакиманский погост, 246
Испания, 61, 121, *160*, *165*
Италия, 40–43, 51, 61, 68, *75*, 98, 138, 144, 151, 153, 244, 254
Итуруп о., 163

К

Кавказ, 83, 86, *236*
Кадакес, 167
Кадниково д., *17*, 38
Казань, *167*, *267*
Казахстан, 145
Калининград, *291*
Калуга, 81, 92, *312*
Кама р., 124, *161*
Карачарово с., *35*, *163*, *300*
Кампания провинц., *75*
Кибергино с., *17*
Киев, 41, 83, 243
Китово с., 248
Княж-Погост ст., 123, 135
Ковровский уезд, *287*
Козлов (Мичуринск), 88
Коктебель п., 102, 104, 127, 143, 261, 265
Кокуй руч., *238*
Коломна, 275
Колшево с., *203*
Колымажный двор (М), 46, *76*
Константинополь, 105, 109, *297*
Кранивново с., *17*
Красноярск, 139, *165*, *166*
Красный луг, 10, 11, 14
Кремль (М), 108
Крутицкая ул. (И), *238*
Крым, 51, 88, 95, 143, 144
Кубань р., 104
Кулиги д., *235*
Куликово д., *235*
Кунцево (М), 106
Курский вокз. (М), 274
Кусково (М), *238*
Кясму п., *168*

Л

Лежанка (Средний Егорлыч) станица, 104
Лежнево с., 23, *235*
Лейпциг, 244
Ленинград (см. также Санкт-Петербург), 74, 83, 121, 177, 185, 187, 193, 197, 198, *202*, 209, *299*, *303*, *313*
Леонтьевское кладб. (Яр), *202*
Ликия, *312*
Липовицы д., *17*, *292*, *316*
Лозанна, 99, 120, *160*
Лондон, 47
Лосиноостровская ст., *314*
Лувр, 145, 293

М

Магадан, *17*, *317*
Марс, 117
Марьицыно д., *17*
Матрёнино д., *36*, *78*, *251*
Мессина, 253
Мещёрское п., 81
Мёдон, 115, 144
Мильцево д., *17*
Милютинский пер. (М), 146
Митрофановский погост, 217, *235*
Михалёво д., *17*, 187
Михалёво д. – см.: Панеево
Монмартрское кладб., *157*
Монте-Карло, 119
Моравская Тшебова, 109
Мордовия, 136, 137
Москва, 4, 41, 42, 45–47, 52, 61, 66, 67, 69–71, 74, *75*, 76, 81, 84, 89, 90, 94–97, 100, 103, 104, 112, 119, 120, 122, 125, 131–137, 140, 141, 143–145, 148, 149, 153, *155*, *168*, 172, 175, 176,

188, 196, *203*, 205, 206, 222, 228, 230, 242–244, *245*, 249, 261, 263, 266, *269*, 270, *272*, *273*, 284, *286–291*, *295*, *297*, *298*, *300*, *301*
Москва р., 108
Моховая ул. (М), *307*
Муром, 163, *295*, *300*
Мюнхен, 202
Мясницкая ул. (М), 270, *273*

Н

Неаполь, 47
Нерви, 98, 99
Нерль п., 29
Нерль р., *74*
Нижний Новгород, *17*, 124, *240*, 243, 275
Никольск-Уссурийский (Ворошиловград), 182, 202
Новая Басманная ул. (М), 63
Новая Деревня, *17*, 172
Новодевичий монастырь, 135
Новосёлка с., 34
Новосибирск, 194, 205
Ново-Талицы (Талицкий погост, Николо-Талицы, Новоталицы, Талицы), 3–8, 10, 11, 15, 16, *17–20*, 21–24, 27–29, 31, 33, 34, *35*, *36*, 38, 54, 58, 60, 61, 63, 65, 71, 73, 81, 82, 84, 85, 113, 122, 130, 149–152, *168*, 169–173, 175, 177, 180, 184, 186–197, 199, 201, *203*, 205, 206, 208, 211, 216, 217, 219–224, 227, 228, 231–233, *236*, *237*, 241, 248, 250, 251, 254, 255–259, 261, 262, 266, *267*, 270, 280–283, 285, *287*, *291*, *295*, *296*, *299*, *302*, *304*, *307*, *313*
Новочеркасск, 104
Нью-Йорк, *307*

О

Оголиха д., *235*
Ока р., 138, 140, 273–275, *288*
Орёл, 63, 65–67, 104, 282
Орск, 74
Остоженка ул. (М), 69, 153
Охотское море, *163*

П

Павлово д., *17*
Павлодар, 148
Палаши (М), 102
Палех п., *17*
Панеево, 270, *273*
Париж, 47, 51, 101, 112, 114–116, 120, 121, 151, *157*, *239*, *317*
Парфенон, 49
Переделкино п., 257, 260, 266, *268*
Переславль, *74*
Першино с., 35, 36, 38
Песочное дача, 72
Песочново (Песошново) д., *17*
Петербург– см.: Санкт-Петербург
Петергоф, 104
Пихтовка п., 146
Подольск, 56
Покровка, 183
Покровская ул. (Е), *161*
Поливаново-Кларк ус., 56
Польша, 68, 71, *311*, *313*
Помогалово с., *17*
Поповское д., *35*
Потьма п., 135
Прага, 105, 109

Р

Ракпас ст., 123, 135
Ривьера, 51
Рига, 109, *316*
Рим, 47, *75*
Россия (Русь), 41, 69–71, 103–105, 114–117, *236*, *245*, *251*
Ростов-на-Дону, 104, *316*
Рыбинск, 243
Рыбинское море, 275
Рязань, 136, *316*
Рязанская губерния, *76*

С

Санкт-Петербург (см. также Ленинград), 40, 41, 57, 63, 65, 67, 76, 155, 165, 243, 244, 273, *287*, *291*, *295*, *317*
Святой Елены о., *157*
Сена р., 101
Серпухов, 274
Сибирь, 148, 168, 185, 264, 268, 290, 314
Симы с., *293*, *307*
Сион гора, 235
Сицилия о., 253
Сорренто, 144
СССР, 114, 116, 117, 146, 202
Старый Крым, 143
Стебачёво с., 29, 34, *36*, 189, *203*, 248, 250, *251*
Суздаль, 29, *238*
Суздальский уезд, 29, *287*
Сыктывкар, 123, 124

Т

Талицкий погост – см.: Ново-Талицы,

Талицы с. – см.: Ново-Талицы,
Талицы п., Южского р-на, 191
Таруса, 34, 51, 58, 59, 72–74, 81, 91–93, 99, 101, 127, 138, 140, 141, 145, 146, 166, 205, 206, 235, 264, 271, 273, 274, 275, *288*, *290*
Татария, 124
Ташкент, 131, 132, 135
Тейково, 9, 38, 169, 174, *202*
Тейковский район,
Тернополь, 188
Тифлис (Тбилиси), 119, *317*
Тойма р., *161*
Трёхпрудный пер. (М), 42, 45, 56, 86, 89, 95, 140, 147, *290*
Троицкий монастырь, *161*
Трубниковский пер. (М), 144
Тульская губерния, *80*
Туруханск, 136, 137, 139
Турция, 157

У

Уводь р., 181, 226
Урал, 48
Уфа, *76*, 81, *154*

Ф

Феодосия, 103, 143, *269*
Финляндия, 88
Флоренция, 47
Франция, 51, 61, 92, 111, 113, 116, 119, 138, 244
Фрейбург, 50, 99, 190
Фридриха Энгельса пр. (И), 181

Х

Харьков, 105
Хуторово (И), 6

Ч

Чехия, 109, 116
Чистополь, 124–126, 131
Чуприно д., *235*

Ш

Шарья ст., 85, 281
Шварцвальд, 99
Швейцария, 98, *167*
Шимановская сл., 10, *79*
Шуйский уезд, *35*, 53, 226, *287*, *288*
Шуя, 29, 32–34, *36*, 37, 39, 59, 62, 63, 71, *74*, 81, 130, 169, 189, 217, 220, 221, 228, 229, *238*, *239*, 241, 246, 248, *290*

Э

Эгейское море, *157*
Эстония, 149, 152, *168*, 261, 266
Эгрурия, 56, *313*

Ю

Юрьевский уезд, *287*

Я

Яковлево д. – см.: Яковлевская сл.,
Яковлевская слобода, 10, *18*, 22, 26
Ялта, 99, 102, 153
Япония, 87
Ярославль, *157*, 185, *202*, 216
Ярославский вокз. (М), 272

Условные сокращения

АН	Академия наук
АХ	Академия художеств
БУР	Барак усиленного режима
ВГВ	Владимирские губернские ведомости, газета
ВДС	Владимирская духовная семинария
ВДУ	Владимирское духовное училище
ВЕВ	Владимирские епархиальные ведомости, газета
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГАИО	Государственный архив Ивановской области
Главархив	Главное архивное управление
ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ЕГАФ	Единый государственный архивный фонд
ИвГУ	Ивановский государственный университет
ИТЛ	Исправительно-трудовой лагерь
ЛМИвГУ	Литературный музей ИвГУ
МАМЮ	Московский архив Министерства юстиции
МИСИ	Московский инженерно-строительный институт
Моспрофобр	Московское управление профессионального образования
МОСХ	Московское отделение Союза Художников РСФСР
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ	Объединённое главное политическое управление СССР
ОСО	Особое совещание при ОГПУ
ОШР	Отдельная штрафная рота
ПСС	Полное собрание сочинений
РАН	Российская академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РИПБ	Российская историческая публичная библиотека
РФК	Российский фонд культуры
СД	Стрелковая дивизия
ФЗУ	Школа фабрично-заводского ученичества
ЦГИА	Центральный государственный исторический архив
ШДУ	Шуйское духовное училище
ШПГУ	Шуйский педагогический государственный университет

Список иллюстраций

№ п/п	фотографии и их источники	стр.
1	Талицкий погост. Вид на Николаевскую церковь, колокольню и дом священника. 1920-е годы. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	3
2	Семья Смирновых. 1911. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	6
3	Преподаватели и ученики Талицкой земской школы. 1913–1914. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	7
4	«День белой ромашки», благотворительный праздник сбора пожертвований для борьбы с туберкулёзом". 1913–1914. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	8
5	Сходка у дома дьячка. Агитация в Красную Армию ("На Деникина"). 1919. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	9
6	Река Вергуза. Весенний разлив. 1920-е гг. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	10
7	Николаевская церковь с колокольней. 1916 (1917). Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	11
8	Дом Н.И. Молчанова. 2006. Фото О.К. Переверзева.	13
9	Сосновая аллея бегового парка. 2006. Фото О.К. Переверзева.	14
10	Полянка без грибка. Две аллеи из 12-и. 2006. Фото О.К. Переверзева.	15
11	Свято-Никольский храм и Варваринская церковь. 2006. Фото О.К. Переверзева.	16
12	"Поповский дом". Конец 1920-х гг. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	21
13	"Поповский дом". Вид со стороны Яковлевской слободы. Конец 1920-х гг. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	22
14	А.П. Цветаева. Начало 1920-х гг. Собр. Г.К. Кочетковой	22
15	Надгробие В.В. Цветаева. 1980-е гг. Фото А.В. Ханакова. Собр. Г.К. Кочетковой	23
16	Шкаф-бюро (секретер). 2007. Фото Н.В. Иванова. Фото О.К. Переверзева	24
17	Трюмо. 1980-е гг. Фото А.В. Ханакова. Собр. Г.К. Кочетковой	25
18	Туалетный столик. 1980-е гг. Фото А.А. Ханакова. Собр. Г.К. Кочетковой	26

19	Печь-лежанка. 1980-е гг. Фото А.В. Ханакова. Собр. Г.К. Кочетковой	26
20	Новосёлы на диване. 1929. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	27
21	Журнал «Русский паломник». «Слова ... Иоанна Златоуста». Фото С.А. Кондратьева. Собр. Г.К. Кочетковой	28
22	Церковь Иоанна Богослова (1786). Село Стебачёво. 2007. Собр. О.К. Переверзева	29
23	Воскресенская церковь (1821). Село Дроздово. 1950–1960-е гг. Фото Б.А. Сидорова. Собр. Г.К. Кочетковой	30
24	Село Дроздово. Дом священника. 1950–1960-е гг. Фото Б.А. Сидорова. Собр. Г.К. Кочетковой	30
25	Николаевская церковь (1775), колокольня (1820). 1920-е гг. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	31
26	Протоиерей А.В. Цветаев. ВЕВ. 1884. № 10	35
27	Священник П.В. Цветаев с сыном Сергеем. 12 апреля 1882 г., Шуя. См.: П.В. Цветаев (К 160-летию со дня рождения) / Сост. Е.Н. Молодцова. Иваново: Музей семьи Цветаевых, [2002].	38
28	Иван Владимирович Цветаев. 1870-е гг.	39
29	Варвара Дмитриевна Цветаева	42
30	Андрей и Лёра Цветаевы. Начало 1890-х гг.	42
31	Мария Александровна Цветаева	43
32	Княгиня З.А. Волконская. Художник Ж.-Б. Изабе. 1815. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1959. С. 112–113.	44
33	Архитектор Р.И. Клейн. Художник Дж. Линье. 1890-е гг. *Демская 1983:* 17	45
34	Музей изящных искусств.Парадная лестница без облицовки мрамором. 1904. *Демская 1983:* 23	49
35	Ю.С. Нечаев-Мальцев *в* придворном мундире. Москва. 1912. *Анискович 2004*: 68.	54
36	И.В. Цветаев в мундире почётного опекуна Московского присутствия Опекунского совета с лентой ордена Станислава I степени. Москва. 1912. См.: И.В. Цветаев создаёт музей / Сост. и комм. А.А. Демской и Л.М. Смирновой. Вступ. ст. Л.М. Смирновой. М.: Галат, 1995. С. 407.	54
37	Музей изящных искусств. 1912. *Демская 1983:* 33	55
38	Музей изящных искусств. Римский зал. 1912. *Демская 1983:* 41	55
39	Музей изящных искусств.Фриз "Олимпийские игры". Скульптор Г.Р. Залеман. *Демская 1983:* ...	56

19	Печь-лежанка. 1980-е гг. Фото А.В. Ханакова. Собр. Г.К. Кочетковой	26
20	Новосёлы на диване. 1929. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	27
21	Журнал «Русский паломник». «Слова ... Иоанна Златоуста». Фото С.А. Кондратьева. Собр. Г.К. Кочетковой	28
22	Церковь Иоанна Богослова (1786). Село Стебачёво. 2007. Собр. О.К. Переверзева	29
23	Воскресенская церковь (1821). Село Дроздово. 1950–1960-е гг. Фото Б.А. Сидорова. Собр. Г.К. Кочетковой	30
24	Село Дроздово. Дом священника. 1950–1960-е гг. Фото Б.А. Сидорова. Собр. Г.К. Кочетковой	30
25	Николаевская церковь (1775), колокольня (1820). 1920-е гг. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	31
26	Протоиерей А.В. Цветаев. ВЕВ. 1884. № 10	35
27	Священник П.В. Цветаев с сыном Сергеем. 12 апреля 1882 г., Шуя. См.: П.В. Цветаев (К 160-летию со дня рождения) / Сост. Е.Н. Молодцова. Иваново: Музей семьи Цветаевых, [2002].	38
28	Иван Владимирович Цветаев. 1870-е гг.	39
29	Варвара Дмитриевна Цветаева	42
30	Андрей и Лёра Цветаевы. Начало 1890-х гг.	42
31	Мария Александровна Цветаева	43
32	Княгиня З.А. Волконская. Художник Ж.-Б. Изабе. 1815. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1959. С. 112–113.	44
33	Архитектор Р.И. Клейн. Художник Дж. Линье. 1890-е гг. *Демская 1983:* 17	45
34	Музей изящных искусств.Парадная лестница без облицовки мрамором. 1904. *Демская 1983:* 23	49
35	Ю.С. Нечаев-Мальцев *в* придворном мундире. Москва. 1912. *Аниськович 2004*: 68.	54
36	И.В. Цветаев в мундире почётного опекуна Московского присутствия Опекунского совета. Москва. 1912. См.: И.В. Цветаев создаёт музей / Сост. и комм. А.А. Демской и Л.М. Смирновой. Вступ. ст. Л.М. Смирновой. М.: Галат, 1995. С. 107.	54
37	Музей изящных искусств. 1912. *Демская 1983:* 33	55
38	Музей изящных искусств. Римский зал. 1912. *Демская 1983:* 41	55
39	Музей изящных искусств.Фриз "Олимпийские игры". Скульптор Г.Р. Залеман. *Демская 1983:* ...	56

40	Сборник воспоминаний о Ф.В. Цветаеве, выпущенный к годовщине его смерти. РГБ.	62
41	Фёдор Владимирович Цветаев. Семья Цветаевых: Набор открыток. Иваново, 200...	63
42	Братья Цветаевы, Дмитрий и Иван Владимировичи. Москва. 1900-е гг. *Фотолетопись 2000*: 28	68
43	Курс лекций И.В. Цветаева, подаренный Д.В. Цветаевым в библиотеку Румянцевского музея в 1918 г. РГБ.	70
44	Эскиз дворянского герба Цветаевых. *Лебедева 1998*: 3	72
45	Семья Цветаевыхв Тарусе на даче "Песочное". 1902. *Цветаева А. 2005*: 320–321.	73
46	Семья И.В. Цветаева. Талицы. Июнь 1901 г. Семья Цветаевых: Набор открыток. Иваново, 2000.	82
47	В.И. Цветаев с сыном Юрием. 1910-е гг. Собр. Г.К. Кочетковой	82
48	Юрий Владимирович Цветаев. Собр. Г.К. Кочетковой	83
49	А.П. Цветаева с мужем, Н.С. Воронским. Москва. 1915. Собр. Г.К. Кочетковой	84
50	Н.Н. Киселёв. 1931. Собр. Г.Н. Шингарёвой	85
51	Т.Н. Киселёва. Собр. Г.К. Кочетковой	85
52	Валерия Цветаева. *Анискович 2004*: 121	87
53	С.И. Шевлягин. *Анискович 2004*: 136	90
54	И.В. Цветаев с сыном Андреем. 1909. *Фотолетопись 2000*: 32	94
55	Инна Андреевна Цветаева. *Анискович 2004*: 205	96
56	Ася Цветаева, Володя Миллер, во втором ряду – Марина Цветаева. Нерви. 1903. *Фотолетопись 2000*: 22	98
57	Анастасия и Марина Цветаевы. Ялта. 1905. *Фотолетопись 2000*: 26	99
58	С. Эфрон и М. Цветаева. Декабрь 1912 г. *Фотолетопись 2000*: 56	103
59	Аля и Ирина Эфрон. Москва. 1919. *Фотолетопись 2000*: 122	106
60	М. Цветаева, С. Эфрон и Аля. Чехия. Горнис Мокропсы. 1922. *Эфрон А. 1996*: 192–193	110
61	Аля и Марина Ивановна. Париж. 1925. Фото П. Шумова. *Фотолетопись 2000*: 186	111
62	Мур. Начало 1930-х годов. Рисунок Ариадны Эфрон. *Фотолетопись 2000*: 221	112
63	М. Цветаева. Прага. 1924. *Фотолетопись 2000*: 149	113

64	Проводы А. Эфрон в СССР на вокзале в Париже. 15 марта 1937 г. *Эфрон А. 1996:* 192–193	120
65	М. Цветаева. 1940. *Фотолетопись 2000*: 295	123
66	Г.С. Эфрон. Чистополь. 11 сентября 1941 г. *Эфрон А. 1996:* 256–257	131
67	А.С. Эфрон. Лагерная фотография. Пос. Потьма (Мордовская АССР). 1946–1947. *Эфрон А. 1996:* 256–257	135
68	Валерия Цветаева с сёстрами Асей и Мариной. *Безо всякого вознаграждения 2005:* 180–181	141
69	Анастасия Цветаева. Коктебель. 1912. Фото М. Волошина. *Фотолетопись 2000*: 50	142
70	Б.Л. Пастернак. 1950-е гг. *Цветаева А.* Неисчерпаемое. М.: Отечество, 1992.	148
71	А.И. Цветаева. 19 июня 1980 г. Ново-Талицы. Фото М.Б. Аксенено-ко. Собр. Г.К. Кочстковой	150
72	Семья Смирновых. 1929. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	170
73	Нижний ярус колокольни Николаевской церкви. 1957. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	172
74	Александра Кириллова в гимназической форме, с журналом "Новое слово". 1907. Собр. Г.К. Кочетковой	173
75	К.П. и А.В. Смирновы. Иваново-Вознесенск. 1910. Фото М.А. Мищенко	174
76	Приусадебный участок Смирновых. 1930-е гг. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	175
77	Могилы К.П., А.В. и Н.К. Смирновых. Ново-Талицы. Сельское кладбище. 2007. Фото О.К. Переверзева	180
78	Г. Смирнова в лётчицком шлеме, со значком «Отличный парашютист». Начало 1930-х гг. Собр. Г.К. Кочетковой	181
79	Семья Смирновых. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	182
80	Мобилизация коней. Ново-Талицы. Зима 1941–1942 гг. Собр. Г.К. Кочетковой	184
81	Запись И.В. Цветаева от 20 мая 1905 г. в книге «Опись церковного имущества Николаевской церкви». Фото С.Л. Кондратьева. ГАИО	189
82	Учительница Талицкой школы Л.С. Жерякова с красными следопытами. Музей Ново-Талицкой средней школы	190
83	Н.Н. Киселёва, Р.Л. Зайцева, Ю.В. Цветаев, Г.К. Кочеткова и др. 1982. Собр. Г.К. Кочетковой	191

84	Учебник С. Смарагдова «Руководство к познанию Древней истории» (1842) «ученика низшего 2-го отделения <ВДС> Ивана Цветаева». Собр. Г.К. Кочетковой	192
85	Профессор П.В. Куприяновский открывает мемориальную доску на доме Цветаевых. 18 октября 1987 г. Собр. Г.К. Кочетковой	193
86	Друзья дома Цветаевых. 1986 (1987?). Фото А.В. Ханакова. Собр. Г.К. Кочетковой	194
87	Страница из журнала для посетителей музея	199
88	Дом Цветаевых. Вид со двора. Зима 1988—1989 гг. Собр. Г.К. Кочетковой	200
89	После сноса дома. 1992. Собр. Г.К. Кочетковой	201
90	Открытие Бальмонтовско-Цветаевских чтений в ИвГУ. Сентябрь 1994 г.	206
91	Открытие Дома-музея семьи Цветаевых. 18 мая 1995 г. Фото В. Яшиной. Собр. Г.К. Кочетковой	207
92	Дом-музей семьи Цветаевых 18 мая 1995 г. Фото И.И. Дынина	208
93	Николаевская церковь. Талицкий погост. 1910-е гг. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	216
94	Ново-Талицы. Бывшая земская школа. 1920-е гг. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	228
95	Мост через р. Вергузу. 1920-е гг. Фото К.П. Смирнова. Собр. Г.К. Кочетковой	234
96	И.В. Цветаев. Автобиография. Ксерокопия. ГАИО	242
97	И.В. Цветаев. Фото, присланное Д.Г. Бурылину. Ксерокопия. ГАИО	244
98	Запись в метрической книге о рождении Николая Цветаева. Фото С.А. Кондратьева. ГАИО	246
99	Запись в метрической книге о смерти К.И. Бальмонта. Фото С.А. Кондратьева. ГАИО	247
100	Запись в метрической книге о рождении И.В. Цветаева. Фото С.А. Кондратьева. ГАИО	247
101	Запись в книге «Ведомость о церкви» о вкладе Ф.В. Цветаева. Фото С.А. Кондратьева. ГАИО	249
102	Запись в книге «Ведомость о церкви» о вкладе П.В. Цветаева. Фото С.А. Кондратьева. ГАИО	250
103	Условие. Собр. Г.К. Кочетковой	252-253
104	Приветствие А.И. Цветаевой Пятым Цветаевским чтениям. Собр. Г.К. Кочетковой	259

Оглавление

От автора 4

Глава I. Старые Талицы 6

Глава II. Дом Цветаевых. Отец 21

Глава III. Дети 37

Глава IV. Внуки 81

Глава V. Вторая жизнь дома 169

После книги. *Послесловие редактора* 205

Приложение

Цветаев И.В. Слово на день Иоанна Богослова 212

Прежде и теперь 216

Письмо Д.Г. Бурылину 241

Автобиография 241

Записи в метрических книгах Воскресенской церкви с. Дроздово 246

Вклады Цветаевых в ризницу Николаевской церкви 248

Условие 251

Лонго А.П. Письмо Г.К. Кочетковой 253

Цветаева А.И. Письмо городу Иванову 255

Приветствия Цветаевским чтениям в с. Ново-Талицы 256

Кочеткова Г.К. Встречи с А.И. Цветаевой в Москве 261

Воспоминания о встрече с художником А.И. Морозовым 269

Из переписки В.И. Цветаевой с А.И. Морозовым 273

Жохов М.А. Письма к Г.К. Кочетковой 280

Библиография 287

Указатель имён 292
Указатель географических названий 318
Условные сокращения 322
Список иллюстраций 323

80-00

Галина Константиновна Кочеткова

ДОМ ЦВЕТАЕВЫХ

Изд. 2-е, доп. и перераб.

Главный редактор Т.В. Ефимова

Редактор О. В. Епишева

Художник Е.А.Мареева

Компьютерная вёрстка О. В. Епишева, Т. В. Ефимова, Е. А. Мареева

Подписано в печать 24.12.2007 г.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Petersburg»
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Референт», 153000, Иваново, ул. Садовая, 30, оф. 35, 36
Тел./факс: (4932) 40-55-32, e-mail: office@ivreferent.ru

Отпечатано в типографии Ивановского энергоколледжа
153025, г. Иваново, ул. Ермака, 41

Список замеченных опечаток

№	*Стр.*	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
1.	203	21 св.	Ивановна	<Ивановна>
2.	237	9 сн.	1811	1802
3.	307	9 св.	В. Н. Фридгель	В. Н. Фридгельм
4.	312	10 сн.	Фридгель	Фридгельм...
5.	320	29 св.	Рыбинск, 243	Рыбинск, 243, 308
6.	325	***ТЕКСТ СТРАНИЦЫ АННУЛИРОВАТЬ***		
7.	327	2 сн.	Приветствие Пятым...	Приветствие... Шестым...
8.	329	10 св.	*Цветаев И. В.* Слово...	*о. Владимир Цветаев.* Слово...
9.	329	11 св.	Прежде...	*Цветаев И. В.* Прежде...

ДОПОЛНЕНИЕ

Продолжение текста на стр. 328

105	Анастасия Цветаева с правнучкой Олей Мещёрской. Фото И. Пальмина. Собр. Г.К. Кочетковой	263
106	А. Цветаева с правнучкой Олей Мещёрской. Дарственная надпись на обороте фотографии. Собр. Г.К. Кочетковой	264
107	А.И. Морозов. *Морозов 2006*: 72—73	272
108	М.А. Жохов. 1931. Собр. Г.Н. Шингарёвой	282
109	Дорожный указатель. Фото Н. В. Иванова	